Великая реформа.

19 февраля

1861.

1911.

06 +ЭК

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ УЧЕБНАГО ОТДѢЛА
О. Р. Т. З.
Редакція А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА, С. П. МЕЛЬГУНОВА, В. И. ПИЧЕТА.

Великая реформа.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО и КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ.

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ.

Томъ II.

512397

Установа адукацыі
"Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П. М. Машэрава"
БІБЛІЯТЭКА

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

63.3(2)5
В27

ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

В. П. Алексѣевъ, В. И. Анисимовъ, Н. Ѳ. Анненскій, акад. К. К. Арсеньевъ, В. П. Батуринскій, П. Д. Боборыкинъ, В. А. Боголюбовъ, проф. М. М. Богословскій, В. Я. Богучарскій, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, И. П. Бѣлоконскій, Н. П. Василенко, Е. И. Вишняковъ, прив.-доц. А. Э. Вормсъ, Ч. Вѣтринскій, А. М. Гнѣвушевъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, А. К. Дживелеговъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, Е. А. Ефимова, Д. А. Жариновъ, П. А. Зеленый, И. И. Игнатовичъ, И. Н. Игнатовъ, И. М. Катаевъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, прив.-доц. М. В. Клочковъ, С. А. Князьковъ, акад. А. Ѳ. Кони, А. А. Корниловъ, В. П. Кранихфельдъ, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, акад. А. С. Лаппо-Данилевскій, А. А. Леонтьевъ, В. Н. Линдъ, проф. А. С. Лыкошинъ, проф. М. К. Любавскій, проф. А. А. Мануиловъ, С. П. Мельгуновъ, Ѳ. Ѳ. Нелидовъ, В. П. Обнинскій, прив.-доц. В. И. Пичета, А. З. Попельницкій, И. И. Поповъ, С. Н. Прокоповичъ, прив.-доц. А. Е. Пѣсняковъ, А. В. Пѣшехоновъ, В. А. Розенбергъ, Н. С. Русановъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. В. И. Семевскій, Н. П. Сидоровъ, И. М. Соловьевъ, В. Н. Сторожевъ, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, кн. О. Н. Трубецкая, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, В. Я. Улановъ, С. В. Фарфаровскій, кн. Д. И. Шаховской, проф. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1911.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція, продолжая свою работу надъ подборомъ иллюстрацій къ «Великой реформѣ», попрежнему встрѣчала самое предупредительное отношеніе со стороны лицъ и учрежденій, имѣющихъ возможность прійти ей на помощь. Сверхъ лицъ, перечисленныхъ въ предисловіи къ т. I, редакція считаетъ долгомъ выразить свою признательность въ особенности администраціи Румянцевскаго Музея въ лицѣ Г. П. Георгіевскаго, Ю. В. Готье, Н. И. Романова и Н. А. Янчука, помогавшихъ ей въ розыскахъ, Комиссіи Педагогическаго Музея Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З., А. М. Васютинскому, М. А. Рейснеру за сообщеніе нѣкоторыхъ рисунковъ и еще разъ подчеркнуть чрезвычайную внимательность къ редакціи завѣдующаго библіотекой Ист. Музея, А. И. Станкевича, цѣнными указаніями котораго редакціи приходится пользоваться непрерывно.

Кромѣ источниковъ и книгъ, указанныхъ въ общемъ объясненіи къ иллюстраціямъ, редакція для нѣкоторыхъ снимковъ воспользовалась работами Шильдера объ Александрѣ I и Николаѣ I, нѣкоторыми рисунками, помѣщенными въ журналѣ «Міръ Искусства», въ историческихъ журналахъ («Русск. Стар.», «Русск. Арх.», «Ист. Вѣстн.») и въ серіи изданій «Русской Были». Два вида Архангельскаго взяты изъ изданія «Москва въ ея прошломъ и настоящемъ» («Образованія»). Портретъ гр. Орлова, помѣщенный въ I т., сдѣланъ Эриксеномъ.

По просьбѣ автора редакція оговариваетъ, что статья В. Н. Сторожева въ I т. появилась въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

Помѣщичьи крестьяне въ Великороссіи XVIII в.

Прив.-доц. В. И. Пичета.

раво рабовладѣнія. Въ половинѣ XVIII вѣка право землевладѣнія и тѣсно соединеннаго съ нимъ рабовладѣнія стало достояніемъ исключительно только одного благороднаго дворянства. Правительство, стоя на стражѣ сословныхъ интересовъ, рядомъ законодательныхъ мѣръ запретительнаго характера, по отношенію къ лицамъ другихъ сословій, лишало послѣднихъ права землевладѣнія. Конечно, дѣлалось это исподволь, но правительственныя мѣропріятія становились опредѣленнѣе и настойчивѣе по мѣрѣ роста привилегій дворянскаго сословія и увеличенія его роли въ соціально-политической жизни страны. Аннѣ Ивановнѣ пришлось только ограничиться категорическимъ подтвержденіемъ, чтобы боярскіе люди и монастырскіе слуги и крестьяне не пріобрѣтали населенныхъ имѣній; такія имѣнія велѣно продать въ полгода (указъ 25 октября 1730 года). По всей вѣроятности, указъ имѣлъ незначительное практическое примѣненіе, ибо понадобилось изданіе новаго указа, тождественнаго по своему содержанію съ первымъ. Изданъ онъ былъ сравнительно не скоро, только при Елизаветѣ Петровнѣ—14 марта 1746 года Имъ попрежнему предписывалось, чтобы „впредь купечеству, и архіерейскимъ, и монастырскимъ слугамъ, и боярскимъ людямъ, и крестьянамъ, и написаннымъ къ купечеству въ цехъ, такожъ казакамъ и ямщикамъ и прочимъ разночинцамъ, состоящимъ въ подушномъ окладѣ (кромѣ тѣхъ, кому

по уложенію и по указамъ помѣстія и вотчины и крѣпостныхъ людей имѣть велѣно), людей и крестьянъ съ землями и безъ земель покупать во всемъ государствѣ запретить и крѣпостей онымъ нигдѣ не писать". Правительственныя распоряженія теперь не были только теоретическимъ заявленіемъ опредѣленнаго принципа, и когда происходило генеральное межеваніе въ 1754 году, то по инструкціи требовалась отписка на государя всѣхъ имѣній, пріобрѣтенныхъ до 1730 года и не проданныхъ въ полугодовой срокъ: „у купцовъ, монастырскихъ слугъ, боярскихъ людей, дворцовыхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ и приказныхъ служителей, не имѣющихъ оберъ-офицерскаго ранга и не изъ дворянъ; а также и у ихъ женъ, хотя бы онѣ происходили изъ дворянства". Строгое примѣненіе въ жизни правилъ межевой инструкціи уничтожило бы недворянское землевладѣніе, но, очевидно, дѣйствительность создавала кое-какія тренія, разъ то же правительство, спустя 4 года, поспѣшило напомнить о правилахъ, изданныхъ по государственному межеванію земель. Впрочемъ, и послѣ межеванія встрѣчались недворяне-землевладѣльцы, такъ какъ правительство не рѣшилось наложить свою руку на земельныя владѣнія нѣкоторыхъ второстепенныхъ чиновниковъ, предки которыхъ владѣли деревнями по писцовымъ и переписнымъ книгамъ. Помимо этого, въ качествѣ историческаго анахронизма, право владѣнія пожалованными землями сохранилось за смоленскими купцами и мѣщанами. Когда Смоленскъ отошелъ къ Москвѣ послѣ 1667 года, русскому правительству пришлось оставить за мѣстнымъ населеніемъ всѣ пожалованія польскихъ королей временъ Сигизмунда III и Владислава IV, ради привлеченія смолянъ на свою сторону.

Крестьянинъ на молотьбѣ. (Le Prince).

Такой же опредѣленной тенденціи держалось правительство и въ вопросѣ о пріобрѣтеніи крестьянъ безъ земли. Въ XVII в. право владѣнія холопами не было регулировано закономъ, и разнообразные общественные элементы довольно широко пользовались трудомъ своихъ крѣпостныхъ слугъ. И петровское законодательство въ эпоху первой ревизіи считалось только съ налич-

ностью многочисленнаго холопства, не подымая вопроса о правѣ владѣнія ими. Но такое снисходительное отношеніе, конечно, не могло продолжаться долго. Разъ земельный капиталъ и привязанныя къ нему рабочія руки сосредоточились только въ рукахъ одного сословія, то такая же судьба должна была постигнуть и право владѣнія и пріобрѣтенія крестьянъ безъ земли лицами недворянскаго происхожденія. Дворянство въ XVIII вѣкѣ уже боялось соперничества торгово-промышленнаго класса. Предоставленіе права пріобрѣтать крестьянъ безъ земли лицамъ недворянскаго происхожденія усилило бы купеческое сословіе, которое посредствомъ покупки крестьянъ у помѣщиковъ средняго и мелкаго достатка пріобрѣло бы нужный для него контингентъ рабочихъ рукъ для болѣе планомѣрнаго расширенія своей торгово-промышленной дѣятельности. Правительство и въ этомъ вопросѣ пошло навстрѣчу дворянскому сословію, запретивъ рядомъ указовъ лицамъ недворянскаго происхожденія пріобрѣтать крестьянъ безъ земли. Впрочемъ, и тутъ приходилось дѣлать нѣкоторыя исключенія изъ общаго правила: право владѣнія дворовыми людьми попрежнему сохранялось за посадскими, кузнецами и другими цеховыми мастерами, за которыми дворовые люди были записаны въ первую ревизію. По желанію, ихъ можно было записывать и въ списки второй ревизіи (указъ 1746 года). Но дворовые и крестьяне, купленные послѣ первой ревизіи, не могли быть записанными за посадскими и мастеровыми, и, по инструкціи ревизорамъ, они отбирались и записывались въ посады, цехи, на государевы земли, заводы, фабрики и за помѣщиками, лишь бы только принявшіе къ себѣ платили за нихъ подушную подать. Результатомъ всей этой узко-сословной законодательной политики было то, что ко времени Екатерины II земельное и безземельное рабовладѣніе стало привилегіей потомственнаго дворянства [1]).

Старая крестьянка. (Le Prince).

[1]) Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что заинтересованныя въ рабовладѣніи лица на практикѣ находили способы обхода законодательства для пріобрѣтенія нужныхъ имъ крѣпостныхъ слугъ. Такой способъ былъ выгоденъ для нѣкоторой части дворянства, продававшихъ крестьянъ по высокой цѣнѣ.

Крѣпостное право и ревизіи. Въ продолженіе всего XVIII вѣка общее количество крѣпостныхъ крестьянъ непрерывно увеличивается. Лучшимъ показателемъ этого роста являются данныя генеральныхъ ревизій, произведенныхъ правительствомъ 4 раза послѣ петровской ревизіи. Точное количество крѣпостныхъ крестьянъ во время первой ревизіи неизвѣстно, вслѣдствіе чего нельзя сказать ничего опредѣленнаго о величинѣ крѣпостного населенія въ періодъ отъ 1724 года до времени второй ревизіи (1743—1746 г.). По всей вѣроятности, ко времени второй ревизіи крѣпостное населеніе пошло на убыль въ сравненіи съ первой ревизіей, такъ какъ вообще замѣчается общая убыль населенія съ 1719 по 1741 г. Если считать, что во второй ревизіи въ Великороссіи и Сибири было около $3^1/_2$ милл. душъ мужского пола, то ко времени пятой ревизіи въ тѣхъ же мѣстностяхъ было крѣпостныхъ 5.700.465 д. мужского пола. По всей вѣроятности, эти цифры необходимо немного увеличить, такъ какъ при подачѣ ревизскихъ сказокъ владѣльцы скрывали отъ правительства дѣйствительное число крѣпостныхъ, и притомъ не мало изъ крѣпостныхъ находились въ бѣгахъ и не могли быть записаны въ сказки.

Во всякомъ случаѣ къ концу вѣка абсолютная численность крѣпостной массы увеличилась, хотя въ отношеніи всего сельскаго населенія незамѣтно увеличенія, а процентъ крѣпостныхъ крестьянъ остается на одномъ уровнѣ въ періодъ четырехъ ревизій, равняясь 53,7%—53,1%. На увеличеніе % крѣпостныхъ крестьянъ въ Великороссіи и Сибири не могли повліять многочисленныя Екатерининскія пожалованія, розданныя по преимуществу за предѣлами Великороссіи.

Принадлежность къ крѣпостному состоянію опредѣлялась записью въ помѣщичьи ревизскія сказки. Если, съ одной стороны, подача ихъ была непріятна помѣщикамъ, такъ какъ ими опредѣлялись размѣры подушной подати, падавшей на помѣщичье имѣніе, то, съ другой стороны, при составленіи ихъ помѣщики старались записать туда возможно большее количество лицъ свободныхъ состояній, терявшихъ съ этого времени свою свободу. Встрѣчались примѣры, когда помѣщики по враждѣ записывали въ податные списки своихъ родственниковъ. Со времени второй ревизіи записью въ ревизскія сказки закрѣпощались оставшіеся за штатомъ причетники съ дѣтьми и дѣти находившихся на службѣ священно-служителей. Такая же судьба постигала и свободную сторону, вступившую въ бракъ съ лицомъ несвободнаго состоянія, вольноотпущенныхъ, незаконнорожденныхъ, дѣтей отставныхъ солдатъ, взятыхъ на службу изъ помѣщичьихъ деревень и потомъ вернувшихся на родину. Купленные восточные инородцы записывались въ тѣ же сказки. Туда же попадали военноплѣнные, разнаго рода бунтовщики и населеніе пожалованныхъ имѣній. Но всѣ эти общественные элементы, по существу, лишь составляли добавочное крѣпостное населеніе. Основнымъ его ядромъ были потомственно-крѣпостные крестьяне.

Территоріальное распредѣленіе крѣпостного населенія. Распредѣленіе крѣпостной массы по территоріи было крайне неравномѣрно, и уже въ XVIII вѣкѣ кое-гдѣ замѣчалось несоотвѣтствіе плотности крѣпостного населенія и производительности земли: гдѣ земля была менѣе плодородна, тамъ плотность оказывалась наиболѣе значительной; гдѣ же почвенныя условія были болѣе благопріятны, тамъ крѣпостное населеніе было относительно рѣдкое. Для XVIII вѣка такое несоотвѣтствіе плотности населенія производительнымъ силамъ земли еще не имѣло большого значенія, вслѣдствіе слабаго развитія товарообмѣна въ странѣ, хотя въ слабой степени все-таки сказалось на мѣстностяхъ, близкихъ къ сельско-хозяйственному рынку. Основное ядро крѣпостного населенія жило въ современной центральной Россіи. По даннымъ третьей ревизіи въ тогдашней Московской губерніи, состоявшей изъ нѣсколькихъ современныхъ, было крѣпостныхъ 72%; въ общей сложности тутъ помѣстилось 38% всего крѣпостного населенія Великороссіи. По мѣрѣ удаленія отъ этой губерніи на востокъ, югъ и сѣверъ падалъ % крѣпостного населенія, спускаясь до 15% въ Петербургской губерніи. Административное дѣленіе 1775 г. даетъ возможность еще точнѣе представить картину территоріальнаго распредѣленія крѣпостного населенія. Въ отдѣльныхъ губерніяхъ % крѣпостного населенія подымается до 83%, но зато еще болѣе отчетливо представляется паденіе % крѣпостныхъ отъ центральной Россіи: такъ, въ Тамбовской — 45%, Пензенской — 51%, Орловской — 68%, Курской и Воронежской — 47%, Уфимской — 21%, Казанской — 18%, Олонецкой — 6%, Вятской — 2%.

Валдайскій крестьянинъ (Изъ книги The Costum of the Russian, Lond. 1804).

Помѣщичье хозяйство и повинности крестьянъ. Экономическій бытъ крѣпостного крестьянства складывался въ зависимости отъ тѣхъ условій, въ которыхъ развивалось помѣщичье хозяйство. Въ этомъ отношеніи условія его далеко не одинаковы для первой и второй половины XVIII вѣка. Послѣ средины вѣка въ экономическомъ развитіи страны замѣчалось рѣзкое движеніе впередъ, сопровождавшееся разложеніемъ натурально-хозяйственнаго строя, значительнымъ увеличеніемъ внутренняго и внѣшняго товарообмѣна, ростомъ

крупной промышленности и увеличеніемъ экономическаго значенія городовъ и городскихъ рынковъ, несмотря на крайне неблагопріятное условіе для подъема торгово-промышленной жизни города XVIII вѣка. Конечно, всѣ эти явленія, столь рѣзко бросавшіяся въ глаза при изученіи хозяйственнаго строя и экономическихъ отношеній въ XVIII вѣкѣ, являлись только дальнѣйшими ступенями въ разложеніи первобытнаго по структурѣ хозяйства, съ примитивными техническими пріемами. Уже во второй половинѣ XVI вѣка можно подмѣтить факты, говорящіе о переломѣ въ хозяйственной жизни XVI вѣка. Паденіе цѣнности денегъ и замѣна натуральныхъ податей денежными, а въ связи съ этими явленіями ростъ крѣпостного права, задолженность крупнаго землевладѣнія и сравнительно быстрая мобилизація земельной собственности указывали на разложеніе стараго натуральнаго хозяйства. Конечно, появленію новыхъ экономическихъ формъ и отношеній во многомъ содѣйствовало возникновеніе крупнаго внѣшняго рынка, благодаря завязавшимся во второй половинѣ XVI вѣка торговымъ сношеніямъ съ англичанами. Экономически отсталая страна могла поставлять на рынокъ только продукты добывающей промышленности и, въ частности, сельскаго хозяйства.

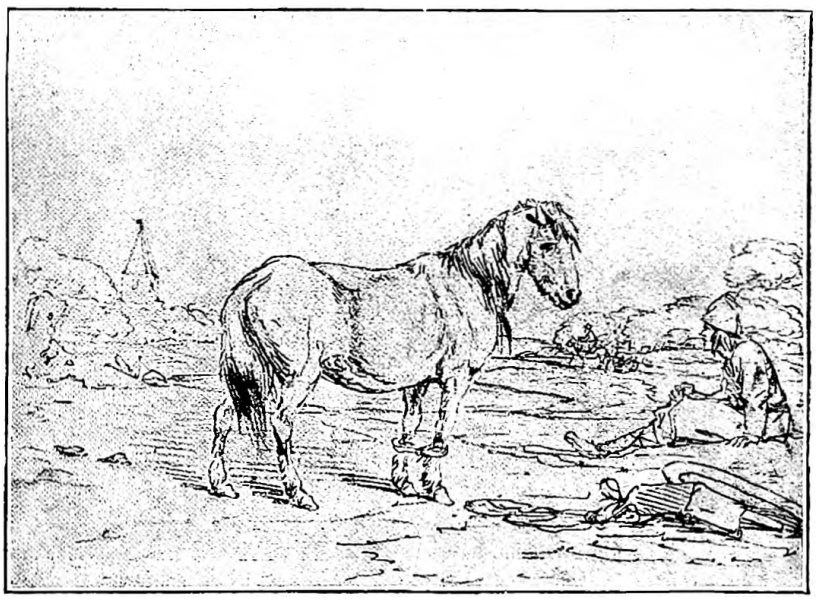
Конечно, въ этомъ товарообмѣнѣ могли принять участіе только мѣстности, наиболѣе близкія къ рынку. Торговля велась черезъ Архангельскъ; поэтому въ торговый оборотъ были вовлечены мѣстности къ сѣверу отъ Москвы, съ мало благопріятными для развитія земледѣльческой культуры почвенными и климатическими условіями. И тѣмъ не менѣе, здѣсь на нечерноземной полосѣ, несмотря на малоблагопріятныя условія, сельско-хозяйственная культура, съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ, пустила глубокіе корни.

Предметомъ внѣшней торговли служили не только хлѣбъ, но и другіе виды сельско-хозяйственной культуры—техническія растенія: ленъ, конопля, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя мѣстности въ нечерноземной полосѣ были особенно благопріятны для культуры льна и конопли. Въ зависимости отъ внѣшняго рынка формируется и внутренній сельско-хозяйственный рынокъ. Москва, бывшая въ центрѣ этого хозяйственнаго подъема, становится крупнѣйшимъ торговымъ центромъ [1]). Вмѣстѣ съ этимъ сельско-хозяйственная культура постепенно распространяется къ югу отъ Москвы, куда изъ южныхъ областей экспортируется огромное количество хлѣба.

Въ XVII вѣкѣ районъ сельско-хозяйственнаго рынка сталъ еще шире. Благодаря государственной и народной колонизаціи населенная территорія значительно увеличилась на востокѣ и юго-востокѣ. Мало-по-малу мѣстности съ болѣе плодородной почвой втягивались въ кругъ сельско-хозяйственнаго товарообмѣна. Впрочемъ, отдаленность отъ Москвы препятствовала этимъ мѣстностямъ принять болѣе интенсивное участіе въ возникшемъ товаро-

[1]) Рожковъ, «Сельское хозяйство въ Московской Руси», стр. 280.

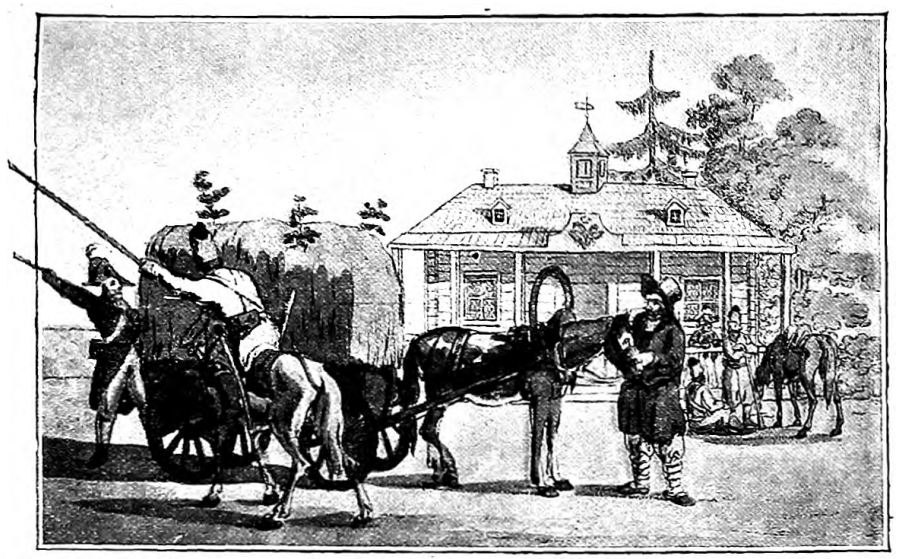
обмѣнѣ, и сельско-хозяйственная культура въ XVI—XVII вв. развивалась по преимуществу въ нечерноземной полосѣ. Было бы неправильно представлять себѣ, будто въ XVII вѣкѣ не было мѣстныхъ рынковъ для земледѣльческихъ продуктовъ. Прежде всего въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ доминировало скотоводство, не хватало хлѣба, и его приходилось привозить изъ другихъ мѣстностей. Затѣмъ сформированіе такого крупнаго сельскохозяйственнаго рынка, какъ Москва, вызвало сильное движеніе отъ центра къ периферіи. Скупщики хлѣба и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ отправлялись въ мѣста ихъ производства; тамъ и возникали свои мѣстные торги, куда населеніе свозило хлѣбъ. Такъ, въ XVII в. крупнѣйшимъ хлѣбнымъ рынкомъ сталъ Нижній-Новгородъ, откуда уже увозили хлѣбъ въ сѣверныя области. Конечно, образованіе юго-восточнаго рынка окончательно лишило значенія Ярославль, имѣвшій огромное значеніе въ XVI в., какъ центръ всякаго рода сельско-хозяйственныхъ операцій. На мѣстный торгъ привозили не только хлѣбъ для продажи оптовымъ покупателямъ; торговали здѣсь и въ розницу разными предметами сельскаго хозяйства. По таможеннымъ грамотамъ видно, что тутъ продавались: коровы, бараны, соль, гуси, утки, поросята яйца, горохъ, толокно, медъ, хмель, конопля... Не надо, конечно, преувеличивать степень его развитія. Въ условіяхъ развитія сельско-хозяйственнаго рынка тогда было очень много неблагопріятнаго: плохія дороги, неустойчивость хлѣбныхъ цѣнъ, внутреннія таможни; наконецъ развитіе крѣпостного права съ его первоначально замкнутымъ хозяйствомъ—все это не могло не тормозить начавшагося въ странѣ торговаго движенія.



На пашнѣ XVIII в. (Аткинсонъ).

Экономическая жизнь первой четверти XVIII вѣка характеризуется новыми явленіями: съ одной стороны, измѣняется направленіе внѣшней торговли, благодаря принудительному курсу торговли на Петербургъ; съ другой стороны, въ странѣ принимаютъ рядъ мѣръ къ развитію крупной промышленности, фабрикаты которой до сихъ поръ покупались на Западѣ.

Намъ нѣтъ нужды касаться вопроса о генезисѣ крупнаго производства при Петрѣ и объ отношеніи его къ торговому капиталу XVII вѣка [1]). Нѣтъ также необходимости въ изученіи тѣхъ условій, которыя тормозили или толкали впередъ наше крупное производство. Во всякомъ случаѣ, одно очевидно, что во второй половинѣ XVIII вѣка наша крупная промышленность быстро шагнула впередъ. При вступленіи Екатерины II считалось всего 984 фабрикъ и заводовъ, а въ годъ ея смерти—3.161 [2]). И развитіе крупнаго производства и перемѣны въ направленіи торговыхъ путей имѣли большое значеніе для сельско-хозяйственнаго рынка. Диференціація города и деревни уже намѣчалась въ XVII в.; въ XVIII вѣкѣ этотъ процессъ развивается въ томъ же направленіи, и нѣкоторые промышленные города провели рѣзкую демарка-



Крестьяне съ сѣномъ у городской заставы. (Gruber).

ціонную черту, отдѣлявшую ихъ отъ деревни. Города стали центрами обрабатывающей промышленности; населеніе принимаетъ дѣятельное участіе въ торгово-промышленной жизни города, деревня попрежнему оставалась лабораторіей производства сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Городъ и деревня, какъ двѣ разныя экономическія категоріи, оказываются тѣсно связанными. Городъ сталъ постояннымъ рынкомъ, куда деревня поставляла свои продукты, сбытъ которыхъ тамъ былъ обезпеченъ. Съ другой стороны, деревня давала городу тотъ контингентъ рабочихъ рукъ, въ которыхъ онъ нуждался [3]). Но воздѣйствіе города на деревню было относительно незначительное: деревня почти не покупала туземныхъ фабрикатовъ, живя въ

[1]) Туганъ-Барановскій, «Русская фабрика», т. I, стр. 2—3.
[2]) Ibidem, стр. 45.
[3]) Кизеветтеръ, «Посадская община», стр. 113.

рамкахъ крѣпостного чистаго натуральнаго хозяйства и самостоятельно удовлетворяя свои потребности. Мало того, по характеру производства въ XVIII в. крупное производство не убивало мелкой кустарной промышленности, являвшейся въ нѣкоторомъ отношеніи его опаснымъ соперникомъ. Развитіе городовъ и увеличеніе городского населенія — съ 328 т. (1724 г.) и до 1.301 т. (1796 г.)—являются лучшими показателями усиленія значенія города, какъ промышленнаго центра, но быстро увеличиваясь абсолютно, городское населеніе относительно росло очень медленно въ теченіе вѣка. Въ первой половинѣ вѣка оно остается безъ всякаго измѣненія — 3,2% — 3,1% [1]), и только къ концу царствованія Екатерины II относительная его численность поднялась до 4,1% [2])... Быстрому росту городского населенія очень препятствовало крѣпостное право, дѣлавшее фактически невозможнымъ отливъ населенія въ городъ. Крупное производство развивалось преимущественно въ районѣ около Москвы, бывшемъ раньше центромъ сельско-хозяйственной культуры. Это совершенно измѣнило характеръ производительнаго труда въ этой полосѣ. Сосредоточеніе населенія въ этой мѣстности превращало ее въ весьма выгодный для сельскаго хозяйства потребительный рынокъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь для прокормленія уже не хватало своего собственнаго хлѣба; районъ питался хлѣбомъ, привозимымъ изъ черноземныхъ губерній, гдѣ и урожаи были лучше и издержки производства меньше. И населеніе находитъ для себя болѣе выгоднымъ отходъ на промыслы и фабрики. Свободное крестьянство бросаетъ свои участки и идетъ въ города.

Крестьянка XVIII в. (Le Prince).

Эти новыя хозяйственныя отношенія должны были сказаться и на помѣщичьемъ хозяйствѣ. Помѣщику стало невыгоднымъ поддерживать въ не черноземной полосѣ сельско-хозяйственную культуру, извлекая выгоду путемъ приложенія крестьянскаго труда къ землѣ. Помѣщики предпочитаютъ переводъ крестьянъ на оброкъ съ предоставленіемъ имъ свободы въ выборѣ занятій.

---

[1]) Лященко, «Очерки аграрной эволюціи Россіи», т. I, стр. 152.
[2]) Милюковъ, «Очерки русской культуры», изд. 1898 г., часть I, стр. 79.

Крестьянская масса могла приложить свой трудъ къ работѣ на фабрикахъ и другихъ отхожихъ промыслахъ. Дѣйствительно, въ половинѣ XVIII вѣка почти $^1/_3$ рабочихъ на фабрикахъ были вольнонаемными изъ числа крестьянъ. На полосѣ черноземной замѣчается совершенно обратное явленіе: увеличеніе общаго числа барщинныхъ крестьянъ и преобладаніе ихъ надъ оброчными. По подсчету В. И. Семевскаго, въ 14 губерніяхъ нечерноземной полосы: Костромской, Вологодской, Нижегородской, Ярославской, Олонецкой, Калужской, Петербургской, Владимирской, Новгородской, Московской, Тверской, Смоленской и Псковской, 55% крестьянъ были на оброкѣ, а если разсматривать количество оброчныхъ въ каждой губерніи въ отдѣльности, то эту среднюю цифру приходится значительно увеличить. Въ губ. Костромской и Вологодской % оброчныхъ доходилъ до 83—85%, Ярославской—78% и т. д. Въ черноземной же полосѣ (губерніи: Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Пензенская и Воронежская) около 74% помѣщичьихъ крестьянъ было на барщинѣ. Наиболѣе сильно было развито барщинное хозяйство въ Курской губерніи (92%), Рязанской (81%), Тамбовской (78%). Такое распредѣленіе барщиннаго и оброчнаго труда зависѣло не только отъ эволюціи экономической жизни въ странѣ, а также отъ характера распредѣленія крѣпостного труда. Въ губерніяхъ нечерноземныхъ, гдѣ было значительно развито крупное рабовладѣніе при сравнительно мелкомъ землевладѣніи, рабочихъ рукъ хватало съ излишкомъ. Переводъ на оброкъ достигался самъ собою, независимо отъ того, насколько это было выгодно помѣщику въ смыслѣ увеличенія его ежегоднаго дохода. На черноземѣ картина другая: здѣсь много земли, но мало населенія. Тутъ нельзя говорить объ избыткѣ труда; скорѣе замѣчается въ немъ недостатокъ. Земельная рента помѣщика могла быть увеличена только съ помощью приложенія барщиннаго труда. Впрочемъ, послѣдній прилагался не только къ землѣ.

Дворянство, оцѣнивъ выгоды крупнаго производства и располагая даровымъ трудомъ, начало открывать суконныя фабрики, заранѣе обезпечивъ себя казенными заказами. Къ концу вѣка около 50% всѣхъ суконныхъ фабрикъ были въ рукахъ виднѣйшихъ лицъ изъ русской аристократіи. Все это и опредѣлило преобладаніе барщинной системы на черноземной и отчасти на нечерноземной полосѣ. Необходимо также отмѣтить, что во второй половинѣ XVIII вѣка центръ сельско-хозяйственной культуры окончательно переносился на черноземъ, на что отчасти повліяла и принудительная торговля на Петербургъ, соединенный съ черноземной полосой сѣтью каналовъ. Для расширенія и интенсификаціи сельско-хозяйственной культуры во второй половинѣ вѣка было не мало благопріятныхъ условій. Отмѣна внутреннихъ пошлинъ съ провозглашеніемъ принциповъ свободной торговли и предоставленіемъ дворянству въ пожалованной грамотѣ права „оптомъ торговать, что въ деревняхъ водится“; увеличеніе вывозной торговли черезъ Каспійское и

Черное моря въ связи съ спросомъ на зерновой хлѣбъ въ Европѣ—все это вело къ усиленію сельско-хозяйственнаго производства на черноземной полосѣ. Нашъ вывозъ жизненныхъ припасовъ къ концу вѣка абсолютно увеличился въ 40 разъ въ сравненіи съ вывозомъ тридцатыхъ годовъ (34,7 т.—1.475 т. руб. серебр.); львиная доля этого увеличенія приходится на зерновой хлѣбъ. Въ концѣ вѣка вывозилось уже около 2 милл. четвертей пшеницы и ржи, тогда какъ въ половинѣ вѣка вывозъ достигалъ всего 70 т. четвертей. Происходившій въ странѣ экономическій подъемъ довольно тяжело отразился на экономическомъ положеніи крѣпостныхъ. Нечерноземные помѣщики, какъ говорилось выше, переводили крестьянъ на оброкъ, отдавая второстепенное значеніе сельско-хозяйственной культурѣ. Этотъ постепенно увеличивающійся ростъ оброчныхъ можно прослѣдить по количеству паспортовъ, взятыхъ у помѣщика для занятія отхожими промыслами. Въ сравненіи съ срединой вѣка общее ихъ количество увеличилось вдвое. Такъ, въ Ярославской губерніи въ концѣ вѣка было взято 73.663 паспорта, что въ общемъ составитъ $^1/_3$ всего взрослаго населенія губерніи. То же, только въ меньшей степени, можно подмѣтить и въ другихъ губерніяхъ. Отходъ былъ такъ значителенъ, что нѣкоторымъ наблюдателямъ изъ иностранцевъ казалось, что все взрослое населеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ушло на заработки, оставивъ земледѣліе исключительно женщинамъ. Возможность широкаго приложенія оброчными крестьянами своего труда на сторонѣ сейчасъ же сказалась на размѣрахъ оброчныхъ платежей: если въ началѣ Екатерининскаго царствованія средній оброкъ равнялся 1—2 рубля, то къ концу его онъ поднялся до 5 руб. По отдѣльнымъ мѣстностямъ оброкъ иногда поднимался до 20 рублей! Такъ было около столицъ и въ крупныхъ торгово-промышленныхъ районахъ. Впрочемъ, денежныя отношенія оброчныхъ крестьянъ къ помѣщику не исчерпывались только платежомъ оброка. Во многихъ имѣніяхъ существовали дополнительные сборы въ видѣ поборовъ натурой: саломъ, яйцами, мясомъ и т. д. и разнаго рода

За земляными работами (Аткинсонъ).

работами [1]). Впрочемъ, иногда въ зависимости отъ размѣровъ этого такъ называемаго столоваго запаса уменьшался и размѣръ оброка, но, конечно, попадались и такіе помѣщики, которые, возвышая оброкъ, возвышали и поборы натурою. По всей вѣроятности, платежи натурою доминировали въ мѣстностяхъ около большихъ центровъ, гдѣ на рынкѣ помѣщики могли сбывать ихъ съ большой выгодой. Кромѣ того, дворянство, живя въ столицѣ, получало все нужное для пропитанія изъ своихъ вотчинъ, и это также вліяло на характеръ и размѣръ поборовъ натурою.

Оброчная система была нелегка для крѣпостныхъ. Въ своемъ стремленіи по возможности использовать интенсивнѣе крѣпостную силу, помѣщики под-

Дѣвушки, треплющія ленъ (Аткинсонъ).

часъ заходили очень далеко, предъявляя крестьянамъ такія требованія, которыя они были не въ силахъ выполнить, и крестьянскихъ доходовъ часто не хватало ни на уплату оброка, ни на выплату государственныхъ повинностей. Такъ, крестьяне одной волости въ 1740 году платили своему помѣщику 300 руб. оброка, не исполняя при этомъ никакихъ другихъ побочныхъ работъ; въ 1750 г. они перешли въ собственность генерала Леонтьева, поднявшаго сразу оброкъ до 2.300 руб., а въ 1766 году—до 3.940 руб.; кромѣ того, они должны были распахать для помѣщика опредѣленное количество десятинъ и выслать въ Москву подводы по требованію помѣщика.

---

[1]) Такъ, крестьяне должны были отвозить въ городъ столовый запасъ, посылать рабочихъ, давать подводы, строить въ деревнѣ барскій домъ и т. д.

Такая эксплуатація была чрезмѣрна; платежеспособность крестьянъ не выдержала, и они перестали уплачивать полностью оброкъ, хотя утверждали, что продали „послѣднее изъ домишковъ своихъ, экипажишко и скотъ“. Просьбы крестьянъ объ уменьшеніи оброка не приводили ни къ чему. Леонтьевъ запретилъ подавать ему жалобы „о своемъ отягощеніи“, продолжая взыскивать подати съ помощью крѣпостническаго аппарата: „крестьянъ, ихъ женъ и дѣтей били и мучили смертельно“ Такіе случаи—обычное явленіе въ исторіи крѣпостного права.

Зато въ другомъ отношеніи оброчная система была предпочтительна: отдавая земледѣлію второстепенное значеніе въ смыслѣ полученія съ него своего ежегоднаго дохода и базируя его на денежныхъ платежахъ и натуральныхъ поборахъ, помѣщики сплошь и рядомъ отдавали въ пользованіе крестьянъ всю свою землю, благодаря чему средній надѣлъ на душу на оброчныхъ вотчинахъ равнялся 13,9 десятины, въ томъ числѣ пахоты 3,8 десятины. Кромѣ того, помѣщикъ почти не жилъ въ имѣніи; приказчики, заботясь только о правильномъ поступленіи оброчныхъ платежей, почти не вмѣшивались въ распорядокъ крестьянской жизни, что и опредѣлило развитіе крестьянскаго самоуправленія въ оброчныхъ имѣніяхъ. Въ нечерноземной полосѣ барщина оставалась по преимуществу въ мелкихъ имѣніяхъ и тамъ, гдѣ помѣщики открывали собственныя фабрики и заводы.

Валдайская крестьянка (1804).

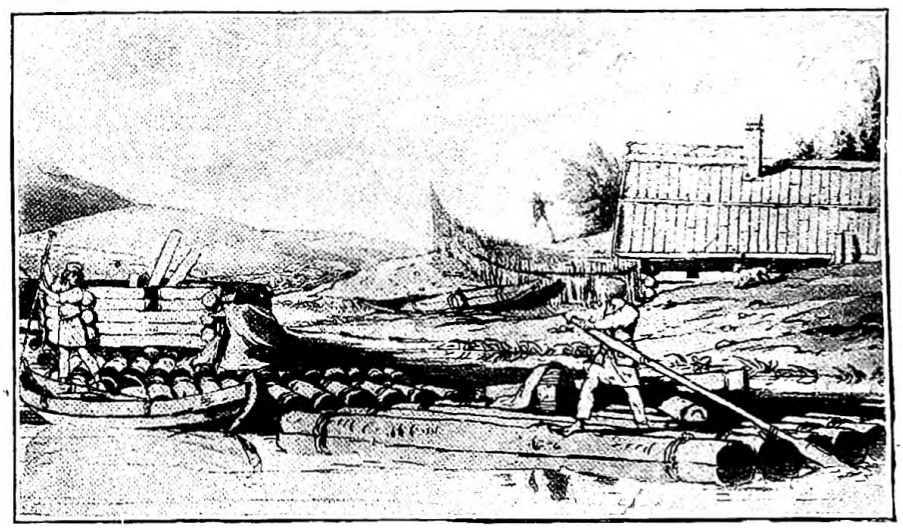
Паденіе земледѣлія въ нечерноземной полосѣ было отмѣчено уже нѣкоторыми современниками. Отношеніе ихъ къ новымъ экономическимъ явленіямъ безусловно отрицательное. Обращеніе отъ „прилежанія къ земледѣлію“ къ промышленному труду имѣло слѣдствіемъ то, что прежнія плодородныя области значительно запустѣли. Впрочемъ, современники констатируютъ, что крестьяне стали болѣе зажиточны и въ состояніи платить оброкъ, который они „безъ великаго труда, разными способами доставать могутъ“. Не скрылось также отъ современниковъ и нѣкоторое повышеніе цѣнъ на хлѣбъ, какъ одно изъ слѣдствій новыхъ фактовъ экономической структуры страны. По словамъ Щербатова, на Гжатской пристани въ 1760 г. четверть ржи стоила 86 коп., въ 1763—95 к., въ 1773—2 р. 19 к., въ 1790 г. цѣна доходила до 7 руб.

Говоря о паденіи помѣщичьяго земледѣльческаго хозяйства, современники были только правы въ отношеніи сѣверной полосы. Сельско-хозяйственная культура быстро распространялась на черноземномъ югѣ, на которомъ примѣнялся барщинный трудъ. Здѣсь, на югѣ, барщинный трудъ носилъ по преимуществу сельско-хозяйственный характеръ и только отчасти имѣлъ промышленное значеніе, примѣняясь на винокуренныхъ заводахъ, когда право винокуренія стало монополіей дворянства (1765 г.). Что касается использованія барщины въ нечерноземной полосѣ, то большею частью она примѣнялась на заводахъ и фабрикахъ, которые помѣщики заводили у себя въ имѣніи для поднятія ихъ доходности. Общее количество занятыхъ рабочихъ было не малое. На горныхъ заводахъ, открытыхъ на дворянскомъ правѣ, работали до 26.400 душъ, при общей цифрѣ 50.000 душъ, бывшихъ собственностью виднѣйшихъ лицъ изъ аристократіи. Внутренній распорядокъ на вотчинныхъ дворянскихъ фабрикахъ XVIII вѣка извѣстенъ мало. На заводахъ Строганова крестьяне, работавшіе непрерывно на заводахъ, получали постоянное жалованіе, а иногда задѣльную плату. Крестьяне, имѣвшіе землю и обрабатывавшіе ее, платили помѣщику по 1 руб. оброка. Лѣтомъ часть рабочихъ на соляныхъ варницахъ и заводахъ отпускалась домой. Лишь 500 человѣкъ были заняты постоянной работой.

Къ сожалѣнію, нельзя точно опредѣлить количество рабочихъ, работавшихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ, находившихся въ вѣдомствѣ мануфактуръ-коллегіи. И самый бытъ ихъ, при современномъ состояніи матеріаловъ по исторіи крѣпостного хозяйства въ XVIII вѣкѣ, не можетъ быть очерченъ въ деталяхъ. Но все-таки кое-какія данныя есть.

Производство ведется часто по широкимъ размѣрамъ. Въ селѣ, принадлежащемъ Головкину, въ которомъ числилось 900 крестьянъ, была полотняная фабрика въ 200 станковъ. Мужчины были заняты на фабрикѣ, а женщины должны были доставить на фабрику ленъ, каждая полпуда. На кожевенныхъ и мыловаренныхъ заводахъ Салтыкова работало 1.000 чел. Въ имѣніи Воронцова всѣ 216 душъ были заняты „господской работой на фабрикѣ“. Въ имѣніи Кожиныхъ, Воронежской губ., работало на суконной фабрикѣ 1.130 душъ, На нѣкоторыхъ фабрикахъ работали дѣти и дѣвушки, какъ это было на обойной фабрикѣ Воронцова. Внутренній распорядокъ на вотчинныхъ фабрикахъ извѣстенъ мало. На нѣкоторыхъ фабрикахъ работа шла днемъ и ночью, при чемъ за работу не было никакого вознагражденія. Такъ было въ имѣніи Нарышкина, гдѣ была тонкопрядильная фабрика, на которой работало до 400 дѣвушекъ. На другихъ фабрикахъ (Окуловъ, Рязанской губ.) работали всего 280 дней въ году, въ двѣ смѣны, каждая по три недѣли. Вознагражденія за исключеніемъ незначительнаго земельнаго надѣла ($1^1/_2$—1 д.) не было никакого. На фабрикѣ генералъ-майора Барятинскаго рабочихъ дней въ году было 230 при 12-часовомъ рабочемъ днѣ. Работа шла въ двѣ смѣны

за исключеніемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда рабочіе отпускались для уборки своего сѣна и хлѣба. На другихъ фабрикахъ рабочіе получали вознагражденіе: такъ, на суконной фабрикѣ Озерова за приготовленіе куска полотна перваго сорта (въ 50 арш.), на что требовалось 135 дней, ткачъ получалъ 7 руб.; при этомъ выдавалось провіанту по 2 пуда ржаной муки въ мѣсяцъ. Въ общемъ, приблизительно можно сдѣлать слѣдующій выводъ о положеніи фабричнаго рабочаго: тамъ, гдѣ крестьяне имѣли свои надѣлы, они не получали никакого вознагражденія, и барщина была трех-или четырехдневная. Въ другихъ имѣніяхъ они были оторваны отъ земли и, будучи всецѣло заняты фабричной работой, получали за это недѣльную, мѣсячную или задѣльную плату.



Управленіе барками (Аткинсонъ).

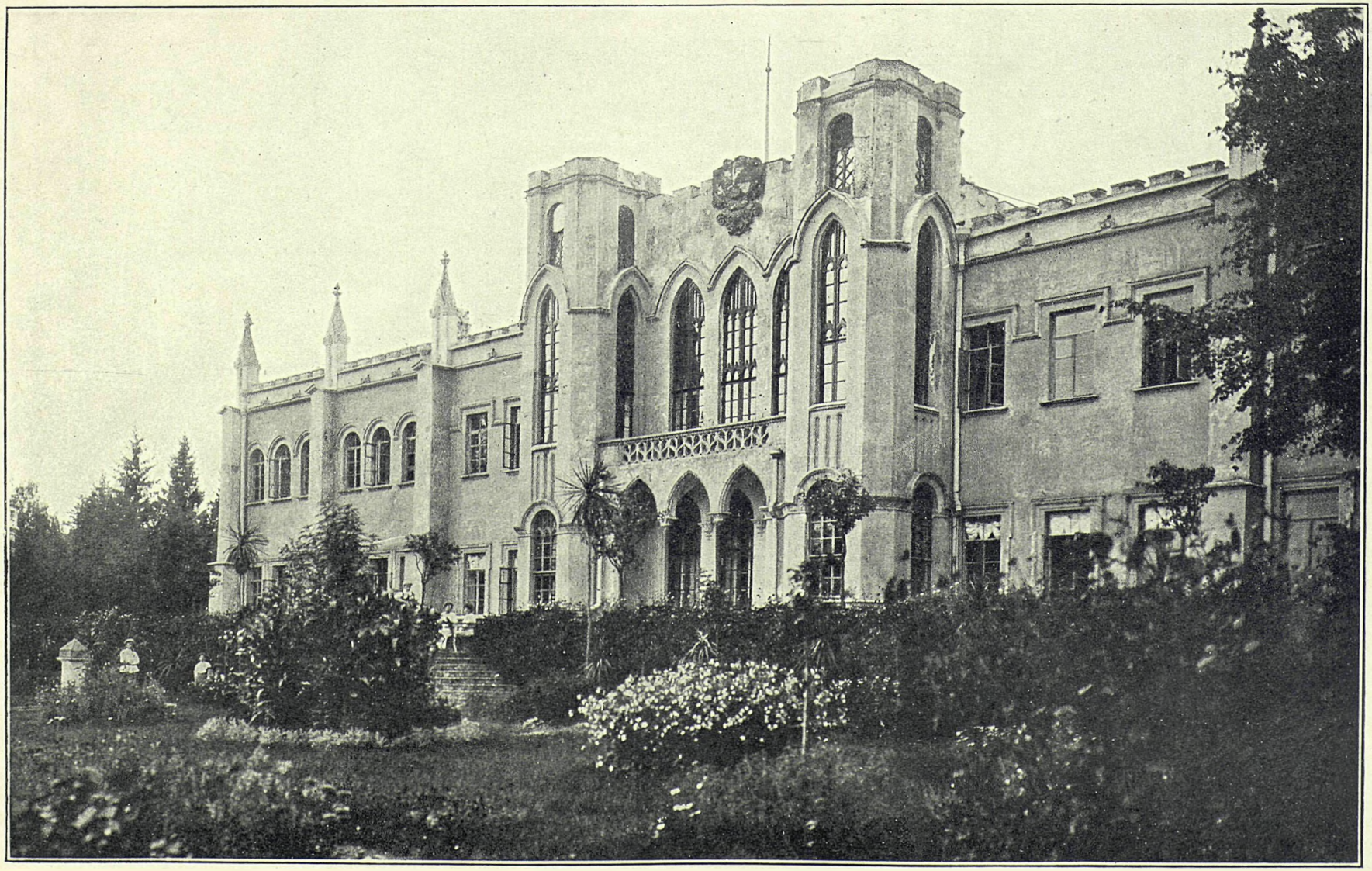
выдававшуюся отчасти деньгами, отчасти натурой. Крестьяне очень тяготились барщинной работой на фабрикахъ, предпочитая обыкновенную барщину. Иногда въ имѣніяхъ, гдѣ открывалась фабрика, даже происходили крестьянскія волненія. Зато сколько бывало радости, когда фабрика по тѣмъ или другимъ причинамъ прекращала свое функціонированіе.

Болѣе крупное хозяйственное значеніе имѣла барщина въ земледѣльческомъ трудѣ. Законодательство XVIII в. не опредѣляло количество барщинныхъ дней, предоставивъ его усмотрѣнію помѣщика. И барщина постепенно увеличивается въ зависимости отъ расширенія барской запашки. Да и недостатокъ рабочихъ рукъ заставлялъ помѣщика интенсивно утилизировать имѣющуюся подъ руками рабочую силу. Значительное ея увеличеніе можно подмѣтить въ 60 годахъ, когда помѣщикамъ было предоставлено право исключительнаго винокуренія. Независимо отъ спроса на хлѣбъ, помѣщики стараются увеличивать барскую запашку, чтобы весь остаточный хлѣбъ шелъ на потребности винокуренія

Для помѣщиковъ такая монополизація была очень выгодна, такъ какъ они стали единственными поставщиками вина на продажу. Въ первой половинѣ вѣка обычной была трехдневная барщина, во второй половинѣ трехдневная барщина—рѣдкость. Продолжительность ея опредѣляется потребностями помѣщичьяго хозяйства. Помѣщики до тѣхъ поръ заставляютъ работать на себя, пока не будетъ окончена уборка его хлѣба... Только тогда крестьяне могутъ работать на самихъ себя. Въ Рязанской губерніи можно было встрѣтить имѣнія съ четырехдневной и пятидневной барщиной, а въ Орловской и др. бывали имѣнія и съ ежедневной барщиной. Крестьянамъ не давалось ни одного дня на себя работы, при чемъ взамѣнъ ея выдавался ихъ семействамъ мѣсячный провіантъ. Впрочемъ, ежедневная барщина — исключеніе. Она примѣнялась только въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ велось крѣпостное хозяйство на широкую ногу, гдѣ для поднятія урожайности прибѣгали къ помощи удобренія и для умепьшенія труда—къ машинамъ. Но такія имѣнія въ XVIII вѣкѣ рѣдкость, какъ и отобраніе у крестьянъ всей земли и выдача имъ „скуднаго пропитанія“, встрѣчались довольно рѣдко. Это, конечно, не отъ гуманности, а больше всего отъ недостатка капитала, безъ котораго интенсификація сельскаго хозяйства была невозможна. Правда, правительство открытіемъ дворянскаго банка предоставляло дворянству дешевый кредитъ, но дворяне не умѣли воспользоваться имъ для хозяйственныхъ меліорацій. Попытки вложенія капитала въ земледѣльческое производство въ интересахъ интенсификаціи сельскаго хозяйства становятся частыми не ранѣе начала XIX вѣка. Барщинная система въ общемъ была значительно тяжелѣе оброчной. Крестьянское хозяйство гибло, такъ какъ земледѣліе у крестьянъ пришло въ упадокъ „по причинѣ непрестанныхъ работъ и поборовъ господскихъ“. Такъ характеризуютъ состояніе крестьянскаго хозяйства официальныя лица въ своихъ отвѣтахъ Вольно-Экономическому Обществу. Въ пристрастномъ отношеніи ихъ къ крестьянамъ заподозрѣть нельзя, такъ какъ они сами были помѣщики.

Вопросъ о продолжительности барщиннаго дня законодательство также оставляло открытымъ; все зависѣло отъ усмотрѣнія собственника. Но она была немаленькая. Это можно видѣть на примѣрѣ частнаго соглашенія ямбургскихъ и ораніенбаумскихъ дворянъ (1780) — завести лѣтомъ барщину 14—16 ч., а зимой требовать отъ крестьянъ 11—13 часовъ работы. Обыкновенно крестьянамъ, бывшимъ на барщинѣ, назначался урокъ, какъ относительно полевыхъ работъ, такъ и сѣнокоса. На одну душу приходилось при тогдашнемъ трехпольномъ сѣвооборотѣ $1^1/_2$ десятины во всѣхъ трехъ поляхъ. Ихъ крестьяне должны были вспахать, засѣять, сжать и свозить въ гумно. Такая барщина считалась умѣренной, и она практиковалась тамъ, гдѣ не было стремленія нѣсколько интенсивнѣе использовать рабочую силу крестьянина.

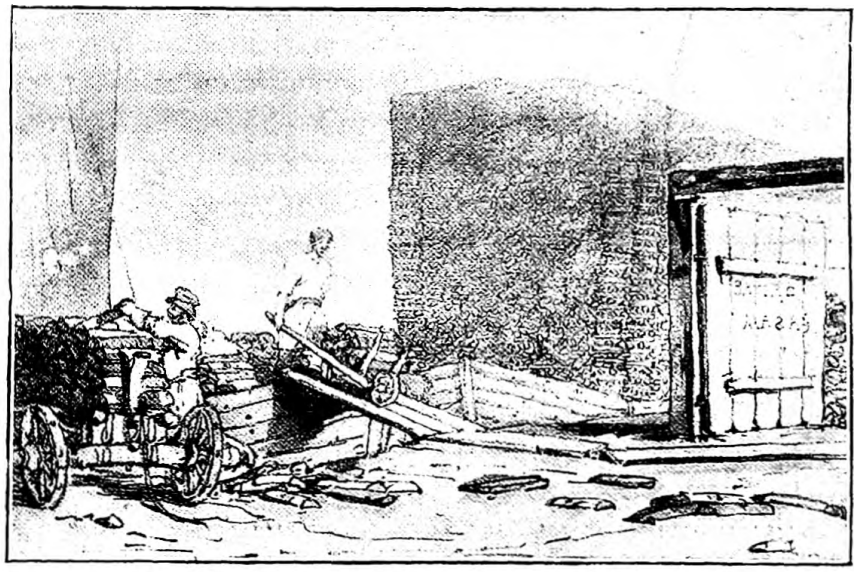
Барщинные крестьяне, помимо работъ, были обложены дополнительными платежами и оброками, разнообразившимися по отдѣльнымъ мѣстностямъ.



Домъ въ Марѳинѣ. (Имѣніе гр. Паниной).

Правда, денежные сборы составляли исключеніе, но поборы натурой были общепринятыми. Нормальными поборами считалось: съ каждаго тягла по гусю или по индѣйкѣ, по курицѣ, по нѣскольку аршинъ холста. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне собирали пѣтуховъ и отпаивали телятъ. Кн. Голицына раздала своимъ крестьянамъ 24 коровы, отъ которыхъ приплодъ шелъ въ пользу хозяина, обязаннаго доставлять ежегодно 20 фунт. масла. Эти примѣры достаточно отчетливо иллюстрируютъ, какъ разнообразились „столовые припасы“, собираемые дополнительно съ барщинныхъ крестьянъ.

Несмотря на измѣненіе въ экономической жизни страны и увеличеніе цѣнности земли, въ XVIII вѣкѣ въ общемъ все-таки большая часть земли была въ рукахъ крестьянина (около $^2/_3$ всей земли). Въ началѣ вѣка ея было еще больше. И такое распредѣленіе земли, указывая на слабость развитія



Разгрузка баржъ съ дровами (Atkinson).

барскаго хозяйства, подтверждаетъ высказанное выше мнѣніе, что большая часть имѣній осталась въ сторонѣ отъ сельско-хозяйственнаго подъема, ничѣмъ на него не реагируя.

Не только работы на помѣщика вели къ обѣднѣнію крестьянство. Въ томъ же направленіи дѣйствовало и сокращеніе крестьянскихъ полевыхъ надѣловъ. Если случаи отобранія всей земли у крестьянъ были „диковиною“ для того времени и не встрѣчали сочувствія въ правительствѣ и широкихъ крѣпостныхъ кругахъ, то сокращеніе надѣловъ шло по всей линіи, въ особенности въ имѣніяхъ, гдѣ ощущалось малоземелье. Конечно, сокращеніе надѣловъ не имѣло мѣста въ губерніяхъ многоземельныхъ, но мало населенныхъ. Впрочемъ, учесть это пониженіе надѣла сейчасъ за недостаткомъ данныхъ невозможно. Уменьшеніе надѣловъ могло имѣть мѣсто въ тѣхъ имѣніяхъ,

512397

Установа адукацыі «Віцебскі дзяржаўны універсітэт імя П. М. Машэрава» БІБЛІЯТЭКА

владѣлецъ которыхъ реагировалъ такъ или иначе на требованія рынка. Въ общемъ же средній размѣръ земельнаго надѣла на одну душу колебался отъ $2^1/_2$ десятинъ въ нечерноземной полосѣ до 3,1 въ черноземной. Эта средняя цифра обыкновенно увеличивалась въ первомъ случаѣ и могла понижаться во второмъ до $1^1/_2$—1 десятины, фактически ведя къ полному обезземеливанію крестьянъ.

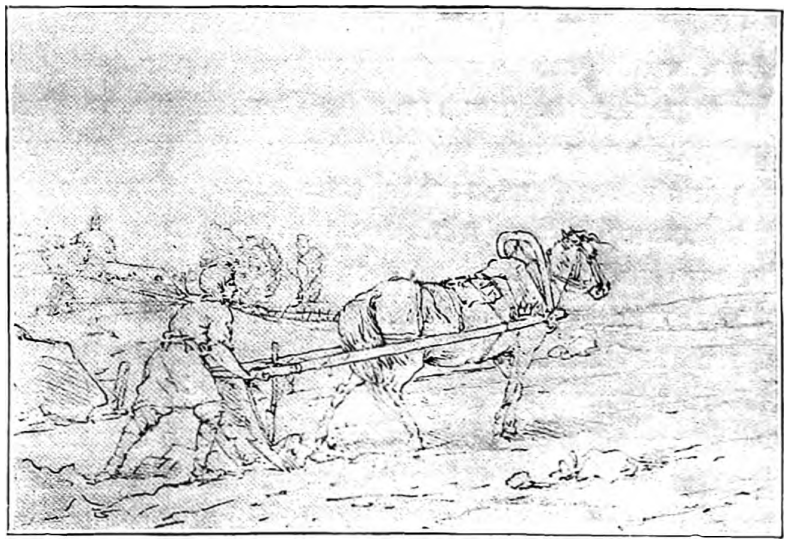
Помѣщикъ въ своей вотчинѣ. Вотчинное управленіе складывалось по типу управленія государства. Помѣщикъ въ своей вотчинѣ былъ такимъ же абсолютнымъ монархомъ, какъ и представители верховной власти въ Россіи. Подобно тому, какъ верховная власть въ своей правительственной дѣятельности опиралась на подчиненныя ей учрежденія, такъ и помѣщикъ свои законодательныя мѣропріятія вводилъ въ жизнь черезъ центральное учрежденіе, называемое „домовой конторой“, домовой канцеляріей. Оттуда разсылались указы въ вотчины съ приказаніемъ немедленно выполнить требуемое. Сюда же посылались рапорты должностныхъ лицъ, просьбы крестьянъ. Всему этому велась строгая регистрація, дѣловыя бумаги отсылались или подавались помѣщику, который и клалъ на нихъ соотвѣтствующія резолюціи. Какъ правительство находило необходимымъ составленіе инструкціи для той или другой должности, такъ и многіе помѣщики составляли „наказы“ для своихъ приказчиковъ и управителей. Если помѣщикъ жилъ въ имѣніи, то къ нему по утрамъ являлись съ докладами разныя должностныя лица, какъ-то: дворецкій, ключникъ, выборный, староста. Эти доклады обставлялись извѣстнымъ церемоніаломъ, подобно тому, какъ это было принято на аудіенціяхъ двора. Отступленіе отъ церемоніала влекло за собой немилость помѣщика вплоть до разжалованія и ссылки въ деревню, и въ этомъ отношеніи было полное сходство съ придворнымъ бытомъ и традиціями. Помѣщикъ былъ не только источникъ закона, въ его лицѣ крестьяне видѣли источникъ права и справедливости, иногда въ первой инстанціи, иногда въ апелляціонной. Къ сожалѣнію, носители всей полноты судебной власти сплошь и рядомъ допускали такое злоупотребленіе своею властью, которое, конечно, было возможно только въ крѣпостномъ государствѣ.

Свои приказанія помѣщикъ сообщалъ черезъ приказчиковъ или управителей. И тѣ и другіе были двоякаго типа: въ оброчныхъ вотчинахъ и въ нѣкоторыхъ барщинныхъ имѣніяхъ ими были старосты, выбранные самимъ сельскимъ сходомъ; но въ большинствѣ случаевъ въ барщинныхъ имѣніяхъ приказчикъ былъ назначаемъ изъ числа вольноотпущенныхъ, а то и изъ крѣпостныхъ.

Приказчики получали особое вознагражденіе въ размѣрѣ отъ 40 до 100 рублей, при этомъ давалось добавочное содержаніе хлѣбомъ и другими продуктами натурой; кромѣ того, приказчику давалось разрѣшеніе имѣть опредѣленное количество штукъ скота на барскомъ дворѣ. Конечно, приказчичья

должность давала полную возможность пользоваться широко регулярными доходами, подражая въ этомъ отношеніи представителямъ правительственной центральной и провинціальной администраціи.

Въ рукахъ приказчика или управителя сосредоточивался верховный надзоръ по управленію и веденію хозяйства въ имѣніи. Приказчикъ долженъ былъ смотрѣть за своевременностью производства полевыхъ работъ и вообще за состояніемъ всѣхъ отраслей хозяйства. Приказчикъ заботился о сборѣ подушныхъ денегъ, большею частью по третямъ года, и о сдачѣ крестьянъ въ рекруты. Кромѣ того, приказчикъ долженъ былъ выслушивать крестьянскія жалобы, судить и наказывать, смотря по винѣ. Приказчичьи инструкціи запрещали брать съ крестьянъ всякаго рода излишніе поборы, но требовали неукоснительно принуждать крестьянъ къ работѣ. За хорошее веденіе дѣла помѣщики обѣщали награду — прибавку жалованья, а если что упускалось нерадѣніемъ и лѣностью, управителю грозила немилость, вплоть до обращенія въ конюхи, какъ это сказано въ инструкціи Голицына, — если только управитель былъ крѣпостной.



На пашнѣ (Аткинсонъ).

Конечно, на практикѣ управляющіе позволяли себѣ всевозможныя злоупотребленія властью, и крестьяне по необходимости имъ подчинялись, хотя случалось, что, не выдержавъ безсовѣстной эксплуатаціи управителя, посылали помѣщику челобитную Такъ, крѣпостные генеральши Толстой жаловались, что управляющій, пріѣзжая къ нимъ по нѣскольку разъ въ годъ, бралъ съ нихъ за каждый пріѣздъ по 30—40 рублей, а если они не давали, то сбривалъ имъ бороду и волосы на головѣ. Брали управляющіе и натурой: льномъ, медомъ, птицей, а если кто не давалъ, то всегда, конечно, по-своему имъ отплачивали. Помѣщики, живя вдали отъ имѣнія, не имѣли никакихъ средствъ оградить крестьянъ отъ подобной эксплуатаціи. Былъ только одинъ выходъ, по словамъ одного весьма опытнаго крѣпостника: отдать крестьянамъ всю землю и угодья, при этомъ условіи ежегодный доходъ помѣщика будетъ больше, чѣмъ при содержаніи старосты, вдали отъ хозяйскаго взгляда. Зато

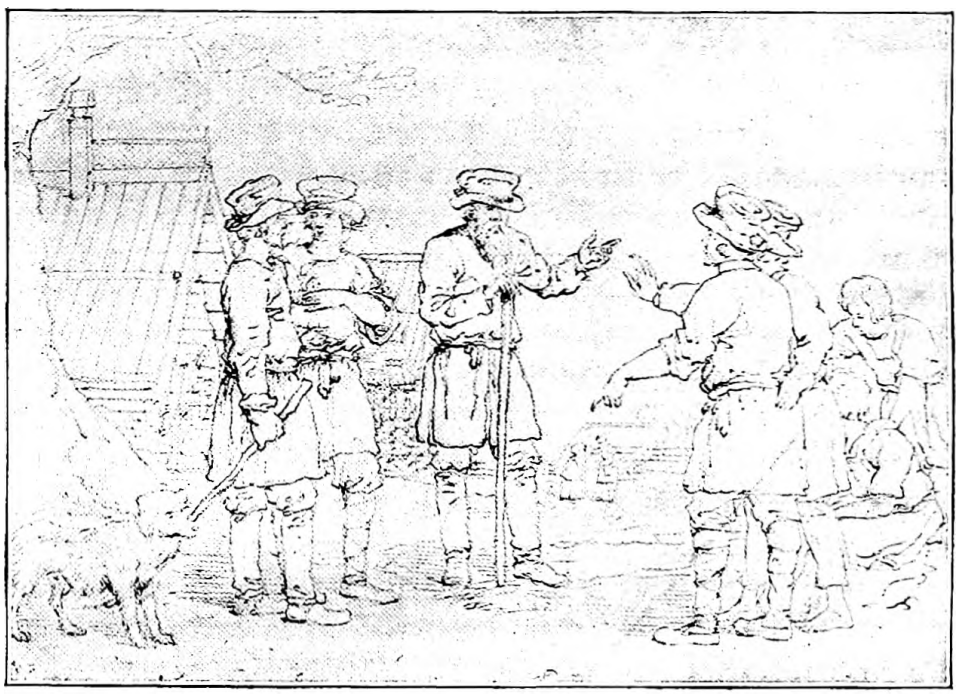
и отношеніе помѣщиковъ къ своимъ подчиненнымъ было полно грубости. Въ своихъ письмахъ они называютъ ихъ „двуголовымъ архибестіей“, „ночными хищными волками“, и всѣ эти эпитеты обыкновенно сопровождаются угрозой „плетьми добре высѣчь“, обѣщаніемъ „раздавить ихъ, какъ лягушекъ“, что на практикѣ и случалось, и притомъ довольно часто. Кромѣ управителей и приказчиковъ, во всякомъ имѣніи были еще и другія должностныя лица. Это бурмистры и старосты, большею частью всегда выбираемые міромъ. Обязанности бурмистра заключались „въ смотрѣніи за деревнями“. Ему въ деревняхъ всѣ крестьяне должны безпрекословно повиноваться. Ему передаются приказанія изъ главной конторы, куда онъ посылаетъ и свои донесенія. Бурмистръ получалъ жалованье изъ мірской кассы, если онъ былъ по избранію міра; размѣры устанавливались на сельскомъ сходѣ. Въ противномъ случаѣ, жалованье платилъ изъ своихъ средствъ помѣщикъ.

Назначенные бурмистры и выбранные старосты смотрѣли „за земледѣльцами, чтобъ они жили добропорядочно и не были бы праздношатающіеся и пьяницы“; они „унимали людей, впадшихъ въ прелюбодѣяніе“, и заботились о призрѣніи незаконнорожденныхъ; они разбирали ссоры и несогласія между подчиненными, назначали совмѣстно съ выборными людьми опекуновъ, какъ надъ дѣтьми, такъ и взрослыми, по разнымъ причинамъ неспособными вести самостоятельно хозяйство, пріискивали съ ними жениховъ дѣвушкамъ, обращая вниманіе, чтобы браки были равные. Кромѣ бурмистровъ, были еще цѣловальники, выбиравшіеся всѣмъ міромъ для храненія казны помѣщика. Цѣловальникъ велъ отчетность по приходу и расходу помѣщичьихъ денегъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ выбирались цѣловальники для пріема хлѣба и столовыхъ запасовъ, для отправки на винокуренный заводъ. Наконецъ для веденія письмоводства въ имѣніяхъ были земскіе дьячки. Вотъ почти полный перечень крестьянскихъ должностныхъ лицъ. Управленіе вотчиной и судъ надъ крестьянами сосредоточивались въ „приказной избѣ“, „земской избѣ“.

Власть помѣщика не ограничивалась только требованіемъ съ крестьянъ повинностей и платежей. Помѣщики вмѣшивались во всѣ функціи жизни крестьянъ, часто превращая дѣятельность схода въ одну фикцію. Помѣщикъ отдавалъ приказанія наказать въ чемъ-либо провинившихся передъ нимъ сельскихъ властей, издавалъ всякаго рода полицейскія распоряженія, регламентирующія до мелочей жизнь крестьянъ, отдавалъ дѣвушекъ замужъ и женилъ юношей, по своему усмотрѣнію соединяя пары, а иногда за особыя выводныя деньги отпускалъ дѣвушекъ на сторону. Вообще въ брачномъ вопросѣ помѣщика интересовали вопросы болѣе матеріальные; вся моральная сторона заключенія брака отступала на задній планъ. Требовалось также согласіе помѣщика или властей на отлучку изъ усадьбы. Помѣщикъ издавалъ распоряженія противопожарнаго характера, устраивалъ карантины во время эпидеміи, заводилъ хлѣбные магазины, наполняя таковые крестьянскимъ хлѣ-

бомъ на случай неурожая, переселялъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое, иногда очень далеко отъ родныхъ мѣстъ, напр., въ Новороссію, не обращая никакого вниманія, что подобныя переселенія были разорительны для крестьянъ и тяжелы въ моральномъ отношеніи; помогалъ правительству въ преслѣдованіи раскола, требуя отъ крестьянъ исполненія православныхъ религіозныхъ обрядовъ. Словомъ, вся жизнь крестьянина была связана регламентирующими постановленіями помѣщика. Всѣ эти распоряженія вытекали изъ безконтрольнаго права помѣщика на трудъ и личность крестьянина.

Крестьянское самоуправленіе и поземельныя отношенія. Крѣпостное право и въ XVIII вѣкѣ не убило крестьянскаго самоуправленія и не уничтожило ста-



Сельскій сходъ (Аткинсонъ).

ринной системы землепользованія. Правда, и то и другое находилось въ полной зависимости отъ помѣщика. Относительно большею самостоятельностью пользовались оброчные крестьяне, такъ какъ въ такихъ имѣніяхъ помѣщики большею частью не жили. Органомъ крестьянскаго самоуправленія является сельскій сходъ. Онъ имѣетъ преимущественно распорядительное значеніе. Онъ выбираетъ старостъ и другихъ сельскихъ властей, хотя въ барщинныхъ имѣніяхъ бурмистры и старосты сплошь и рядомъ являлись по назначенію, какъ представители помѣщичьей власти въ имѣніи; въ этомъ случаѣ остальныя сельскія власти—старосты—другихъ деревень выбирались сельскимъ сходомъ. Всегда были выборными и другія мелкія должностныя лица, какъ-то:

цѣловальники, сборщики оброка, счетчики. На сельскихъ сходахъ крестьяне наказывали виновныхъ, что, конечно, не исключало возможности наказанія и помимо сельскаго схода. Эти наказанія выражались въ видѣ мірского приговора о ссылкѣ въ Сибирь. Кромѣ того, сельскій сходъ сплошь и рядомъ приговаривалъ крестьянъ къ тѣлесному наказанію, что иногда требовало утвержденія помѣщика. Крестьяне сами раскладывали между собою подати и оброки, принимая во вниманіе платежеспособность тяглецовъ. Иногда сельскому сходу предоставлялась раскладка рекрутъ по крестьянамъ. Если рекруты покупались на сторонѣ, истраченная сумма „развертывалась всѣмъ міромъ по имуществу каждаго“. На сходахъ рѣшался вопросъ о передѣлахъ земли, надѣленіи ею новыхъ тяглецовъ, назначались опекуны надъ людьми, неспособными управлять хозяйствомъ и несовершеннолѣтними. Тутъ же назначался сборъ денегъ на „мірскіе расходы“, шедшіе на уплату жалованья старостамъ и другимъ выборнымъ лицамъ, на покупку земли и другія крестьянскія нужды. На сходахъ составлялись челобитныя помѣщикамъ объ уменьшеніи повинностей, подавались жалобы на назначенныхъ управляющихъ. Таковы въ общихъ чертахъ компетенціи крестьянскаго самоуправленія, почти независимаго отъ помѣщика въ оброчныхъ имѣніяхъ и сильно стѣсненнаго въ барщинныхъ. Нѣкоторые помѣщики составляли цѣлые наказы въ видѣ руководства для сельскаго схода, очевидно, придавая большое значеніе крестьянскому сходу для помѣщичьяго хозяйства и для урегулированія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ.

Крестьяне въ Великороссіи въ большинствѣ случаевъ не знали подворнаго владѣнія, и земля у нихъ находилась въ общинномъ владѣніи, распредѣленная по тягламъ. На практикѣ встрѣчались тягла простыя и сложныя. Первыя состояли изъ мужа и жены; вторыя иногда заключали въ себѣ двухъ работниковъ мужского пола и двѣ женскаго. Впрочемъ, тягло простое было болѣе употребительно. При тягольной развертцѣ, земля и связанныя съ нею повинности распредѣляются между взрослыми работниками. Возрастъ послѣднихъ былъ не одинаковъ въ теченіе XVIII вѣка. Въ первой его половинѣ мужчинъ облагали налогами съ 20 лѣтъ, а женщинъ—со времени замужества; во второй, — въ зависимости отъ спроса на рабочую силу, замѣтна тенденція къ уменьшенію срока совершеннолѣтія работника. Въ этомъ отношеніи въ каждомъ имѣніи были свои порядки, и, по всей вѣроятности, совершеннолѣтіе опредѣлялось возмужалостью и половой зрѣлостью крестьянина. Во многихъ имѣніяхъ тягловой возрастъ считался съ 16 лѣтъ, иногда спускаясь до 15 и 14 лѣтъ. Предѣльнымъ тягловымъ возрастомъ было 60—65 л. Впрочемъ, встрѣчались помѣщики, не признававшіе никакого предѣльнаго тяглового возраста. Попадались также имѣнія, въ которыхъ на мальчика 10—11 лѣтъ налагали половину или четверть тягла. При распредѣленіи земли по тягламъ крестьянамъ приходилось

сызнова передѣлять землю. Передѣлы бывали двоякаго рода: общіе и частные. Въ первомъ случаѣ передѣлъ земли происходилъ между всѣми домохозяевами; во второмъ случаѣ только между нѣкоторыми. Передѣлы производились или по иниціативѣ помѣщика, либо по желанію самихъ крестьянъ, стремившихся имѣть полосы одинаковаго достоинства и одинаковаго разстоянія. По свидѣтельству автора описанія Нерехтскаго уѣзда, Костромской губерніи, передѣлъ происходилъ слѣдующимъ образомъ: „Разбираютъ землю напередъ по добротѣ ея, гдѣ какая земля и какой доброты, и, опредѣля симъ мѣстамъ извѣстные предѣлы, размежевываютъ ее на толикое число участковъ, сколько въ селеніи находится тяголъ, полагая на каждаго мужа съ женою по участку, и такъ мечутъ жребій“ [1]). Такъ „поступаютъ со всѣми участками, сколько бы ихъ ни случилось во всемъ полѣ. И часто случается, что землю, по добротѣ отдѣляя хорошую отъ средней, а сею — отъ худой, разбиваютъ на десять и болѣе участковъ въ одномъ полѣ, и во всякомъ участкѣ каждый имѣетъ свою полосу. Такъ же поступаютъ и съ другими двумя полями“. Передѣлы производились подъ наблюденіемъ выбранныхъ старостъ, слѣдившихъ, чтобы участки были одинаковаго достоинства, и худшее качество земли уравновѣшивалось бы большимъ ея количествомъ. Передѣламъ подвергались не только пахотныя земли, но и пріусадебныя вмѣстѣ съ сѣнокосами. Только одни выгоны находились въ нераздѣльномъ пользованіи. Сроки для „валовыхъ передѣловъ“, „общаго дѣлежа“, какъ называютъ общіе передѣлы и современники, бывали разные: все зависѣло отъ мѣстныхъ условій или усмотрѣнія помѣщика.

Къ частнымъ передѣламъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ прибѣгали чуть ли не ежегодно, такъ какъ въ теченіе года „за разными случаями въ тяглахъ ежегодно, хотя и можетъ слѣдовать перемѣна, то-есть за престарѣніемъ, за сущимъ убожествомъ и за смертью — тяглы обложенныхъ душъ и убыль, а за подростью и за лучшимъ исправленіемъ семействъ, въ работникахъ послѣдуетъ и прибыль, то въ таковыхъ случаяхъ убылыя тягла располагать на подросшихъ и въ исправность пришедшихъ... и таковую повѣстку убылыхъ тяголъ ежегодно чинить въ одно время до наступленія полевыхъ работъ“ [2]). Такъ объясняется въ инструкціи князя Голицына необходимость частныхъ передѣловъ.

Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ при производствѣ передѣловъ крестьяне оставляли запасный участокъ, предназначавшійся для раздачи новымъ тягламъ. Отсюда же нарѣзались участки бѣднякамъ, вдовамъ, солдаткамъ. Оставшійся кусокъ земли обрабатывался всѣмъ міромъ; собираемый съ него хлѣбъ былъ собственностью всего міра, выдававшаго его на пропитаніе старикамъ,

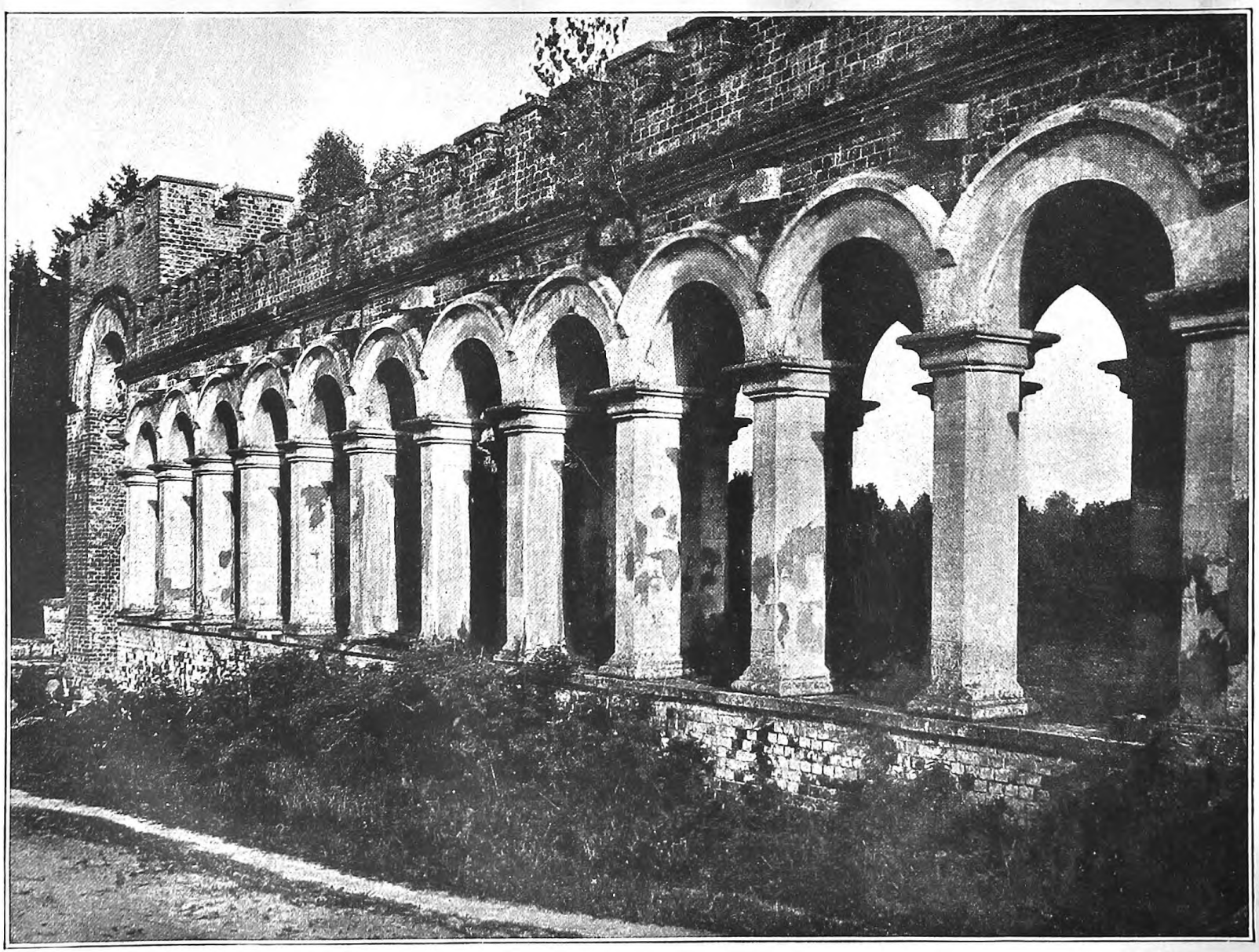
---

[1]) Семевскій, «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II», т. I, стр. 116.
[2]) Семевскій, opus cit., стр. 420.

сиротамъ. Остатокъ его продавался, и вырученныя „деньги употребляютъ на заплату государственныхъ податей, а въ случаѣ, если бы оныхъ не доставало, тогда доставляютъ сборомъ поровну съ каждаго тягла“. Въ несчастныхъ случаяхъ пожара поземельная община всегда оказывала своимъ членамъ матеріальную поддержку. Благодаря тому, что нѣкоторые изъ крестьянскихъ общинъ были относительно зажиточны, онѣ имѣли возможность расширить свое землепользованіе либо черезъ аренду сосѣдскихъ казенныхъ и частныхъ земель, либо черезъ покупку ея, конечно, на имя помѣщика. Иногда сообща арендовали мельницы и нѣкоторыя другія доходныя статьи.

Въ общемъ со стороны помѣщиковъ XVIII вѣка замѣчалось довольно сочувственное отношеніе къ общинному землевладѣнію и крестьянской общинѣ Имѣя дѣло не съ отдѣльными тяглецами, а со всѣмъ міромъ, связаннымъ взаимно круговой порукой, помѣщику было удобнѣе взыскивать съ нихъ платежи и требовать разнаго рода повинности, такъ какъ при неисполненіи послѣднихъ и неуплатѣ первыхъ отвѣтственнымъ за отдѣльныхъ лицъ являлся сельскій міръ. Конечно, встрѣчалось и обратное отношеніе: иногда помѣщикъ отнималъ у крестьянъ всю землю, и тѣмъ самымъ община прекращала свое существованіе, иногда у крестьянъ отнималась часть земли, и фактическое землепользованіе сокращалось. Наконецъ въ концѣ XVIII вѣка въ агрономическихъ статьяхъ высказываются мысли о вредѣ передѣловъ и о предпочтеніи подворнаго владѣнія. Но научная агрономія пока оказывала слабое вліяніе на помѣщика, и случаи насильственнаго перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному въ XVIII вѣкѣ были довольно рѣдки. Зато въ первой четверти XIX вѣка они стали довольно обычнымъ явленіемъ.

В. Пичета.



Марѳино, имѣніе гр. Паниной.

Крестьянскія волненія до XIX вѣка.

Проф. Н. Н. Ѳирсова.

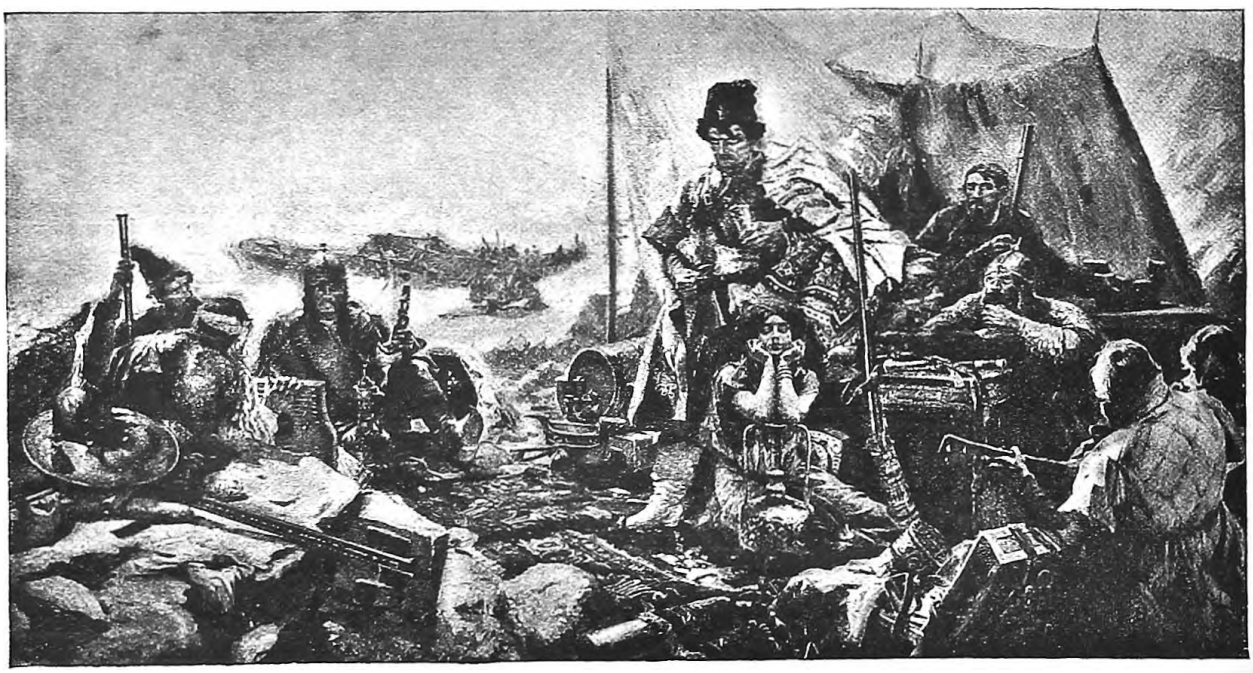
I.

О народныхъ движеніяхъ въ Россіи въ XVII вѣкѣ.

Изученіе массовыхъ движеній, въ томъ числѣ и крестьянскихъ волненій, вскрываетъ предъ взоромъ наблюдателя какъ вызывающія ихъ причины, такъ и вообще матеріальное и духовное состояніе народа. По этимъ движеніямъ мы всего лучше уясняемъ себѣ, какія изъ условій существованія народа были для него особенно невыносимы и сыграли роль важнѣйшихъ факторовъ, роль „причинъ“; уясняемъ также и то, какія въ народѣ жили наиболѣе завѣтныя желанія и стремленія, незамѣтныя въ обычное, будничное время, приглушенныя постояннымъ недосугомъ и однообразіемъ повседневнаго тяжелаго труда, но въ разныхъ формахъ проявляющіяся открыто, начистоту, безъ утайки, въ моменты особаго психическаго возбужденія,—въ моменты, когда люди отказываются быть машинами и дѣлаютъ отважную попытку сойти съ того соціальнаго мѣста, къ которому они прикованы стихійнымъ процессомъ жизни. До конца XVIII вѣка у насъ было три такихъ момента: движеніе соціальныхъ низовъ въ такъ называемое Смутное время, движенія Разина и Пугачева.

Въ Смутное время, по кличу Болотникова, холопы и крестьяне поднялись на „бояръ“: они мстили имъ, воеводамъ и помѣщикамъ, за „неправду“ жизни, убивали ихъ, насиловали ихъ женъ и дочерей, завладѣвали ихъ имуществомъ,—словомъ, стремились покончить со своимъ давнимъ положеніемъ безземельныхъ „рабовъ“ и батраковъ чрезъ истребленіе „бояръ“ и боярской администраціи. Это „собраніе“ холоповъ и крестьянъ противъ „бояръ“ русскіе современники объясняли, какъ „божеское наказаніе“ за грѣхи владѣвшаго землей и людьми класса: за „непотребство, зависть и гордость,—говоритъ лѣтописецъ,—пострадали и убіени были не отъ невѣрныхъ, но отъ рабовъ своихъ и крестьянъ поругаемы и убиваемы были“ [1]).

Но, мстя „боярамъ“ за свои обиды, за свое положеніе неимущихъ и подневольныхъ людей, а также наслаждаясь всѣмъ тѣмъ, что давало минутное обла-



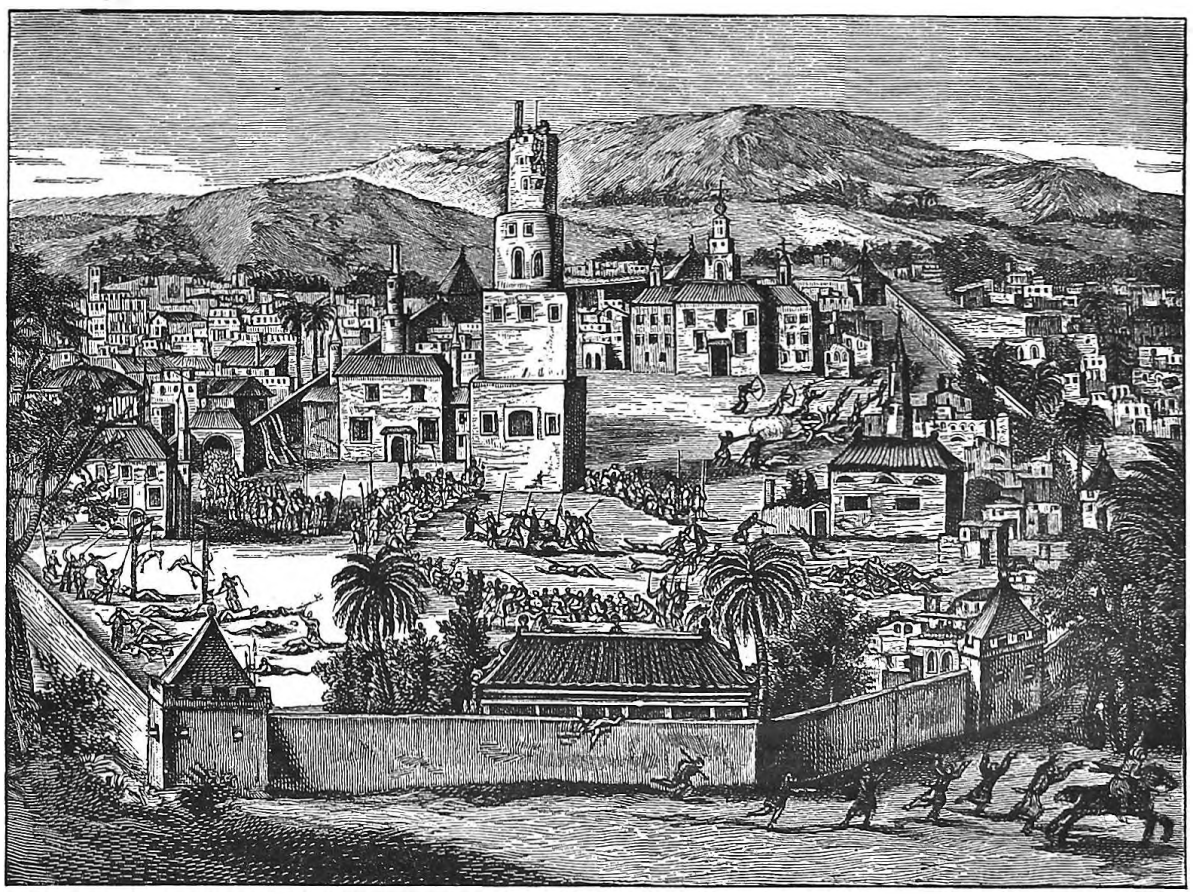
Стенька Разинъ (карт. Вещилова).

даніе властью надъ вчерашними господами, возставшіе не думали о какомъ-либо коренномъ измѣненіи общественнаго порядка. Казачество, выдѣлившееся изъ низшихъ слоевъ народа, преимущественно изъ крестьянства, создавшее на новыхъ привольныхъ мѣстахъ свой соціально-политическій порядокъ, нахлынувшее въ моментъ общей смуты въ Московское государство и усугубившее вмѣшательствомъ во внутреннія московскія отношенія государственный кризисъ, не приступило еще къ пропагандѣ замѣны боярскаго царства казацкимъ...

Это внушалось низшимъ слоямъ общества въ моментъ другого государственнаго кризиса, во время такъ называемой „Разиновщины“. Казац-

[1]) Никон. лѣтоп., VIII, 80.

кій укладъ жизни сильно тревожилъ тогда воображеніе какъ чернаго городского населенія, такъ и крестьянъ—„уѣздныхъ людей“: не даромъ народная пѣсня относится съ такимъ радостнымъ сочувствіемъ къ казачеству, его вождямъ и обычаямъ. Казачество—самая радикальная форма общежитія, какую только знаетъ русская народная исторія: оно было соціальной мечтой русскаго народа и осуществлялось по „дикимъ мѣстамъ“ наиболѣе энергичными и предпріимчивыми его представителями. И вотъ на Донъ тянулись „бѣглые боярскіе люди и крестьяне съ женами и дѣтьми“. Этихъ „бѣглыхъ“ изъ московской неволи на казацкую волю скопилось на Дону такъ много,



Взятіе Астрахани Разинымъ. (Путешествіе Стрюйса 1676 г.).

что здѣсь возникъ „голодъ большой“ [1]). Здѣсь и образовалось „воровское собраніе“ Разина, собраніе голытьбы или „голутвенныхъ“ казаковъ, двинувшихся потомъ на Волгу и потрясшее „Москву“: отсюда, значитъ, вышла инициатива Разиновщины... Пропагандируемый Разинымъ на смѣну существующему общественному устройству казацкій порядокъ, съ его своеобразнымъ братствомъ-товариществомъ, автономнымъ казацкимъ кругомъ и выборными властями, былъ

[1]) «Акты Истор.», т. IV, № 202; см. мою брошюру: «Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни», Спб., 1906 г.

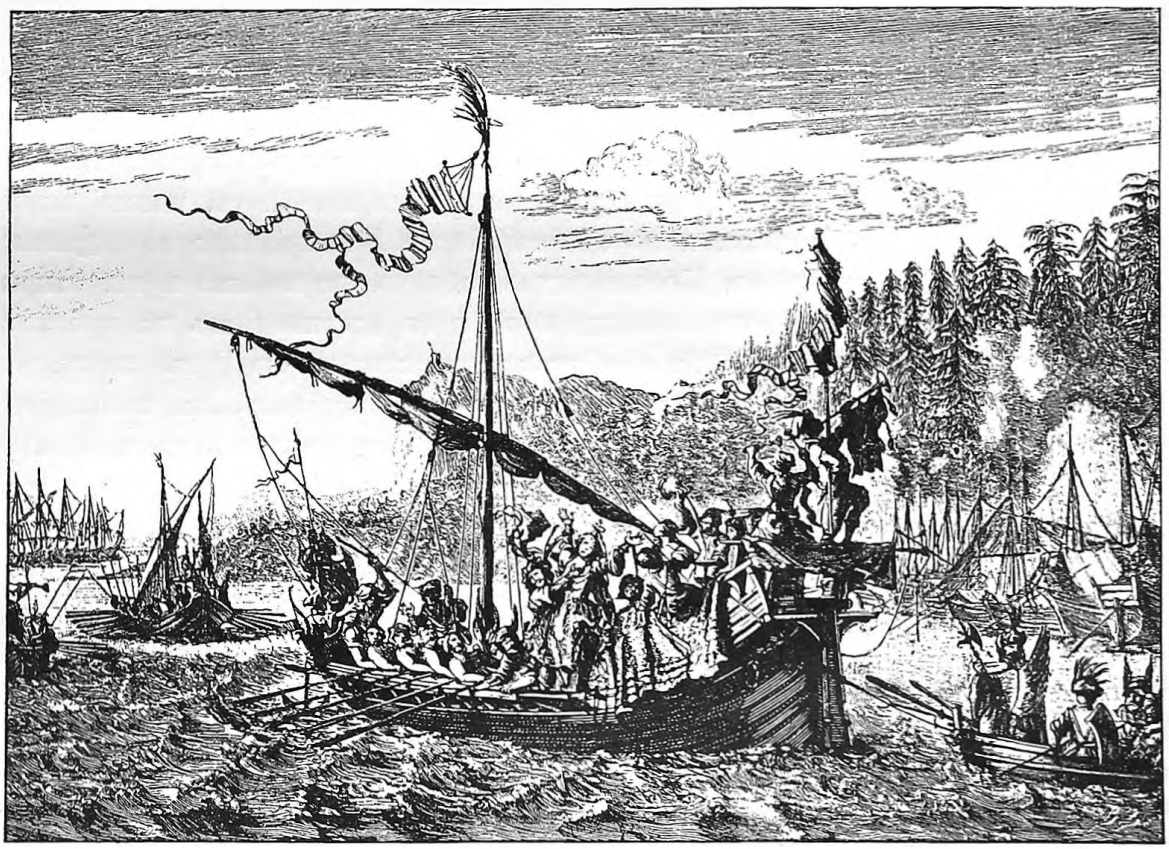
тѣмъ любезнѣе черному народу и въ томъ числѣ главной его части—крестьянству, что разинская агитація, въ интересахъ ея успѣха среди массъ, стремилась пристроить новый общественный укладъ жизни къ привычному политическому представленію народа о демагогическомъ характерѣ царской власти. Это представленіе укрѣпила въ народной психикѣ предшествовавшая московская исторія и настолько прочно, что оно до нѣкоторой степени отразилось и на безсознательной оцѣнкѣ власти излюбленнаго атамана казацкаго круга: „царь-батюшка“ и „батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ“ по власти невольно ассоціировались въ сознаніи народа, были въ сущности синонимами...

Разсматривая Разиновщину съ соціологической точки зрѣнія, мы должны прежде всего отмѣтить, что это движеніе было борьбой преимущественно политическаго характера, борьбой съ боярско-приказнымъ порядкомъ управленія, особенно ощутительнымъ на поволжской окраинѣ, которая сравнительно незадолго предъ тѣмъ сдѣлалась ареной русской колонизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ моментъ народной исторіи „уѣздные люди“, крестьяне, русскіе и инородцы, собирались въ большіе таборы, нападали на города, центры мѣстнаго государственнаго управленія, а громадныя крестьянскія ополченія, съ казацкой вольницей и съ самимъ „Степаномъ Тимоѳеевичемъ“ во главѣ, двинулись вверхъ по Волгѣ къ главному государственному центру—къ Москвѣ... Здѣсь предполагалось покончить съ „измѣнниками-боярами“ и, для вящшей побѣды и торжества надъ боярско-приказнымъ строемъ, сжечь „дѣла“ „на верху, у государя“, т.-е. расправиться съ боярской Москвой такъ же, какъ Разинъ, признанный вождь поднявшагося народа, расправлялся съ воеводами и приказнымъ дѣлопроизводствомъ во взятыхъ имъ городахъ.

Финансовыя требованія государства и притѣсненія администраціи подняли прежде всего городское простонародье, а потомъ и сельское населеніе на представителей управленія; инородцы, экономическіе интересы которыхъ сталкивались съ таковыми же интересами русскихъ колонистовъ въ Поволжьѣ, въ политическомъ протестѣ Разина дѣйствовали рука объ руку съ русскими инсургентами; ибо мордвину, чувашенину и черемисину, не такъ давно „замиреннымъ“, еще тяжелѣе приходилось отъ московской государственной власти, наложившей на нихъ большой ясакъ, захватившей у нихъ землю... Наиболѣе же тяжело было инородцамъ отъ представителей этой власти, отъ воеводъ, отличавшихся грабительствомъ и вымогательствомъ при сборѣ ясака... Начавшееся насильственное обращеніе мордвы въ христіанство дѣлало среди инородцевъ еще болѣе популярнымъ разинскій призывъ на борьбу съ боярскимъ государствомъ.

Русское крестьянство, кромѣ участія вмѣстѣ съ казацкой вольницей и инородцами въ борьбѣ съ мѣстной администраціей, съ боярско-приказнымъ порядкомъ, также мстительно отнеслось къ „боярамъ“-помѣщикамъ, на земляхъ которыхъ оно сидѣло. Это значило, что оброки и повинности, налагавшіеся

землевладѣльцами на крестьянъ, были уже и тогда едва выносимы. Хотя крѣпостное право предъ Разиновщиной далеко не было тѣмъ, чѣмъ оно стало ко второй половинѣ XVIII вѣка, чѣмъ оно явилось предъ Пугачевщиной, но и въ XVII вѣкѣ жить крестьянству было трудно, и трудность крестьянской жизни все прогрессировала въ этомъ столѣтіи,— по мѣрѣ предъявленія къ крестьянскому труду все большихъ и большихъ финансовыхъ требованій, по мѣрѣ того, какъ крестьянинъ экономически оскудѣвалъ, а соціально порабощался... Первые признаки этого порабощенія замѣтны и въ „Соборномъ Уложеніи“ царя Алексѣя Михайловича и въ самой жизни: тѣмъ понятнѣе то



Стенька Разинъ бросаетъ въ Волгу персидскую княжну. (Изъ путешествія Стрюйса).

обстоятельство, что крестьянство охотно откликнулось на призывъ смѣлаго атамана голытьбы, выброшенной изъ государства его отталкивающими силами—финансовой политикой, злоупотребленіями администраціи и гнетомъ господствующихъ, экономически властныхъ, классовъ.

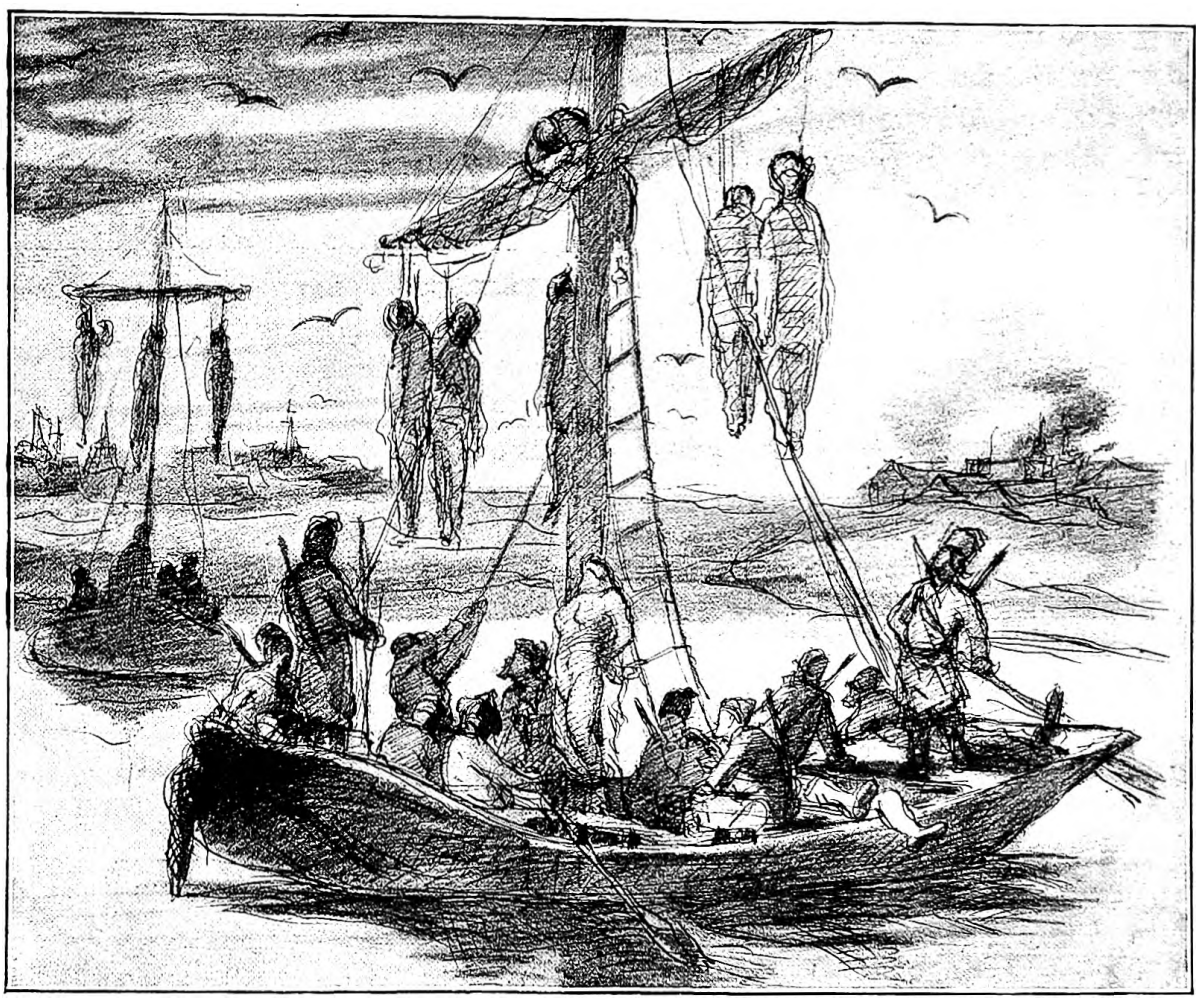
Эти силы продолжали дѣйствовать и послѣ свирѣпаго подавленія Разиновщины.

Эммиграціонный потокъ, вслѣдствіе того, попрежнему разливался по восточнымъ рѣкамъ, переливаясь и въ Сибирь. Донъ переполнялся бѣглыми

крестьянами, а такъ какъ правительство Петра Великаго не мирилось съ этимъ, требовало ихъ выдачи и посылало, для отысканія бѣглыхъ, въ донскіе городки воинскія команды, то въ наилучшей части донского казачества, подкрѣпляемой пришлыми крестьянами, снова возродилось мятежное настроеніе,—и закипѣлъ Булавинскій бунтъ,—не только казацкій, но и вновь явившейся на Донъ крестьянской голытьбы,—бунтъ за ея право жить на свободѣ, въ казакахъ.

По введеніи подушной подати развитіе крѣпостныхъ отношеній въ русскомъ селѣ пошло быстрыми шагами, и потому стремленіе къ „волѣ“ среди крестьянства дѣлалось съ каждымъ царствованіемъ все интенсивнѣе и интенсивнѣе. Государственная власть въ лицѣ Петра Великаго сама подала поводъ надѣяться въ этомъ стремленіи на нее. Спѣшно устраивая армію, Петръ I рѣшилъ пополнять ее волонтерами изъ крѣпостныхъ, которыхъ было позволено принимать въ солдаты по ихъ собственному желанію. Какъ ни ненавистно было тогдашнее рекрутство русскому народу, на это правительственное распоряженіе крѣпостные взглянули, какъ на новый путь, коимъ можно уйти отъ помѣщичьей власти, и по смерти Петра I непріятное помѣщикамъ распоряженіе было отмѣнено. Крестьянство, однако, не забыло пути, открытаго Петромъ I для ухода отъ помѣщиковъ, и со вступленіемъ на престолъ дочери этого императора повѣрило облетѣвшему мужицкую Русь слуху, что снова разрѣшено поступать волею въ военную службу или „въ вольницу“; а, повѣривъ, одни поодиночкѣ и коллективно начали подавать на имя императрицы Елизаветы Петровны просьбы о зачисленіи ихъ въ солдаты, а другіе, считая дѣло рѣшеннымъ, прямо бѣжали отъ помѣщиковъ для поступленія въ военную службу. Болѣе или менѣе жестокое наказаніе всѣмъ этимъ крестьянамъ, стремившимся изъ крѣпостного состоянія въ военное, было послѣдствіемъ ихъ „противнаго указамъ дерзновенія“. Шли крестьяне и на Донъ, ибо они вѣрили своимъ, отзывчивымъ на мужицкія нужды, политикамъ, а тѣ имъ сообщали, что, по „указу ея Величества, велѣно всякаго чина людей принимать на Донъ, записывать въ казаки и селить въ донскихъ казачьихъ городкахъ“. Такихъ крестьянъ ловили, били кнутами или батожьемъ; за ними посылали воинскія команды на Донъ, и донскому войску внушалось, чтобы оно ни подъ какимъ видомъ не принимало бѣглыхъ крестьянъ и служилыхъ людей; но, несмотря на все это, движеніе изъ крестьянства, а также и изъ другихъ, обремененныхъ условіями жизни и государственными повинностями, общественныхъ элементовъ продолжалось и въ царствованіе Елизаветы Петровны и позднѣе,—движеніе въ болѣе свободныя мѣста,—на Донъ, на Яикъ, въ Сибирь, въ Польшу... Тѣ, которые были не въ состояніи совсѣмъ уйти отъ помѣщиковъ, перебѣгали отъ однихъ къ другимъ въ ожиданіи менѣе трудной жизни, а таковая, какъ и въ московскую старину, предполагалась у болѣе крупныхъ и вліятельныхъ помѣщиковъ, у вельможъ. Бѣжали и на заводы въ расчетѣ на лучшее и тамъ попадали въ худшее поло-

женіе. То обстоятельство, что Петръ Великій приказывалъ устранять безсмысленно жестокихъ помѣщиковъ или, какъ онъ выражался, „дураковъ“ отъ управленія населенными имѣніями (и такого рода „указами“ иногда повелѣвалось руководствоваться и впослѣдствіи), не уменьшало означеннаго движенія, ибо годъ отъ году крѣпостное право становилось крѣпче, „дураковъ“ среди помѣщиковъ появлялось все болѣе, и высочайшее распоряженіе о по-



Поволжскіе разбойники (эскизъ Перова).

мѣщикахъ-„дуракахъ“ все менѣе и менѣе могло охранять крестьянъ отъ дикаго господскаго произвола. Это распоряженіе, равно какъ и дозволеніе Петра I крѣпостнымъ поступать волонтерами въ армію, лишь упрочило въ сознаніи народа старое представленіе о благожелательномъ отношеніи царя къ „черни“, упрочивало надежду крестьянства на царя... Но эта надежда—увы!—оказывалась призрачной, и за нее, какъ увидимъ дальше, крестьяне платили дорогой цѣной...

II.

Крестьянскія волненія XVIII вѣка—до Пугачевщины.

Послѣ Булавинскаго мятежа броженіе среди крестьянъ продолжалось. Возникали отдѣльныя, спорадическія вспышки протеста крестьянъ противъ того положенія, въ которое ихъ ставили жизнь и законъ.

При Петрѣ I и ближайшихъ его преемникахъ—до Елизаветы—крестьянство въ цѣломъ было сравнительно очень терпѣливо, ибо условія государственной и общественной жизни Россіи не успѣли еще привести большинство народа въ такое состояніе, въ которомъ стало уже невозможно терпѣть,—и крестьянскій протестъ началъ дѣлаться болѣе острымъ, болѣе настойчивымъ и устойчивымъ. Именно съ 50 годовъ XVIII вѣка крестьянское „непослушаніе“ повторяется чаще и чаще и быстро переходитъ въ хроническую, затяжную форму повсегодныхъ волненій въ разныхъ мѣстахъ имперіи. Этотъ періодъ почти постоянныхъ крестьянскихъ волненій открывается движеніемъ заводскихъ и фабричныхъ крестьянъ.

Обращаясь къ самымъ фактамъ поставленнаго въ оглавленіи вопроса, я считаю нелишнимъ оговорпться въ томъ смыслѣ, что въ послѣдующемъ изложеніи читатель найдетъ лишь болѣе или менѣе общую характеристику крестьянскихъ волненій въ разные моменты развитія народной оппозиціи существовавшему общественному порядку; а для такой цѣли я буду останавливаться не на всѣхъ извѣстныхъ крестьянскихъ волненіяхъ второй половины XVIII вѣка, а только на наиболѣе типическихъ фактахъ крестьянскаго движенія.

Волненія демидовскихъ крестьянъ въ 1752 году даютъ намъ факты, именно такого свойства.

Статскій совѣтникъ и заводчикъ Демидовъ особенно прославился, какъ „мучитель“ крестьянъ, и подъ его властью не пожелали быть купленные имъ у кн. Репнина крестьяне. Вооружившись рогатинами, дубинами, кольями, 1.500 чел. села Ильинскаго (въ Обоянскомъ уѣздѣ) выступили въ поле противъ чиновника съ командой, не пуская его въ свое село; тотъ объявилъ имъ, что они взяты отъ Демидова и приписаны „къ собственнымъ вотчинамъ ея императорскаго величества“. Это извѣстіе показалось крестьянамъ неправдоподобнымъ. Хорошо зная, что для объявленія „монаршей милости“ не надо было являться съ командой и окружать солдатами село, и полагая, что военный походъ на нихъ былъ предпринятъ въ интересахъ Демидова, они сочли извѣщеніе о „милости“ военною хитростью. И порѣшили ждать „указа“ отъ вотчинной канцеляріи, а совѣтникъ вотчинной коллегіи такъ и уѣхалъ, не побывавъ въ ихъ селѣ и ничего отъ нихъ не добившись. Такой исходъ дѣла явился сигналомъ для волненія крестьянъ Ромоданов-

ской волости. Ромодановскіе отказались итти на демидовскую заводскую работу, поголовно всѣ вооружились,—не только мужчины, но и женщины и дѣвушки, переодѣвшіяся по-мужицки. Нашелся въ волости отставной солдатъ, который обучалъ крестьянскую толпу, какъ надо дѣйствовать оружіемъ. Первая высланная противъ возмутившихся команда была разбита крестьянами на-голову, понеся чувствительныя потери. Побѣда и крестьянамъ стоила недешево: убито ихъ было 59, а ранено 42 чел. Когда прибылъ на смѣну ретировавшейся команды другой отрядъ, то крестьяне, выйдя и противъ него съ оружіемъ, вопили: „Мы ея императорскому величеству не противимся, да смерть себѣ отъ Демидова видимъ и въ руки къ нему нейдемъ“. Отрядъ началъ стрѣлять. Многіе крестьяне валились, но толпа стояла твердо. Начальникъ отряда, бригадиръ Хомяковъ, видимо, пораженный крестьянскою стойкостью, пожелалъ покончить дѣло миромъ и потребовалъ, чтобы крестьяне послали къ нему лучшихъ людей, которымъ онъ могъ бы объяснить „указъ“. Это было исполнено крестьянами, и ихъ уполномоченные, явившись къ бригадиру, опять настаивали на томъ же положеніи. Ничего бо́льшаго Хомяковъ такъ и не могъ добиться отъ крестьянъ. Противъ Хомякова была цѣлая волость, доведенная „до крайности“, и сразиться съ ожесточенной крестьянской толпой онъ не рѣшилъ. Хомяковъ ограничился тѣмъ, что зажегъ нѣсколько деревень да захватилъ подъ селомъ Ромодановымъ человѣкъ 200 крестьянъ. Волость же осталась незамиренной, превратившись въ многочисленныя разбойничьи шайки, обладавшія и огнестрѣльнымъ оружіемъ.

П. А. Демидовъ (портр. Левицкаго).

Бригадиръ Хомяковъ былъ отданъ подъ судъ за слабость своихъ дѣйствій противъ мятежныхъ крестьянъ. Дѣло усмиренія было передано генералъ-майору Опочинину, и тотъ повелъ его болѣе энергично, наловивъ въ поднявшейся волости до 674 чел. Кончилось все тѣмъ, что руководители движенія попали въ Сибирь на самыя тяжкія работы и именно на заводахъ Демидова.

Одинъ изъ официальныхъ документовъ этого же 1752 г., конечно, указываетъ на основную причину волненій демидовскихъ крестьянъ, говоря: „Они (заводскіе крестьяне) на помѣщика своего Демидова въ разореніяхъ и мучительствахъ показываютъ“. Но Демидовъ былъ совершенно оправданъ правительствомъ въ „мучительствахъ“, признанныхъ взведенными на него напрасно бунтовавшими крестьянами... Движеніе ромодановскихъ

крестьянъ можно признать типическимъ для волненій этого рода: доведенные до отчаянія, крестьяне, лишь бы не попасть къ ненавистному заводчику-мучителю, готовы на все: они готовы погибнуть въ бою съ правительственной воинской „командой", погибнуть вмѣстѣ съ женами и дѣтьми... По изложенному дѣлу мы видимъ также, какъ чисто-крестьянское движеніе, имѣвшее серьезныя причины — мучительство и разореніе отъ помѣщика-заводчика— влечетъ за собой образованіе разбойничьихъ шаекъ; это воочію показываетъ, что разбойничество въ странѣ развивалось на почвѣ отношеній между помѣщиками и охранявшимъ ихъ интересы государствомъ, съ одной стороны, и крестьянствомъ—съ другой.

Бригадиръ Хомяковъ былъ отданъ подъ судъ за слабость, обнаруженную имъ въ походѣ на ромодановскихъ крестьянъ, но тотъ же Хомяковъ только что предъ тѣмъ усмирилъ крестьянъ коллежск. ас. Гончарова, работавшихъ на его парусной и бумажной фабрикѣ, но отказавшихся отъ этой работы тоже по примѣру репнинскихъ крестьянъ. Гончаровскіе крестьяне сначала поразили на-голову отправленную противъ нихъ команду и даже отняли у нея пушки, но потомъ, когда противъ мятежниковъ были высланы три полка подъ начальствомъ Хомякова, съ артиллеріей, возстаніе гончаровскихъ крестьянъ было подавлено пушками же. Изъ этого видно, что не личная слабость Хомякова была причиною неуспѣшности его дѣйствій противъ ромодановскихъ крестьянъ; недостатокъ бывшаго съ нимъ войска и напряженная энергія возставшихъ, ихъ единодушное, до полнаго самозабвенія, бурное стремленіе отбиться отъ той участи, которая ждала ихъ на заводахъ Демидова,—вотъ чѣмъ объясняется хомяковская и другія „ретирады" „усмирителей" предъ „бунтовавшими" крестьянами. Волненія заводскихъ и фабричныхъ крестьянъ характеризуются вообще чрезвычайною устойчивостью, упорствомъ мятежнаго настроенія...

Это настроеніе пріобрѣло еще большую силу, когда казенные горные заводы вмѣстѣ съ приписанными къ нимъ для работъ государственными крестьянами были переданы елизаветинскимъ правительствомъ въ руки болѣе или менѣе вліятельныхъ вельможъ, какъ частныхъ предпринимателей, и къ этимъ заводамъ, а также къ другимъ, ими основаннымъ, было вновь приписано множество государственныхъ крестьянъ. Заводское движеніе вслѣдствіе этого охватило громадный районъ, а въ распространенности движенія лежала, разумѣется, одна изъ причинъ его жизнеспособности. Въ самомъ дѣлѣ, къ однимъ только горнымъ заводамъ гр. П. И. Шувалова было приписано болѣе $12^1/_2$ тыс. душъ,—по официальной „вѣдомости", а по свидѣтельству кн. Щербатова—20.000 д. Гр. П. И. Шуваловъ воспользовался своимъ большимъ вліяніемъ въ правительствѣ для того, чтобы устроить свое положеніе горнозаводчика на основѣ исключительныхъ привилегій. Стяжавъ казенные гороблагодатскіе заводы съ приписанными къ нимъ крестьянами, Шуваловъ

завелъ цѣлый рядъ новыхъ заводовъ и между ними на Камѣ Ижевской и Воткинскій и къ нимъ выпрашивалъ новыя приписки государственныхъ крестьянъ, пріобрѣтя право совсѣмъ переселять ихъ на заводы (котораго не имѣли другіе, даже вельможные заводчики). Сверхъ того, гр. Шуваловъ, не въ примѣръ остальнымъ заводчикамъ, былъ объявленъ единственнымъ судьей надъ своими приказчиками по крестьянскимъ жалобамъ на ихъ злоупотребленія. Не мало приписано было государственныхъ крестьянъ къ заводамъ и другихъ вельможъ.

Пугачевъ. По рис. худ. Mailly. (Изъ Дашковской кол.).

Если помѣщичьи крестьяне, знакомые съ барскимъ „мучительствомъ“, не могли выносить заводской работы, заводскаго „мучительства“, то легко себѣ представить состояніе государственныхъ крестьянъ, не знавшихъ помѣщика, когда имъ пришлось итти подъ заводское ярмо. На головы этихъ крестьянъ, русскихъ и инородцевъ, приписка къ заводамъ свалилась какъ нежданная и негаданная бѣда, и тѣмъ труднѣе было имъ съ ней примириться: приписка казалась имъ ничѣмъ не вызванною съ ихъ стороны величайшею несправедливостью.

Работа на заводахъ была чрезвычайно тяжелая, работа эта была для многихъ приписанныхъ очень далекая отъ ихъ деревень,—и одно уже путешествіе на заводы, находившіеся въ 500—700 и болѣе верстахъ отъ ихъ постоянной осѣдлости, и обратно съ заводовъ домой, должно было вызывать въ попавшихъ „въ приписку“ государственныхъ крестьянахъ ужасъ

предъ навязанною имъ участью состоять въ обязанныхъ рабочихъ при заводахъ. Не удивительно, что въ силу этихъ причинъ открывается длинный рядъ волненій или „противностей“ приписанныхъ крестьянъ. Такъ, съ самаго начала шуваловскаго владѣнія горными заводами, съ 50-хъ годовъ, крестьяне, ясашники и русскіе, вооруженной рукой отстаивали свое прежнее положеніе и „въ приписку“ къ заводамъ „его сіятельства“ не шли (1754—1758 гг.). Посылали они въ Петербургъ челобитчиковъ, дабы выхлопотать отмѣну „приписки“, а противъ воинской „команды“, чѣмъ попало, вооружались. Обычной, малочисленной командой, состоявшей большею частью изъ инвалидовъ, испугать этихъ крестьянъ было нельзя: иной разъ они наносили такому воинству полную „конфузію“, и тогда правительству приходилось переводить въ волнующіяся мѣстности настоящія регулярныя войска, для того, чтобы „приписка“ не осталась только на бумагѣ.

На заводахъ гр. П. И. Шувалова, какъ сообщала одна изъ заводскихъ „конторъ“ этого предпринимателя, работа была „труднѣе противъ другихъ заводовъ во всемъ“. Но и на другихъ заводахъ, судя по волненіямъ демидовскихъ и иныхъ крестьянъ, она была очень нелегка и поставлена была не въ менѣе невыносимыя условія, чѣмъ на шуваловскихъ. Заработная плата, получаемая на заводахъ приписанными крестьянами, нимало не облегчала ихъ положенія, такъ какъ эта плата уходила на государственныя подати, а также на покрытіе крестьянскаго расхода по заводскимъ лавочкамъ, въ которыхъ крестьяне обязаны были покупать необходимые для заводской работы и жизни предметы, въ томъ числѣ и хлѣбъ, по дорогой цѣнѣ. Въ результатѣ послѣдняго обстоятельства было то, что подушная недоимка запускалась, и ее взыскивали „немилостиво“, при помощи „батоговъ“. Словомъ, отъ „приписанныхъ“ крестьянъ на заводахъ брали все, что можно было взять, а давали имъ тамъ только возможность въ конецъ разстроить ихъ собственныя сельскія хозяйства; и дѣйствительно, измученные на заводской работѣ, не разъ подвергавшіеся жестокой „экзекуціи, съ запущенной недоимкой и пашней, эти крестьяне сравнительно быстро обращались въ совершенныхъ нищихъ“ [1])...

Изложенныя явленія обнаружились во всей своей силѣ уже при Елизаветѣ. Импер. Екатерина II впослѣдствіи въ одной изъ своихъ записокъ писала, что заводчики, „умножая заводскихъ крестьянъ работы, платили имъ либо безпорядочно, либо вовсе не платили, проматывая взятыя изъ казны деньги [2]) въ столицѣ“ [3]). Народу же и въ особенности заводскимъ кре-

[1]) Офиціальное лицо, компетентное въ этомъ вопросѣ, обращало вниманіе императрицы на печальное положеніе заводскихъ крестьянъ, а «паче на приписныхъ», бывшихъ вполнѣ жертвой заводчиковъ; «оные хищники,—писало это лицо,—ни о чемъ другомъ не помышляютъ, какъ о своемъ прибыткѣ, и алчно пожираютъ все крестьянское имущество».

[2]) Изъ мѣднаго банка, откуда 3-милліон. капиталъ, по показанію Екатерины, «почти весь былъ розданъ заводчикамъ».

[3]) Сочиненія, издан. Акад. Н., XII т., 523.

стьянамъ жилось, какъ видно, не „счастливо“, а очень несчастливо, плохо. И, во всякомъ случаѣ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что соціально-экономическая политика елизаветинскаго царствованія дала толчокъ обостренію народной оппозиціи, особенно въ восточномъ, заводскомъ районѣ государства,—тому обостренію, которое потомъ, при нѣкоторыхъ привходящихъ въ томъ же направленіи вліяніяхъ, выразилось въ неизмѣримо болѣе грозной формѣ Пугачевщины.

Въ самомъ концѣ царствованія Елизаветы Петровны возникли крупныя волненія крестьянъ, приписанныхъ къ пермскимъ (Каслинскому и Кыштымскому) заводамъ Никиты Демидова.

„Маркизъ Пугачевъ“ (загран. грав.).

Въ 1760 г. весной кыштымская заводская контора нарядила часть этихъ крестьянъ на новой (Азяшъ-Уфимскій) демидовскій заводъ. Крестьяне заводскаго приказчика, объявившаго имъ приказаніе конторы, прогнали, избивъ и предупредивъ его на прощаніе: „Не ѣзди къ намъ впередъ для высылки на работы. Мы были приписаны Демидову только на три года и уже отработали свое. Пусть теперь поработаютъ другія слободы“. Для приведенія крестьянъ въ покорность былъ посланъ съ небольшой командой подпрапорщикъ Завьяловъ. Крестьяне, вооружившіеся ружьями, копьями, дубинами, луками и т. п., не испугались и какъ одинъ человѣкъ заявили подпрапорщику: „На работѣ у Демидова быть не хотимъ и указа не слушаемъ. Пусть присылаютъ хоть 10 указовъ и какую хотятъ команду, до тѣхъ поръ не пойдемъ на работу, пока не будетъ указа изъ Сената за собственною подписью государыни“. Подпрапорщикъ былъ прогнанъ.

Въ сентябрѣ въ тотъ же Масленскій острогъ послали офицера постарше—капитана Метлина съ демидовскимъ приказчикомъ, который обѣщалъ кресть-

янамъ выдать деньги, заработанныя сверхъ подушнаго вклада, убѣждая ихъ отработать на заводахъ хотя бы подать, впредь до полученія изъ Сената новаго указа; при этомъ приказчикъ манилъ крестьянъ инымъ отношеніемъ къ нимъ на заводѣ: ихъ не станутъ тамъ бить и грабить (штрафами), не станутъ и судить въ заводской конторѣ...

Но и такой идиллической перспективой,—съ судомъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ,—крестьяне не прельстились и дружно отвѣтили: „Мы готовы всѣ помереть, а на заводы не пойдемъ“.

Волновались крестьяне и другого селенія—Барневской слободы и такъ же успѣшно усмирялись они, какъ и Масленскаго острога.

Не добившись ничего, капитанъ уѣхалъ. На его мѣсто прислали другого капитана Симонова, съ полномочіемъ потребовать для усмиренія войско въ случаѣ надобности. Теперь уже не было рѣчи о работахъ на томъ новомъ демидовскомъ заводѣ, изъ-за наряженія на который началось волненіе. Отъ понужденія крестьянъ къ этой работѣ власть отказалась подъ тѣмъ предлогомъ, что въ 1756 г. крестьяне были приписаны лишь къ Каслинскому и Кыштымскому заводамъ; но волненіе сдѣлалось гораздо шире первоначальнаго крестьянскаго рѣшенія—не соглашаться на работы на Азяшъ-Уфимскомъ заводѣ: теперь крестьяне отказывались вообще отъ заводскихъ работъ. Симоновъ хотѣлъ объявить указы (Сената и бергъ-коллегіи) порознь масленскимъ и барневскимъ крестьянамъ, а не сборищу, но въ Масленскомъ острогѣ капитанъ услышалъ:

„Слушать указъ будемъ всѣ вмѣстѣ, въ сборищѣ и съ барневскими: у насъ у всѣхъ душа заедино; и ежели они къ намъ не пойдутъ, такъ мы ихъ дубьемъ къ себѣ загонимъ“.

Волненіе крѣпло. Указы не помогали. Крестьяне начали подготовляться къ кровавому отпору, къ „смертоубійству съ обѣихъ сторонъ“.

Въ Масленскій острогъ собрались вооруженные крестьяне. Они установили караулы, производили по временамъ нѣчто въ родѣ смотра своихъ военныхъ силъ. Наступила очень тревожная жизнь, съ частыми набатами, усиливавшими крестьянское возбужденіе противъ заводчика и приказчиковъ, также противъ воинскихъ командъ и командировъ, не желавшихъ произвести слѣдствіе по жалобамъ крестьянъ и только стремившихся принудить ихъ къ работамъ. Посылаемыхъ командировъ крестьяне считали просто покорными слугами Демидова и, не вѣря имъ, тѣмъ болѣе готовы были поднять на нихъ руку... Въ порывѣ отчаянія они грозили массовымъ самоубійствомъ...

— До того дойдемъ,—говорили они,—что сами себя треть перерѣжемъ или сгоримъ, какъ раскольники исетскаго дистрикта.

При столь трагическомъ настроеніи не помогло и помѣщеніе въ Масленскій острогъ и по сосѣднимъ деревнямъ на квартиры 5 сотенъ донскихъ казаковъ подъ начальствомъ полковника Дулимова.

Крестьянское волненіе крѣпло. Ненависть, какую вызывалъ къ себѣ въ крестьянахъ казацкій постой, только дѣлала волненіе еще болѣе устойчивымъ. „Рѣзать ихъ надо, — угрожали донцамъ демидовскіе крестьяне. — Пусть мы всѣ пропадемъ!“

Далеко не достигло цѣли и новое чтеніе указа при болѣе внушительныхъ военныхъ силахъ: къ командѣ и казакамъ была добавлена пушка съ артиллеристами и 24 гренадера.

Когда войско окружило крестьянъ, они упали на колѣни, но не сдавались.

— Хоть головы всѣмъ намъ рубите, — твердили они, — а къ Демидову на работу не пойдемъ и сѣна на команду не дадимъ!..

Нѣкоторые, впрочемъ, повинились и согласились, по подпискѣ, приступить къ работамъ, но большинство продолжало волноваться. Непокорныхъ, какъ свидѣтельствуютъ крестьянскія жалобы, арестовывали, били „оружейными свалинами и плетьми“, и набрали таковыхъ 64 чел., которые и были посажены въ ближайшую шадринскую тюрьму.

Остальные продолжали „противиться“ и жаловались „слѣдственной комиссіи“... на „всеконечное разореніе и нищету“, но, не соглашаясь на „работу“, дождались только того, что въ Масленскій острогъ явились еще 2 роты азовскихъ казаковъ, и на крестьянъ, такимъ образомъ, свалилось новое отягощеніе.

Пугачевъ приказываетъ повѣсить помѣщика въ присутствіи его жены. (Титульный листъ изъ книги Monmorin, Histoire de Pierre III et des amants de Catherine II).

Развязка была уже близка.

Когда въ началѣ декабря 1761 г., т.-е. въ послѣдній мѣсяцъ царствованія Елизаветы Петровны, изъ Сената пришелъ указъ, требовавшій немедленнаго усмиренія крестьянъ, начались настоящія военныя дѣйствія.

Крестьяне собрались въ трехъ пунктахъ и, главнымъ образомъ, на окруженномъ заборомъ дворѣ мірской избы въ Масленскомъ острогѣ. Здѣсь и произошло рѣшительное столкновеніе между крестьянами и стянутымъ сюда войскомъ.

Казаки штурмовали дворъ, артиллеристы пушечнымъ выстрѣломъ сдѣлали проломъ въ заборѣ, солдаты кинули нѣсколько гранатъ на дворъ; но

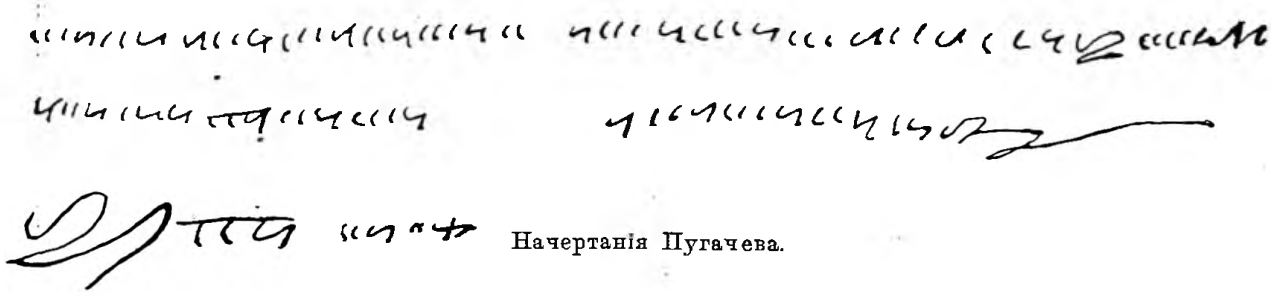
крестьяне, вооруженные, кромѣ копій, топоровъ, кистеней и пр., и ружьями, отбивъ казацкій приступъ, держались стойко и стрѣляли... Тогда на приступъ двинули драгунъ. Крестьяне не выдержали ихъ залпа.

Во время битвы до 300 крестьянъ было поймано и отправлено въ шадринскую тюрьму.

Кровь была пролита съ обѣихъ сторонъ: изъ строя „усмирителей“ выбыло 52 чел., потери же „усмиренныхъ“ остались неизвѣстны, хотя сомнѣваться въ нихъ никоимъ образомъ, конечно, не приходится.

Послѣ пораженія масленскихъ крестьянъ принуждены были покориться и остальные крестьяне, собравшіеся въ двухъ другихъ мѣстахъ—въ Барневской слободѣ и селѣ Водениковѣ. Это одно изъ волненій „приписанныхъ“ къ демидовскимъ заводамъ—въ 60 и 61 гг.; но тогда же волненія происходили и въ другихъ селеніяхъ, приписанныхъ къ заводамъ того же лица,—волненія, правда, менѣе яркія и устойчивыя.

Волновались крестьяне и другихъ заводчиковъ — Сиверса, Чернышева, Походяшина; продолжали волноваться и приписанные къ заводамъ гр. П. И.



Начертанія Пугачева.

Шувалова, поставленнаго, какъ извѣстно, въ особо привилегированное положеніе среди заводчиковъ.

Такъ же, какъ и въ другихъ случаяхъ, крестьяне сдѣлали отважныя попытки сопротивленія властямъ и командамъ, но противъ ружей и пушекъ регулярнаго войска крестьянскіе „самопалы“, луки, косы, топоры и рогатины оказались совершенно несостоятельными. Въ мартѣ 1762 г означенное возстаніе можно было считать подавленнымъ, ибо указы Сената были приняты крестьянами, и послѣдніе встали на заводскую работу.

Однако правительство тѣхъ временъ понимало, что одними „усмиреніями“ ограничиваться нельзя. Слишкомъ ясно было, что „крестьяне,—какъ говорила бергъ-коллегія,—не сами собой возмутились“. Назначались „комиссіи“ для разслѣдованія „причинъ“ горнозаводскихъ волненій, и комиссія, учрежденная Екатериной II, должна была выяснить, „какія мѣры брать, дабы впредь крестьяне не бунтовались“.

Немного прошло времени съ момента образованія этой комиссіи, какъ у нея явился начальникомъ кн. Вяземскій, получившій отъ императрицы нелегкую миссію—прежде всего водворить въ горнозаводскомъ крестьянствѣ

„должное рабское послушаніе“, а потомъ, когда это будетъ достигнуто, найти причины и самыхъ „заводчиковъ“, зачинщиковъ „возмущенія“. Кн. Вяземскій поѣхалъ въ волновавшійся горнозаводскій край съ „инструкціей“ и „манифестомъ“. Въ послѣднемъ обѣщались не только гнѣвъ государыни, жестокая экзекуція, „огонь и мечъ“, въ случаѣ крестьянскаго непослушанія, но и мѣры, направленныя къ защитѣ крестьянъ отъ „прямыхъ нападокъ и утѣсненій“. Императрица манила крестьянъ къ „рабскому послушанію“ обѣщаніемъ или „добраго учрежденія ихъ работъ съ выгодною, по мѣрѣ трудовъ, заплатою“ или „отписки ихъ отъ тѣхъ заводовъ“. Во время объѣзда кн. Вяземскимъ сибирскихъ заводовъ, въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ снова начались волненія горнозаводскихъ крестьянъ, снова начались ихъ забастовки, побѣги съ заводовъ Чернышева и Походяшина. Кн. Вяземскій, узнавъ объ этомъ, поступилъ по обыкновенію: послалъ команду. Она должна была „усмирить“ крестьянъ, поступивъ съ ними, въ крайнемъ случаѣ, „какъ со злодѣями и бунтовщиками“. Поступлено было именно такъ, но не сразу, однако, удалось „истребить сіе непослушаніе“. Крестьяне были упорны и не выдавали начальнику команды своихъ товарищей, требуемыхъ имъ для „слѣдствія“, говоря, что начальство и безъ того „многихъ измучило и застегало до смерти“ и что ими, крестьянами, посланы въ Петербургъ челобитчики. Пришлось значительно усилить небольшую команду (33 челов.), пославъ ей въ помощь 100 челов. солдатъ; но и этого отряда крестьяне не испугались.

И. И. Михельсонъ.

Одинъ изъ ихъ руководителей кричалъ:

— Мірянушки, не поддавайтесь! Это все пріѣхали накупные отъ графа, надобно ихъ всѣхъ научить!..

Крестьяне встрѣтили солдатъ полѣньями и дубьемъ. Лишь энергичная ружейная пальба, унесшая нѣсколько крестьянскихъ жизней, прекратила сопротивленіе, и „непослушаніе“ было „истреблено“.

Когда въ 1764 г. Бибиковъ въ дѣлѣ усмиренія горнозаводскихъ крестьянъ смѣнилъ кн. Вяземскаго, назначеннаго, вѣроятно, въ награду за испол-

ненную имъ трудную миссію, генералъ-прокуроромъ Сената, волновавшійся громадный край, лежавшій въ трехъ тогдашнихъ губерніяхъ — Казанской, Оренбургской и Симбирской,—былъ замиренъ, и Бибикову предстояло лишь окончательно ликвидировать печальное дѣло о волненіяхъ „приписныхъ“ крестьянъ, довершить, главнымъ образомъ, „экзекуціи“ надъ ними за прежнія ихъ вины, въ чемъ онъ не посрамилъ себя сравнительно со своимъ предшественникомъ. Наступило нѣкоторое затишье среди горнозаводскаго крестьянства, прерванное почти наканунѣ Пугачевщины волненіями горнозаводскихъ крестьянъ въ другомъ краѣ, — въ Олонецкомъ, — волненіями, которыя, однако, были подавлены до наступленія этой всенародной трагедіи...

Несмотря на пониманіе правительствомъ того, что общая причина волненій разсмотрѣннаго сейчасъ рода—невыносимое положеніе „приписныхъ“, что главными „заводчиками“ волненій являются сами заводчики и ихъ приказчики,—затишье въ Пріуральскомъ краѣ, важнѣйшемъ горнозаводскомъ районѣ, было достигнуто не уступками крестьянамъ въ ихъ справедливыхъ челобитьяхъ, а кровью волновавшихся, и поддерживалось оно силой „усмирителей“ и страхомъ „усмиренныхъ“; естественно, оно не могло быть продолжительнымъ: оно могло просуществовать не долѣе того, чтобы нѣсколько забылось впечатлѣніе отъ подавленія и экзекуцій и чтобы въ крестьянской душѣ опять скопилось электричество гнѣва и ненависти для новой, еще болѣе страшной, грозы...

А между тѣмъ облегченіе положенія крестьянъ было и тогда, разумѣется, способно вести ихъ къ быстрому и относительно прочному успокоенію. Примѣромъ этого служатъ церковные крестьяне, всѣ находившіеся въ возстаніи предъ секуляризаціей: стоило только состояться послѣдней, какъ волненія монастырскихъ крестьянъ немедленно прекратились и уже болѣе, если не считать нѣкотораго участія ихъ въ Пугачевщинѣ, не возобновлялись. Обратное зрѣлище съ момента секуляризаціи представляли помѣщичьи крестьяне. Спорадически „возмущавшіеся“ и раньше, эти, самые многочисленные, крестьяне, составлявшіе въ первой половинѣ 60 годовъ XVIII вѣка 52,9% всѣхъ крестьянъ Великороссіи и Сибири, начали волноваться постоянно, хронически именно съ тѣхъ поръ, какъ были освобождены отъ крѣпостной зависимости монастырскіе и архіерейскіе крестьяне. Это явилось острымъ поводомъ къ броженію среди помѣщичьяго крестьянства. Оно начало ждать отъ царя „воли“ и для себя, будучи возбуждаемо къ такой надеждѣ еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ эту же пору ихъ господа, дворяне, были освобождены отъ обязательной службы. Петръ III „манифестомъ“ разъяснилъ, что надежда помѣщичьихъ крестьянъ на перемѣну ихъ положенія, внушаемая имъ деревенскими агитаторами, не основательна; но это „разъясненіе“ не удержало крестьянъ отъ волненій; волненія усилились и продолжали усиливаться, по

мѣрѣ того, какъ положеніе крестьянъ ухудшалось отъ все болѣе и болѣе затягиваемой крѣпостной петли...

Дворянскій произволъ сталъ доходить до крайнихъ размѣровъ, и терпѣніе „подданныхъ“ въ 60-хъ годахъ стало истощаться...

Крестьяне жаловались на тягчайшіе поборы и на всевозможныя злоупотребленія помѣщиковъ предоставленною имъ небывалою властью, доведенные „до крайности“, убивали помѣщиковъ и бѣжали, куда глаза глядятъ, или цѣлыми вотчинами становились „непослушны“, возмущались. Разныя, далеко не сентиментально настроенныя лица указывали на легализированное „тиранство“ господъ и на невыносимое положеніе крѣпостныхъ, какъ на причины усиливавшагося крестьянскаго протеста. Гр. Н. Панинъ для пресѣченія крестьянскихъ побѣговъ проектировалъ ограничить власть помѣщиковъ надъ крестьянами; роскошь, внѣдрившаяся въ дворянскій бытъ, заставляла помѣщиковъ, говоритъ Панинъ, „налагать на крестьянъ работы, превосходящія силы человѣческія“. Екатерина II, указывая на помѣщичьи мучительства надъ крестьянами, высказалась въ томъ смыслѣ, что этому „несчастному классу, — какъ императрица назвала крестьянъ, — нельзя разбить свои цѣпи безъ преступленія“.

Кн. А. В. Суворовъ (портр. Шмидта).

Крестьянскія волненія, понятно, являлись наиболѣе серьезнымъ „преступленіемъ“, ибо, повторяясь все чаще и чаще, разрозненныя мятежныя вспышки подготовляли крестьянство къ общему, широкому взрыву противъ „господъ“,—и на этого рода опасность намекала высшему государственному органу правящаго сословія—Сенату сама Екатерина II.

По мѣрѣ того, какъ усиливались волненія помѣщичьихъ крестьянъ, борьба съ ними государства становилась все болѣе и болѣе затруднительной... Чтобы она шла по возможности планомѣрно, военная коллегія составила даже особую „инструкцію“, которой должны были слѣдовать начальники воинскихъ командъ, посылаемыхъ для „усмиренія“. Сенатъ, полагая, со своей

стороны, что нельзя разъ навсегда опредѣлить порядокъ возстановленія крестьянскаго „послушанія“, постановилъ все дѣло по „усмиренію“ оставить въ компетенціи военной коллегіи и повелѣлъ послѣдней снабжать начальника экзекуціонной команды каждый разъ письменной инструкціей, сообразно обстоятельствамъ даннаго возмущенія. Сенатъ внушалъ военной коллегіи также и о томъ, чтобы она „предостерегала“ воинскихъ начальниковъ противъ поспѣшности перехода къ „разоренію, пожогамъ и кровопролитію“; но такъ какъ самъ же Сенатъ приравнивалъ волновавшихся крестьянъ къ „непріятелю“, то упомянутое „предостереженіе“ обыкновенно не имѣло практическаго значенія,—и усмиреніе помѣщичьихъ крестьянъ большею частью сводилось все къ той же крайней программѣ дѣйствій: не щадить ни имущества ни жизни возставшихъ крестьянъ. Лучшее доказательство законности предъявленнаго крестьянамъ требованія воинскіе начальники видѣли въ... оружіи.

Волновавшіеся крестьяне помѣщика Фролова-Багрѣева пожелали выслушать указъ. Въ отвѣтъ на это капитанъ, начальствовавшій командой, выхватилъ изъ ноженъ шпагу и крикнулъ: „Вотъ вамъ указъ!“ Такая аргументація, разумѣется, повела „къ кровопролитію“

Крестьяне, долженствовавшіе перейти по смерти кн. Н. Шаховского къ его сестрѣ поручицѣ Натальѣ Пассекъ и не соглашавшіеся на это (по свѣдѣньямъ воронежской губ. канцеляріи), потребовали указа. „Вотъ мы вамъ дадимъ указъ!“ закричало начальство, и по крестьянамъ былъ открытъ огонь.

Кровопролитіе обыкновенно бывало обоюдостороннее, и иногда помѣщичьи крестьяне, какъ и заводскіе, обращали команду въ бѣгство; такъ, напр., было въ данномъ случаѣ; такъ было и при волненіи крестьянъ въ имѣніяхъ Измайлова и Кротковой (въ Симбирскомъ уѣздѣ), когда крестьяне, не только мужчины, но и женщины, стремительно атаковали команду и, невзирая на ея ружейный залпъ по крестьянамъ, нанесли ей воистину „конфузію“.

Сила солому ломитъ,—и, конечно, послѣ такихъ временныхъ „конфузій“ для войска, оно же, явившись въ большемъ количествѣ, всегда „успокоивало“ волновавшихся...

Прекращались отдѣльныя „возмущенія“, но не прекращалось броженіе и негодованіе въ крестьянствѣ, и потому по окончаніи однихъ волненій быстро возникали другія. Въ царствованіе Екатерины II до 1773 г., т.-е. до начала Пугачевскаго мятежа, спеціалистъ по исторіи русскихъ крестьянъ насчиталъ (по архивн. и др. источникамъ) около 40 волненій; но, вѣроятно, ихъ „было болѣе“...

Особенно усилились волненія помѣщичьихъ крестьянъ въ 1767—68 гг. Это было время, когда была созвана и приступила къ работамъ знаменитая

законосовѣщательная комиссія депутатовъ; среди нихъ не было представителей крѣпостного крестьянства, — и „послѣдніе рабы“ принуждены были по-прежнему и даже усиленнымъ образомъ прибѣгать къ „преступленію“, т.-е. путемъ открытаго „непослушанія“ заявлять о своемъ невозможномъ положеніи, о своихъ насущнѣйшихъ желаніяхъ.

Но вотъ послышались вѣсти о близкомъ освободительномъ или, по крайней мѣрѣ, облегчительномъ указѣ для крѣпостныхъ. Волненія затихли.

Крестьянство начало ждать.

Въ періодъ между 1770 и 1773 гг. неизвѣстно ни одного волненія помѣщичьихъ крестьянъ. Въ этотъ моментъ крѣпостные, подавивъ въ себѣ горечь обиды за оставленіе ихъ внѣ разрядовъ народнаго представительства, въ „рабахъ“, ждали царскаго указа и дождались, наконецъ, только... Пугачева...

III.

Участіе крестьянства въ Пугачевщинѣ.

„Причины“ волненій — это, какъ мы видѣли и дальше увидимъ, реальныя условія, въ которыхъ протекала крестьянская жизнь.

Новое воцареніе, вызывавшее въ крестьянахъ надежду на монаршую „милость“, являлось обыкновенно „поводомъ“ къ броженію среди нихъ, а потомъ и къ волненіямъ. Далѣе ту же роль „повода“ сыграли нѣкоторыя правительственныя распоряженія.

Запретилъ, напр., Петръ III заводчикамъ покупать крестьянъ къ заводамъ,—и этого достаточно, чтобы раньше купленные къ заводамъ крестьяне рѣшили, что царскимъ указомъ и они освобождены отъ заводской работы, и заволновались...

Отобраніе у церкви крестьянъ и дарованіе россійскому дворянству „вольности“ тоже породили въ крѣпостномъ крестьянствѣ всевозможные слухи о царской „милости“ и для помѣщичьихъ „подданныхъ“, о „вольности“ крестьянству...

Собралась комиссія новаго уложенія; „злонамѣренные люди“, какъ о томъ свидѣтельствуетъ указъ 1767 г., начали „разсѣивать“ въ народѣ „вымышленные ими слухи о перемѣнѣ законовъ“, а порабощенное крестьянство подъ грядущей „перемѣной законовъ“ разумѣло отмѣну крѣпостного права... царскимъ указомъ.

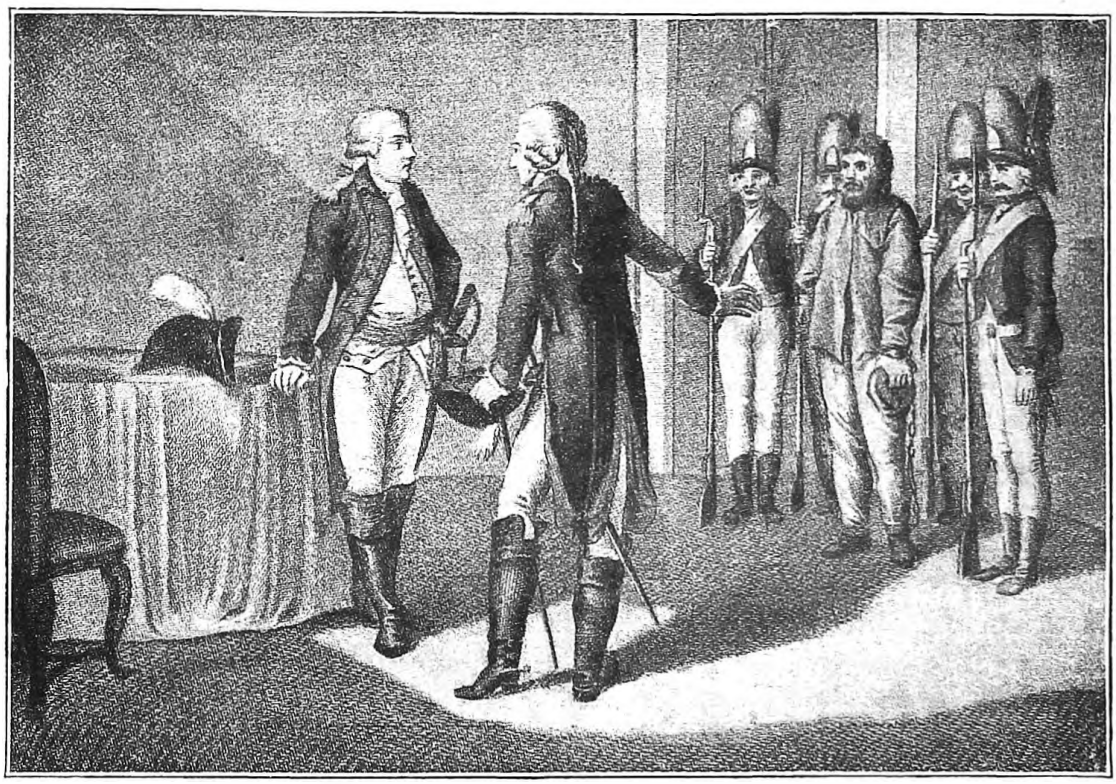
Не вѣря правительственнымъ указамъ, радѣющимъ о дворянствѣ, считая ихъ не царскими, а барскими, подмѣненными, крестьяне ждали „истиннаго“ царскаго указа, и потому всякій подложный „указъ“, направленный противъ

господъ и чиновниковъ, говорившій объ освобожденіи или хотя бы облегченіи народа, считали подлинно царскимъ.

На этой психологической почвѣ, на почвѣ постояннаго ожиданія льготъ и свободы сверху, отъ царской власти, народная оппозиція и стала принимать форму самозванщины, выразившись во второй половинѣ XVIII вѣка въ Пугачевщинѣ. Пугачевщина была возможна только въ опредѣленныхъ культурно-историческихъ условіяхъ, только при наличности привычки чернаго люда надѣяться, послѣ высоковозсѣдающаго Царя небеснаго, на далекаго царя земного, на царскій указъ... Такая психологія явилась однимъ изъ отрицательныхъ итоговъ вѣкового гнета, оставившаго въ народной душѣ нѣкоторый осадокъ тоскливой приниженности предъ верховной властью. Эту-то психологію и эксплуатировали и Разинъ и самозванцы. Пугачевъ и его сподвижники, зная невыносимое положеніе народа, навѣрняка разсчитывали, что онъ преклонится предъ ихъ благожелательною для „черни“ властью, идущею подъ царскимъ знаменемъ, что онъ, освобожденный, вольный народъ, сдѣлается... „вѣрноподданными рабами“ настоящаго, пришедшаго къ нему царя. Если всесильный и милостивый къ простому народу, радѣющій только объ его интересахъ, царь былъ политическимъ идеаломъ великорусскаго крестьянства, то казацкое равенство было его соціальнымъ идеаломъ. Пугачевъ, зная и это, несъ мужикамъ и казачество, говоря въ своемъ манифестѣ, что онъ жалуетъ ихъ „вѣчно-казаками“. Такъ, въ Пугачевщинѣ довольно своеобразно соединились двѣ формы соціально-политическаго устройства, въ частности двѣ формы правленія: 1) самодержавная, выработанная русскимъ народомъ въ Московскомъ государствѣ, и 2) общинно-казацкая, созданная оппозиціонными элементами этого народа на новыхъ, „дикихъ мѣстахъ“ отдаленныхъ отъ государственнаго центра рѣчныхъ береговъ. Такъ, иначе говоря, въ Пугачевщинѣ проявились и надежда на царскую волю и стремленіе къ осуществленію народной воли, къ „превращенію Россіи въ казацкій кругъ“. Яицкіе казаки, главные руководители движенія (такъ же, какъ ранѣе Разинъ и его вольница), эмансипировались отъ первой формы правленія, и для нихъ „царь-батюшка“ въ лицѣ самозванца явился лишь почетнымъ „чучеломъ“, орудіемъ для достиженія своихъ, чисто-казацкихъ, цѣлей; казакамъ, да и другимъ казачествующимъ элементамъ населенія не нуженъ былъ царь для общественнаго устройства: имъ надо было чрезъ царя поднять всю крестьянскую массу, всю „чернь“; успѣть въ этомъ можно было только при соотвѣтствующей политической идеологіи, при жившей въ народѣ вѣрѣ въ то, что волю, землю и другія блага крестьянство получитъ по настоящему, подлинному царскому указу. Въ силу этой именно идеологіи и возникло въ великорусскомъ крестьянствѣ единое настроеніе; оно-то, это настроеніе, и было великой психической силой, стихійной, по обаятельному для простого народа, „чудному“ кличу безграмотнаго казака, объединившей крестьянское

возстаніе, въ основѣ коего, понятно, лежали соціально-экономическія условія народной жизни.

Среди „черни“ крестьянство въ расчетахъ Пугачева, разумѣется, стояло на первомъ планѣ. За крестьянъ, по разсказу самозванца, онъ, главнымъ образомъ, и пострадалъ отъ „бояръ“; онъ хотѣлъ было отобрать у нихъ деревни, дабы лишить ихъ возможности жить тамъ безъ службы, въ отставкѣ, и „разорять“ „бѣдныхъ крестьянъ“... „Бояре“ стали копать „подъ него яму“ также за то, что онъ хотѣлъ „наказывать и смерти предать“ „судей, которые дѣла судятъ неправедно и разоряютъ народъ“.



Поимка Пугачева въ Уральскѣ 1775 г. (рис. Шуберта).

— Присмотрѣна мною,—заявлялъ Пугачевъ, разыгрывая свою „царскую“ роль,—многая неправда.

Этимъ онъ давалъ понять, что „показался“ для установленія въ Русской землѣ „правды“...

Съ самаго начала мятежа, когда онъ еще только закипалъ подъ Оренбургомъ, яицкіе казаки, пріѣзжая въ помѣщичьи экономіи, объявляли крестьянамъ „волю“.

„Мы посланы,—сообщали они,—изъ арміи государя Петра Ѳедоровича разорять помѣщичьи дома и давать крестьянамъ свободу“.

И затѣмъ слѣдовало внушеніе:

„Смотрите же, мужики, отнюдь на помѣщика не работайте и никакихъ податей ему не платите; а если мы впередъ застанемъ васъ на помѣщичьей работѣ, то всѣхъ переколемъ".

Другой пугачевскій эмиссаръ—башкирецъ передалъ крестьянамъ болѣе радикальное высочайшее повелѣніе: „Ежели кто помѣщика убьетъ до смерти и домъ его разоритъ, тому дано будетъ жалованье 100 р., а кто 10 дворянскихъ домовъ разоритъ, тому 1.000 р. и чинъ генеральскій".

Такова была „правда" „показавшагося" народу „государя", таковы были способы ея осуществленія въ жизни. Неудивительно, что оренбургскіе помѣщики сразу побѣжали изъ своихъ имѣній: они тоже поняли, что пришла расплата за крѣпостное право со всѣми его ужасными, развращавшими и господъ и ихъ „подданныхъ" послѣдствіями... Такъ съ самаго начала мятежа Пугачевъ и его сообщники разсчитывали на крѣпостныхъ и послѣдніе сейчасъ же приняли участіе въ движеніи... Чѣмъ дальше развивалось движеніе, бывшее вначалѣ преимущественно бунтомъ казаковъ и башкиръ со привходящими въ него другими протестующими, русскими и инородческими, элементами, тѣмъ яснѣе становилось, что въ дальнѣйшемъ теченіи ему суждено сдѣлаться широкимъ соціальнымъ движеніемъ „бѣдной" (по выраженію Пугачева) „черни", преимущественно крѣпостного крестьянства. Когда Пугачевъ изъ Башкиріи появился въ Пермскомъ краѣ, поднялись заводскіе крестьяне, далеко не новички въ „непослушаніи"... заводскимъ и другимъ властямъ, столь энергично протестовавшіе, какъ мы видѣли, противъ наваливаемыхъ на нихъ тягостей еще въ недавнее предъ тѣмъ время...

„Это бунтъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, холоповъ противъ господъ", сказалъ знакомый съ крестьянскимъ „непослушаніемъ" Бибиковъ.

Хотя отдѣльные помѣщики на степномъ оренбургскомъ просторѣ явили собой яркіе типы свирѣпыхъ крѣпостниковъ, тѣмъ не менѣе, въ Казанской губерніи крѣпостное право свило себѣ гораздо болѣе прочное гнѣздо; это была въ значительной мѣрѣ дворянская губернія, и не даромъ Екатерина объявила себя „казанской помѣщицей". Въ Казанской губерніи Пугачевъ, собственно, впервые соприкоснулся съ тѣмъ громаднымъ крѣпостнымъ райономъ, въ которомъ, по его предположенію, онъ долженъ былъ имѣть столь же громадный, „всенародный" успѣхъ. Помимо крѣпостныхъ, въ Казанской губерніи положеніе и государственныхъ крестьянъ было весьма бѣдственнымъ. Какъ извѣстно, иные изъ нихъ были приписаны къ заводамъ, иные—къ казеннымъ корабельнымъ лѣсамъ. Подполковникъ Свѣчинъ, посланный въ началѣ екатерининскаго царствованія сюда для изслѣдованья (кромѣ другихъ вопросовъ) „причины бѣдности Казанской губерніи государственныхъ крестьянъ", въ „рапортѣ" отъ 29 февраля 1764 г. удостовѣряетъ, что, „вслѣдствіе разныхъ обидъ и народныхъ поборовъ", „многіе" крестьяне „приве-

дены въ безнадежность“ по отношенію къ платежу подушныхъ денегъ. Свидѣтельствуетъ Свѣчинъ и о слѣдующемъ: производя дознаніе о притѣсненіяхъ, онъ отбиралъ „письменныя сказки“, но и „письменныя сказки“ не удовлетворили Свѣчина: въ нихъ „весьма мало“ показывали „именами и фамиліями тѣхъ, отъ кого не только обиды, но и самыя грабительства происходили“; при этомъ ссылались на незнаніе, но, „по примѣчанію“ Свѣчина, многіе скрывали истину, „опасаясь слѣдствіевъ, а отъ того ожидая наиболѣе разоренієвъ“; обратился Свѣчинъ въ „присутственныя мѣста“: онъ ожидалъ отъ нихъ „вспоможенія“ въ его дознаніи, но „вмѣсто того, — доносилъ Свѣчинъ Сенату, — о чемъ казанская губернская канцелярія и оная (казанская адмиралтейская) контора основательное свѣдѣнье безотговорочно должны имѣть, въ промеморіяхъ своихъ о многихъ нужностяхъ для меня весьма потребное темнятъ, такъ что праваго съ виноватымъ и самаго дѣла основательно знать не можно“ [1]).

Емелька Пугачевъ.

Такъ правительственный ревизоръ, какъ и Пугачевъ, „присмотрѣлъ“ въ чиновникахъ много „неправды“, которой прикрывались и господство ихъ произвола и запуганность населенія. Если правительственный ревизоръ увидалъ, что отъ чиновниковъ невозможно добиться „правды“, то о простомъ народѣ и говорить нечего: искони въ немъ утвердилось убѣжденіе, что правда и чиновникъ — несовмѣстимы. И вотъ когда въ чреватой всякими „неправдами“ Казанской губерніи появился Пугачевъ, признанный простымъ народомъ въ качествѣ „истиннаго“ царя, крестьянство этого края широкой волной хлынуло къ нему, и движеніе мужицкой волны не остановилось и послѣ (вслѣдъ за казанскимъ тріумфомъ) неудачи Пугачева подъ Казанью... Весь простой на-

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Дѣла Правит. Сената $\frac{\text{№ части. 936}}{\text{Общ. 3419}}$: объ осмотрѣ Казанской губерніи съ 1762 по 1767 г.

родъ былъ „въ великомъ колебаніи“, какъ сообщалъ самъ побѣдитель самозванца Михельсонъ. „Не можно себѣ представить, — писалъ другой очевидецъ, тоже военачальникъ, но въ иномъ родѣ, — до какой крайности весь народъ въ здѣшнемъ краю бунтуетъ... Источникомъ онаго крайнее мздоимство, которое народъ разорило и ожесточило“.

Бунтовали не только крѣпостные, но и экономическіе и государственные крестьяне, русскіе и инородцы. Усиленнымъ движеніемъ къ Пугачеву крестьянства только и объясняется та быстрота, съ которой самозванецъ „сколлялся“ послѣ пораженій. Будучи повторно разбитъ Михельсономъ подъ Казанью, Пугачевъ на другой же день имѣлъ въ своемъ станѣ 15.000 чел.; это были мужики, сбѣжавшіеся сюда изъ окрестностей, вооруженные дубинами и разными орудіями крестьянскаго хозяйства, а то и просто съ однѣми голыми руками и готовностью добиться, при посредствѣ „царя - батюшки“, лучшей себѣ доли, пока же подъ его покровомъ расправиться съ барами и чиновниками и пограбить ихъ имущество. Пугачевскій манифестъ, объявленный крестьянамъ по переходѣ самозванца чрезъ Волгу, обѣщалъ имъ новую, „спокойную жизнь“ „до вѣка“. Этотъ манифестъ награждалъ крестьянство, помимо „древняго креста, молитвы, головъ и бородъ“, „вольностью и свободою“ отъ „подданства“ помѣщикамъ, отъ рекрутства и всякихъ податей, а также „землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами безъ покупки и безъ оброку“. Это для крестьянства.

А дворянству—смерть.

„Манифестъ“ призывалъ крестьянъ къ истребленію „злодѣевъ-дворянъ“: „кои дворяне въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, — оныхъ, противниковъ нашей власти, возмутителей имперіи и разорителей крестьянъ ловить, казнить и вѣшать и поступать равнымъ образомъ такъ, какъ они, не имѣя въ себѣ христіанства, чинили съ своими крестьянами“ Это „высочайшее повелѣніе“ имѣло характеръ лютой мести дворянству и, вполнѣ отвѣчая накопленнымъ въ крестьянствѣ чувствамъ къ „господамъ“, явилось отрицательной стороной той „правды“, которую „настоящій пастырь“ несъ своимъ овцамъ,— черному народу; положительной стороной этой „правды“ было дарованіе крестьянству воли и земли [1]).

Объявленіе такой „правды“ вызвало быстрое разлитіе крестьянскаго возстанія по поволжскимъ губерніямъ, съ многочисленнымъ крѣпостнымъ населеніемъ. Начался послѣдній, самый страшный, актъ Пугачевщины: кре-

---

[1]) Общій характеръ пугачевской агитаціи и причина ея успѣха среди крестьянства настолько ясны, что тогда же, въ ближайшее къ пугачевщинѣ время, отмѣчались иностранцами: «Il vouloit,—разсказываетъ о Пугачевѣ (ссылаясь на самого самозванца) Кастера въ своемъ сочин.: „Histoire de Catherine II,—verser, jusqu'à la dernière goutte, le sang de cette noblesse russe si hautaine et si tyrannique“ (174). А крестьянъ заставляло входить въ пугачевскія банды, по выраженію того же автора: „le seul nom de la liberté et le désir de fuir des maitres oppresseurs“... (185).

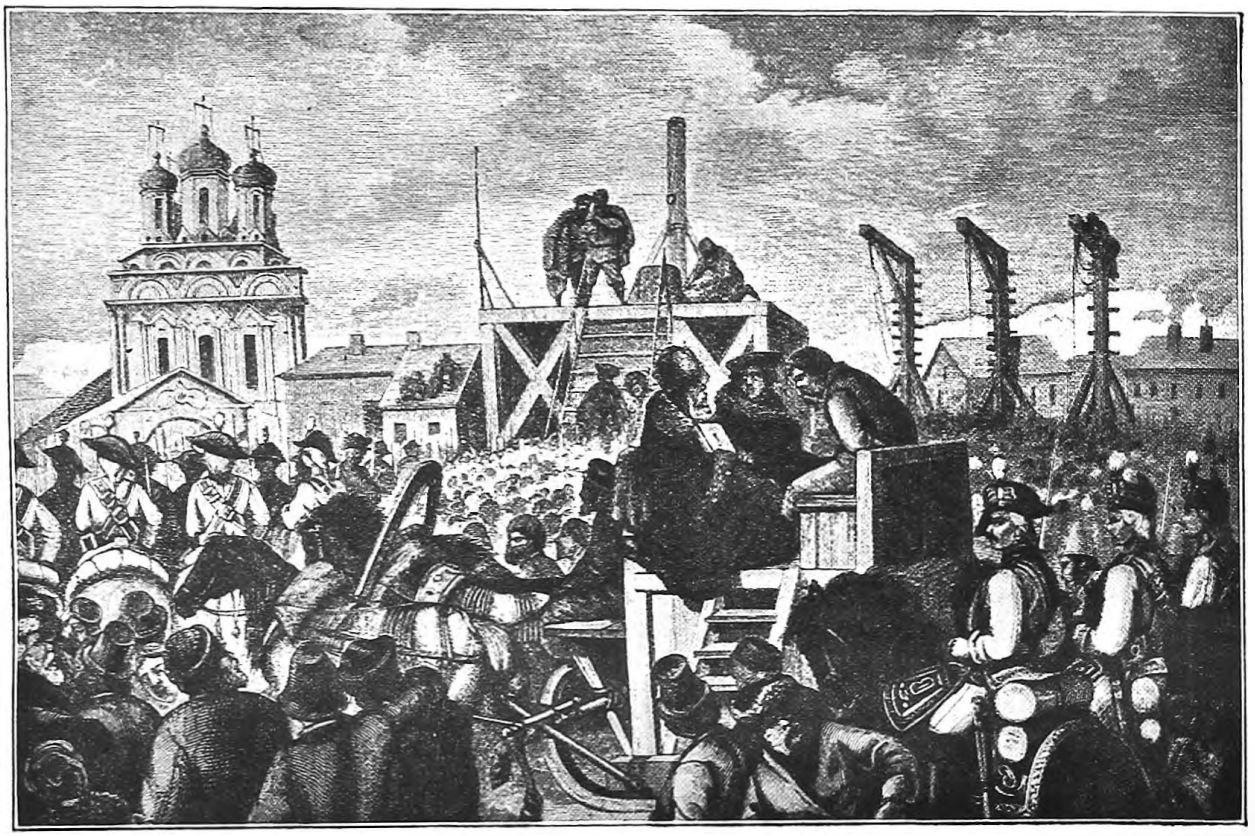
стьянское мщеніе достигло грандіознѣйшихъ размѣровъ. Кровью было залито все громадное пространство. гдѣ происходило избіеніе помѣщиковъ, разграбленіе и разгромъ ихъ усадебъ,—словомъ, всюду, гдѣ кипѣла русская жакерія.

За крѣпостнымъ крестьянствомъ поднялись „государственные крестьяне“ - инородцы: вотяки, татары, черемисы, чуваши, мордва, положеніе которыхъ было мало выносимо отъ великихъ чиновничьихъ злоупотребленій... Наступили „черныя“ для „господъ“ времена, „послѣднія времена“, по выраженію современника. Помѣщики въ паникѣ бѣжали изъ своихъ имѣній, куда только можно было скрыться, лишь бы спастись отъ разсвирѣпѣвшаго народа. Многіе прятались въ лѣсахъ, какъ бы смѣнивъ въ нихъ бѣглыхъ крестьянъ, находившихъ здѣсь раньше пріютъ отъ дворянской ярости. Теперь пришло мужицкое „время“, и явился на смѣну обычнаго, нерѣдко жестокаго барскаго самосуда безпощадный народный самосудъ. Множество помѣщиковъ было поймано. Пьяная отъ вина и крови толпа. натѣшившись и надругавшись надъ ними, многихъ изъ нихъ умерщвляла на мѣстѣ; при этомъ не щадились ни женщины ни дѣти... Бывало, схватитъ кто-нибудь изъ мятежниковъ дворянскаго младенца и размозжитъ ему головку о стѣну... Происходили страшныя, до спхъ поръ незабывшіяся, сцены, много разъ описанныя и потому хорошо извѣстныя всѣмъ людямъ... Не обходилось, однако, и безъ „суда“ надъ помѣщиками. Нѣкоторыхъ изъ нихъ, схваченныхъ прибывшими пугачевцами и примкнувшими къ нимъ крестьянами, согласно толкованію пугачевскаго манифеста, приводили къ самому „государю“, и здѣсь уже, въ ставкѣ самозванца, начиналось дознаніе объ отношеніи ихъ къ крестьянамъ. Случалось изрѣдка,

Пугачевъ. (Грав. Гиллерса).

что крестьяне давали показаніе въ пользу помѣщика, и тогда онъ избѣгалъ казни; для большинства же помѣщиковъ, какъ и во времена Разина, „обликованныхъ“ крестьянами, судъ Пугачева заканчивался висѣлицей.

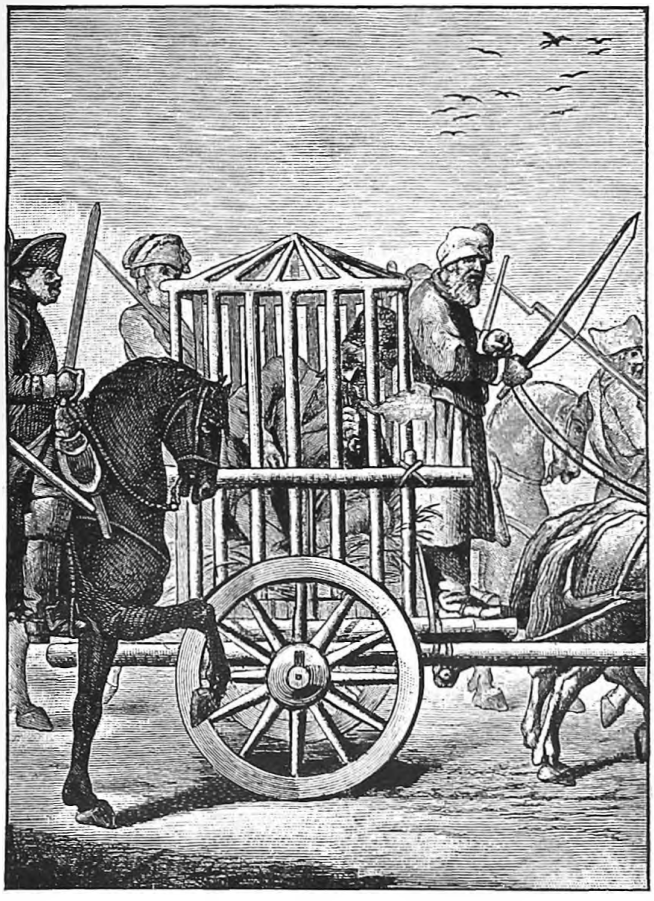
Обширный, охваченный мятежомъ, край остался безъ властей: начальство бѣжало или гибло отъ инсургентовъ; но крестьяне, полагавшіе, что только царь можетъ справедливо разрѣшить возбуждаемые ихъ жизнью вопросы, не смущались отсутствіемъ правительственныхъ властей и адресовали свои просьбы прямо на имя „государя“, самолично явившагося къ народу. Такъ,



Казнь Пугачева. (Съ картины Шарлеманна).

напр., крестьяне одной деревни, бывшіе на оброкѣ, захватили помѣщичій хлѣбъ, засѣянный крестьянами другой вотчины того же помѣщика, бывшими на барщинѣ, и вотъ послѣдніе обратились къ самозванцу съ просьбой о „повелѣніи“ дать имъ „изъ господскаго хлѣба“ „на пропитаніе и осѣмениться, за что мы, сироты ваши,—прибавляли челобитчики,—должны вѣчно Бога молить за ваше здравіе, великаго государя“. Но „великому государю“ въ сущности не было никакого дѣла до его „сиротъ“. Онъ не воспользовался огромнымъ крестьянскимъ возстаніемъ въ поволжскихъ губерніяхъ (нынѣшнихъ — Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и

Астраханской), перешедшимъ также въ губерніи Воронежскую и Тамбовскую, и сильнымъ броженіемъ, начинавшимся въ центральныхъ частяхъ государства и даже въ столицахъ—Москвѣ и Петербургѣ. Бунтъ, вмѣстѣ со среднимъ и южнымъ Пріуральемъ и частью Западной Сибири, захватилъ почти половину Россіи; естественно, и другая ея половина въ лицѣ простонародья поднялась бы на дворянство и Екатерину, если бы Пугачевъ двинулся на Москву; но онъ не отважился на такой смѣлый, рѣшительный шагъ, потому что это былъ обыкновенный авантюристъ бродячей Руси, а не настоящій борецъ за народное дѣло, — человѣкъ, не вѣрившій въ конечный успѣхъ своей „царской“ карьеры, дѣйствовавшій по принципу — „хоть часъ, да мой“, человѣкъ, который, половивъ рыбки въ мутной водѣ „общественно - патологическаго состоянія“ имперіи, испугался дальнѣйшаго риска, будучи подавленъ величіемъ предстоявшей задачи, и понадѣялся ускользнуть отъ правительственнаго возмездія, скрыться въ неоглядныхъ прикаспійскихъ степяхъ, а потомъ пробраться куда-нибудь дальше, за „предѣлы досягаемости“...



Пугачевъ въ клѣткѣ. (Изъ книги Димитріева-Мамонова).

Изъ Нижегородской губерніи Пугачевъ стремительно бросился къ югу, убѣгая отъ начавшихъ энергично его преслѣдовать правительственныхъ отрядовъ. Сначала онъ, какъ утопающій, схватился за соломинку: намѣревался искать убѣжища и помощи тамъ, откуда былъ родомъ, — на Дону, но вскорѣ понявъ, что на сородичей нѣтъ надежды, разбитый Михельсономъ на-голову ниже Сарепты, кинулся, какъ затравленный волкъ, въ заволжскую степь, „въ мѣсто такого нахожденія, кое всю мятежную тварь въ себя вмѣщаетъ“, —въ мѣсто, откуда вышелъ этотъ мужицкій „царь“ и гдѣ онъ разсчитывалъ исчезнуть изъ глазъ правительства, смѣшаться съ многочисленнымъ классомъ безвѣстныхъ бродягъ...

Всюду по пути бѣгства Пугачева поднималось крестьянство, но это возстаніе сейчасъ же оставалось позади признаннаго народомъ „Петра Ѳедоровича“, спѣшившаго дальше, съ тянувшимся за нимъ многочисленнымъ таборомъ крестьянъ, дворовыхъ и др., съ женщинами и дѣтьми... Это возстаніе, естественно, разбилось на цѣлый рядъ отдѣльныхъ бунтовскихъ операцій. У каждой пугачевской шайки былъ свой предводитель, дѣйствовавшій отъ имени „государя“ или прямо какъ „государь Петръ III“. Эти мелкіе „Пугачи“, большею частью крестьяне, сыграли крупную разрушительную роль. Благодаря имъ, взволновавшееся крестьянское море не сразу улеглось и послѣ того, какъ главный „Пугачъ“ былъ пойманъ и посаженъ въ желѣзную клѣтку. Но все-таки крестьянъ, равно какъ и всѣ другіе общественные элементы, принимавшіе участіе въ Пугачевщинѣ, ждало „успокоеніе“. Движеніе было широкое, энергичное, безпощадное, объединенное единствомъ настроенія; но оно было стихійное и не имѣло организаціи для единства дѣйствія; руководителей его хватило только на то, чтобы, воспользовавшись наличной крестьянской идеологіей (обусловленной всѣмъ тѣмъ, что дала народу его исторія, и, въ частности, низкой степенью культуры его низшихъ классовъ), выкинуть знамя возстанія и вызвать соотвѣтствующее настроеніе въ крестьянствѣ, но у нихъ не хватило ни духовныхъ, ни матеріальныхъ средствъ, чтобы донести это знамя при общей поддержкѣ „черни“, крестьянства, до политическихъ центровъ государства, подобно тому, какъ это сдѣлалъ когда-то Лжедмитрій I. Поэтому бунтовавшимъ областямъ пришлось жестоко поплатиться за попытку старымъ средствомъ, но безъ подходящихъ къ тому условій въ „заводчикахъ“ дѣла, названнаго Екатериной нѣсколько утрированно „фарсой“, завоевать народу свободу. Населеніе мѣстностей, гдѣ прошелъ мятежъ, заплатило своею кровью и окончательнымъ разореніемъ за Пугачевщину. Гр. Петръ Панинъ, главный дѣятель по „успокоенію“, ретивость коего великодушно сдерживала Екатерина, приказалъ „пересѣчь жестоко плетьми всѣхъ крестьянъ“, прикосновенныхъ къ бунту, но этимъ не ограничился... Онъ велѣлъ „у пахарей, негодныхъ въ военную службу, на вседашнюю память ихъ преступленія, урѣзать у одного уха“... Но и этого мало:

П. И. Панинъ (раб. Эриксона).

отъ каждыхъ 300 чел. крестьянъ бунтовавшихъ губерній одинъ былъ, по приказанію П. Панина, повѣшенъ, а для вящшаго назиданія народу тѣла казненныхъ этимъ же „успокоителемъ“ было велѣно „положить по всѣмъ проѣзжимъ дорогамъ“. Населеніе, устрашенное такими мѣрами, мало-по-малу „успокоилось“... Активная Пугачевщина кончилась, явившись, такимъ образомъ, бѣдствіемъ не только для дворянства, но и для крестьянства. Это была какъ бы внезапно налетѣвшая грозная буря, не пощадившая никого, безъ различія состояній.

IV.

Волненіе крестьянъ послѣ Пугачевщины (въ XVIII ст.).

Терроръ, подавившій Пугачевщину, произвелъ на крестьянство настолько сильное, потрясающее впечатлѣніе, что довольно долго, въ теченіе 2-хъ десятилѣтій, не возникало сколько-нибудь серьезнаго крестьянскаго движенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли можно отрицать, что однимъ изъ тяжелыхъ результатовъ Пугачевщины было укрѣпленіе въ крестьянской психикѣ недовѣрія и даже ненависти къ барину. Эта ненависть сейчасъ же вспыхивала, какъ только возникалъ какой-либо конфликтъ между крестьянами и помѣщикомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ, напр., разсказъ извѣстнаго Болотова о крестьянскомъ „непослушаніи“ вскорѣ послѣ казни Пугачева, когда въ отвѣтъ на брань барина предводитель крестьянской толпы самъ обругалъ его и чуть было не схватилъ за воротъ...

Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ послѣ Пугачевщины ухудшилось, ибо и средній размѣръ оброка увеличился, обнаруживая тенденцію еще болѣе возрасти, и господскій произволъ развертывался еще наглѣе послѣ побѣды дворянства надъ крестьянствомъ. Невыносимость положенія крестьянъ заставляла ихъ иногда встряхиваться, и тогда то тамъ, то сямъ снова рябило отъ крестьянскихъ „противностей“, слышались всплески въ глубинахъ своихъ неспокойнаго моря... Сколько извѣстно, такія отдѣльныя, разновременныя и разномѣстныя „противности“ произошли въ 20 вотчинахъ на протяженіи 20 лѣтъ. Значитъ, въ общемъ было „спокойно“. Тихо было и на восточной, заводской окраинѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, и раньше Пугачевщины шумѣли крестьянскія волненія... Екатерина II полагала, что ея манифестъ 1779 года (21 мая), точно опредѣлившій, какія работы обязательны для заводскихъ крестьянъ, и есть та причина, почему съ тѣхъ поръ „ничего“ о заводскихъ волненіяхъ стало „не слышно“, почему „безпокойства пресѣклись“ [1]). Но въ двадцатилѣтній періодъ относительнаго спокойствія успѣло возмужать новое

[1]) П. С. З., XX, 14878; Сочинен. Екат., XII, 523.

поколѣніе, которому было чуждо ощущеніе подавленности отъ жестокаго усмиренія 1775 года, и со вступленіемъ на престолъ Павла крестьяне во многихъ мѣстностяхъ снова открыто отказались терпѣть помѣщичій гнетъ и произволъ. По великому морю русскаго крестьянства опять заходили гнѣвныя волны... Это новое крестьянское движеніе, быстро разрастаясь, заставило напуганныхъ дворянъ подумать, что начинается новая Пугачевщина.

Первыя извѣстія (въ декабрѣ 1796 г.) о крестьянскихъ волненіяхъ пришли въ Петербургъ изъ Олонецкой губерніи, а потомъ вскорѣ (въ январѣ 1797 г.) еще изъ 11 губерній — Орловской, Московской, Псковской, Новгородской, Новгородъ-Сѣверской, Ярославской, Нижегородской, Пензенской, Калужской, Костромской и Вологодской; но крестьянское „непослушаніе“ не остановилось въ этихъ предѣлахъ: перекидываясь изъ губерніи въ губернію, оно охватило 32 губерніи [1]). Причины новаго серьезнаго крестьянскаго движенія—прежнія: крѣпостное право и, особенно, его крайне обременительная во многихъ мѣстахъ „практика“... Эти причины выясняются самими крестьянами въ ихъ жалобахъ и заявленіяхъ. Указывали крестьяне на свое печальное экономическое положеніе, на крайнее разореніе отъ оброковъ и поборовъ, достигающихъ иной разъ очень крупныхъ цифръ,—до 30—35 р. въ годъ съ души, а часто до 7—15 р. съ души и до 20 р. съ вѣнца [2]). Жаловались крестьяне на тяжелыя работы по такъ называемой „барщинѣ“,—работы ежедневныя, не обходившія даже праздниковъ. Заведеніе помѣщиками въ вотчинахъ фабрикъ и заводовъ, способствуя индустріальному прогрессу въ земледѣльческой странѣ, въ то же время оказывалось въ высшей степени отяготительнымъ и разорительнымъ для крѣпостныхъ массъ. При извѣстной быстротѣ распространенія дворянскихъ фабрикъ и заводовъ неудивительна интенсивность крестьянскаго протеста противъ помѣщичьяго произвола, такъ или иначе связаннаго съ крѣпостнымъ фабрично-заводскимъ производствомъ. Мы видѣли, какъ энергично боролись, не говоря о государственныхъ, даже помѣщичьи крестьяне противъ пріобщенія ихъ къ фабрично-заводскому дѣлу въ половинѣ

---

[1]) Однако ни въ Казанской ни въ Симбирской губерніяхъ волненій не возникло, и это, надо думать, свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь наиболѣе была свѣжа память о панинскомъ террорѣ и «успокоеніи».

[2]) Въ концѣ царствованія Екатерины средній оброкъ, которымъ облагали помѣщики крестьянъ, былъ равенъ 5 р. съ души. Даже 7 р. съ души крестьяне готовы были считать за неотяготительный оброкъ, когда онъ смѣнялся оброкомъ въ 11 р., какъ это было, напр., въ одномъ имѣніи Бѣлорусской губерніи; оно сначала принадлежало Н. П. Панину, требовавшему съ крестьянъ 7 р. «безъ всякой услуги», и этого владѣльца (коего не слѣдуетъ смѣшивать съ «усмирителемъ» Пугачевщины Петромъ Панинымъ) крестьяне называли своимъ «отцомъ, а не господиномъ», и говорили, что они молятся «за его преставшую душу»... И вполнѣ понятна такая память крестьянъ о Никитѣ Панинѣ, когда какой-то баронъ, къ которому они поступили отъ Д. И. Фонвизина, соблюдавшаго панинскую норму, установилъ 11-рублевый оброкъ (съ души) и въ 4 года крестьянъ «до крайности поразорилъ», а слѣдующій за барономъ владѣтель (Ф. П. Рысинскій) «началъ ихъ пуще прежняго разорять».

XVIII в., когда это дѣло, можно сказать, только начиналось; къ концу вѣка въ дворянствѣ вкусъ къ этому дѣлу сильно развился: дворянская фабрика сдѣлалась обычнымъ явленіемъ, эксплуатація крестьянскаго труда для дворянской промышленности увеличилась, положеніе крестьянъ ухудшилось, естественно вызвавъ въ нихъ и болѣе широко распространенное и болѣе острое недовольство. Въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко увлеченіе помѣщиковъ фабрично-заводскимъ дѣломъ ставило крестьянъ въ невыносимое, безвыходное положеніе. Задумаетъ помѣщикъ строить заводъ въ своей вотчинѣ,—и если ему здѣсь нужно мѣсто для постройки „жилыхъ дворовъ и избъ“, то вся деревня переводится въ другія селенія, а ея поле помѣщикъ „приказываетъ пахать на себя“; при этомъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ такія хозяйственныя операціи повліяютъ на экономическое и моральное состояніе переселенныхъ. „Господинъ нашъ,—жаловались потомъ крестьяне,—когда заводъ строили, цѣлое селеніе разорилъ“.

Подвѣсь за ребро. (Грав. XVIII в. изъ кол. Дашкова).

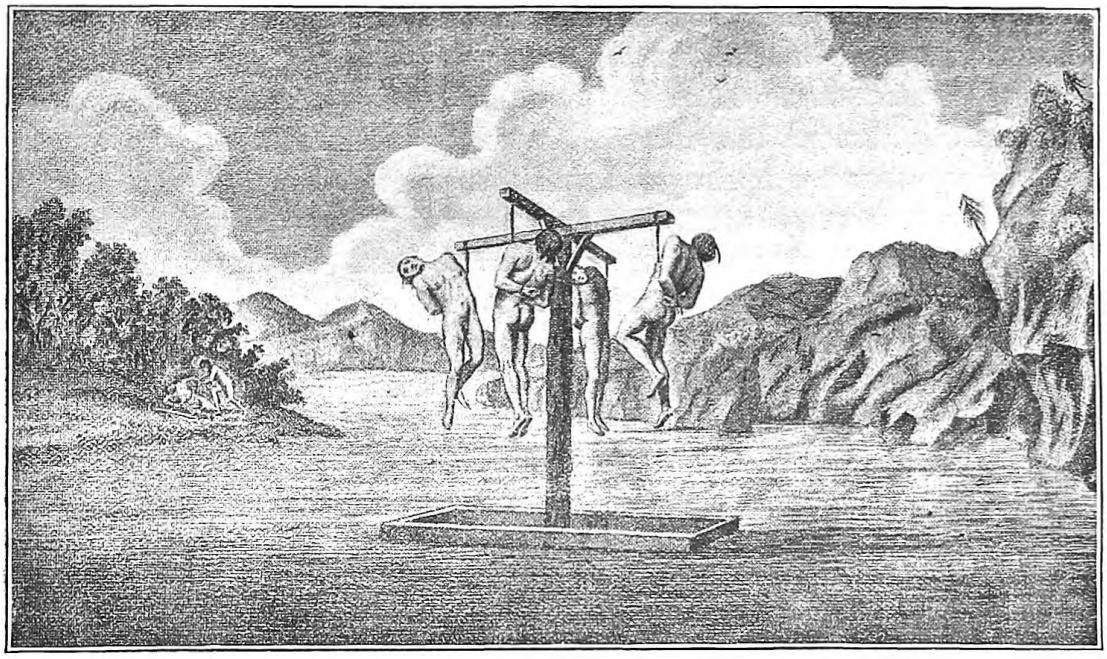
Заводъ готовъ. У крестьянъ „довольно“ господской работы — пашенной, сѣнокосной и строенія; но теперь помѣщикъ — заводчикъ, и крестьяне, „сверхъ оныхъ работъ“, наряжаются на другія, необходимыя для завода; такъ, по одной крестьянской жалобѣ каждый мужчина отъ 15 до 70 лѣтъ былъ обязанъ заготовить для завода въ годъ 30 саж. дровъ и 30 четв. золы. Сначала, разсказываетъ та же жалоба, крестьяне исполняли эти уроки; но потомъ число работниковъ уменьшилось, ибо 15 чел. помѣщикъ свезъ въ другія мѣста, многихъ продалъ въ рекруты, многіе разбѣжались „отъ несносныхъ работъ и тягчайшаго наказанія“, и тогда оставшимся пришлось совсѣмъ невмоготу, а господинъ уже увеличилъ „уроки“, накинувъ по 3 саж. дровъ и по 3 четв. золы на человѣка; уроки стали не выполняться, за

что „работныхъ людей“ „сѣкли немилосердно“ „каждую недѣлю“. Не довольствуясь этимъ регулярнымъ наказаніемъ, помѣщикъ 30 декабря 1796 г., прибывъ въ стеклянный заводъ, началъ обривать головы „работныхъ людей“ и хотѣлъ ихъ всѣхъ поголовно пересѣчь; тогда они „поклонились“ ему и отказались работать, или, какъ говоритъ жалоба, „прочь отъ него отошли“, сказавъ суровому господину: „Мы изъ силъ своихъ вышли и вашихъ уроковъ сработать не можемъ, потому что мы хлѣба уже для пропитанія не имѣемъ, также одежи и обутки на насъ нѣту, а всегда и съ женами нашими на вашей господской работѣ непремѣнно день и ночь работаемъ, отъ мразу и гладу умираемъ, а пропитаніе имѣемъ только-только, какъ маленькія ребята наши, ходя въ міръ, напросятъ и насъ питаютъ“. Вотъ отчетливо выраженныя самими крестьянами причины ихъ волненій въ павловское царствованіе. Онѣ сводятся попрежнему къ тому соціально-экономическому гнету, въ которомъ выражалось въ жизни крѣпостное право; какъ и раньше, къ чрезвычайно тяжелому матеріальному положенію нерѣдко присоединялось не менѣе тяжелое моральное — насилія надъ личностью крѣпостныхъ, изнемогавшихъ, какъ видимъ, подъ „тягчайшими наказаніями“, а также подъ бременемъ другихъ крѣпостныхъ отношеній; особенно жутко приходилось женщинамъ и дѣвушкамъ, даже дѣвочкамъ, склоняемымъ къ разврату и подвергаемымъ за отказъ разнымъ истязаніямъ и надругательствамъ...

Администрація прикрывала помѣщиковъ и старалась ослабить крестьянскія жалобы; но все-таки и администрація принуждена была иногда указывать на малоземелье (при надѣлѣ по 1 десятинѣ въ 3 поляхъ) и на крестьянское нищенство...

Въ крестьянскихъ жалобахъ, въ которыхъ болѣе или менѣе громко слышится стонъ крестьянской души, не было ничего преувеличеннаго. Факты, устанавливаемые чрезъ нихъ, и другіе, о которыхъ сообщаемое въ нихъ заставляетъ думать, назойливо преслѣдуютъ наблюдателя на всемъ протяженіи крѣпостной эпохи и твердятъ ему объ одной и той же, утомительно повторяющейся повѣсти—о томъ, какъ невозможныя условія жизни крѣпостного—требовательные поборы, повинности, барщина, рекрутство и „мучительства“ отъ помѣщиковъ—вызывали вѣчно напряженное, то унылое, то гнѣвное состояніе крестьянской психики, жалобы „государю“ на горькую крестьянскую долю, сообщающія всей исторіи крѣпостного крестьянства скорбный, плачущій характеръ. Эта повѣсть, наконецъ, говоритъ и о томъ, какъ въ случаяхъ особенно крайняго состоянія и раздраженія являлось неповиновеніе помѣщикамъ и властямъ, какъ возникали крестьянскія волненія... Помѣщичья фабрика, помѣщичій заводъ были одной изъ существенныхъ причинъ волненій 1796—1797 гг.: не даромъ за означенное время отмѣчаютъ болѣе 20 волненій именно на почвѣ „господской“ промышленности.

Нами еще разъ подчеркнуты и суммированы постоянно дѣйствовавшія силы крестьянскихъ волненій, всегда глухо рокочущія въ глубинѣ крестьянскаго общества; онѣ сообщаютъ волненію упорство и устойчивость, когда оно началось; но при всей безвыходности положенія крестьянъ ихъ открытое широкомассовое движеніе никогда, какъ мы видѣли, не начиналось безъ какого-нибудь внѣшняго повода, за который могла бы ухватиться народная мысль для пропаганды и боевого, весьма рискованнаго, выступленія противъ соціальнаго гнета. Такъ было и теперь. Воцареніе новаго государя вызвало въ крестьянахъ обычную надежду на него, возникаемую съ той же удручающей наблюдателя повторяемостью, съ какой повторяются крестьянскія жалобы



„Русскій обычай“ наказан я поволжскихъ разбойниковъ. (Съ гравюры Hanway's 1754 г.).

на бѣдствія отъ помѣщиковъ... Отсюда—ожиданіе „указа“ и неправильное, но согласное съ крестьянскими желаніями и мечтами, толкованіе указа, уже изданнаго. Павломъ былъ обнародованъ указъ о присягѣ и для крестьянъ; тотчасъ же среди „послѣднихъ рабовъ“ пошелъ слухъ о волѣ. Присягать велѣно, говорили въ народѣ, „для того, чтобы крестьянамъ не быть за помѣщиками“, а потомъ вскорѣ по всей Россіи распространилась увѣренность крѣпостного крестьянства въ томъ, что царь далъ „волю“, но что „господа“ ее скрыли. Это и было „ближайшимъ поводомъ“ къ начавшемуся сильному броженію и волненіямъ. Указъ 12 декабря 1796 г. о дозволеніи крестьянамъ подавать жалобы на высочайшее имя, повлекшій за собой цѣлый жалобный потокъ, разумѣется, не могъ не укрѣпить увѣренности крестьянства въ томъ, что царь

на его сторонѣ, что лишь помѣщики стоятъ на пути освобожденія крестьянъ изъ неволи. Чего же крестьяне желали, по освобожденіи, въ этотъ моментъ?

Современникъ свидѣтельствуетъ, что крестьяне поднялись, будучи побуждаемы „слухомъ“ „отъ злонамѣренныхъ людей“, что „у помѣщиковъ крестьянъ не будетъ“, „что все будетъ государщина“. Этотъ же современникъ замѣчаетъ, что слово это—государщина—„мужичье“. Отсюда ясно, что разсматриваемое движеніе не имѣло по отношенію къ существующему государственному порядку анархическаго характера: крѣпостные „мужики“ стремились только перейти въ разрядъ государственныхъ крестьянъ; „государщина“—вотъ предѣлъ желанія волновавшихся крестьянъ въ царствованіе Павла; въ иныхъ случаяхъ они отказывались даже не отъ помѣщиковъ, а только отъ слишкомъ тяжелыхъ повинностей, наложенныхъ на нихъ помѣщиками, какъ это часто бывало и до Пугачевщины. Павловскія „крестьянскія волненія“ блистательно опровергаютъ мнѣніе современника-дворянина, что „крестьяне считаютъ милостью и преимуществомъ переходъ въ частное владѣніе“ [1]): наоборотъ, изъ „частнаго владѣнія“ они стремились въ „государщину“.

Въ крестьянскомъ движеніи при Павлѣ, какъ и раньше, въ Разиновщинѣ и Пугачевщинѣ, оказалось замѣшаннымъ сельское духовенство [2]).

Представители этого сословія не только распространяли „слухъ“ о мнимыхъ освободительныхъ манифестахъ и писали крестьянскія прошенія государю, настрочаемыя иногда учащимися дѣтьми клира, семинарскими „штудентами“, но и принимали болѣе активное участіе въ движеніи. Попы, по официальнымъ извѣстіямъ, являлись иногда прямо предводителями крестьянъ, вооруженныхъ ружьями, топорами, дубинами... Необычайное иной разъ происходило въ сельской церкви.

Вотъ въ ней биткомъ набито крестьянами. На амвонѣ аналой. Царскія врата растворяются... Изъ нихъ выходятъ священники, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ и евангеліемъ. По положеніи этихъ священныхъ предметовъ на аналой крестьяне одинъ за другимъ прикладываются къ нимъ, а также къ иконамъ и клянутся „въ единодушномъ до смерти стояніи“... Это—отправленіе на войну съ посланными для „усмиренія“ войсками, которыя постарому считались крестьянами не царской, а барской, наемной силой. Впрочемъ, какъ бы для полнаго устраненія вопроса о томъ, кто приказы-

---

[1]) «Русск. Арх.», 1869, т. VII, 1893 стр.

[2]) Объ этомъ, кромѣ другихъ данныхъ, свидѣтельствуетъ окружное посланіе вологодскаго архіерея къ духовенству, внушавшее ему не только не принимать въ открывшемся «непослушаніи» крестьянъ «ни малѣйшаго съ ними участія», но и удерживать отъ того «невѣждъ» и вразумлять ихъ, что они обязаны повиноваться «владыкамъ своимъ во всякомъ страсѣ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ». «Посланіе», какъ и слѣдовало ожидать, не отвратило «духовныхъ» отъ того или другого участія въ крестьянскомъ движеніи.

ваетъ крестьянамъ повиноваться, — царь или бары, говорилось, что въ данный моментъ совсѣмъ нѣтъ на Руси государя: именно такъ, по официальному извѣстію, „вралъ“ одинъ попъ и мотивировалъ свое „вранье“ тѣмъ, что Павелъ „не короновался“.

При агитаціи и содѣйствіи движенію со стороны духовенства „возмущеніе“ крестьянъ въ иныхъ мѣстахъ усиливалось до крайней степени, и бывало, что присланная недостаточная „команда“, какъ и въ прежнія вре-

Колесованіе. Гравюра XVIII в. (Изъ собр. Дашкова).

мена, побивалась вооруженной крестьянской толпой. Это, въ свою очередь, сдѣлавшись извѣстнымъ, еще болѣе усиливало и расширяло волненія.

Дворянство не на шутку испугалось. Ему, уже при началѣ движенія, стала мерещиться Пугачевщина.

... „Видимъ,—писалъ одинъ изъ членовъ этого сословія,—явно готовящійся бунтъ, весьма похожій на Пугачевскій“... Далѣе было высказано убѣжденіе, что всѣ крестьяне заражены отъ времени Пугачева духомъ отрицательнаго отношенія къ „благородному“ сословію, „дабы не было дворянъ“...

Напуганное воображеніе заставляло утверждать, что будто бы крестьяне поговаривали объ уничтоженіи не только дворянства, но и городовъ. Страстно желая отъ правительства и его агентовъ рѣшительныхъ и энергичныхъ мѣръ, дабы поскорѣе привести „взбунтовавшихся“ въ надлежащее повиновеніе, этотъ же дворянинъ, въ противномъ случаѣ, очень опасался, какъ бы „бунтъ“ „не разлился далеко“ и не перешелъ бы въ „истребленіе невинныхъ дворянъ, каковое было отъ Пугачева“. Жаловался этотъ дворянинъ на участіе въ движеніи и поповъ, „кои,—прибавлялъ онъ,—т.-е. деревенскіе, тѣ же мужики, только что грамотные“. Подобнымъ образомъ о крестьянскомъ движеніи 1796—97 гг. думали многіе дворяне; такъ, несомнѣнно, думало и само правительство, тоже хорошо помнившее Пугачевщину и теперь немедленно принявшее крайнія мѣры.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ движеніе было, дѣйствительно, внушительно. Такъ, въ Орловской губерніи, въ вотчинахъ кн. Голицыной и гр. Апраксина вооружилось и поднялось до 13.000 крестьянъ. И эта толпа, имѣя предводителя, заставила Ахтырскій гусарскій полкъ вмѣстѣ съ губернаторомъ ретироваться. Но, тѣмъ не менѣе, крестьянскія волненія при Павлѣ, обладая нѣкоторыми чертами пугачевскаго мятежа,—далеко не Пугачевщина. „Поводъ“, возбуждавшій одновременно почти по всей Европ. Россіи крестьянскія волненія, дѣйствительно, сближаетъ ихъ съ Пугачевщиной, равно какъ и со всѣми народными движеніями, которыя пытались осуществить якобы царскую волю. Но не говоря о сложномъ составѣ Пугачевщины, совсѣмъ несоизмѣримомъ съ чисто-крестьянскимъ движеніемъ при Павлѣ (и притомъ лишь помѣщичьихъ крестьянъ), мужицкій протестъ въ этомъ послѣднемъ движеніи далеко не достигъ полноты и опредѣленности пугачевскаго настроенія, разрушительной его силы и остроты, далеко не сдѣлался наступательнымъ... Если въ однѣхъ мѣстностяхъ крестьяне брались за дубовые колья и готовы были умереть за „волю“, то въ другихъ все дѣло протеста ограничилось броженіемъ и писаніемъ жалобъ далекому государю. Движеніе, по обыкновенію совсѣмъ не организованное, не имѣвшее ни общаго предводителя, ни малѣйшаго понятія, намека на планъ дѣйствій, представляло даже не бунтъ, а именно рядъ отдѣльныхъ мѣстныхъ броженій и волненій, связуемыхъ въ цѣлое движеніе только своими причинами и своимъ „поводомъ“. И потому, вполнѣ естественно, это движеніе рѣшительными мѣрами правительства было подавлено сравнительно очень быстро.

Было бы утомительно и не нужно разсказывать о всѣхъ этихъ „усмиреніяхъ“, отличавшихся тѣмъ же характеромъ, который намъ извѣстенъ по описанію волненій въ предшествовавшія царствованія. Я остановлюсь только на нѣкоторыхъ, особенно серьезныхъ проявленіяхъ крестьянскаго протеста. Наибольшую интенсивность пріобрѣло крестьянское движеніе въ губерніяхъ Орловской, Тульской и Калужской, т.-е. въ мѣстностяхъ, гдѣ не было Пуга-

чевскаго бунта. Здѣсь, именно въ Сѣвскомъ уѣздѣ (Орловской губ.), бунтующихъ собиралось, какъ упомянуто выше, до 13.000 человѣкъ. Въ Тульской губерніи движеніе тоже было интенсивно. Собираясь и въ гораздо меньшемъ числѣ, крестьяне отвергали не мнимый, а дѣйствительный манифестъ (29 января), требовавшій отъ крестьянъ повиновенія помѣщикамъ. Они не желали его слушать, считали подложнымъ и кричали:

— Умремъ, а не хотимъ быть за помѣщикомъ! Желаемъ остаться казенными!

Но еще раньше обнародованія манифеста о крестьянскомъ послушаніи Павелъ, сильно обезпокоенный разраставшимся движеніемъ, принялъ болѣе дѣйствительную мѣру для приведенія крестьянъ къ покорности. Высочайшія повелѣнія губернаторамъ—поскорѣе подавить возстаніе, собственноручные рескрипты императора начальникамъ отправляемыхъ командъ и многочисленные, то и дѣло скакавшіе изъ Петербурга „курьеры“,—все это мало подвигало впередъ „усмиреніе“, и Павелъ 20 января назначилъ общаго руководителя операціями противъ волнующихся—главнокомандующаго. Таковымъ явился генералъ-фельдмаршалъ и генералъ-губернаторъ Остзейскаго края и Литвы кн. Н. В. Репнинъ, прежняя служба котораго, общественное положеніе и чинъ указываютъ, какъ высоко оцѣнилъ Павелъ крестьянское движеніе.

Кн. Н. В. Репнинъ.
(Портр. Ивашкевича).

На другой же день по назначеніи кн. Репнинъ отправился усмирять прежде всего въ Вологодскую губернію. Хотя отсюда именно послышалось дворянское опасеніе новой Пугачевщины, въ этой губерніи крестьяне какъ разъ оказались довольно податливыми, сами принесли повинную, и въ военныхъ командахъ, направленныхъ сюда кн. Репнинымъ, здѣсь не встрѣтилось надобности; также безъ кровопролитія обошлось усмиреніе въ Ярославской и Владимирской губерніяхъ. Въ Ростовѣ Репнина настигъ курьеръ съ предписаніемъ отъ Павла спѣшить въ Орловскую губернію. Здѣсь, главнымъ образомъ, въ голицынской и апраксинской вотчинахъ „усмиреніе“ получило другой видъ. Еще до прибытія въ мятущійся Сѣвскій уѣздъ кн. Репнина въ мѣстечкѣ кн. Голицыной Рагодощѣ орловскій губернаторъ Воейковъ и ген. Линденеръ примѣнили къ дѣлу „усмиренія“ оружіе—стрѣляли по этому селу изъ двухъ пушекъ, послѣ чего собравшіеся здѣсь крестьяне принуждены были покориться, а главари возмущенія, нашедшіе было убѣжище на коло-

кольнѣ, сдались. Но крестьяне, собравшіеся въ селѣ Апраксина Брасовѣ, еще не были усмирены, и сюда-то (изъ Рагодощи) и направился прибывшій на театръ военныхъ дѣйствій кн. Репнинъ. Въ Брасовѣ было болѣе 2.000 инсургентовъ. Огнестрѣльнаго оружія у нихъ не было. Но они, „несмотря на увѣщанія,—какъ пишетъ въ своемъ дневникѣ кн. Репнинъ,—не сдавались и не покорялись". Тогда кн. Репнинымъ было приказано стрѣлять изъ пушекъ и ружей: было „начато,—говоритъ этотъ усмиритель,—ихъ покореніе силою".

— Стрѣляй!—кричали крестьяне солдатамъ, стойко держась тѣсной толпой близъ помѣщичьей усадьбы.

Вооруженные цѣпами и дубинами, они сопротивлялись 2 часа, но 33 пушечныхъ и 600 ружейныхъ выстрѣловъ сдѣлали свое дѣло: 20 крестьянъ пали на мѣстѣ убитыми и 70 ранеными, село запылало, а остальные „пали на колѣни и стали просить помилованья", сообщаетъ кн. Репнинъ. Усмиреніе совершилось. Зачинщики были перевязаны, въ томъ числѣ и главный предводитель этой толпы Емельянъ Чернодыровъ, найденный въ погребѣ.

Въ своемъ сообщеніи орловскому губернатору о „наказаніи" крестьянъ „силою оружія", „яко изверговъ, злодѣевъ и преступниковъ", кн. Репнинъ прибавляетъ, что „тѣла ихъ, справедливо погибшія, не достойныя погребенія общаго съ вѣрными подданными, зарыты въ особую яму".

На могилѣ несчастныхъ былъ поставленъ знакъ съ надписью: „здѣсь лежатъ преступники противъ Бога, государя и помѣщика, справедливо наказанные огнемъ и мечомъ, по закону Божію и государеву". Креста на могилѣ не было: „преступники" взяли его съ собой въ могилу... Усмиренные „изверги" и „злодѣи" нанесли не столь большой уронъ правительственному войску въ неравномъ бою съ нимъ: ими было ранено 2 гусара, упавшихъ вмѣстѣ съ лошадьми, да гусарскій шефъ за свое „усердіе" (такъ выражается кн. Репнинъ) получилъ полновѣсный ударъ „дубиною по спинѣ". Послѣднее обстоятельство, вѣроятно, было тѣмъ обиднѣе для ген. Линденера, что онъ за „усердіе" въ брасовскомъ дѣлѣ не получилъ другой награды, тогда какъ шефъ другого, участвовавшаго въ „баталіи", полка кн. Горчаковъ получилъ отъ Павла анненскую ленту.

Брасовская „побѣда" имѣла устрашающее значеніе для крестьянъ, волновавшихся въ другихъ мѣстностяхъ.

Такъ до этого событія вице-губернаторъ Митусовъ имѣлъ малый успѣхъ въ подавленіи движенія къ Калужской губерніи. Нельзя, однако, сказать, что онъ дѣйствовалъ безъ энергіи. Не найдя взрослыхъ мужчинъ-крестьянъ въ отчинѣ Давыдовой,—ибо они разбѣжались,—Митусовъ не потерялся: онъ взялъ да и „пересѣкъ кнутьемъ" крестьянскихъ женъ и „дѣтей средняго возраста"; сверхъ того, сжегъ „особо стоящую клѣть", дабы вызвать скрывавшихся крестьянъ, „но и изъ-за сего,—какъ сообщалъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ находчивый и храбрый администраторъ,—никого изъ скрывшихся не яви-

лось". Не предвидѣлось сначала быстрой удачи для Митусова и въ имѣніи Воейковыхъ, гдѣ обозначался тоже дружный отпоръ... Но какъ разъ въ этотъ моментъ сюда дошло извѣстіе о брасовской войнѣ и о томъ, что „покоритель" спѣшитъ въ Калугу, и тогда волновавшіеся крестьяне стали податливы на увѣщанія Митусова и смирились [1]). Когда кн. Репнинъ (26 февраля) пріѣхалъ въ Калугу, то въ губерніи уже не было волненій, и фельдмаршалъ собрался было двинуться на Смоленскъ, какъ присланныя изъ Петербурга „бумаги" заставили его направиться въ Москву.

„Успокоить" крестьянъ Псковской и Полоцкой губерній былъ назначенъ ген.-отъ-инфантеріи Философовъ, но подъ высшимъ руководствомъ кн. Репнина. Здѣсь движеніе не пріобрѣло значительной напряженности, хотя были случаи и нѣсколько конфузливаго свойства для военныхъ командъ; такъ, подъ однимъ погостомъ Псковскаго уѣзда крестьяне заставили гренадерскую команду отступить, послѣ стычки съ ними, съ потерей капитана-исправника, схваченнаго и исколотаго рогатиной, а въ Полоцкомъ намѣстничествѣ былъ случай, когда крестьянами были захвачены и заключены подъ стражу исправникъ, засѣдатель и цѣлая воинская команда вмѣстѣ съ ея командиромъ. Подполковникъ Тучковъ, посланный Философовымъ съ тремя ротами Бѣлозерскаго полка и съ одной пушкой, меньше чѣмъ въ недѣлю подавилъ волненіе въ Псковскомъ намѣстничествѣ „безъ кровопролитія", какъ говоритъ офиціальное „донесеніе"; но то же „донесеніе" Философова увѣдомляетъ, что 80 крестьянъ испытали „легкія казни безъ дальнихъ судовъ" — такъ этотъ генералъ называлъ наказаніе „батогами и плетьми". Однако и безъ „дальняго суда" дѣло не обошлось: суду было предано четверо крестьянъ и 10 поповъ и дьяконовъ,—все „главные возмутители".

Въ Полоцкомъ намѣстничествѣ, по офиціальнымъ извѣстіямъ, „усмиреніе" было закончено въ 8 дней тоже „безъ кровопролитія", при помощи однѣхъ военныхъ демонстрацій.

Упорное сопротивленіе оказали крестьяне имѣній Рысинскаго и Корсакова въ Бѣлорусской губерніи. Экономическій гнетъ и жестокость Рысинскаго такъ озлобили крестьянъ, что для ихъ успокоенія мало было 100 посланныхъ сюда солдатъ, и пришлось вызвать еще три эскадрона гусаръ. Вообще же слѣдуетъ подчеркнуть, что ни въ одной мѣстности волненія не достигали такой силы, какъ въ Сѣвскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, гдѣ особенно ярко проявился и характеръ „усмиренія" и самихъ „усмирителей". Брасовское кровавое столкновеніе было кульминаціоннымъ моментомъ въ

---

[1]) «Повергліись, — пишетъ Митусовъ въ донесеніи государю, — всѣ предо мною съ раскаяніемъ и испросили у помѣщиковъ прощенія». Предъ усмирителемъ и здѣсь выяснилось, что крестьяне возмутились, будучи «развращены» «какимъ-то указомъ» и сельскими попами, преданными, какъ и «начинщики»-крестьяне, суду: послѣдніе—уѣздному, первые—духовнаго правленія.

развитіи волненій, и послѣ этой катастрофы они быстро идутъ на убыль и приблизительно къ марту 1797 г. затихаютъ.

Море крестьянства снова улеглось... Этому, несомнѣнно, до извѣстной степени содѣйствовалъ знаменитый указъ Павла о трехдневной барщинѣ (1797 г.). Есть мнѣніе, что Павелъ, ограничившій помѣщичье право на крестьянскій трудъ тремя днями въ недѣлю, а также запретившій (1798 г.) продавать въ Малороссіи крестьянъ безъ земли, всталъ на сторону крестьянства и показалъ себя убѣжденнымъ противникомъ дворянства, за что „благородное“ сословіе и отвергло государя, поправшаго помѣщичьи интересы. Но такое мнѣніе—простое недоразумѣніе. Павелъ не былъ демагогомъ, какимъ его нѣкоторые стараются представить. Извѣстно, что помѣщиковъ онъ считалъ лучшими правителями народа, лучшими охранителями полицейскаго порядка въ имперіи. Не поскупился онъ и на раздачу крестьянъ помѣщикамъ: въ день коронаціи 110 лицамъ роздалъ свыше 100.000 душъ мужского пола, а за 4 года и 4 мѣс. своего царствованія—около 600.000 душъ обоего пола. Не могъ поэтому Павелъ выступить противникомъ дворянъ, забыть ихъ интересы ради крестьянскихъ.

„Усмиреніе“ крестьянъ, направляемое изъ Петербурга, хорошо вскрываетъ чисто-дворянское настроеніе Павла, своимъ манифестомъ 29 января не оставляющаго ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ его воззрѣній на крѣпостное право. Оно для него—одна изъ основъ жизни, и никогда Павелъ при его соціально-политическихъ взглядахъ даже не поставилъ бы вопроса о полномъ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостного ига, отъ помѣщичьей власти [1]). Имѣя въ виду воззрѣнія Павла, кн. Репнинъ только и могъ осмѣлиться на сопоставленіе помѣщика съ государемъ и кощунственно съ Богомъ въ надписи надъ могилою павшихъ жертвою „покоренія“ крестьянъ. Эта характерная именно для роялистскихъ убѣжденій Павла тріада: „Богъ, государь и помѣщикъ“, противъ коихъ провинились „убіенные въ смятеніи“, прекрасно освѣщаетъ ту позицію, какую занималъ этотъ русскій императоръ въ крѣпостномъ вопросѣ.

Чѣмъ же, если не воззрѣніями, были вызваны павловскія распоряженія и мѣры, въ которыхъ законодатель, какъ бы пренебрегая дворянскими интересами, становился защитникомъ крестьянскихъ? Они были вызваны просто испугомъ, охватившимъ и Павла и высшій классъ, когда съ первыхъ же дней новаго царствованія зашумѣло крестьянское движеніе. И Павлу и дворянству почудилась новая Пугачевщина, при свѣжихъ еще о ней воспоми-

---

[1]) Напротивъ, извѣстно, что и крестьянская жалоба на помѣщика, поданная на высочайшее имя, не всегда благополучно сходила съ рукъ челобитчику: такъ однажды «проситель» былъ отданъ подъ судъ «за двукратное утружденіе Его Имп. Величества Государя Императора дерзновеннѣйшими и недѣльными на помѣщика своего просьбами»; затѣмъ, по суду, былъ битъ кнутомъ и отправленъ въ каторжную работу.

Разгромъ помѣщичьей усадьбы [1]). (Изъ книги Штерна).

наніяхъ, дамокловымъ мечомъ висѣвшая надъ главенствующимъ сословіемъ. Одно подавленіе крестьянскаго движенія, хотя бы и очень быстрое, теперь уже не успокаивало дворянъ; теперь уже не надѣялись на одно устрашеніе, не приводившее, какъ воочію обнаружилось, къ прочному послушанію,—и потому чувство самосохраненія подсказало правящимъ нѣкоторую уступку крестьянству не по существу крѣпостного вопроса, а въ порядкѣ облегченія и регулированія положенія крѣпостныхъ. Такъ, благожелательные къ кре-

[1]) *Прим. редакціи.* Въ провинціальныхъ архивахъ можно найти драгоцѣнныя свѣдѣнія изъ исторіи крестьянства. Вотъ, что, напр., мы читаемъ въ рапортѣ саратовскаго губернскаго прокурора генералъ-прокурору кн. А. Б. Куракину: «Сего Маія съ 6-го на 7-е ночью Балашовской округи въ селѣ Басмановѣ помѣщикъ прапорщикъ Ардабѣевъ съ женой и малолѣтнимъ сыномъ съ домомъ своимъ сгорѣли.—По извѣщеніи о семъ нижній земскій судъ на мѣстѣ производилъ слѣдствіе, по которому открылось, что дворовыми Его людьми и крестьянами домъ зажженъ; и что когда помѣщикъ ихъ пробудился и хотѣлъ выбѣжать въ сѣни, то стоящіе тутъ два человѣка съ дубинами, ударивъ Его, повѣргли на земь, а потомъ кинжаломъ лишили жизни; Женажъ Его выбѣжавъ, хотя и укрылась было въ плѣтневой клевъ, но одинъ изъ злодѣевъ тѣхъ, увидя вытащилъ ее за волосы, а другіе присоединясь тутъ же убили и ее до смерти и вмѣстѣ съ мужемъ бросили въ огонь; а малолѣтняго ихъ сына хотѣвшаго выскочить изъ сѣней увидѣвъ одна изъ женщинъ толкнула паки въ оные: равнымъ образомъ и дворовую дѣвочку бѣжавшую уже къ банным сѣнямъ, одинъ изъ преступниковъ поймавъ бросилъ живую въ огонь, и такъ всѣ четверо кончили тутъ свою жизнь». Мы оставили орѳографію подлинника. См. «Рус. Стар.», 1907 г., авг., 309. Описанное происходило уже послѣ пепиискаго усмиренія.

стьянству „указы“ вышли изъ боязни, дабы дворянство вмѣстѣ съ самимъ „государемъ“ не вытерпѣло полной катастрофы въ грозномъ всенародномъ бунтѣ, во второй и—можно было опасаться—роковой для общества и государства Пугачевщинѣ. Крестьянскія волненія при Павлѣ, не будучи крайнимъ, мстительно-анархическимъ движеніемъ, не идя дальше „государщины“, дальше освобожденія отъ крѣпостной зависимости, отъ гнета и произвола помѣщиковъ, были все-таки серьезнымъ движеніемъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что оно, какъ и всѣ разсмотрѣнныя выше движенія, не было случайностью. Будучи продолженіемъ прежнихъ, павловское крестьянское движеніе явилось постарому предостерегающимъ симптомомъ тѣхъ болѣзненныхъ процессовъ, которые продолжали развиваться въ соціальномъ организмѣ Россіи и діагнозъ которыхъ во второй половинѣ XVIII вѣка ставился не разъ и вполнѣ точно—и обществомъ и правительствомъ. Въ концѣ вѣка оказалось необходимымъ приступить и къ лѣченію, хотя бы симптоматическому, застарѣлой болѣзни, дабы всѣмъ „правящимъ“ отъ нея не пропасть...

Заключеніе.

Мы прослѣдили довольно длинный рядъ моментовъ крестьянскаго движенія, сообщающихъ ему неодинаковый характеръ. Изъ предыдущаго ясно, что участіе крестьянъ въ общенародномъ водоворотѣ, какимъ являются Смутное время, Разиновщина и Пугачевщина,—не одно и то же, что такъ называемыя крестьянскія волненія, хотя моменты послѣдняго рода нельзя отрывать отъ моментовъ перваго рода.

Во времена крупныхъ общественно-государственныхъ встрясокъ крестьянское движеніе характеризуется наступательными дѣйствіями мужиковъ противъ бояръ или баръ и выступленіемъ на первую очередь мужицкой жажды мести господамъ и наслажденія на ихъ счетъ; въ „крестьянскихъ волненіяхъ“ усматривается не столько наступленіе, сколько оборона крестьянъ отъ командъ, приводящихъ ихъ къ покорности помѣщикамъ. Въ первомъ случаѣ обнаруживается стремленіе къ радикальному рѣшенію крестьянскаго вопроса—къ полученію полной воли, всей земли, чрезъ истребленіе помѣщиковъ; во второмъ — стремленіе только къ освобожденію отъ крѣпостного права или даже къ полученію нѣкотораго облегченія отъ него, чрезъ отказъ отъ помѣщиковъ или, по крайней мѣрѣ, отъ послушанія имъ въ наиболѣе отяготительныхъ и разорительныхъ ихъ распоряженіяхъ.

Но мы видѣли также черту, сближающую между собой всѣ моменты крестьянскаго движенія: всѣ они запечатлѣны упорной надеждой на „царя-батюшку“. Эта надежда, поддерживаемая въ простомъ народѣ разными правительственными палліативами, далеко, однако, не оправдывалась въ мѣру

идеала крестьянъ касательно своего положенія и касательно отношенія царя къ народу. Цари продолжали оставаться дворянскими царями и мало чѣмъ по своему отношенію къ народу отличались отъ тѣхъ „начальниковъ“, которыхъ они посылали для усмиренія крестьянъ и которымъ послѣдніе не вѣрили, какъ дворянскимъ... Въ концѣ-концовъ, выходило, что подавляемые правительствомъ бунты и волненія, при всѣхъ новыхъ страданіяхъ, приносимыхъ ими народу,—нѣчто болѣе существенное, чѣмъ надежда крестьянъ на мирное устроеніе хорошей и счастливой для нихъ жизни благожелательнымъ къ нимъ царемъ. Несмотря на постоянныя неудачи, бунты и волненія подвигали крѣпостной вопросъ впередъ. Бунтуя и волнуясь, крестьянство боролось въ сущности за свое бытіе. И хотя путь этой борьбы былъ тернистъ и часто усѣивался крестьянскими трупами, крестьянство окончательно не падало духомъ и не теряло надежды рано или поздно достигнуть завѣтной цѣли. Правительственныя внушенія крестьянамъ о повиновеніи—указами и манифестами, „огнемъ и мечомъ“, а также такими „резолюціями“, какая была сдѣлана уполномоченнымъ правительственнымъ агентомъ надъ свѣжей могилой убитыхъ и поруганныхъ мужиковъ, не могли вырвать изъ крестьянской души настойчивый порывъ къ свободѣ. Именно съ царствованія Павла стало выясняться, что вѣковая борьба крѣпостного крестьянства не безплодна: бунты и волненія заставили очень съ собой считаться—и правительство и душевладѣльцевъ; и на самомъ закатѣ XVIII вѣка предъ крѣпостнымъ крестьянствомъ блеснула заря не мнимой, а настоящей, хотя и очень еще далекой, „воли“. Изученіе крестьянскихъ движеній показываетъ наглядно, что стремленіе крестьянъ къ свободѣ было пронесено ими чрезъ всю исторію „рабства“ въ Россіи. Терпѣливый, стойкій, даровитый, создавшій этими качествами политическую мощь Россіи, русскій народъ, несмотря на то, что тяжелая, нудная исторія наложила на него печать нѣкоторой психической пригнетенности и заложила въ его сознаніи своеобразную, далекую отъ духа свободы, политическую симпатію, все-таки, какъ неопровержимо и ярко свидѣтельствуютъ крестьянскіе бунты и волненія, остался вольнолюбивымъ народомъ, не сдѣлался народомъ-рабомъ...

Н. Ѳирсовъ.

Законодательство о крестьянахъ при императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I.

И. М. Катаева.

Вышеніе дворянства при Павлѣ I нѣкоторыхъ привилегій, щедрой рукой дарованныхъ ему при Екатеринѣ, рядъ благожелательныхъ заявленій и законодательныхъ мѣръ Павла о крестьянахъ даютъ поводъ къ интересному предположенію, не былъ ли онъ въ соціальной политикѣ сторонникомъ особой уравнительной, демократической программы.

Павелъ не любилъ дворянъ, презрительно называя ихъ тунеядцами. Въ то же время онъ говорилъ о необходимости облегчить положеніе крестьянъ, „сихъ добрыхъ и полезныхъ членовъ государства“. Будучи еще наслѣдникомъ престола, приготовляясь ѣхать въ дѣйствующую армію въ 1788 году, Павелъ оставилъ женѣ и дѣтямъ наказъ, въ которомъ изложилъ свои мысли объ управленіи государствомъ. Въ наказѣ Павелъ, между прочимъ, съ сочувствіемъ говоритъ о крестьянствѣ, которое „содержитъ собою всѣ прочія части и своими трудами, слѣдственно, особаго уваженія достойно и утвержденія состоянія, не подверженнаго нынѣшнимъ перемѣнамъ его“... Упоминая о разныхъ разрядахъ крестьянъ,— приписныхъ къ заводамъ, экономическихъ, государственныхъ,—Павелъ говоритъ, въ частности, о послѣднихъ, что ихъ нужно „свято, по ихъ назначеніямъ, оставлять, облегчая ихъ судьбу: они прямые государственные“... О крѣпостныхъ крестьянахъ Павелъ не упоминаетъ въ наказѣ, но по вступленіи на престолъ предпринимаетъ нѣкоторыя мѣры къ облегченію ихъ положенія.

Все это, повидимому, представляетъ сильный контрастъ строго аристократическимъ тенденціямъ Екатерининской эпохи, въ особенности послѣд-

нихъ ея лѣтъ. Слухи о сочувственномъ отношеніи Павла къ крестьянамъ проникли въ народъ и при вступленіи его на престолъ породили въ крѣпостномъ населеніи большія надежды. Но эти надежды оказались несбыточными...

Ближайшее ознакомленіе съ административными и законодательными мѣропріятіями императора Павла не даетъ положительнаго отвѣта на поставленный выше вопросъ. Мѣры по отношенію къ крестьянамъ, какъ и къ дворянамъ, отличаются большой непослѣдовательностью и противорѣчивостью. На нихъ, какъ и на всемъ, исходившемъ отъ Павла, лежитъ печать его нервной, больной, изломанной натуры. Управленіе, котораго хотѣлъ Павелъ, было уравненіемъ всѣхъ передъ деспотизмомъ неограниченнаго произвола.

Императоръ Павелъ I (портр. Аргунова).

Нѣчто новое вносилъ первый манифестъ императора Павла о вступленіи его на престолъ. Въ этомъ манифестѣ призывались къ принесенію присяги всѣ сословія безъ различія, въ томъ числѣ и крѣпостные крестьяне. Между тѣмъ „пашенные крестьяне“ со времени вступленія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны не допускались къ принесенію присяги. Въ манифестахъ о вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы, Петра III, Екатерины II они прямо исключались изъ числа „вѣрныхъ подданныхъ“, приносившихъ присягу, т.-е. крестьяне тѣмъ самымъ не признавались гражданами государства. Формально это право для крестьянъ было возстановлено Павломъ.

Большое впечатлѣніе на народъ произвели такія мѣры Павла, какъ отмѣна увеличеннаго рекрутскаго набора, объявленнаго незадолго до смерти Екатерины II, отмѣна тяжелой и разорительной для крестьянъ хлѣб-

ной подати, съ замѣной ея умѣреннымъ денежнымъ сборомъ, наконецъ постановка въ окнѣ нижняго этажа Зимняго дворца ящика для прошеній. Ключъ отъ комнаты, гдѣ стоялъ ящикъ, хранился у самого императора, который лично собиралъ прошенія. Но заинтересованные люди нашли способъ для устраненія этого непріятнаго для нихъ нововведенія. Среди прошеній на имя государя стали попадаться карикатуры и пасквили на императора; въ результатѣ—ящикъ былъ убранъ.

Немного нужно было сдѣлать для того, чтобы народъ сталъ смотрѣть на государя, какъ на своего покровителя и защитника. И вотъ въ Петербургѣ въ первые же дни царствованія Павла Петровича крѣпостные люди, собравшись толпой, подали ему на разводѣ челобитную; въ ней челобитчики просили освободить ихъ отъ гнета помѣщичьей власти, заявляя, что они не хотятъ болѣе служить своимъ господамъ, а желаютъ лучше служить самому государю. Результатъ для челобитчиковъ получился неожиданный. По разсказу Болотова, „сихъ дерзновенныхъ на страхъ другимъ, и дабы никто другой не отважился утруждать его такими недѣльными просьбами, императоръ приказалъ наказать публично нещаднымъ образомъ плетьми. Симъ единымъ разомъ погасилъ онъ искру, которая могла бы произвесть страшный пожаръ, и прогналъ у всѣхъ слугъ и рабовъ желаніе просить на господъ своихъ. Поступкомъ же симъ пріобрѣлъ себѣ всеобщую похвалу и благодарность отъ всего дворянства“.

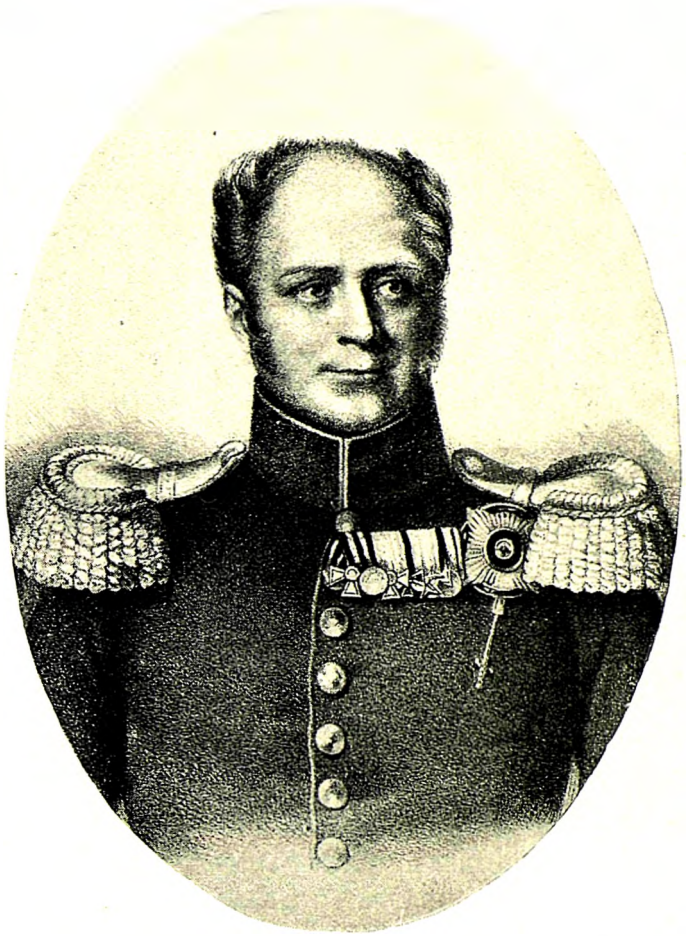
Но Болотовъ ошибся. Да, впрочемъ, и трудно было предусмотрѣть послѣдовательность дѣйствій императора Павла, такъ какъ въ его поступкахъ меньше всего было логичности. Благодарности дворянства онъ не заслужилъ. Страшный пожаръ крестьянскихъ волненій разгорѣлся въ первый годъ царствованія императора Павла. Не сливаясь въ одно цѣлое пламя, а проявляясь отдѣльными вспышками, волненія, тѣмъ не менѣе, захватили огромное пространство въ 32 губерніяхъ Европейской Россіи изъ 42.

Искрой, брошенной въ горючій матеріалъ, былъ, между прочимъ, указъ 12 декабря 1796 г. Этимъ указомъ разрѣшалось всѣмъ, не исключая и крестьянъ, подача жалобъ и прошеній на имя государя, съ однимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы прошеніе было подписано только однимъ лицомъ. Фактически этимъ указомъ отмѣнялся драконовскій законъ Екатерины II 1667 г., запрещавшій крестьянамъ подавать челобитья на своихъ помѣщиковъ, подъ угрозой наказанія кнутомъ и ссылки въ вѣчную каторгу. Екатерининскій законъ отдавалъ крѣпостныхъ въ полную власть помѣщиковъ, отнимая у нихъ всѣ законные способы протеста противъ злоупотребленій помѣщичьей власти.

Крѣпостные крестьяне при Павлѣ I широко воспользовались открывшейся возможностью заявить верховной власти о своемъ бѣдственномъ положеніи. Изъ цѣлаго ряда губерній потянулись крестьянскіе ходоки для подачи

прошеній государю. Въ нихъ во всей своей наготѣ развертывается мрачная картина крѣпостного режима; тутъ мы видимъ, какъ крестьяне изнывали отъ тяжелой барщинной работы, въ особенности работъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, довольно распространенныхъ въ концѣ XVIII ст., отъ непосильныхъ оброковъ, притѣсненія приказчиковъ и управителей, жестокости и разврата помѣщиковъ, отчего страдало беззащитное женское крѣпостное населеніе.

Характерна въ этомъ отношеніи жалоба крѣпостныхъ на помѣщика Давыдова (Московской губ.). Давыдовъ, будучи женатъ и въ преклонномъ возрастѣ, „беретъ себѣ въ наложницы отъ отцовъ дочерей еще въ незрѣломъ возрастѣ и отъ мужей — молодыхъ лѣтъ женъ“. Сопротивлявшихся отцовъ и мужей онъ мучилъ побоями, а одного крестьянина, который не далъ на поруганіе своей жены, отдалъ въ солдаты. Беззащитные крестьяне рѣшили жаловаться государю: „Всеавгустѣйшій монархъ! Всемилостивѣйшій государь! Неспосное разореніе и безпредѣльное насиліе суть виною воспріемлемой смѣлости всеподданнѣйшими пасть предъ тронъ вашего императорскаго величества, не изыскавъ иныхъ средствъ избѣгнуть нашей бѣдственной гибели!“



Александръ I. (Съ портр. Крюгера).

Справедливость требуетъ отмѣтить, что Павелъ внимательно читалъ крестьянскія челобитныя и полагалъ на нихъ благожелательныя резолюціи въ томъ смыслѣ, чтобы разслѣдовать дѣло, а крестьянъ-ходоковъ, подавшихъ прошенія, предписывалъ мѣстному губернатору или предводителю дворянства брать подъ свое покровительство и защиту отъ мести озлобленныхъ помѣщиковъ. Но слѣдствіе и судъ по поводу жалобъ крестьянъ поручались мѣстнымъ властямъ: губернатору, предводителю дворянства, капитанъ-исправнику или даже засѣдателю нижняго земскаго суда. Всѣ эти власти, связанныя общими интересами съ землевладѣльцами своего уѣзда, обыкновенно произво-

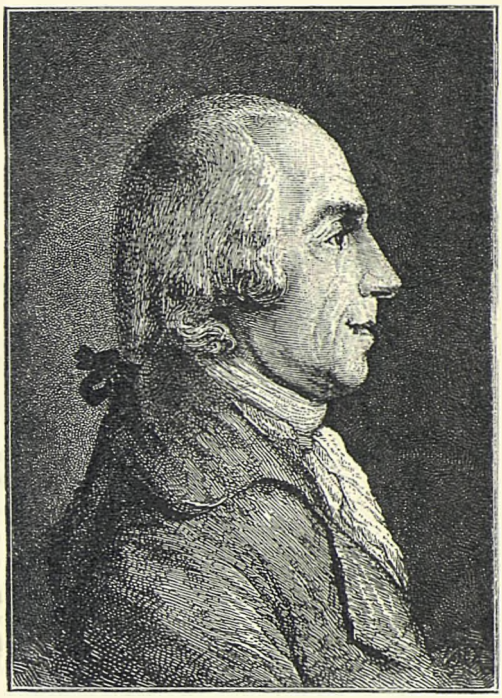
дили въ высшей степени пристрастный судъ: доносы крестьянъ оказывались, по ихъ представленію, „ложными“, вслѣдствіе чего „главные зачинщики“ за ложный доносъ подвергались наказанію кнутомъ, плетьми и пр. А такъ какъ, кромѣ того, подача жалобы крестьянъ весьма часто сопровождалась отказомъ ихъ повиноваться помѣщику и исполнять на него работы впредь до выясненія результатовъ прошенія, то помѣщикъ получалъ основанія требовать отъ мѣстныхъ властей усмиреніе бунтующихъ. Такъ создавались крестьянскіе бунты.

Въ связи съ крестьянскими волненіями изданъ былъ манифестъ 29 января 1797 г., который своей опредѣленностью долженъ былъ разрушить иллюзіи крестьянъ, связанныя съ воцареніемъ Павла. Въ манифестѣ объявлялось: „Нынѣ увѣдомляемся, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне, помѣщикамъ принадлежащіе, выходятъ изъ должнаго имъ послушанія, возмечтавъ, будто они имѣютъ учиниться свободными, и простираютъ упрямство и буйство до такой степени, что и самымъ прещеніямъ и увѣщаніямъ отъ начальствъ и властей, нами поставленныхъ, не внемлютъ“. Манифестъ взываетъ ко всѣмъ и каждому, „да обратятся къ должному законамъ и власти повиновенію, вѣдая, что законъ Божій поучаетъ повиноваться властямъ предержащимъ, изъ коихъ нѣтъ ни единой, которая бы не отъ Бога поставлена была. Повелѣваемъ, чтобъ всѣ помѣщикамъ принадлежащіе крестьяне, спокойно пребывая въ прежнемъ ихъ званіи, были послушны помѣщикамъ въ оброкахъ, работахъ и, словомъ, всякаго рода крестьянскихъ повинностяхъ, подъ опасеніемъ за преслушаніе и своевольство неизбѣжнаго по строгости законной наказанія“.

Но относительно барщинныхъ работъ и повинностей при императорѣ Павлѣ, въ первый разъ за всю эпоху крѣпостного права, была сдѣлана законодательная попытка нѣкотораго ихъ регулированія. Мы говоримъ о законѣ императора Павла 5 апрѣля 1797 г., извѣстномъ подъ именемъ закона о трехдневной барщинѣ. Вѣрнѣе слѣдовало бы назвать его закономъ о запрещеніи барщинной работы въ воскресные дни, такъ какъ только объ этомъ говорится въ немъ съ полной опредѣленностью: „почитаемъ долгомъ нашимъ... подтвердить во всей имперіи нашей о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣваемъ всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлѣ шесть дней, по ровному числу оныхъ вообще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ, въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ“.

Нельзя не признать въ этомъ указѣ одного изъ двухъ: или чрезвычайно неудачной редакціи, или намѣренной неясности изложенія второй его половины (со словъ: „тѣмъ болѣе“...), не имѣющей резолютивнаго характера, а

представляющей только предположеніе или совѣтъ („при добромъ распоряженіи“...). Къ тому же указъ слишкомъ кратокъ и не разрѣшаетъ многихъ вопросовъ относительно барщиннаго труда и труда дворовыхъ. Новѣйшій изслѣдователь исторіи крѣпостного права при Павлѣ I [1]) настаиваетъ на практическомъ значеніи этого закона, приводя въ подтвержденіе этого рядъ случаевъ, когда центральные и мѣстные органы правительственной власти привлекали къ отвѣту помѣщиковъ по жалобамъ ихъ крестьянъ на нарушеніе манифеста 5 апрѣля. Но въ однихъ изъ этихъ случаевъ крестьяне жалуются на принужденіе ихъ работать въ воскресные дни (какъ, наприм., крестьяне помѣщиковъ Артемьева и Нахимова въ Смоленской губ., Флорова—въ Рязанской губ.), въ другихъ же случаяхъ жалобы крестьянъ какъ разъ указываютъ на то, что помѣщики не стѣснялись принуждать крестьянъ къ работѣ болѣе трехъ дней въ недѣлю.



Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ.
(Съ портр. XVIII в.).

Но, несмотря на это, несомнѣнно, нужно признать важное принципіальное значеніе за закономъ 5 апрѣля, представляющимъ первую попытку государства вмѣшаться въ отношенія помѣщиковъ и крѣпостныхъ крестьянъ, съ цѣлью огражденія интересовъ послѣднихъ [2]).

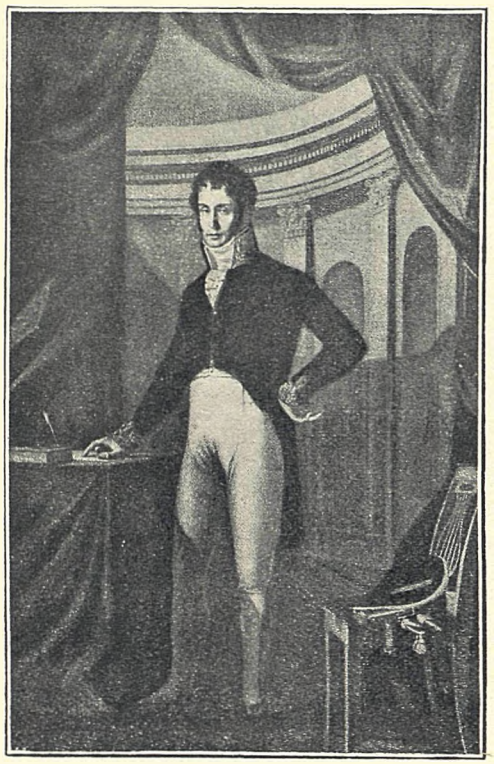
Къ сожалѣнію, совершенно въ разрѣзъ съ подобными немногими мѣрами императора Павла, направленными къ облегченію участи крѣпостныхъ, идетъ рядъ мѣръ противоположнаго характера. Сюда относится указъ 1796 г. объ окончательномъ запрещеніи перехода крестьянъ и о закрѣпощеніи ихъ за частными землевладѣльцами въ Новороссійскихъ губерніяхъ и на Дону, разрѣшеніе въ 1798 г. фабрикантамъ и заводчикамъ (не изъ дворянъ) покупать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ, чѣмъ увеличивалось число такъ называемыхъ посессіонныхъ крестьянъ, положеніе которыхъ было тяжелѣе помѣщичьихъ крестьянъ,—указъ 1799 г., позволяющій помѣщикамъ ссылать крѣпостныхъ крестьянъ въ далекое Забайкалье, съ зачетомъ ихъ въ рекруты.

---

[1]) Е. П. Трифильевъ, «Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи», Харьковъ, 1904 г.

[2]) Нужно отмѣтить еще указъ Павла 1798 г., когда онъ, по одному частному случаю, запретилъ продажу людей безъ земли въ Малороссіи.

Но наиболѣе позорнымъ пятномъ на царствованіи императора Павла лежитъ безумная раздача населенныхъ имѣній въ частное владѣніе, „расхватка деревень“ въ частную собственность, какъ говоритъ объ этомъ одинъ современникъ (адмиралъ Шишковъ). Въ раздачѣ крестьянъ разнымъ придворнымъ и военнымъ лицамъ съ особенной наглядностью обнаружилась вся противорѣчивость настроеній и сужденій императора Павла. Дворянство онъ презиралъ и въ то же время думалъ, что помѣщики являются лучшими блюстителями тишины и спокойствія въ государствѣ. Мы уже видѣли, что въ своемъ наказѣ онъ говорилъ о государственныхъ крестьянахъ, что нужно свято сохранять ихъ назначеніе. Въ то же время, по одному случайному поводу, наканунѣ своего вступленія на престолъ Павелъ такъ высказался о положеніи казенныхъ крестьянъ: „По-моему лучше бы и всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ. Живя въ Гатчинѣ, я насмотрѣлся на ихъ управленіе. Помѣщики лучше заботятся о своихъ крестьянахъ; у нихъ своя отеческая полиція“. Объ этомъ же сообщаетъ приближенный къ Павлу Саблуковъ по поводу раздачи многихъ тысячъ крестьянъ въ день коронованія императора: „Павелъ не считалъ этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предосудительнымъ для общаго блага, ибо онъ полагалъ, что крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ тѣхъ лицъ, которыя обыкновенно назначаются для завѣдыванія государственными имуществами“.



Кн. Адамъ Чарторыйскій.
(Портр. Олешкевича).

Насколько крестьяне несчастливы подъ управленіемъ помѣщиковъ, въ этомъ Павелъ могъ бы убѣдиться изъ тѣхъ многихъ сотенъ крестьянскихъ челобитныхъ, которыя прошли черезъ его руки въ достопамятные 1796—97 гг. Весьма важно при этомъ, что сами крестьяне, описавъ тѣ, поистинѣ, изумительныя бѣдствія, которыя они терпятъ отъ помѣщичьей власти, указываютъ желательный для нихъ выходъ изъ такого положенія, а именно, чтобы государь перевелъ ихъ въ казенное вѣдомство: „Смилуйся, государь, и не дай въ конецъ всѣмъ погибнуть, отрѣши насъ за себя, государь!.. Если же вы, государь, насъ, бѣдныхъ, и паки оставите за господиномъ, тогда они насъ всѣхъ насмерть помучатъ“... такъ пишутъ вотчинные крестьяне кн. Голи-

цыной (Орловской губ.). „Того ради... благоволи, всемилостивѣйшій государь, насъ взять въ казну“, заключаютъ крестьяне помѣщика Алонкина (Смоленской губ.) жалобу на своего господина. Или вотъ еще просьба крестьянъ капитана Власьева (Ярославской губ.): „Повелите, всемилостивѣйшій государь, ограничить неистовства господина нашего Власьева или взять въ казенное вашего императорскаго величества вѣдомство; нѣтъ иного спасенія, какъ только отъ высокомонаршаго престола вашего“...

Желанія и надежды крестьянъ совершенно ясны. Положеніе казенныхъ крестьянъ по многимъ причинамъ было тоже незавидно. Но все-таки оно было неизмѣримо благопріятнѣе крѣпостного быта. И, тѣмъ не менѣе, Павелъ, выказывавшій признаки благожелательнаго отношенія къ крестьянамъ, сотни тысячъ свободныхъ ранѣе отъ крѣпостной зависимости крестьянъ раздаетъ помѣщикамъ. За короткое время четырехлѣтняго царствованія Павла было роздано до 300 тысячъ душъ муж. п. (или до 600 т. д. обоего пола), въ среднемъ по 65 тысячъ слишкомъ въ годъ. Павелъ превзошелъ въ отношеніи щедрости раздачи крестьянъ свою мать. Екатерина въ теченіе 34-лѣтняго царствованія раздала около 400 тысячъ д. м. п., въ среднемъ по 11 тысячъ въ годъ. Въ одинъ торжественный день своей коронаціи, 5 апрѣля 1797 г.[1]), Павелъ роздалъ болѣе 100 тысячъ д. м. п.

Гр. Н. Н. Новосильцевъ.
(Рис. С. Щукина).

Правда, казенныхъ крестьянъ Павелъ роздалъ сравнительно немного. По подсчету В. И. Семевскаго[2]), Павломъ роздано казенныхъ крестьянъ въ предѣлахъ Великороссіи 8.531 д. м. п. и купленныхъ на счетъ казны 3.497 д. Подавляющее большинство (болѣе половины общаго количества пожалованій) падаетъ на дворцовыхъ крестьянъ. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Семевскій, крестьяне дворцовыхъ вотчинъ, послѣ уничтоженія въ нихъ барщины въ началѣ царствованія Екатерины II, сравнялись по своимъ повинностямъ съ казенными крестьянами и, благодаря обилію въ нихъ земли, находились въ весьма выгодномъ положеніи. Ихъ-то имп. Павелъ и надѣлилъ „благами“

---

[1]) Который былъ, между прочимъ, днемъ изданія извѣстнаго указа о запрещеніи понуждать крестьянъ къ работѣ въ воскресные дни.

[2]) См. его статью «Пожалованіе населенныхъ имѣній въ царствованіе имп. Павла», «Русская Мысль», 1882 г., № 12.

крѣпостного права. Въ раздачѣ дворцовыхъ крестьянъ Павелъ былъ такъ неумѣренъ и нерасчетливъ, что къ концу его царствованія раздавать уже было нечего. Этимъ объясняются рѣзко упавшія цифры пожалованныхъ крестьянъ въ послѣдніе годы; такъ, въ 1800 г. было роздано только 7.839 д.

Либеральная эпоха первой половины царствованія имп. Александра I ознаменована большимъ оживленіемъ крестьянскаго вопроса. Въ обществѣ, наукѣ, литературѣ, въ правительственной средѣ были подняты и подвергнуты обсужденію важнѣйшіе вопросы, относящіеся къ ограниченію крѣпостного права, каковы: запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли, ограниченіе и опредѣленіе ихъ повинностей относительно помѣщика, запрещеніе обращать крестьянъ въ дворовыхъ, ограниченіе права помѣщиковъ наказывать крестьянъ, дарованіе крѣпостнымъ права собственности на движимое имущество, назначеніе опредѣленнаго размѣра выкупа на свободу. Самъ императоръ Александръ любилъ говорить не только объ ограниченіи крѣпостного права, но даже о полномъ освобожденіи крестьянъ. Такъ, наприм., въ 1807 г. онъ говорилъ генералу Савари: „Я хочу вывести народъ изъ того варварскаго состоянія, въ которомъ онъ находится при существованіи торга людьми. Я скажу даже болѣе. Если бы образованность была на болѣе высокой степени, я уничтожилъ бы рабство, если бы это даже стоило мнѣ жизни“.

Кн. В. П. Кочубей. (Рис. П. Соколова).

Но по части практическаго осуществленія крестьянскій вопросъ при Александрѣ I очень мало вышелъ изъ области платоническихъ разсужденій и благихъ пожеланій. Крѣпостныя тенденціи, несомнѣнно, господствовали и въ дворянскомъ обществѣ и во взглядахъ самого императора. Случалось какъ-то такъ, что, когда императоръ хотѣлъ приступить къ какой-либо серьезной мѣрѣ относительно крестьянъ, его удерживали совѣты и предостереженія его сановныхъ друзей и высокопоставленныхъ лицъ, и наоборотъ,—когда со стороны отдѣльныхъ представителей дворянства выказывалась готовность приступить къ практическому разрѣшенію вопроса, дѣло останавливало „veto“ императора. Вотъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ.

Молодой императоръ очень желалъ уничтожить возмутительное право помѣщиковъ торговать людьми врозницу безъ земли. Черезъ два мѣсяца

Александръ I.

(Съ портрета *Сентъ-Обена*, сдѣланнаго по случаю Тильзитскаго мира).

по вступленіи на престолъ Александра, по его повелѣнію, генералъ-прокуроръ внесъ въ собраніе Государственнаго Совѣта записку о непродажѣ людей безъ земли и проекты указовъ по этому предмету. Въ запискѣ указывалось, что правительство считаетъ нужнымъ охранить помѣщичьихъ крѣпостныхъ людей отъ злоупотребленій надъ ними властью господской, такъ какъ „и донынѣ съ людьми, какъ съ вещественною собственностью поступается, и ими торгъ и продажа, даже публично, производится, а къ тому самые земледѣльцы отъ семьи и домовъ ихъ отлучаются и обращаются со всѣмъ послѣдующимъ родомъ ихъ въ состояніе дворовыхъ людей, большею частью безполезныхъ, а отъ праздности и развратныхъ".

Гр. П. А. Строгановъ (портр. Сентъ-Обена).

Однако въ Государственномъ Совѣтѣ законопроектъ встрѣтилъ упорную оппозицію. Несмотря на то, что при дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса въ Совѣтѣ присутствовалъ самъ государь, Совѣтъ постановилъ отложить исполненіе законопроекта. Александръ уступилъ мнѣнію Совѣта и ограничился тѣмъ, что далъ именной указъ президенту Академіи Наукъ о непечатаніи въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" объявленій о продажѣ людей безъ земли. Приличіе было соблюдено. Испещрявшія ранѣе газетные столбцы публикаціи о продажѣ людей, наравнѣ съ вещами и животными, исчезли; но онѣ замѣнились объявленіями, что такой-то крѣпостной человѣкъ или крѣпостная дѣвка отпускаются въ услуженіе. Заинтересованные люди знали, что тутъ идетъ рѣчь о продажѣ.

Любопытно, что вопросъ о непродажѣ людей безъ земли снова былъ возбужденъ въ Государственномъ Совѣтѣ черезъ годъ, въ 1802 г. Предложеніе было поддержано извѣстнымъ либераломъ Екатерининскихъ временъ, гр. Воронцовымъ, и принято членами Совѣта. Но на этотъ разъ законъ не былъ утвержденъ государемъ, и проектировавшаяся мѣра осталась безъ осуществленія. Возможно въ данномъ случаѣ вліяніе на Александра его интимныхъ друзей, каковы были Лагарпъ и члены неофиціальнаго комитета.

Въ этомъ послѣднемъ комитетѣ, спорадически засѣдавшемъ съ іюня 1801 до конца 1803 г., было много разговоровъ о широкихъ политическихъ и соціальныхъ реформахъ, въ томъ числѣ и объ измѣненіи участи крѣпост-

ныхъ крестьянъ. Произносились горячія рѣчи въ пользу запрещенія продажи крѣпостныхъ безъ земли, выкупа дворовыхъ въ казну и пр. Четверо членовъ неофиціальнаго комитета (Новосильцевъ, кн. Адамъ Чарторыйскій, гр. Кочубей и гр Строгановъ) придерживались неодинаковыхъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ. Одинъ изъ нихъ, гр. Строгановъ, былъ искреннѣе и радикальнѣе въ разрѣшеніи вопроса, Чарторыйскій и Кочубей высказывали умѣренные, хотя и сочувственные крестьянамъ, взгляды; реакціоннѣе другихъ былъ Новосильцевъ, стоявшій обыкновенно въ оппозиціи всѣмъ предполагавшимся освободительнымъ мѣропріятіямъ. Императоръ Александръ занималъ неопредѣленную позицію, примыкая то къ однимъ, то къ другимъ. Такъ, наприм., въ іюлѣ 1801 г. въ неофиціальномъ комитетѣ обсуждался проектъ кн. Пл. Зубова о непродажѣ крестьянъ безъ земли и о выкупѣ дворовыхъ въ казну, а также предложеніе адм. Мордвинова—дозволить казеннымъ крестьянамъ покупать земли, при чемъ императоръ высказывалъ даже согласіе на пріобрѣтеніе ими населенныхъ земель съ условіемъ, чтобы крестьяне, которыми будутъ владѣть недворяне, находились въ болѣе легкомъ положеніи, чѣмъ помѣщичьи, и не были „рабами“ своихъ владѣльцевъ. Но члены комитета, во главѣ съ Новосильцевымъ, энергично возражали противъ того и другого. Тѣмъ не менѣе, государь въ заключеніе преній рѣшилъ запретить продажу людей безъ земли и дозволить „городскому сословію“ (купцамъ, мѣщанамъ) и казеннымъ крестьянамъ покупать недвижимую собственность (безъ крестьянъ). Однако на слѣдующихъ засѣданіяхъ, послѣ новыхъ возраженій Новосильцева и по совѣту Лагарпа и Мордвинова, Александръ рѣшилъ остановиться только на одной послѣдней мѣрѣ [1]), отложивъ до болѣе благопріятнаго времени мѣропріятія въ пользу крѣпостныхъ.

Александръ высказывалъ въ неофиціальномъ комитетѣ желаніе опредѣлить повинности крѣпостныхъ въ пользу помѣщиковъ, но члены комитета въ 1803 г. представили много возраженій противъ этого. Вопросъ остался нерѣшеннымъ. Но когда въ томъ же году Державинъ предложилъ государю пригласить по частямъ изъ нѣсколькихъ губерній губернскихъ предводителей дворянства для заявленія мнѣній о томъ, какихъ поборовъ и повинностей помѣщики могутъ требовать отъ крестьянъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, а также—какимъ тѣлеснымъ наказаніямъ могутъ господа подвергать своихъ крѣпостныхъ, то государь отвѣтилъ, что подумаетъ объ этомъ, но что сдѣлать изъ всѣхъ губерній за разъ „многолюдный вызовъ“ онъ находитъ неудобнымъ и небезопаснымъ.

Еще рѣзче Александръ выказывалъ отрицательное отношеніе къ освободительнымъ попыткамъ отдѣльныхъ лицъ и группъ изъ среды дворянства во вторую половину своего царствованія.

---

[1]) Указъ объ этомъ состоялся 12 дек. 1801 г.

Въ 1816 г. 65 помѣщиковъ Петербургской губерніи пожелали обратить своихъ крѣпостныхъ въ „обязанныхъ поселянъ“. Это намѣреніе встрѣтило сильное неодобреніе со стороны государя, который увидѣлъ въ немъ даже посягательство на его законодательную власть.

Въ 1818 г. виленскому губернатору, допустившему на дворянскомъ собраніи обсужденіе вопроса объ увольненіи крестьянъ отъ поддантства, комитетъ министровъ, по приказанію государя, сдѣлалъ замѣчаніе, такъ какъ дворянство „не имѣло права безъ дозволенія начальства трактовать о предметахъ толикой важности“.

Въ 1820 г. нѣсколько высшихъ представителей дворянства (гр. Воронцовъ, кн. Меншиковъ, гр. Потоцкій, кн. Вяземскій, Н. И. и А. И. Тургеневы) сдѣлали попытку составить общество, съ цѣлью постепеннаго освобожденія своихъ крестьянъ; проектъ былъ представленъ имп. Александру, который выразилъ несочувствіе ему и высказалъ пожеланіе, чтобы кадый изъ учредителей задуманнаго общества поработалъ особнякомъ и представилъ свой проектъ въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ.

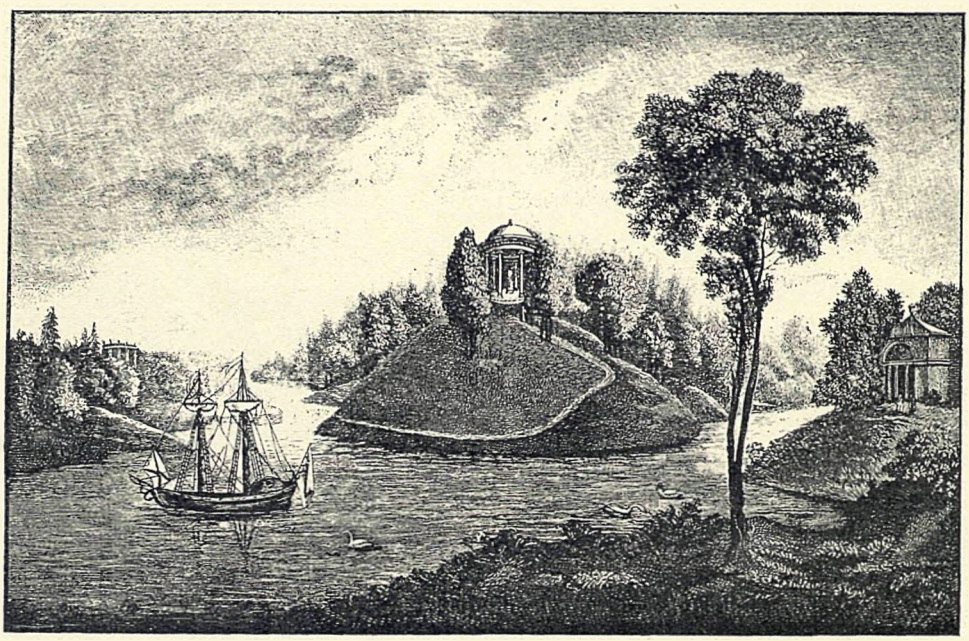
П. А. Зубовъ (портр. Лампи).

Изъ вышеизложенныхъ фактовъ видно, что хотя вопросъ о крестьянской реформѣ при Александрѣ I назрѣвалъ, но пока почва для крупныхъ законодательныхъ мѣропріятій была совершенно неустойчива.

Кромѣ запрещенія публикацій о продажѣ крѣпостныхъ, Александръ въ первый годъ своего царствованія предпринялъ мѣру для прекращенія увеличенія числа крѣпостныхъ посредствомъ раздачи населенныхъ имѣній въ частную собственность. Въ іюлѣ 1801 г. онъ объявилъ въ неофиціальномъ комитетѣ о своемъ рѣшеніи отмѣнить раздачу населенныхъ имѣній и сдержалъ свое слово. Впрочемъ, нужно замѣтить, во-первыхъ, что убыточность раздачи крестьянъ для дворцоваго вѣдомства и для казны была сознана уже Павломъ I въ послѣдніе годы его царствованія, а, во-вторыхъ, имп. Александръ продолжалъ раздачу населенныхъ имѣній въ видѣ наслѣдственныхъ арендъ. Положеніе же арендныхъ крестьянъ, на которыхъ владѣльцы смо-

трѣли, какъ на временную собственность, было еще хуже, чѣмъ крѣпостныхъ [1]).

20 февраля 1803 г. былъ изданъ законъ о такъ называемыхъ „свободныхъ хлѣбопашцахъ“. Своимъ происхожденіемъ этотъ законъ обязанъ частной иниціативѣ гр. Серг. Петр. Румянцова, сына извѣстнаго фельдмаршала Екатерины II. Румянцовъ, желая освободить изъ числа своихъ вотчинныхъ крестьянъ 199 душъ съ землею, представилъ государю въ ноябрѣ 1802 г. записку съ проектомъ правилъ, на основаніи которыхъ помѣщики могли бы освобождать цѣлыя селенія, утверждая за отдѣльнымъ крестьяниномъ или же за всѣмъ обществомъ участки земли на условіяхъ, „согласныхъ съ государственными узаконеніями и обоюдною пользою“.



Храмъ Фелицы въ Александровской дачѣ Александра I. (Рис. нач. XIX в.).

При проведеніи закона черезъ Государственный Совѣтъ онъ встрѣтилъ сильныя возраженія со стороны вельможъ-крѣпостниковъ. Они проводили обычный тогда противъ всякой освободительной мѣры аргументъ, сводившійся къ тому, что „изданіе общаго закона объ освобожденіи крестьянъ по условіямъ можетъ произвесть превратные толки, и... многіе помѣщики усмотрятъ въ немъ первое потрясеніе ихъ собственности, а крестьяне возмечтаютъ о неограниченной свободѣ“. Но съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями законъ удалось провести, и онъ былъ опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе.

Закономъ предусматриваются троякаго рода условія при выходѣ на волю свободныхъ хлѣбопашцевъ:

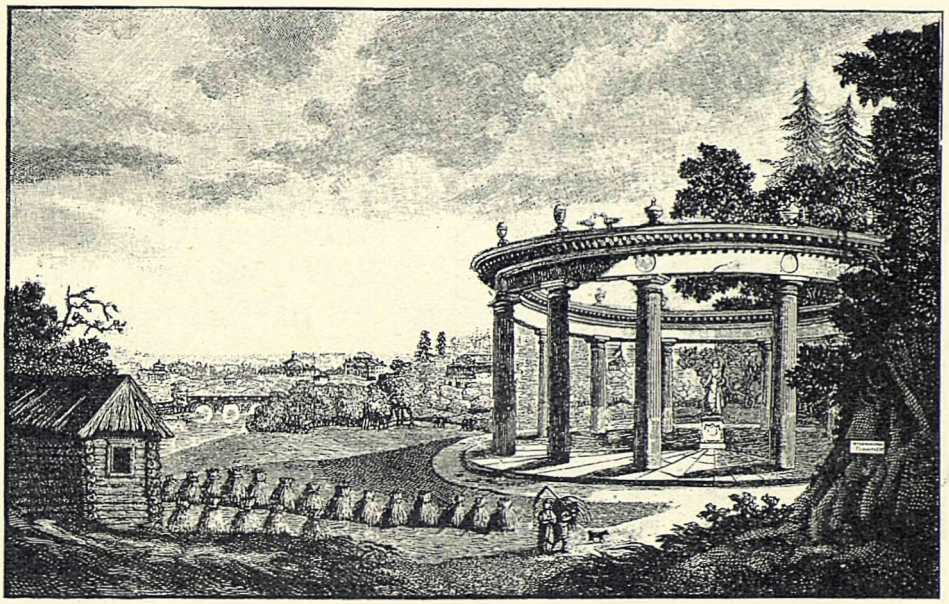
---

[1]) Въ 1810 г. арендныхъ крестьянъ было около 350 тыс. душъ мужск. п.

а) когда помѣщикъ даетъ крестьянамъ личную свободу съ утвержденіемъ за ними земли въ собственность за извѣстную сумму, въ условіи означенную и непосредственно, при совершеніи отпускной, ими вносимую;

в) когда при увольненіи крестьянъ платежъ разсрочивается на извѣстное число лѣтъ, въ продолженіе коихъ крестьяне отбываютъ въ пользу помѣщика нѣкоторыя повинности;

с) когда крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, заключаютъ съ помѣщикомъ условія, на основаніи коихъ, владѣя его землею, они обязуются на извѣстное число лѣтъ, по жизнь его или навсегда, исправлять извѣстныя повинности или платить подать деньгами или продуктами.



Храмъ Цереры въ Александровской дачѣ. (Царск. Село).

Условія заключаются добровольно, по обоюдному согласію между помѣщикомъ и крестьянами. Крестьянинъ или цѣлое селеніе, не исполнившіе своихъ обязательствъ, возвращаются попрежнему во владѣніе помѣщика. Вышедшіе такимъ образомъ на волю крестьяне, если не пожелаютъ войти въ другія сословія, могутъ оставаться земледѣльцами на собственныхъ земляхъ и составляютъ „особенное состояніе свободныхъ хлѣбопашцевъ". Въ этотъ же разрядъ свободныхъ хлѣбопашцевъ могутъ поступать и вольноотпущенные ранѣе дворовые люди и крестьяне, если пріобрѣтутъ себѣ землю въ собственность. Свободные хлѣбопашцы, какъ собственники, могутъ продавать и покупать землю, закладывать ее, оставлять въ наслѣдство и переселяться, съ вѣдома казенной палаты, изъ одной губерніи въ другую.

Таково содержаніе закона 20 февраля 1803 г. Фактически онъ не могъ получить большого распространенія, такъ какъ добровольное „обоюдное со-

гласіе" всегда зависѣло, конечно, отъ иниціативы и желанія одной сильнѣйшей стороны, т.-е. помѣщика. Очень немногіе дворяне пожелали добровольно отпустить крестьянъ на волю, хотя бы и на выгодныхъ условіяхъ. Въ теченіе царствованія имп. Александра I насчитывается всего 161 случай освобожденія крестьянъ на основаніи закона 1803 г., съ общей цифрой вышедшихъ на волю въ 47.153 д. м. п. Изъ всѣхъ 161 случая освобожденія 17 помѣщиковъ отпустили на волю крестьянъ безъ всякой платы (въ томъ числѣ гр. Румянцовъ). При денежномъ выкупѣ крестьянъ только въ 4 случаяхъ казна пришла на помощь крестьянамъ, давъ имъ ссуду съ разсрочкой ея уплаты.

А. И. Тургеневъ (портр. Брюллова).

Законъ былъ важенъ въ томъ смыслѣ, что давалъ выходъ для частной иниціативы въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Важенъ былъ и по своему основному условію — освобожденію крестьянъ съ землей, представлявшему извѣстную гарантію экономическаго обезпеченія крестьянъ.

На другихъ основаніяхъ, именно на основаніяхъ безземельнаго освобожденія, была осуществлена во вторую половину царствованія Александра I крестьянская реформа въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ — Эстляндской, Курляндской и Лифляндской.

Крѣпостное право въ Прибалтійскомъ краѣ приняло форму особенно тягостной эксплуатаціи потому, что оно осложнилось здѣсь національнымъ вопросомъ, крестьяне и ихъ владѣльцы принадлежали къ различнымъ народностямъ: эсты и латыши съ давнихъ временъ были порабощены завоевателями нѣмцами. Сельско-хозяйственный кризисъ, голодовки, крестьянскіе бунты въ началѣ XIX в. заставили правительство вмѣшаться въ отношенія нѣмецкихъ бароновъ и ихъ крѣпостныхъ. Въ 1804 г. было издано особое положеніе для Лифляндіи и Эстляндіи, на основаніи котораго опредѣлялись повинности крестьянъ, по каждому имѣнію были составлены списки повинностей (вакенбухи), за крестьянами-хозяевами было признано право на наслѣдственное владѣніе ихъ земельными участками; для безземельныхъ крестьянъ-батраковъ и дворовыхъ людей былъ установленъ minimum обязательнаго вознагражденія.

Положеніе 1804 г. могло бы значительно улучшить быть лифляндскихъ и эстляндскихъ крестьянъ (Курляндіи оно не коснулось), если бы оно исполнялось на практикѣ. Къ сожалѣнію, этого послѣдняго не было; помѣщики легко находили способъ для обхода закона, что вызвало новыя крестьянскія волненія въ краѣ. Для помѣщиковъ положеніе было невыгодно потому, что лишало ихъ возможности расширенія и капиталистическаго веденія хозяйства въ связи съ происходившимъ въ то время въ Зап. Европѣ переворотомъ въ области сельскаго хозяйства, отчасти отразившимся и у насъ, въ Россіи. Эти невыгоды были настолько очевидны, что лифляндскіе и эстляндскіе дворяне скоро начали хлопотать о преобразованіи крестьянскаго положенія на новыхъ началахъ; они предложили правительству совсѣмъ освободить крестьянъ отъ личной крѣпостной зависимости, но подъ условіемъ сохраненія за дворянствомъ полной собственности на всю землю. Въ этомъ смыслѣ и была осуществлена крестьянская реформа въ Эстляндіи въ 1816 г., въ Курляндіи въ 1817 г. и, наконецъ, въ Лифляндіи въ 1819 г.

Всю несостоятельность крестьянской реформы 1816—1819 гг. выяснилъ еще Ю. Ѳ. Самаринъ, принимавшій участіе въ работахъ лифляндскаго по крестьянскому дѣлу комитета 1846 г. [1]). Въ основѣ законоположенія 1819 г. лежатъ два начала: личная свобода крестьянина и неограниченное право собственности помѣщика на землю. Такъ какъ рабочая сила и земля, говоритъ Самаринъ, совершенно разъединены и существуютъ отдѣльно, независимо другъ отъ друга, то возсоединеніе ихъ, т.-е. обрабатываніе земли, можетъ быть основано только на взаимномъ, свободномъ договорѣ. Послѣдній предполагаетъ равную степень независимости двухъ договаривающихся сторонъ; но, очевидно, въ этомъ случаѣ ея не было. Въ результатѣ полное обезземеленіе и разореніе крестьянъ. Дворохозяева разорялись тяжелыми арендными условіями и непосильными повинностями; батраки находились на положеніи безотвѣтныхъ рабовъ.

Таковы были послѣдствія крестьянской реформы въ Прибалтійскомъ краѣ.

Если прибавить къ разсмотрѣннымъ законодательнымъ мѣрамъ о крестьянахъ при Александрѣ I запрещеніе его въ 1808 г. продажи людей на ярмаркахъ (на самомъ дѣлѣ не исполнявшееся) и отмѣну въ 1809 г. права помѣщиковъ ссылать крѣпостныхъ въ каторжную работу, то вотъ и всѣ, болѣе чѣмъ скромныя, попытки ограниченія крѣпостного права въ это царствованіе, подававшее вначалѣ такъ много надеждъ.

И. Катаевъ.

---

[1]) См. его «Сочиненія», т. II, ст. «Заключенія къ историческому обозрѣнію уничтоженія крѣпостного права въ Лифляндіи».

Положеніе 1804 г. могло бы значительно улучшить бытъ лифляндскихъ и эстляндскихъ крестьянъ (Курляндіи оно не коснулось), если бы оно исполнялось на практикѣ. Къ сожалѣнію, этого послѣдняго не было; помѣщики легко находили способъ для обхода закона, что вызвало новыя крестьянскія волненія въ краѣ. Для помѣщиковъ положеніе было невыгодно потому, что лишало ихъ возможности расширенія и капиталистическаго веденія хозяйства въ связи съ происходившимъ въ то время въ Зап. Европѣ переворотомъ въ области сельскаго хозяйства, отчасти отразившимся и у насъ, въ Россіи. Эти невыгоды были настолько очевидны, что лифляндскіе и эстляндскіе дворяне скоро начали хлопотать о преобразованіи крестьянскаго положенія на новыхъ началахъ; они предложили правительству совсѣмъ освободить крестьянъ отъ личной крѣпостной зависимости, но подъ условіемъ сохраненія за дворянствомъ полной собственности на всю землю. Въ этомъ смыслѣ и была осуществлена крестьянская реформа въ Эстляндіи въ 1816 г., въ Курляндіи въ 1817 г. и, наконецъ, въ Лифляндіи въ 1819 г.

Всю несостоятельность крестьянской реформы 1816—1819 гг. выяснилъ еще Ю. Ѳ. Самаринъ, принимавшій участіе въ работахъ лифляндскаго по крестьянскому дѣлу комитета 1846 г. [1]). Въ основѣ законоположенія 1819 г. лежатъ два начала: личная свобода крестьянина и неограниченное право собственности помѣщика на землю. Такъ какъ рабочая сила и земля, говоритъ Самаринъ, совершенно разъединены и существуютъ отдѣльно, независимо другъ отъ друга, то возсоединеніе ихъ, т.-е. обрабатываніе земли, можетъ быть основано только на взаимномъ, свободномъ договорѣ. Послѣдній предполагаетъ равную степень независимости двухъ договаривающихся сторонъ; но, очевидно, въ этомъ случаѣ ея не было. Въ результатѣ полное обезземеленіе и разореніе крестьянъ. Дворохозяева разорялись тяжелыми арендными условіями и непосильными повинностями; батраки находились на положеніи безотвѣтныхъ рабовъ.

Таковы были послѣдствія крестьянской реформы въ Прибалтійскомъ краѣ.

Если прибавить къ разсмотрѣннымъ законодательнымъ мѣрамъ о крестьянахъ при Александрѣ I запрещеніе его въ 1808 г. продажи людей на ярмаркахъ (на самомъ дѣлѣ не исполнявшееся) и отмѣну въ 1809 г. права помѣщиковъ ссылать крѣпостныхъ въ каторжную работу, то вотъ и всѣ, болѣе чѣмъ скромныя, попытки ограниченія крѣпостного права въ это царствованіе, подававшее вначалѣ такъ много надеждъ.

И. Катаевъ.

---

[1]) См. его «Сочиненія», т. II, ст. «Заключенія къ историческому обозрѣнію уничтоженія крѣпостного права въ Лифляндіи».

Военныя поселенія[1]).

Проф. А. С. Лыкошина.

Въ началѣ XIX столѣтія въ числѣ другихъ категорій крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ казенной, а не частно-владѣльческой землѣ, появляются военные поселяне, числящіеся въ военномъ вѣдомствѣ, отбывающіе цѣлый рядъ натуральныхъ повинностей для нуждъ арміи и обязанные личною воинскою повинностью. На южной и восточной окраинахъ Россіи военныя поселенія существовали еще въ XVII вѣкѣ, но тогда поселенныя войска имѣли своею задачею защищать пограничныя области отъ набѣговъ кочевниковъ; въ XVIII вѣкѣ были организованы во внутреннихъ губерніяхъ военныя поселенія изъ нижнихъ чиновъ, уволенныхъ въ отставку за ранами, болѣзнями и старостью. Къ концу XVIII вѣка всѣ эти поселенія были уничтожены: одни изъ нихъ вошли въ составъ казачьихъ войскъ—астраханскаго, оренбургскаго,

---

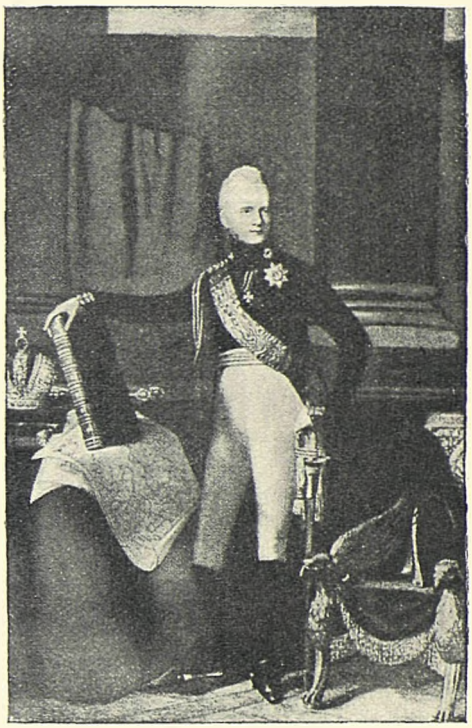
[1]) Матеріалами для настоящей статьи послужили: «Полное Собраніе Законовъ» и IV часть I «Свода Воен. Постановленій», изд. 1838 г.; М. Богдановичъ, «Исторія царств. имп. Александра I» (т. V и VI); Н. Шильдеръ, «Имп. Александръ II (т. IV); Н. Шильдеръ, «Имп. Николай I» (т. I); А. Петровъ, «Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія» (изд. «Русской Старины», 1871 г.); Богуславскій, «Аракчеевщина» (1882 г.), «Новгородскій Сборникъ», 1865 г., вып. 5; Карцовъ, «О военныхъ поселеніяхъ при гр. Аракчеевѣ» («Русск. Вѣстн.», 1890 г., № 2—4), «Военныя поселенія при гр. Виттѣ» («Древн. и Нов. Россія», 1880 г., № 7); Александровъ, «Замѣтка о бывшихъ военныхъ поселеніяхъ» («Русск. Архивъ», 1873 г.); Щепетильниковъ, «Комплектованіе войскъ въ царств. имп. Александра I» («Столѣтіе Военнаго Министерства», т. IV, ч. I, кн. I, отд. II, стр. 81—118 и 173—209); Фабриціусъ, «Очеркъ исторіи главнаго инженернаго управленія» (тамъ же, т. VII, ч. I, очеркъ 2, стр. 497—598); В. Семевскій, «Обществ. и политич. идеи декабристовъ»

Военныя поселенія.

(Изъ колл. *П. П. Щукина*).

сибирскаго и кавказскихъ, другія слились съ населеніемъ городовъ и казенныхъ селеній и только кое-гдѣ въ восточныхъ губерніяхъ остались пахотные солдаты, ничѣмъ, впрочемъ, кромѣ названія, не отличавшіеся отъ государственныхъ крестьянъ.

Въ началѣ XIX вѣка возникло предположеніе организовать во внутреннихъ губерніяхъ военныя поселенія въ широкихъ размѣрахъ съ тѣмъ, чтобы, не увеличивая расходовъ казны на содержаніе арміи въ мирное время, имѣть на случай войны резервъ вполнѣ организованныхъ и обученныхъ войскъ, который могъ бы усилить дѣйствующую армію въ нѣсколько разъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденіемъ военныхъ поселеній имѣлось въ виду улучшить матеріальное положеніе нижнихъ чиновъ, дать имъ возможность во время службы оставаться среди своихъ семействъ и продолжать заниматься земледѣліемъ, а на старость обезпечить имъ пристанище и кусокъ хлѣба. Наконецъ съ постепеннымъ развитіемъ военныхъ поселеній предполагалось совершенно отказаться отъ чрезвычайно тяжелыхъ для населенія рекрутскихъ наборовъ, замѣнивъ ихъ денежнымъ налогомъ на содержаніе поселенной арміи. Первый опытъ устройства новыхъ военныхъ поселеній былъ сдѣланъ въ 1810 году, когда ген. Аврову было повелѣно поселить въ Климовичскомъ уѣздѣ, Могилевской губ., запасный баталіонъ Елецкаго мушкетерскаго полка. Всѣ смѣты и планы для этого поселенія были разработаны графомъ Аракчеевымъ по образцамъ собственной его Грузинской вотчины. Коренные жители избранной для военнаго поселенія мѣстности были переселены въ Новороссію, а ихъ земли и дома были переданы военнымъ поселянамъ, которые были



Александръ I (портр. Монье 1806).

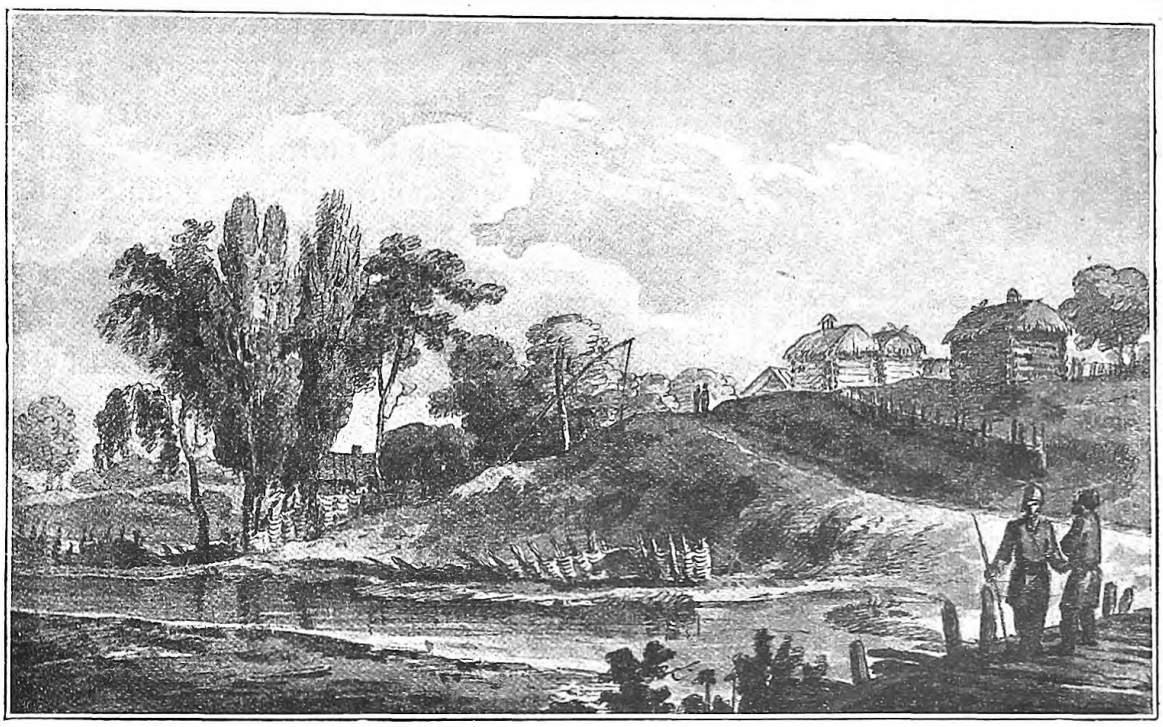
(1909 г.), «Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г.» (изд. «Русск. Стар.», 1871 г.); А. Слезскинскій, «Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г.» (Новг., 1894 г.); Е. Орловъ, «Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г.» («Русск. Вѣсти.», 1897 г., №№ 7, 9, 11 и 12). Воспоминанія о военныхъ поселеніяхъ: Тарасова («Русск. Стар.», 1871 г., т. IV), Свіязева (ibid., 1875 г., т. IV), Маевскаго (ibid., 1873 г., т. VIII), Матвѣева (ibid., 1879 г., т. XXV), Граббе (ibid., 1876 г., т. XVII и 1885 г., т. XLV), Детлова (ibid., 1885 г., т. XLV), Ярона (ibid., 1886 г., т. XLIX), Ушакова (ibid., 1874 г., т. IX), Европеуса (ibid., 1872 г., т. VI); Ковеляева (ibid., 1885 г., т. XLV), Поддубнаго («Истор. Вѣсти.», 1883 г., т. XIII), Можайскаго (ibid., 1886 г., т. XXV), Радзиковскаго (ibid., 1888 г., т. XXXIV), Павлова (ibid., 1894 г., т. LV), Столыпина («Русск. Арх.», 1874 г.), фонъ-Брадке (ibid., 1875 г.), Романовича (ibid., 1868 г.), Мартоса (ibid., 1893 г.), Крылова («Воен. Сбор.», 1862 г.).

снабжены отъ казны земледѣльческими орудіями, рабочимъ скотомъ и сѣменами. Назначенный для поселенія баталіонъ былъ составленъ изъ лучшихъ нижнихъ чиновъ полка; выбирались женатые, а холостымъ разрѣшалось жениться на крестьянкахъ казенныхъ имѣній, при чемъ имъ выдавалось денежное пособіе. Два дѣйствующихъ баталіона Елецкаго полка и вновь сформированный резервный баталіонъ были размѣщены постоемъ у военныхъ поселянъ; затѣмъ было приступлено къ постройкѣ ротныхъ поселковъ по утвержденнымъ планамъ. Дальнѣйшее развитіе могилевскаго военнаго поселенія было остановлено кампаніей въ 1812 г. Елецкій полкъ вошелъ въ составъ дѣйствующей арміи, а когда по окончаніи войны остатки его были водворены на прежнемъ мѣстѣ, то оказалось, что всѣ постройки и оставленное въ нихъ имущество были расхищены сосѣдними крестьянами. Несмотря на это, военное поселеніе Елецкаго полка было возстановлено, а затѣмъ въ томъ же Климовичскомъ уѣздѣ былъ поселенъ и другой полкъ той же дивизіи—Полоцкій.

Въ болѣе широкихъ размѣрахъ организація военныхъ поселеній началась въ 1816 г., при чемъ мѣстные жители оставлялись на родинѣ и зачислялись въ военные, такъ какъ нижніе чины, отвыкшіе за время службы отъ полевыхъ работъ, оказывались плохими земледѣльцами. Лѣтомъ 1816 г. было учреждено близъ Петербурга военное поселеніе для роты служителей Охтенскаго порохового завода. Осенью 1816 г. изъ Петербурга былъ отправленъ въ Высоцкую волость, Новгородской губ., 2-й баталіонъ гренадерскаго графа Аракчеева полка, и вся Высоцкая волость была изъята изъ владѣнія гражданскаго начальства; въ слѣдующемъ 1817 г. въ Новгородской губерніи были поселены уже два гренадерскихъ полка (графа Аракчеева и Перновскій); одновременно въ Слободско-Украинской (нынѣ Харьковской) губ. было приступлено къ устройству военнаго поселенія для 3 полковъ 2-й уланской дивизіи. Затѣмъ число военныхъ поселеній постепенно увеличивалось, и къ концу царствованія имп. Александра I было поселено: въ Новгородской губерніи, по р. Волхову и близъ г. Старой Руссы—18 полковъ пѣхоты, 3 артилерійскія бригады и 1 саперный баталіонъ, въ Могилевской губ.—2 полка пѣхоты, въ Слободско-Украинской, Херсонской и Екатеринославской губ.—20 полковъ кавалеріи и въ Петербургской губ.—3 роты служителей Охтенскаго порохового завода.

При устройствѣ военныхъ поселеній „для удобнѣйшаго управленія ими и пресѣченія всякихъ споровъ между поселянами и посторонними лицами“ было принято за правило не допускать въ границахъ поселеній частныхъ владѣній; у помѣщиковъ нужныя для военныхъ поселеній земли покупались въ казну, а мелкихъ землевладѣльцевъ (напр., чудовскихъ ямщиковъ, чугуевскихъ казаковъ и др.) заставляли переселяться на отводимые имъ участки. Жители тѣхъ уѣздовъ, гдѣ были учреждены военныя поселенія, освобожда-

лись въ мирное время отъ рекрутскихъ наборовъ—экономическія волости и ямщики безвозмездно, а вольные хлѣбопашцы и крестьяне удѣльныхъ и помѣщичьихъ имѣній—съ платою по 1.000 руб. за каждаго рекрута; въ военное время жители этихъ уѣздовъ попрежнему должны были давать рекрутъ на укомплектованіе дѣйствующей арміи. Мѣстные жители несли рядъ натуральныхъ повинностей для нуждъ военныхъ поселеній: они должны были давать на зиму квартиры войскамъ, командированнымъ для работъ въ военныхъ поселеніяхъ, доставлять отопленіе и освѣщеніе для казенныхъ зданій, отводить пастбища для поселенныхъ полковъ кавалеріи и т. д. Въ виду этого въ концѣ



Деревня. (Рисунокъ Львова).

царствованія имп. Александра I было признано необходимымъ давать губерніямъ, гдѣ были учреждены военныя поселенія, пособія изъ денежныхъ сборовъ, вносимыхъ жителями остальныхъ губерній.

Поселенные полки состояли: пѣхотные—изъ 2 дѣйствующихъ, 1 резервнаго и 1 поселеннаго баталіоновъ, а кавалерійскіе—изъ 6 дѣйствующихъ, 3 резервныхъ и 3 поселенныхъ эскадроновъ. Въ поселенныхъ баталіонахъ и эскадронахъ въ число хозяевъ назначались мѣстные жители въ возрастѣ отъ 18 до 45 лѣтъ, имѣющіе собственное хозяйство, женатые и безпорочнаго поведенія, а затѣмъ лучшіе нижніе чины изъ всего полка, прослужившіе не менѣе 6 лѣтъ, знающіе земледѣліе и женатые. Остальные, годные къ воинской службѣ, мѣстные жители зачислялись въ помощники хозяевъ въ резервные

баталіоны и эскадроны, а также на службу въ дѣйствующія части поселенныхъ полковъ, откуда соотвѣтствующее число нижнихъ чиновъ переводилось въ другіе полки. Въ мирное время поселенные полки должны были всегда стоять въ округахъ своего поселенія, а поселенныя части не выступали изъ своихъ округовъ въ походъ и въ военное время; всѣ жители округа, отданные при прежнихъ рекрутскихъ наборахъ на военную службу, переводились въ поселяемый въ округѣ полкъ. Военные поселяне освобождались отъ рекрутскихъ наборовъ, государственныхъ и земскихъ повинностей, но зато всѣ способные къ воинской службѣ жители округа должны были поступать съ 18-лѣтняго возраста на службу въ свой полкъ; правительство принято на свое попеченіе содержаніе и приготовленіе къ службѣ дѣтей военныхъ поселянъ. Военнымъ поселянамъ была выдана форменная одежда, которую они должны были носить постоянно, ружья и амуниція; дѣтей, зачисленныхъ въ кантонисты, и взрослыхъ поселянъ немедленно начали обучать маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ. Пахотныя земли, принадлежащія округу военнаго поселенія, были раздѣлены между поселянами-хозяевами на равные участки; недостатокъ пахотной земли пополнялся расчисткой лѣсовъ и осушеніемъ болотъ; пастбища и луга состояли въ общемъ пользованіи всѣхъ хозяевъ. Отъ казны хозяевамъ были выданы лошади, рабочій скотъ, земледѣльческія орудія и мебель; все имущество было изготовлено по установленнымъ образцамъ и поддерживалось въ исправности на счетъ поселянъ. Въ поселенныхъ ротахъ и эскадронахъ фельдфебеля, вахмистры и опредѣленное число унтеръ-офицеровъ не получали земельныхъ надѣловъ и обязаны были обучать поселянъ фронту и маршировкѣ. Нижнимъ чинамъ поселенныхъ полковъ внушалось, что земледѣльческія занятія они должны считать столь же важными, какъ и фронтовую службу; поселянинъ-хозяинъ обязывался быть „попечи-

Гр. А. А. Аракчеевъ (портр. Дау).

гельнымъ отцомъ дѣтей и родственниковъ, въ семействѣ его находящихся, и сиротъ, порученныхъ ему для воспитанія, добрымъ мужемъ и надежнымъ другомъ и товарищемъ своихъ постояльцевъ“, долженъ умѣть, „обходясь почтительно со старшими себя по службѣ“, заставить ихъ „сохранять взаимное къ себѣ, яко хозяину дома, почтеніе и уваженіе“. Въ поселенныя части назначались лучшіе офицеры, знающіе въ совершенствѣ фронтовую службу и имѣющіе нѣкоторыя познанія въ хозяйствѣ, скотоводствѣ и наукахъ; они должны были помнить, что „фронтовой солдатъ можетъ быть вмѣстѣ и земледѣльцемъ, что земледѣльческіе труды отнюдь не требуютъ ослабленія приличныхъ воину бодрости и осанки и что нельзя равнымъ образомъ ослабѣть при нихъ и въ воинской экзерциціи, имѣя на повтореніе ея довольно времени безъ всякаго разстройства для хозяйства“. Служба офицеровъ въ военныхъ поселеніяхъ была очень тяжела: кромѣ обученія поселянъ маршировкѣ и фронтовой службѣ, офицеры обязаны были руководить земледѣльческими работами, наблюдать за домашнимъ хозяйствомъ поселянъ и отвѣчали за каждое ихъ упущеніе; ежедневно въ каждомъ поселенномъ полку до 15 офицеровъ наряжались дежурными по ротамъ и эскадронамъ, въ караулы и рундажи (обходы). Домашняя жизнь офицеровъ, которымъ были отведены квартиры при полковыхъ штабахъ, была стѣснена постояннымъ надзоромъ начальства; полковые командиры и высшіе начальники обращались съ офицерами крайне грубо и безцеремонно, зная, что увеличенное, сравнительно съ армейскими частями, содержаніе и выгодныя матеріальныя условія службы привлекали въ военныя поселенія бѣднѣйшихъ офицеровъ, дорожившихъ службою, какъ единственнымъ обезпеченіемъ. Такъ какъ офицеры военныхъ поселеній одинъ за другимъ переводились въ другіе полки, то было приказано никуда ихъ не переводить и увольнять въ отставку только по болѣзни, съ тѣмъ, чтобы изъ отставки они могли вновь поступать на службу только въ военныя посе-

Гр. И. О. Виттъ (портр. Рейхеля).

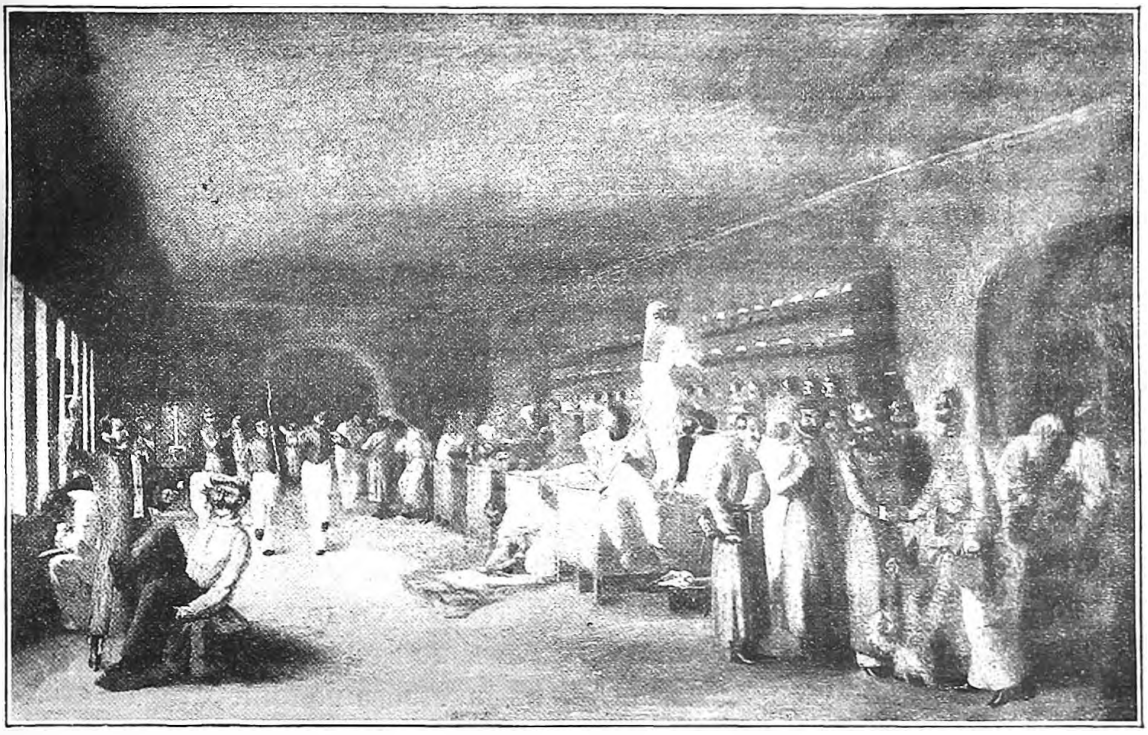
ленія. Въ общемъ составъ офицеровъ въ военныхъ поселеніяхъ далеко не удовлетворялъ своему назначенію.

Фронтовое обученіе нижнихъ чиновъ производилось въ поселенныхъ войскахъ круглый годъ, за исключеніемъ 6 недѣль (съ 1 іюля по 15 августа), назначенныхъ для каникулъ, и октября мѣсяца, когда производились всѣ работы по устройству округа поселенія; при обученіи вниманіе обращалось преимущественно на фронтовую выправку, маршировку и ружейные пріемы; стрѣльбѣ въ цѣль вовсе не учили; и только 3 недѣли въ году производились ученья „съ порохомъ“, т.-е. съ холостыми зарядами. Поселенныя роты учились до полудня, дѣйствующія—послѣ полудня, обученіе производилось непоселенными унтеръ-офицерами подъ руководствомъ офицеровъ; баталіонные и полковые командиры провѣряли выправку и знанія.

Нижніе чины поселенныхъ частей, поступившіе на службу по рекрутскимъ наборамъ, могли требовать присоединенія къ нимъ своихъ женъ и дѣтей, оставшихся на родинѣ; многія изъ женъ отказывались ѣхать въ военныя поселенія и ихъ отправляли силою; дѣтей моложе 10 лѣтъ помѣщики обязаны были отдавать по требованію начальства военныхъ поселеній, а дѣтей старше 10 лѣтъ могли отдавать или не отдавать по своему усмотрѣнію; за уступленныхъ дѣтей помѣщикамъ выдавалось вознагражденіе, деньгами или зачетными рекрутскими квитанціями, за мальчиковъ отъ 22 р. до 1.000 р., смотря по возрасту, а за дѣвочекъ—въ половинномъ размѣрѣ. Дѣти военныхъ поселянъ мужского пола зачислялись въ военные кантонисты, съ 7-лѣтняго возраста получали отъ казны провіантъ и одежду, съ 18 лѣтъ зачислялись на службу въ резервные баталіоны и эскадроны, а затѣмъ переводились въ дѣйствующія части. До 7-лѣтняго возраста кантонисты оставлялись у своихъ родителей, а сироты отдавались на воспитаніе поселянамъ-хозяевамъ; въ возрастѣ отъ 7 до 12 лѣтъ кантонисты попрежнему оставлялись при родителяхъ, но обмундировывались въ казенную форменную одежду и обучались въ школѣ грамотѣ, закону Божію, началамъ ариѳметики и ремесламъ; отъ 12 до 18 лѣтъ кантонисты должны были помогать родителямъ въ хозяйственныхъ работахъ; впослѣдствіи 11-лѣтній срокъ обученія кантонистовъ былъ сокращенъ до 8 лѣтъ (отъ 10 до 18-лѣтняго возраста). Кантонисты, не способные къ строевой службѣ, съ 12 лѣтъ отдавались въ обученіе ремесламъ частнымъ мастерамъ на 5 лѣтъ, а затѣмъ зачислялись на нестроевыя должности. Въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ изъ кантонистовъ старшаго возраста были сформированы учебные эскадроны и батареи, а въ новгородскомъ поселеніи въ 1826 г. былъ учрежденъ военно-учительскій институтъ на 70 кантонистовъ для подготовки учителей въ школы поселенныхъ баталіоновъ.

Съ достиженіемъ 45-лѣтняго возраста, а при неспособности къ строевой службѣ по болѣзнямъ или увѣчьямъ и ранѣе, военные поселяне зачислялись въ

инвалиды съ правомъ на полученіе отъ казны жалованья и провіанта. Поселяне-хозяева могли передавать при этомъ хозяйство своимъ сыновьямъ или зятьямъ, а не имѣющіе дѣтей могли усыновлять кого-либо изъ нижнихъ чиновъ или кантонистовъ; передавшій хозяйство инвалидъ оставался полнымъ хозяиномъ въ своемъ домѣ; не избравшіе же себѣ наслѣдниковъ могли оставаться въ своихъ домахъ только по соглашенію съ назначенными на ихъ мѣсто хозяевами, а въ противномъ случаѣ надѣлялись отъ казны особыми участками земли или помѣщались въ инвалидные дома. Инвалиды были освобождены отъ фронтовыхъ занятій и земледѣльческихъ работъ и назначались для при-



Приходъ стараго гренадера (карт. Ѳедотова).

слуги въ госпиталяхъ, для присмотра за казенными зданіями, для пастьбы скота военныхъ поселянъ и другихъ хозяйственныхъ надобностей.

Въ округахъ военнаго населенія 1 гренадерской дивизіи вслѣдъ за ихъ учрежденіемъ были начаты обширныя работы по возведенію построекъ: для каждой поселенной роты было выстроено по 60 домовъ-связей, расположенныхъ въ одну линію; въ каждомъ домѣ помѣщалось по 4 хозяина, при чемъ два хозяина, занимавшіе половину дома, имѣли нераздѣльное хозяйство; въ верхнихъ этажахъ помѣщались постояльцы—нижніе чины дѣйствующихъ баталіоновъ, такъ что въ каждой поселенной ротѣ были размѣщены постоемъ 2 дѣйствующія роты. Въ серединѣ расположенія поселенной роты на площади было выстроено 5 домовъ ротнаго штаба, гдѣ помѣщались часовня.

караульня, школа для кантонистовъ. мастерскія, цейхгаузы, пожарныя команды, ротныя лавки, отдаваемыя на откупъ желающимъ изъ военныхъ поселянъ, казармы для непоселенныхъ унтеръ-офицеровъ, квартира ротнаго командира и комната дежурнаго по ротѣ офицера. Фасады домовъ поселенной роты выходили на обсаженную деревьями переднюю улицу, назначенную для пѣшеходовъ и начальствующихъ лицъ; поселяне должны были ѣздить по задней улицѣ; около каждаго дома были выстроены сараи для скота, земледѣльческихъ орудій и хлѣба; тутъ же были сложены запасы дровъ и сѣна; дворы были огорожены прочною изгородью и содержались въ чрезвычайной чистотѣ. Въ округѣ каждаго полка для полкового штаба были выстроены каменныя зданія, гдѣ помѣщались офицеры, музыканты и нижніе чины штаба; здѣсь же были устроены церковь, госпиталь, гауптвахта и конюшня для лошадей. Строительныя работы были начаты лѣтомъ 1817 г. и продолжались нѣсколько лѣтъ; зимою военные поселяне свозили къ мѣсту построекъ лѣсъ, кирпичъ, камень и известь, а лѣтомъ для работъ въ военныхъ поселеніяхъ командировались резервные баталіоны, число которыхъ въ 1825 г. дошло до 60; кромѣ того, изъ мастеровыхъ инженерныхъ и артиллерійскихъ командъ и рабочихъ арсеналовъ были сформированы особые военно-рабочіе баталіоны. Съ апрѣля до октября мѣсяца войска, командированныя въ военныя поселенія, расчищали поля, рубили лѣсъ и осушали болота; были устроены ломки глины и извести, кирпичные, гончарный и лѣсопильные заводы и даже мебельная мастерская, изготовлявшая мебель для казенныхъ зданій; во всѣхъ этихъ заведеніяхъ работали за небольшую задѣльную плату нижніе чины. Въ другихъ военныхъ поселеніяхъ (старорусскомъ, могилевскомъ и южныхъ) поселяне были размѣщены въ старыхъ крестьянскихъ домахъ, и вновь возводились только ротные и полковые штабы; тѣмъ не менѣе, строительныя работы въ военныхъ поселеніяхъ продолжались и въ царствованіе императора Николая I.

При пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полкахъ были поселены фурштатскія роты, которыя должны были служить вмѣсто обоза для возки провіанта, а въ мирное время должны были содѣйствовать устройству военныхъ поселеній. Вмѣсто военнаго ученья поселяне фурштатской роты обязаны были отбывать 2—3 дня въ недѣлю почтовую повинность, а люди, незанятые почтовою гоньбою, въ назначенные для того дни ставились на общественныя работы по подвозкѣ дровъ, строительныхъ матеріаловъ и т. п. Мастеровые и ремесленники фурштатской роты въ дни, назначенные для военнаго ученья, работали по наряду полкового комитета; въ остальные же дни они должны были помогать своимъ хозяевамъ въ полевыхъ и домашнихъ работахъ, а въ свободное время могли заниматься своими ремеслами и продавать свои издѣлія военнымъ поселянамъ и окрестнымъ жителямъ.

Управленіе всѣми военными поселеніями было сосредоточено въ лицѣ графа А. А. Аракчеева, носившаго званіе главнаго начальника военныхъ по-

селеній; въ 1820 г. при немъ былъ образованъ особый штабъ поселенныхъ войскъ, начальникомъ коего былъ ген.-майоръ Клейнмихель. Для завѣдыванія работами по возведенію построекъ въ военныхъ поселеніяхъ въ 1818 г. былъ учрежденъ экономическій комитетъ, рѣшенія коего представлялись на утвержденіе гр. Аракчеева; непосредственное распоряженіе работами было возложено на особаго директора работъ, подъ начальствомъ котораго состоялъ цѣлый корпусъ инженеровъ и архитекторовъ. Военными поселеніями Новго-

Наказаніе фухтелями.

родской и Могилевской губерній штабъ поселенныхъ войскъ завѣдывалъ непосредственно, при чемъ мѣстное управленіе этими поселеніями сосредоточивалось въ дивизіонныхъ штабахъ (въ Новгородской губ.) и въ штабѣ начальника отряда (въ Могилевской губ.). Всѣ южныя поселенія кавалеріи были подчинены ген.-лейт. графу Витту, при коемъ былъ образованъ особый штабъ; ему были подчинены начальники дивизій, непосредственно управлявшіе военными поселеніями своихъ дивизій.

Округомъ поселенія каждаго полка завѣдывалъ полковой командиръ; онъ же предсѣдательствовалъ въ комитетѣ полкового управленія, въ составъ коего

входили: командиръ поселеннаго баталіона, священникъ, 4 командира поселенныхъ ротъ, квартирмейстеры и казначей; при комитетѣ состоялъ дежурный офицеръ для „экстренныхъ осмотровъ, понужденій и производства слѣдствій“; особый офицеръ обязанъ былъ содержать въ порядкѣ карты и описанія земель округа военнаго поселенія и составлять планы строеній; канцеляріей комитета завѣдывалъ полковой аудиторъ. Комитетъ полкового управленія собирался разъ въ недѣлю, при чемъ единогласныя рѣшенія его приводились въ исполненіе немедленно; рѣшенія же, поставленныя большинствомъ голосовъ, исполнялись лишь при согласіи съ ними полкового командира, а въ противномъ случаѣ дѣло представлялось на усмотрѣніе начальника дивизіи. Въ комитетѣ полкового управленія сосредоточивались всѣ дѣла и распоряженія по хозяйственному устройству округа. Комитетъ обязанъ былъ прежде всего стремиться къ тому, чтобы обезпечить продовольствіе поселенныхъ войскъ средствами военныхъ поселянъ, для чего долженъ былъ заботиться о хлѣбопашествѣ въ округѣ, наблюдать за своевременною и надлежащею обработкою полей, стараться увеличить количество пахотной земли, наконецъ, заботиться объ улучшеніи породы скота и объ увеличеніи его количества. Въ случаѣ надобности комитетъ выдавалъ нуждающимся поселянамъ пособія изъ заемнаго капитала и хлѣбнаго запаснаго магазина, распоряжался объ обработкѣ общественнымъ нарядомъ участковъ тѣхъ поселянъ, которые по болѣзни не могли заниматься полевыми работами, а въ неурожайные годы представлялъ по начальству о выдачѣ отъ казны пособія для продовольствія поселянъ. Комитетъ долженъ былъ наблюдать за исправностью всѣхъ строеній въ округѣ, распоряжался ремонтомъ зданій и отдавалъ съ торговъ подряды на разныя потребности округа военнаго поселенія. Комитетъ заботился о сбереженіи здоровья военныхъ поселянъ и наблюдалъ за ихъ поведеніемъ, „одобряя публичной благодарностью и уваженіемъ“ хорошихъ хозяевъ, назначая опеку надъ хозяевами нерадивыми и лишая ихъ, съ утвержденія начальника дивизіи хозяйства, „при истощеніи всѣхъ средствъ дать имъ восчувствовать выгоды попечительнаго хозяина“. Комитетъ полкового управленія разрѣшалъ поселянамъ отлучки въ сосѣднія губерніи и вступленіе въ бракъ, разбиралъ взаимныя жалобы военныхъ поселянъ и сосѣднихъ жителей по дѣламъ о личныхъ обидахъ и несогласіяхъ по хозяйственнымъ отношеніямъ, при чемъ въ случаѣ жалобъ поселянъ на сосѣднихъ жителей предварительное разслѣдованіе производилось дежурнымъ при комитетѣ офицеромъ совмѣстно съ депутатомъ отъ губернскаго начальства.

Командиръ поселеннаго баталіона былъ одновременно военнымъ начальникомъ и хозяиномъ округа военнаго поселенія; на него возложенъ былъ полицейскій надзоръ чрезъ посредство ротныхъ командировъ за охраненіемъ тишины и спокойствія, прекращеніемъ нищенства, бродяжничества, воровства и разбоевъ; ближайшее наблюденіе за военными поселянами лежало на непо-

Военная дисциплина александровской эпохи.

Помѣщаемая карикатура довольно мѣтко передаетъ сущность солдатской муштровки въ александровское время, когда служба «почти была каторгой», по выраженію П. Д. Якушкина. Хотя воинскій уставъ запрещалъ всякое тѣлесное наказаніе рекрутъ во время ученія, но, тѣмъ не менѣе, «несоразмѣрно жестокія тѣлесныя наказанія» для «усовершенствованія солдатъ» были широко распространены въ русской арміи (слова В. Ѳ. Раевскаго). Иначе и не могло быть при томъ увлеченіи «формой и экзерциціями», которое было у Александра.

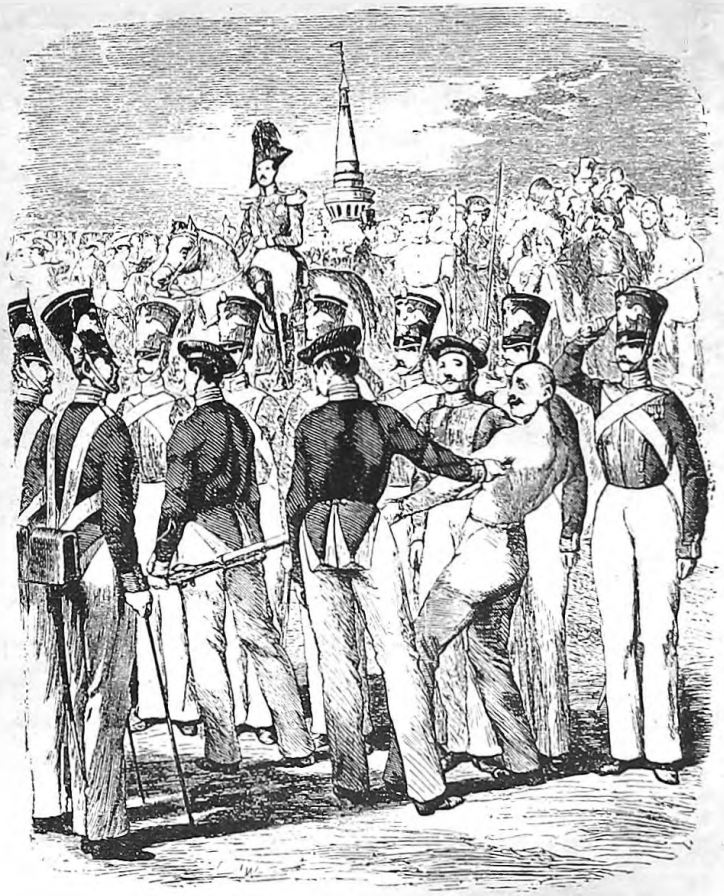
По словамъ современника Сабанѣева, онъ обращалъ вниманіе на одну только наружность, естественно, что и «всѣ прочіе ни о чемъ другомъ не думали, какъ только о наружности. У всякаго въ головѣ смотръ и его принадлежности, какъ, напримѣръ, учебный шагъ, хорошая стойка, быстрые взоры, параллелизмъ шеренгъ, вытянутый носокъ, неподвижность плечъ...»

«До какой виртуозности доходила муштровка,— говоритъ В. И. Семевскій,— видно изъ того, что опредѣлено было количество шаговъ солдатъ въ минуту. Въ 1803 г. Александръ I приказалъ, чтобы во всей арміи дѣлали шаги въ аршинъ, тихимъ шагомъ по 75 шаговъ въ минуту, а скорымъ той же мѣры по 120, и «отнюдь отъ оной мѣры и кадансу ни въ какомъ случаѣ не отходить». Естественно, что при такихъ условіяхъ само по себѣ обученіе должно было приносить «истинное мученіе солдату». В. И. Семевскимъ въ книгѣ «Политическія и общественныя идеи декабристовъ» (стр. 111—118) собрано много фактовъ, характеризующихъ это «безчеловѣчное отношеніе».

Находились такіе «любители тѣлесныхъ наказаній», которые солдатъ «распинали», давали 1.000 ударовъ палками и тесаками, приказывали втирать послѣ пригорини соли. Били за то, что солдатъ «не весело смотрѣлъ» во фронтѣ, и т. д. И лишь та военная молодежь, которая образовала кадры декабристовъ, пыталась бороться съ этой тяжелой стороной солдатской жизни, выведя изъ употребленія палки и тѣлесныя наказанія—одну изъ неизбѣжныхъ принадлежностей крѣпостного режима.

Ред.

селенныхъ унтеръ-офицерахъ, которые для этого были оставлены на казенномъ содержаніи и освобождены отъ заботъ по хозяйству. Для разбора возникающихъ между поселянами-хозяевами и ихъ постояльцами дѣлъ въ каждой поселенной ротѣ былъ учрежденъ ротный комитетъ изъ одного унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ, назначавшихся ротнымъ командиромъ изъ избранныхъ хозяевами кандидатовъ. Ротный комитетъ собирался каждую субботу, устно разбиралъ всѣ споры и тяжбы, стараясь примирить спорящихъ, и рѣшенія свои записывалъ въ особую книгу; единогласныя рѣшенія комитета немедленно приводились въ исполненіе, при разногласіи же рѣшеніе постановлялось по большинству голосовъ, и если спорящіе оставались имъ недовольны, представлялось на утвержденіе ротному командиру, который имѣлъ право его измѣнить. На рѣшеніе ротнаго командира можно было принести жалобу въ комитетъ полкового управленія, но въ случаѣ признанія жалобы неуважительной съ жалобщика удерживалось жалованіе за одинъ мѣсяцъ.



„У л и ц а“. (Изъ Штерна).

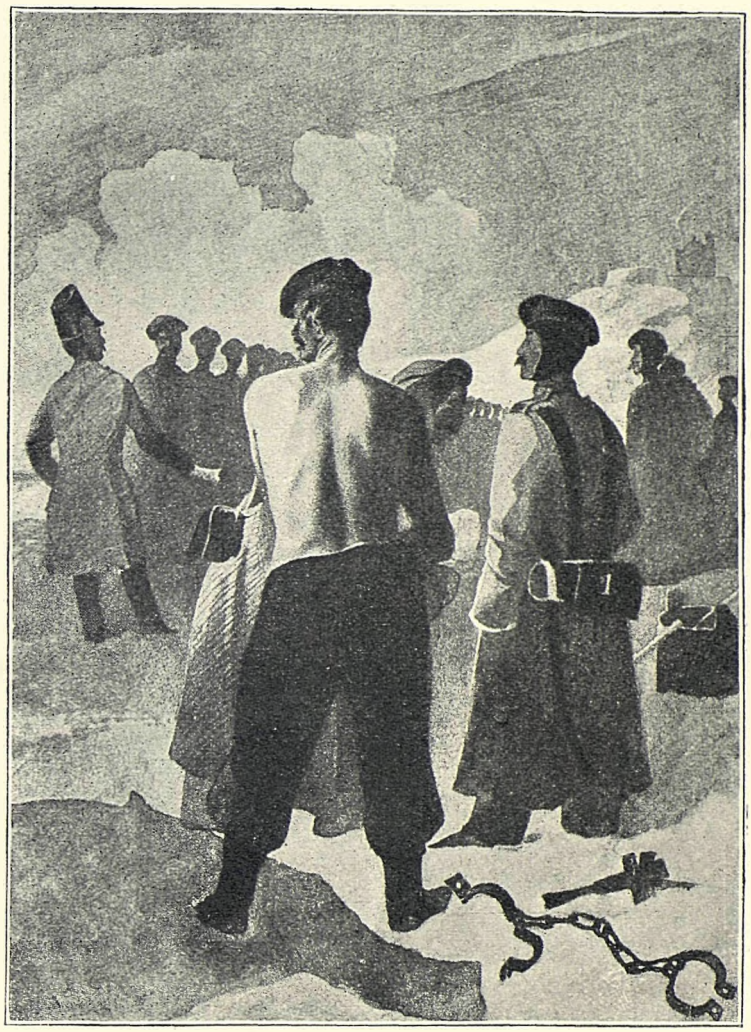
Въ каждой поселенной ротѣ ежедневно наряжались по очереди отъ поселенной и двухъ дѣйствующихъ ротъ караулъ, дежурные и команда на случай пожара, а кромѣ того, посыльные къ ротному командиру, фельдфебелю и въ штабъ полка. Ротный караулъ занималъ посты у караульни, у цейхгауза, у въѣздовъ въ роту по обѣимъ сторонамъ ротнаго поселенія; 3 рядовыхъ по очереди стояли на ротной башнѣ, охраняли въ караульнѣ арестантовъ, а ночью поправляли фонари; въ 6 час. вечера каждый часъ отъ караула посылались въ обѣ стороны патрули; часовые смѣнялись каждые 3 часа. Дежурный по ротѣ офицеръ долженъ былъ находиться въ дежурной комнатѣ при ротномъ штабѣ, а изъ дежурныхъ унтеръ-офицеровъ—одинъ въ ротномъ комитетѣ и по одному въ каждомъ отдѣленіи. Дежурный офицеръ отвѣчалъ

за все въ ротѣ, обязанъ былъ слѣдить за порядкомъ въ домахъ у хозяевъ и въ комнатахъ у постояльцевъ, повѣрять пожарную команду, а ночью обходить всѣ помѣщенія роты и наблюдать за благоустройствомъ и порядкомъ. На случай пожара въ поселенной ротѣ имѣлись пожарныя трубы и бочки; лошади въ сбруѣ стояли въ конюшнѣ при пожарномъ сараѣ, а половина людей пожарной команды должна была постоянно находиться въ сборѣ; по воскресеньямъ въ присутствіи ротнаго командира производилась проба пожарныхъ инструментовъ. Десяточные поселенные унтеръ-офицеры обязаны были 2 раза въ день обходить дома своихъ десятковъ, осматривать помѣщенія нижнихъ чиновъ и отвѣчали за чистоту въ домахъ и на задней улицѣ, а также и за соблюденіе осторожности въ домахъ отъ огня.

Кромѣ двухъ дней въ недѣлю, назначенныхъ для ученья, поселяне-хозяева могли отлучаться на работы въ предѣлахъ округа безъ доклада; отлучки внѣ округа допускались съ разрѣшенія десяточнаго унтеръ-офицера, а отлучки на ночь—съ разрѣшенія ротнаго командира. Покупка вина допускалась только съ разрѣшенія ротнаго командира, но, несмотря на это, въ военныхъ поселеніяхъ процвѣтала тайная продажа вина, и по ночамъ поселяне пьянствовали. За несоблюденіе правилъ осторожности отъ пожаровъ были положены строгія наказанія, доходившія до перевода на службу въ сибирскіе гарнизоны.

Изъ ежегоднаго урожая хлѣба, за отдѣленіемъ части его на сѣмена, хозяева должны были сдавать половину въ запасный магазинъ, а другою половиною могли распоряжаться по собственному усмотрѣнію, получая вмѣсто провіанта на постояльцевъ деньги. Отъ казны отпускался провіантъ не только на нижнихъ чиновъ поселенныхъ полковъ, но и на ихъ семейства; съ расширеніемъ земледѣлія было предположено прекратить постепенно отпускъ провіанта сначала на семейства поселянъ, а затѣмъ на хозяевъ и постояльцевъ. Однако мѣру эту удалось привести въ исполненіе только въ южныхъ поселеніяхъ, гдѣ было достаточно пахотной земли, въ военныхъ же поселеніяхъ Новгородской и Могилевской губерній плохое качество почвы и низкіе урожаи не давали возможности возложить на поселянъ продовольствіе поселенныхъ войскъ. Въ Новгородской губерніи, гдѣ крестьяне занимались преимущественно отхожими промыслами и торговлею, начальство военныхъ поселеній расчистило много пахотной земли изъ-подъ лѣсовъ, но земля эта оставалась неудобренною, такъ какъ у поселянъ было мало скота. Въ южныхъ поселеніяхъ часть пахотной земли воздѣлывалась общественнымъ нарядомъ подъ пшеницу, которая продавалась въ доходъ военныхъ поселеній; обиліе луговъ и пастбищъ дало возможность завести овцеводство и конскіе заводы для ремонтированія лошадьми всей поселенной кавалеріи, но благодаря злоупотребленіямъ начальства, продававшаго лучшихъ лошадей частнымъ лицамъ, конскіе заводы приносили казнѣ убытокъ и въ 40-хъ годахъ были закрыты.

Капиталы военныхъ поселеній увеличивались съ каждымъ годомъ; они составлялись изъ отпусковъ отъ казны на содержаніе и продовольствіе поселенныхъ войскъ, изъ суммъ, вырученныхъ отъ продажи рекрутскихъ квитанцій и сберегаемыхъ изъ сбора на заготовленіе для рекрутовъ одежды, изъ откупныхъ суммъ за продажу питей въ военныхъ поселеніяхъ и т. д.; къ концу царствованія императора Александра I капиталы военныхъ поселеній достигли до 32 милл. руб., а сверхъ того, на строительныя работы и вообще на устройство военныхъ поселеній было израсходовано до 26 милл. рублей. Несмотря на такія затраты, выгоды для государства отъ военныхъ поселеній были весьма сомнительны: продовольствіе поселенныхъ войскъ оказалось возможнымъ возложить на попеченіе поселянъ только въ южныхъ поселеніяхъ, а комплектованіе арміи обезпечивалось военными поселеніями недостаточно, такъ какъ въ нѣкоторыхъ округахъ число умиравшихъ превышало число рождающихся. Мелочная регламентація всѣхъ подробностей обыденной жизни военныхъ поселянъ оставляла ихъ подъ вѣчнымъ страхомъ отвѣтственности; система фронтоваго обученія была основана на побояхъ и тѣлесныхъ наказаніяхъ, и въ военныхъ поселеніяхъ истреблялись цѣлые возы розогъ и шпицрутеновъ. Военные поселяне работали безъ-устали, оставаясь цѣлыми днями подъ надзоромъ начальства; дѣти поселянъ также зависѣли болѣе отъ начальства, чѣмъ отъ родителей, дочери выдавались замужъ по назначенію начальства. Всѣ земледѣльческія работы производились по приказамъ



Сквозь строй (рис. Шевченко).

начальства, а такъ какъ многіе изъ начальниковъ оказывались несвѣдущими въ сельскомъ хозяйствѣ и главное вниманіе обращали на фронтовое обученіе, то нерѣдко полевыя работы начинались несвоевременно, хлѣбъ осыпался на корню, сѣно гнило отъ дождей. Къ этому присоединялось еще вообще взяточничество начальствующихъ лицъ: гр. Аракчеевъ требовалъ, главнымъ образомъ, внѣшняго порядка и благоустройства и, несмотря на очень строгое отношеніе къ начальникамъ, уличеннымъ въ поборахъ, не могъ искоренить всеобщаго грабежа; начальникъ южныхъ поселеній гр. Виттъ еще менѣе входилъ въ положеніе поселянъ, и тамъ начальство привыкло смотрѣть на командованіе округомъ какъ на доходную статью. Неудивительно поэтому, что среди военныхъ поселянъ съ каждымъ годомъ все усиливалось глухое недовольство. Въ царствованіе имп. Александра I это недовольство выражалось только одиночными вспышками: въ 1817 г. при самомъ учрежденіи округовъ военныхъ поселеній произошли безпорядки въ Холынской и Высоцкой волостяхъ, Новгородской губерніи, и въ бугскомъ войскѣ, въ 1818 г. повторилось волненіе въ бугскомъ войскѣ, а въ 1819 г. поселяне 2 полковъ Слободско-Украинскаго военнаго поселенія отказались косить для казны сѣно и долгое время сопротивлялись военнымъ войскамъ. Всѣ эти безпорядки были усмирены вооруженною силою, и виновные были подвергнуты тяжкимъ наказаніямъ.

Памятникъ Александру I, поставленный въ с. Понизовьѣ (Мосальскаго у.) помѣщикомъ А. В. Зыковымъ по случаю посѣщенія Александромъ I при проѣздѣ въ Могилевъ для осмотра военныхъ поселеній.

Со вступленіемъ на престолъ императора Николая I графъ Аракчеевъ удалился отъ дѣлъ, и во главѣ управленія военныхъ поселеній былъ поставленъ начальникъ штаба графъ Клейнмихель; начальникомъ поселеній Новгородской губ. былъ назначенъ командиръ гренадерскаго корпуса кн. Шаховской, при чемъ ему такъ же, какъ и начальнику поселеній Херсонской губ., гр. Витту

была присвоена власть командира отдѣльнаго корпуса; поселенія Могилевской и Слободско-Украинской губерній составили отдѣльные отряды. Въ первые годы царствованія императора Николая 1 къ нѣкоторымъ округамъ военныхъ поселеній были присоединены сосѣднія казенныя имѣнія, а въ 1828 г. въ Витебской губ. было устроено военное поселеніе для баталіоновъ 1 піонерной бригады, которые были расположены въ казенныхъ и конфискованныхъ у іезуитовъ деревняхъ Динабургскаго уѣзда; затѣмъ въ Слободско-Украинской губерніи были поселены 4 полка 2 кирасирской дивизіи, а въ Петербургской губ. еще одна рота служителей Охтенскаго порохового завода; наконецъ, въ Могилевской губ. было приступлено къ поселенію баталіоновъ 2 піонерной бригады.

А. Ѳ. Орловъ. (Съ портр. въ „Ист. Ком. Мин.“).

Лѣтомъ 1831 г. въ военныхъ поселеніяхъ Новгородской губ. вспыхнулъ бунтъ. Ближайшимъ поводомъ къ безпорядкамъ послужила холерная эпидемія, отъ которой простонародье умирало сотнями; народъ не вѣрилъ въ цѣлесообразность мѣръ, принимаемыхъ къ прекращенію эпидеміи, говорилъ объ отравленіи людей въ карантинахъ, о томъ, что доктора и начальство разсыпаютъ по дорогамъ ядъ и отравляютъ хлѣбъ и воду; высланныя изъ Петербурга послѣ вспыхнувшихъ тамъ безпорядковъ толпы рабочихъ возбуждали военныхъ поселянъ своими разсказами о томъ, какъ они кольями выгоняли холеру. Дѣйствующіе баталіоны поселенныхъ полковъ въ 1830 г. выступили въ походъ для усмиренія польскаго мятежа, и въ поселеніяхъ остались только резервные баталіоны, гдѣ $^2/_3$ нижнихъ чиновъ были только что поступившіе на службу кантонисты; лѣтомъ 1831 г. эти баталіоны выступили изъ своихъ округовъ въ лагерь подъ Княжьимъ Дворомъ, такъ что въ округахъ военныхъ поселеній не оставалось никакихъ войскъ. Безпорядки начались въ г. Старой Руссѣ. Въ первыхъ числахъ іюля мѣщане г. Старой Руссы и нижніе чины квартировавшаго тамъ 10 военно-рабочаго баталіона нѣсколько разъ задерживали прохожихъ по подозрѣнію въ отравленіи воды; 10 іюля произ-

ведено было окуриваніе въ казармахъ военно-рабочаго баталіона, и людямъ пришлось ночевать на открытомъ воздухѣ, вслѣдствіе чего нѣсколько человѣкъ изъ нихъ заболѣло. На слѣдующій день подстрекаемые выслужившимся изъ солдатъ поручикомъ Соколовымъ, солдаты рабочаго баталіона подняли открытое возстаніе и направились отъ своего бивака въ городъ, гдѣ къ нимъ присоединились мѣщане; толпа разбила кабаки, перепилась и начала избіеніе фельдшеровъ и лѣкарей; въ ночь съ 11 на 12 іюля толпа подъ предводительствомъ пор. Соколова и городового старосты Солодожникова разграбила аптеку, присутственныя мѣста и квартиры начальствующихъ лицъ, подвергла истязаніямъ офицеровъ и докторовъ, при чемъ нѣсколько человѣкъ было убито. Въ ту же ночь безпорядки начались въ ближайшихъ къ городу поселеніяхъ Кіевскаго гренадерскаго полка, при чемъ поселяне приводили въ городъ на расправу захваченныхъ офицеровъ. 12 іюля изъ лагеря подъ Княжьимъ Дворомъ былъ посланъ въ Старую Руссу на подводахъ резервный баталіонъ, но командиръ его, майоръ Ясинскій, ссылаясь на недостатокъ силъ, не рѣшился принять противъ мятежниковъ энергичныя мѣры. Солдаты 10 военно-рабочаго баталіона, опасаясь преслѣдованія, разбѣжались по сосѣднимъ селеніямъ и подняли мятежъ въ ближайшихъ округахъ военныхъ поселеній. Вездѣ поселяне собирались толпами, брались за оружіе, схватывали своихъ офицеровъ, докторовъ и нелюбимыхъ унтеръ-офицеровъ; для того, чтобы добиться у арестованныхъ сознанія въ томъ, что они отравляютъ воду, ихъ подвергали истязаніямъ и многихъ замучили до-смерти; арестованныхъ приводили въ Старую Руссу; но майоръ Ясинскій выпроваживалъ и обезоруживалъ мятежниковъ, освобождая задержанныхъ ими начальниковъ. Начальникъ резервныхъ баталіоновъ, ген. Эйлеръ, дѣйствовалъ крайне нерѣшительно и ограничился увѣщаніями мятежниковъ, ожидая прибытія вызванныхъ имъ изъ Демьянскаго уѣзда резервныхъ баталіоновъ. Между тѣмъ 16 и 17 іюля вспыхнули безпорядки въ округахъ военнаго поселенія 1 гренадерской дивизіи, расположенныхъ по рѣкѣ Волхову: въ нѣкоторыхъ округахъ мятежники организовали временное управленіе и отправили депутаціи въ Петербургъ для доклада объ истребленіи измѣнниковъ и отравителей. Узнавъ

П. А. Клейнмихель. (Съ литографіи Поля).

объ этихъ безпорядкахъ, ген. Эйлеръ выступилъ въ Новгородъ, гдѣ занялъ городъ, и, потерявъ вѣру въ возможность подавленія бунта, доносилъ въ Петербургъ о необходимости успокоенія поселянъ мѣрами кротости. 18 іюля начались безпорядки въ округахъ военнаго поселенія, ближайшихъ къ лагерю подъ Княжьимъ Дворомъ, а 21 іюля къ Старой Руссѣ собрались изъ сосѣднихъ округовъ вооруженныя толпы военныхъ поселянъ и вторично разгромили городъ; эти безпорядки вызвали новыя вспышки волненій въ округахъ военныхъ поселеній, куда были отправлены вооруженныя команды, понемногу возстановившія порядокъ и спокойствіе. Въ округахъ военнаго поселенія было убито мятежниками и умерло отъ ранъ и побоевъ болѣе 100 офицеровъ и врачей, остальныя начальствующія лица были подвергнуты жестокимъ истязаніямъ, и только немногимъ изъ нихъ удалось скрыться. Изъ всѣхъ округовъ новгородскихъ военныхъ поселеній безпорядковъ не было только въ Медвѣдской волости, въ округѣ 1 карабинернаго полка: начальникъ этого округа, полковникъ Тризна, узнавъ о вспыхнувшемъ бунтѣ, отправился съ поселянами на дальніе сѣнокосы и все время безпорядковъ усиленно заготовлялъ сѣно. Въ 20 числахъ іюля округа новгородскихъ военныхъ поселеній объѣхалъ по Высочайшему повелѣнію графъ Орловъ, а 25 іюля въ Новгородъ прибылъ самъ императоръ Николай I, посѣтившій затѣмъ округа поселеній на р. Волховѣ. Въ Старую Руссу былъ командированъ ген. Микулинъ, который привелъ находившіяся тамъ войска въ Гатчино, гдѣ послѣ

Императоръ Николай I (портр. въ Оруж. Пал.).

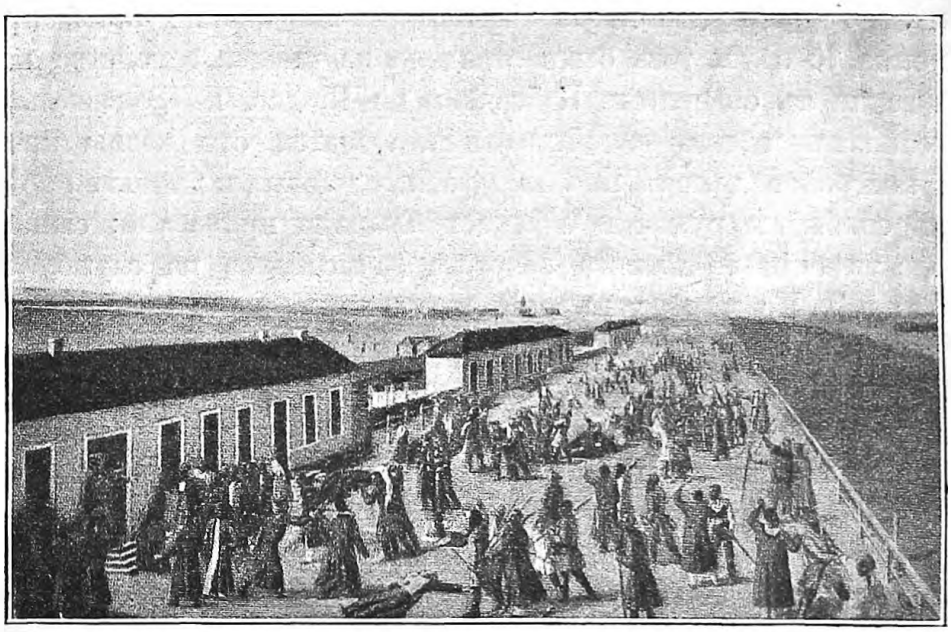
смотра 10 военно-рабочій баталіонъ въ полномъ составѣ былъ арестованъ и отправленъ въ Кронштадтъ. Тамъ особая военно-судная комиссія немедленно назначила нижнимъ чинамъ баталіона наказанія по мѣрѣ ихъ участія въ бунтѣ, а въ округахъ военныхъ поселеній въ началѣ августа было произведено разслѣдованіе, послѣ котораго военно-судная комиссія раздѣлила виновныхъ въ безпорядкахъ на 5 разрядовъ; всего осуждено было болѣе 3.000 человѣкъ; позднею осенью приговоръ суда былъ приведенъ въ исполненіе, при чемъ около 7% наказанныхъ шпицрутенами умерли на мѣстѣ экзекуціи.

Высочайшимъ указомъ 8 ноября 1831 г. новгородскія военныя поселенія были преобразованы въ округа пахотныхъ солдатъ; поселенные баталіоны и фурштатскія роты были расформированы, округа раздѣлены на волости, управленіе коими было ввѣрено головамъ, назначаемымъ изъ числа хозяевъ командирами округовъ; дѣти пахотныхъ солдатъ не зачислялись въ кантонисты, а по достиженіи 20-лѣтняго возраста опредѣлялись на службу въ резервные баталіоны. Изъ военныхъ поселеній Новгородской губ. было образовано 14 округовъ пахотныхъ солдатъ, раздѣленныхъ на два удѣла—новгородскій и старорусскій. Пахотные солдаты 5 округа (бывшіе поселяне 1 карабинернаго полка), не учавствовавшіе въ бунтѣ, были освобождены отъ оброка, имъ былъ отданъ рабочій скотъ, полученный отъ казны поселянами другихъ округовъ, а строенія ихъ было обѣщано поддерживать на счетъ казны. Въ округахъ, расположенныхъ по Волхову, деревянные дома-связи поселенныхъ ротъ и строенія ротныхъ и полковыхъ штабовъ были назначены для расквартированія войскъ, въ пользованіе коимъ были отданы и огороды. Пахотные солдаты были надѣлены участками пахотной земли и сѣнокоса по 15 десят. на каждаго; они освобождались отъ обязанности продовольствовать войско, но должны были платить оброкъ по 60 руб. съ каждаго хозяина и по 5 руб. съ каждаго изъ сыновей съ 15-лѣтняго возраста; пахотные солдаты обязаны были отбывать рекрутскую повинность, но желающіе могли поступать на службу не въ очередь, и тогда срокъ службы сокращался до 15 лѣтъ. Пахотные солдаты могли заниматься торговлею и всякими мастерствами, въ случаѣ надобности имъ выдавались ссуды деньгами и хлѣбомъ, они пользовались безплатнымъ лѣченіемъ въ госпиталяхъ. Въ каждой волости изъ среды хозяевъ съ утвержденія начальника округа избирались 4 сотскіе и голова, получавшіе жалованье изъ капитала военныхъ поселеній и исполнявшіе тѣ же обязанности, что и должностныя лица въ удѣльныхъ имѣніяхъ; каждый округъ управлялся окружнымъ комитетомъ, въ составъ котораго, кромѣ начальника округа, входили его помощникъ, адъютантъ и старшій изъ священниковъ округа. Земли, оставшіяся отъ надѣленія пахотныхъ солдатъ, отдавались въ аренду, а оброчныя деньги, получаемыя какъ съ пахотныхъ солдатъ, такъ и съ земли и другихъ оброчныхъ статей, причислялись къ капиталу военныхъ поселеній. Въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ въ 1832 г.

Чугуевскія военныя поселенія.

(Изъ коллекціи *П. И. Щукина*).

управленіе поселенною частью кавалеріи было отдѣлено отъ управленія дѣйствующими и резервными эскадронами и подчинено начальникамъ дивизій, а въ 1836 г. военныя поселенія кавалеріи были изъяты изъ вѣдѣнія начальниковъ дивизій, и каждые 4 округа были подчинены особому генералу, при чемъ начальство военныхъ поселеній подчинялось непосредственно корпусному командиру. Эскадроны были переименованы въ волости, а комитеты полкового управленія — въ окружные комитеты; военные поселяне попрежнему должны были продовольствовать квартирующіе въ округахъ кавалерійскіе полки, но оброкомъ обложены не были; дѣти ихъ были освобождены отъ зачисленія въ кантонисты и подлежали общей рекрутской повинности.



Новгородскій бунтъ 1831 г. (совр. рис.).

Въ 1836 г. въ вѣдѣніе Военнаго Министерства были переданы конфискованныя во время польскаго возстанія въ Кіевской и Подольской губ имѣнія съ $80^1/_2$ тыс. душъ крестьянъ, а въ 1837 г. изъ нихъ было образовано 5 округовъ и 2 отдѣльныхъ участка военныхъ поселеній. Для общественныхъ посѣвовъ, необходимыхъ для продовольствія войскъ, въ военныхъ поселеніяхъ было отдѣлено соотвѣтствующее количество земли, а во избѣжаніе малоземелья около 14 тыс. военныхъ поселянъ были переселены въ округа новороссійскаго военнаго поселенія; хозяевамъ былъ розданъ имѣвшійся въ экономіяхъ скотъ и земледѣльческія орудія; военные поселяне должны были отбывать рекрутскую повинность на общемъ основаніи, обязывались 3 дня въ недѣлю работать на общественныхъ поляхъ и доставлять продовольствіе расквартированнымъ въ округахъ войскамъ. Наконецъ военныя поселенія Ви-

тебской и Могилевской губ. были преобразованы въ округа пахотныхъ солдатъ въ 1836 г., при чемъ оброкъ на первое время былъ назначенъ по 30 р. съ каждаго хозяина. Высшее управленіе округами пахотныхъ солдатъ и военными поселеніями было сосредоточено съ 1832 г. въ департаментѣ военныхъ поселеній Военнаго Министерства, которому въ 1835 г. было поручено, кромѣ того, завѣдываніе иррегулярными войсками, военно-учебными заведеніями и всѣми казенными зданіями внѣ крѣпостей.

Отказавшись отъ мысли замѣнить военными поселеніями рекрутскую повинность, правительство въ концѣ 30-хъ годовъ вновь начало устраивать военныя поселенія съ цѣлью обезпеченія границъ государства. Въ 1837 г. на Кавказѣ рѣшено было устроить военныя поселенія на границахъ земель неусмиренныхъ горцевъ. для поселенія назначались нижніе чины, прослужившіе не менѣе 15 лѣтъ, имъ было отведено на каждое семейство по 20 дес. пахотной земли въ сѣверномъ Кавказѣ и по 15 дес. въ Закавказьѣ; первые годы поселянамъ и ихъ семействамъ отпускался отъ казны провіантъ, а во время постройки домовъ имъ выдавались мясныя и винныя порціи; поселяне были снабжены ружьями и огнестрѣльными припасами; сыновья поселянъ по достиженіи 20-лѣтняго возраста зачислялись на службу въ полки кавказской арміи. По мѣрѣ усмиренія горскихъ племенъ терявшія свое значеніе военныя поселенія присоединялись къ кавказскимъ казачьимъ войскамъ.

Послѣ вступленія на престолъ императора Александра II какъ мѣстное, такъ и главное начальство военныхъ поселеній пришло къ убѣжденію, что военныя поселенія невыгодны въ коммерческомъ отношеніи и не достигаютъ своей цѣли: населеніе округовъ сильно обѣднѣло, постройки требовали постояннаго ремонта, а для обезпеченія довольствія расквартированныхъ въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ войскъ требовалось столько земли, что на долю поселянъ оставлялись во многихъ округахъ неудобные участки. Въ виду этого въ 1857 г. военныя поселенія и округа пахотныхъ солдатъ были упразднены и переданы въ управленіе Министерства Государственныхъ Имуществъ, чѣмъ и закончено было 40-лѣтнее существованіе военныхъ поселеній.

А. Лыкошинъ.

Противники крѣпостного права въ началѣ XIX вѣка.

Пр.-доц. В. И. Пичета.

I.

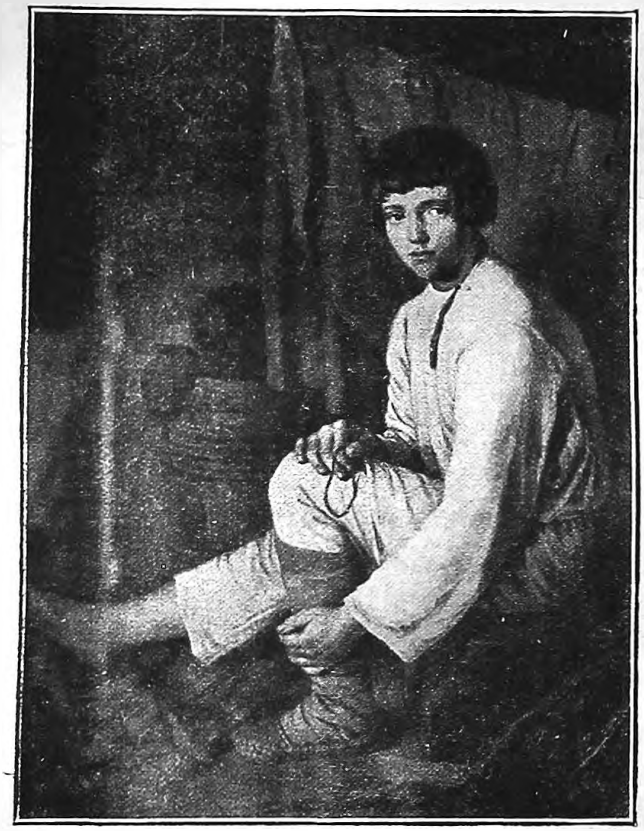
Крестьянскій вопросъ въ первой четверти XIX вѣка былъ предметомъ усиленнаго вниманія со стороны образованнаго русскаго общества, пришедшаго къ сознанію необходимости той или иной развязки крѣпостныхъ отношеній. Это отрицательное отношеніе вырабатывалось подъ вліяніемъ разныхъ условій и соображеній. И крестьянскія волненія конца XVIII вѣка и вліяніе западно-европейскихъ просвѣтительныхъ и экономическихъ идей, проникавшихъ въ Россію, несмотря на цензурныя строгости, заставляли болѣе вдумчивыхъ людей отрицательно отнестись къ крѣпостному укладу.

Не надо забывать при этомъ того значенія, которое имѣлъ для нѣкоторыхъ „противниковъ рабства“ молодой Геттингенскій университетъ, ставшій съ конца XVIII вѣка любимымъ мѣстопребываніемъ русскаго студенчества. Здѣсь на лекціяхъ профессоровъ студенческая молодежь впервые знакомилась съ освободительными идеями вѣка. Здѣсь зарождалась и крѣпла ненависть къ крѣпостному соціальному укладу, какъ явленію, находившемуся въ полномъ противорѣчіи съ основными принципами философской и политической мысли вѣка.

Для распространенія въ широкихъ кругахъ общества прогрессивныхъ идей была особенно благопріятна первая половина царствованія Александра I, когда либерально настроенное правительство, освободивъ нѣсколько печать

отъ цензурныхъ строгостей, не препятствовало появленію ряда книгъ и журнальныхъ статей въ духѣ философскихъ политическихъ идей вѣка, хотя послѣднія находились въ полномъ противорѣчіи съ соціально-политическимъ строемъ страны.

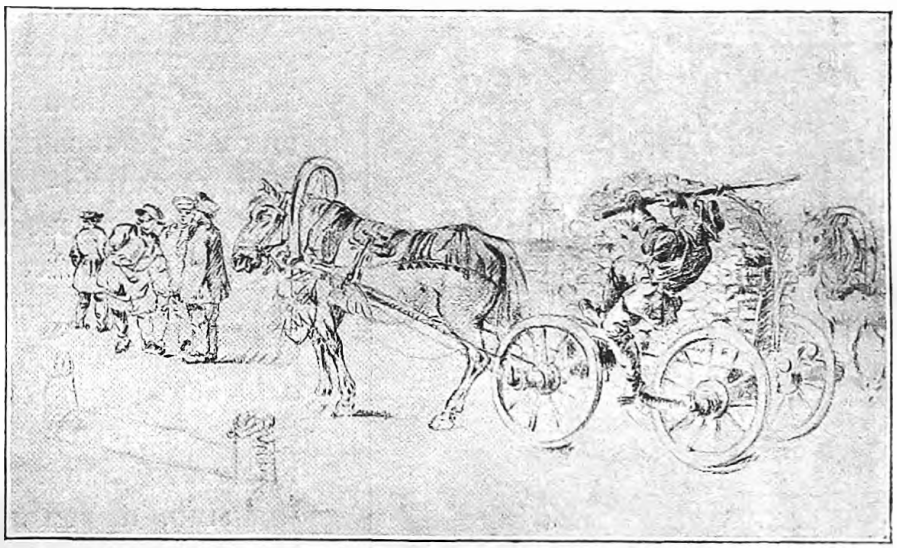
Въ началѣ вѣка русское общество впервые познакомилось съ ученіемъ Адама Смита, изложеніе котораго появилось въ 1804 году на страницахъ „С.-Петербургскаго Журнала“—офиціальнаго органа Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Съ того времени журналы отводятъ не мало мѣста ученію Смита, которое въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ совпадало съ матеріальными интересами землевладѣльцевъ. Этимъ объясняется интересъ широкихъ круговъ общества къ экономическому ученію Смита. Увлекались имъ и представители науки. Отправляясь отъ его основныхъ положеній, экономисты становились противниками крѣпостного права, отмѣтивъ то вредное вліяніе, которое оно оказывало на народное хозяйство. Помѣщичьему сословію были чужды политическая и соціальная стороны смитіанскаго ученія, но защита Смитомъ системы фермерскаго хозяйства вполнѣ соотвѣтствовала фактическому положенію хозяйства въ крупномъ имѣніи, сплошь и рядомъ ставшемъ на путь интенсификаціи сельско-хозяйственной культуры. Но система принудительнаго труда тормозила развитіе интенсификаціи, издержки производства не всегда окупались продажей сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, такъ что капиталъ, вложенный въ землю, фактически не давалъ никакой прибыли. Еще въ XVIII вѣкѣ представители крупнаго землевладѣнія поняли, что при господствѣ крѣпостныхъ отношеній невозможенъ подъемъ производительности сельско-хозяйственнаго труда и увеличеніе доходности имѣнія. Въ XIX вѣкѣ это сознаніе еще болѣе окрѣпло, и помѣщики сами начали принимать мѣры къ увеличенію доходности имѣнія путемъ расширенія барской запашки и сокращенія крестьянскихъ надѣловъ. Экономическое ученіе Смита давало вы-



Крестьянскій парень (карт. Венеціанова).

ходъ изъ создавшагося затруднительнаго хозяйственнаго положенія, и среди представителей крупно-помѣстнаго дворянства постепенно крѣпла мысль о цѣлесообразности безземельнаго освобожденія крестьянъ. Такой способъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній оставлялъ въ неприкосновенности въ ихъ рукахъ весь земельный капиталъ, а образованіе сельско-хозяйственнаго пролетаріата обезпечивало имѣніе достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ. Въ этомъ отношеніи практическія соображенія крупнаго землевладѣнія совпадали съ теоретическимъ обоснованіемъ системы крупнаго хозяйства.

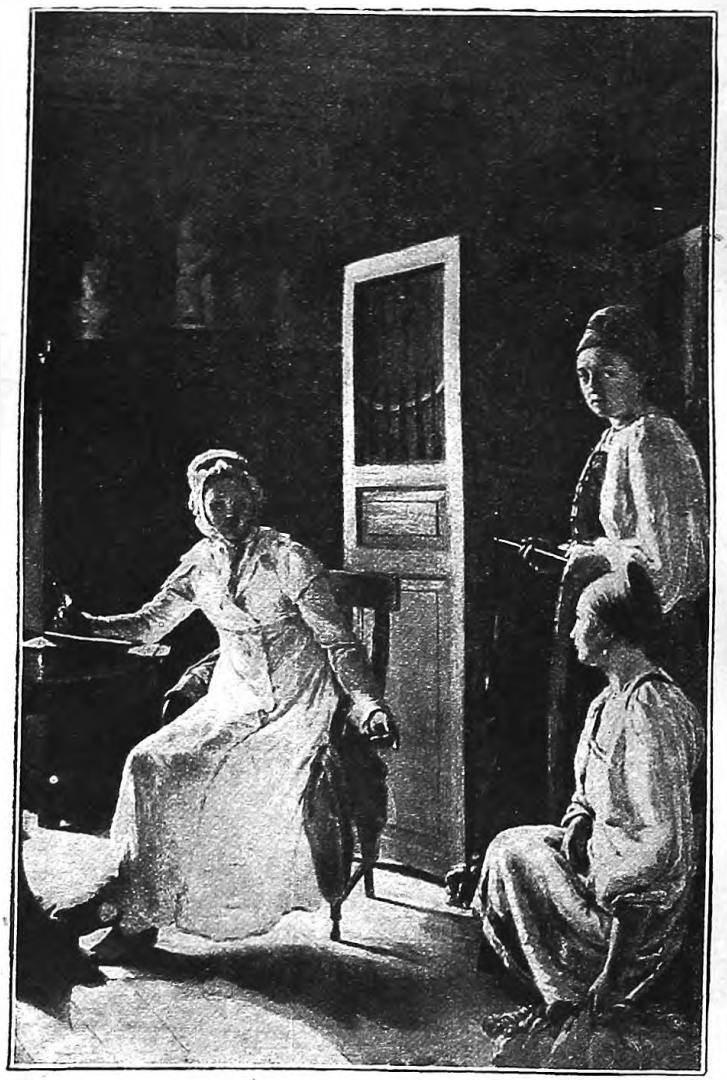
Застрѣльщикомъ выступилъ Кайсаровъ, студентъ Геттингенскаго университета. Знакомство съ книгой Унгерна-Штернберга, крѣпостника по убѣжденіямъ, дало Кайсарову поводъ написать работу въ защиту реформы соціаль-



Возъ съ дровами (Тропинина).

наго строя. Правда, она была напечатана на латинскомъ языкѣ въ Геттингенѣ какъ „dissertatio inauguralis“ и не имѣла никакого вліянія на развитіе освободительныхъ идей въ русскомъ обществѣ. Тѣмъ не менѣе, она заслуживаетъ вниманія, какъ первое произведеніе, въ которомъ съ наибольшей отчетливостью отразился политико-экономическій либерализмъ того времени. Кайсаровъ относится отрицательно къ крѣпостному праву, исходя изъ вреда, который оно наноситъ сельско-хозяйственной культурѣ и торгово-промышленной дѣятельности. Для Кайсарова — свободный трудъ и право собственности на землю земледѣльцевъ—необходимыя условія для расцвѣта земледѣлія. Отмѣна крѣпостного права повлечетъ за собой увеличеніе потребностей народа, безъ чего невозможенъ подъемъ фабричной промышленности. Въ обоихъ случаяхъ установится болѣе правильное денежное обращеніе, что такъ необходимо для системы дешеваго кредита. Диссертація Кайсарова—не историческая, а теоре-

тическая работа. Въ ней высказываются общіе принципы, а не практическая программа примѣненія въ жизни освободительныхъ идей. Благодаря догматическому изложенію вопроса, въ диссертаціи Кайсарова совершенно не затронутъ вопросъ о размѣрахъ той собственности, безъ которой невозможно процвѣтаніе сельскаго хозяйства, а это было очень важно въ практическомъ отношеніи. Этой неопредѣленности нѣтъ въ работѣ Стройновскаго „Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами". Авторъ тоже противникъ рабства, но сторонникъ личнаго и въ то же время безземельнаго освобожденія. Онъ убѣжденъ, что подобная реформа выгодна для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Между крестьянами и помѣщиками установятся нормальныя договорно-арендныя отношенія. Исчезнетъ призракъ возмущенія крестьянъ, такъ какъ при существованіи рабства крестьянскія волненія — одно изъ послѣдствій существованія подобнаго уклада. Крестьяне станутъ лично свободными, а земля останется въ рукахъ помѣщика, такъ что подобная реформа нисколько не отразится на его матеріальномъ положеніи. Являясь сторонникомъ арендныхъ отношеній, Стройновскій въ то же время противъ краткосрочной аренды и всего болѣе сочувствуетъ превращенію крестьянъ въ наслѣдственныхъ арендаторовъ. При такомъ условіи, по его мнѣнію, въ странѣ исчезнетъ бродяжничество, да и помѣщикъ всегда будетъ обезпеченъ необходимымъ количествомъ рабочихъ рукъ, такъ какъ арендная плата вносится не деньгами, а возмѣщается расцѣнкой работы на помѣщика. Крѣпостники встрѣтили книгу Стройновскаго съ негодованіемъ, не допуская мысли о возможности какой бы то ни было реформы крѣпостного права, но нашлись и



Помѣщица нач. XIX вѣка (карт. Венеціанова).

почитатели его, такъ какъ проектъ безземельной крестьянской реформы вполнѣ соотвѣтствовалъ практикѣ хозяйства многихъ крупныхъ экспортеровъ хлѣба.

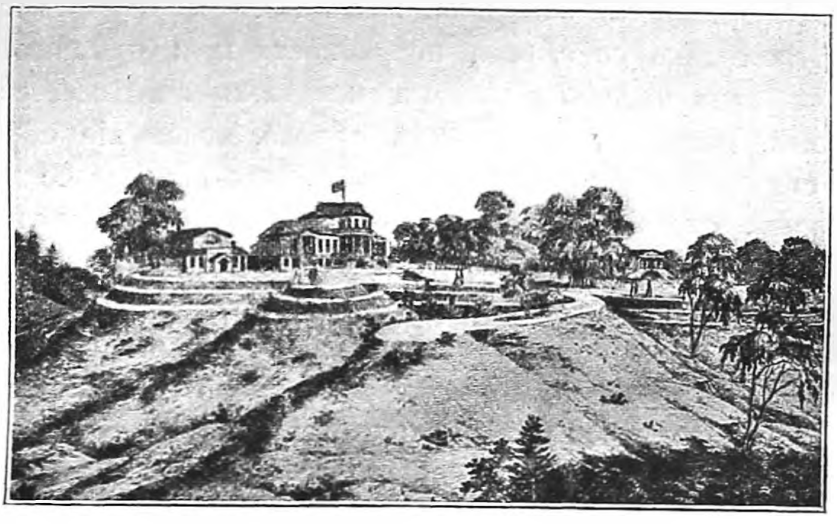
Кайсаровъ и Стройновскій въ своихъ работахъ отправляются отъ мысли о невыгодности крѣпостного труда для сельскаго хозяйства. Эти же вопросы стали предметомъ горячихъ споровъ въ Вольно-экономическомъ обществѣ. Въ 1803 году общество объявило тему на премію: „какія надлежитъ принять мѣры, чтобы духъ дѣятельности, ревности и прилежанія къ трудамъ для вящшей пользы въ нижнихъ состояніяхъ людей, а особливо женъ и дѣтей крестьянскихъ такъ возбудить можно было, чтобы оный напослѣдокъ содѣлался необходимой для нихъ привычкой". Премированнымъ оказался трудъ Джунковскаго. Автору довольно хорошо извѣстны нѣкоторыя изъ отрицательныхъ сторонъ помѣщичьяго крѣпостного хозяйства. Онъ отмѣчаетъ усиленный ростъ оброка и увеличеніе барщины. И въ томъ и другомъ случаѣ помѣщикъ считается только со своими потребностями и нуждами, не обращая вниманія на то, какъ подобная система эксплуатаціи отражается на крестьянинѣ. Впрочемъ, несмотря на тяжесть оброка, положеніе оброчныхъ крестьянъ, по справедливому мнѣнію автора, все-таки легче барщинныхъ. Такимъ образомъ, система крѣпостного хозяйства неудовлетворительна, и главный ея недостатокъ—существованіе подневольнаго барщиннаго труда, мало производительнаго по своему характеру Новая система хозяйства должна быть организована на принципѣ свободнаго труда, стоимость котораго въ общемъ дешевле крѣпостного, да и качество труда выше, „когда человѣкъ видитъ пользу труда для себя, а не для другого". Такимъ образомъ, потребности хозяйства требуютъ перехода отъ крѣпостного труда къ вольно-наемному, какъ болѣе производительному.

Та же мысль была высказана и проф. Якобомъ въ 1812 году въ его отвѣтѣ на тезу Вольно-экономическаго общества „о сравнительной выгодности крѣпостного и вольно-наемнаго труда". Проф. Якобъ еще раньше, въ 1809 г., выпустилъ на нѣмецкомъ языкѣ двухтомный трудъ по полицейскому праву, въ которомъ выступилъ противникомъ несвободнаго состоянія людей.

Крѣпостные не могутъ быть вѣрными слугами, и, кромѣ того, трудъ несвободнаго человѣка мало производителенъ. Такимъ образомъ государственные и хозяйственные интересы требуютъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній; но при этомъ необходимо соблюдать извѣстную постепенность; внезапное уничтоженіе крѣпостного права одинаково было бы вреднымъ для обѣихъ сторонъ: помѣщиковъ и ихъ крѣпостныхъ. При освобожденіи крестьянъ владѣльцы получаютъ вознагражденіе. Пока же крѣпостное состояніе не отмѣнено закономъ, правительство обязано урегулировать отношеніе крѣпостныхъ къ ихъ владѣльцамъ и поставить ихъ подъ охрану государственныхъ законовъ. Авторъ настаиваетъ на законодательномъ запрещеніи продажи кре-

стьянъ безъ земли, опредѣленіи закономъ размѣра работъ и содержаніи рабовъ, запрещеніи насильственнаго разлученія семей, ограниченіи права наказывать крестьянъ, предоставленіи крестьянамъ права собственности на ихъ заработокъ и на пріобрѣтенное ими имущество и опредѣленіи размѣра выкупа за свободу.

Наконецъ крѣпостные получаютъ право жаловаться судьямъ на злоупотребленіе помѣщиковъ, и въ случаѣ виновности послѣднихъ крестьяне получаютъ свободу. Послѣ этихъ предварительныхъ мѣръ правительство можетъ отмѣнить крѣпостное право, передавъ крестьянскимъ семьямъ на правахъ собственности или наслѣдственной аренды отдѣльные участки земли. При системѣ фермерскаго хозяйства Якобъ предполагаетъ увеличеніе доходности имѣнія въ силу большей производительности свободнаго труда, и уже это



Мыза „Рябово", Всеволожскаго (1822 г.).

должно заставить помѣщиковъ сочувственно отнестись къ предполагаемой реформѣ. Такимъ образомъ отмѣна крѣпостного права по проекту Якоба сводилась къ полученію крестьянами только личной свободы, которая необходима для сельско-хозяйственнаго прогресса. Съ этой же точки зрѣнія Якобъ относится отрицательно и къ общинному землевладѣнію, какъ одному изъ тормозовъ въ развитіи сельско-хозяйственной культуры.

Отвѣтъ Якоба на тезу Вольно-экономическаго общества заслуживаетъ большого вниманія. Авторъ—убѣжденный смитіанецъ, и его сочиненіе является трактатомъ, въ которомъ пропагандируются основные экономическіе взгляды Смита. Исходя изъ представленія о незначительной производительности крѣпостного труда, къ чему авторъ пришелъ не только на основаніи теоретическихъ предпосылокъ, но также благодаря личному знакомству съ условіями крѣпостного хозяйства въ Германіи и Россіи, Якобъ настоятельно рекомен-

дуетъ поставить крѣпостныхъ въ такое положеніе, при которомъ было бы возможно веденіе хозяйства съ помощью вольно-наемнаго труда. Освободительные планы Якоба связаны съ системой обезземеленія крестьянъ, которые при этомъ условіи составятъ необходимый и дешевый контингентъ рабочихъ рукъ. Вольно-экономическое общество удостоило Якоба наградой первой степени. Уже это одно показываетъ, насколько смитіанскія идеи были близки сердцу землевладѣльцевъ начала XIX вѣка, когда имъ самимъ на практикѣ приходилось убѣждаться въ томъ же, къ чему Якобъ пришелъ на основаніи теоретическихъ положеній и фактическихъ данныхъ о помѣщичьемъ хозяйствѣ.

И авторъ другого премированнаго сочиненія—Меркель—также отдаетъ предпочтеніе вольно-наемному труду, какъ болѣе дешевому и удобному.

Тотъ же вопросъ о выгодности или невыгодности крѣпостного труда затрогивался и въ другихъ научныхъ сочиненіяхъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ „Курсъ политической экономіи“ Шторха, напечатанный на французскомъ языкѣ, такъ какъ переводъ на русскій языкъ не былъ разрѣшенъ цензурой, несмотря на то, что курсъ лекцій ранѣе читался великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Шторхъ—противникъ крѣпостного права: оно задерживаетъ развитіе экономическаго благосостоянія страны, такъ какъ для послѣдняго необходимы свобода личности и безопасность собственности. Отсутствіе того и другого задерживаетъ процессъ накопленія капитала, какъ одного изъ условій экономическаго развитія страны; крестьянъ удерживаетъ отъ накопленія капитала боязнь, что у нихъ отнимутъ ихъ сбереженія. Кромѣ того, если послѣднія даже имѣются у крестьянъ, то они изъяты изъ обращенія: крестьяне обыкновенно прячутъ деньги, не желая утилизировать сбереженія для будущаго въ надеждѣ, что въ старости ихъ прокормитъ помѣщикъ. Въ оцѣнкѣ производительности крѣпостного труда Шторхъ сходится съ Якобомъ и другими сторонниками вольно-наемнаго труда. Крѣпостной крестьянинъ не только работаетъ хуже, но и стоитъ дороже. Въ интересахъ хозяйства Шторхъ рекомендуетъ оброчную систему, „такъ какъ она ослабляетъ пагубныя слѣдствія рабства, и если когда-нибудь его серьезно задумаютъ уничтожить, то она представляетъ самое удобное и простое средство“. Но и оброчная система не спасаетъ отъ злоупотребленій помѣщичьей власти, пока не будутъ закономъ опредѣлены повинности и обезпечена собственность. При этомъ условіи крѣпостные крестьяне превращаются въ прикрѣпленныхъ къ землѣ. Указывая сколь вредное вліяніе оказываетъ крѣпостное право на земледѣліе, промышленность и торговлю и какъ при системѣ арендныхъ отношеній увеличится земельная рента, Шторхъ тѣмъ самымъ рекомендуетъ произвести радикальныя перемѣны въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ. Но онъ не далъ подробнаго плана освобожденія крестьянъ въ Россіи, хотя, видимо, предпочитаетъ безземельное освобожденіе, благодаря которому частное земле-

владѣніе получитъ возможность развиваться въ болѣе благопріятныхъ для него условіяхъ, а крестьяне станутъ свободными арендаторами. Впрочемъ, въ другомъ его сочиненіи „Russland unter Alexander dem Ersten“ Шторхъ допускаетъ освобожденіе съ землей или ея частью на разныхъ условіяхъ. Авторъ не опредѣляетъ минимальныхъ размѣровъ надѣла, который, конечно, можетъ колебаться въ томъ или другомъ направленіи, но надѣленіе крестьянъ землей должно было еще крѣпче привязать крестьянъ къ мѣстности, прочно обезпечить и помѣщичье хозяйство необходимымъ контингентомъ рабочихъ. Такъ и въ послѣднемъ случаѣ ученый экономистъ имѣлъ въ виду интересы частнаго землевладѣнія.

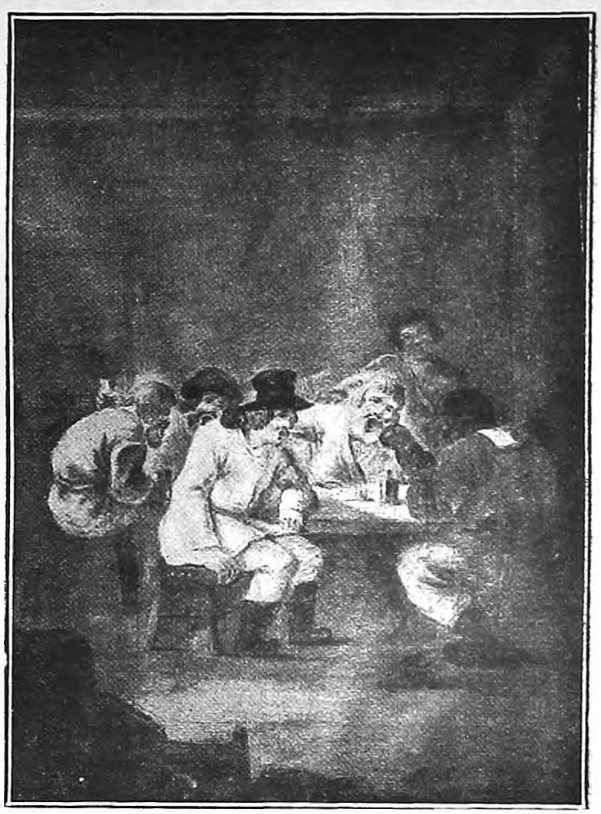
Н. И. Тургеневъ.

Къ такимъ же выводамъ пришелъ и Н. Тургеневъ, воспитанникъ Геттингенскаго университета, авторъ труда „Опытъ теоріи налоговъ“, напечатаннаго въ 1818 году. Для своего времени это—замѣчательное сочиненіе по финансовому праву, въ которомъ авторъ пытается установить наиболѣе справедливые принципы податного обложенія. Въ связи съ послѣдними автору приходится коснуться и крестьянскаго вопроса, вслѣдствіе чего его работа имѣетъ болѣе широкій интересъ. Не даромъ ея появленіе вызвало переполохъ въ крѣпостническомъ лагерѣ.

По мнѣнію автора, всѣ налоги должны быть распредѣляемы между всѣми гражданами: правильно поставленная податная система не знаетъ изъятій изъ обложенія, хотя въ исторіи какъ разъ бывало наоборотъ: во Франціи духовенство и дворянство—два наиболѣе богатыхъ класса—почти не участвовали въ платежѣ податей. То же бывало и въ другихъ странахъ: Сициліи, Испаніи, Люттихъ. Благодаря неравномѣрному распредѣленію податей, въ народѣ развивается ненависть къ богатымъ классамъ, могущая привести, какъ во Франціи, къ революціи.

Податная система должна всей тяжестью падать на тѣхъ, кто имѣетъ больше возможности платить. Простой народъ долженъ быть свободенъ отъ податного обложенія. Теорія налоговъ не допускаетъ мысли объ удовлетво-

реніи всѣхъ потребностей государства съ помощью только одного единаго налога, какъ думали объ этомъ физіократы. Государственный бюджетъ составляется за счетъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, но только соотношеніе тѣхъ и другихъ должно быть нѣсколько иное сравнительно съ прежнимъ характеромъ бюджета: косвенные налоги должны занимать второстепенное мѣсто; первенство отдается прямымъ налогамъ, падающимъ на чистый доходъ отъ земли или капиталовъ. Прямой же налогъ, объектомъ обложенія котораго является „доходъ отъ работы“, является несправедливой формой обложенія, какъ подающій средства, необходимыя для поддержанія жизни. Авторъ не допускаетъ возможности развитія въ государствѣ богатства при отсутствіи свободы и свободныхъ учрежденій. Государство должно имѣть дѣло съ свободною индивидуальностью, какъ плательщикомъ налоговъ. Богатство Англіи основано на свободѣ народной.



Пиръ крестьянъ (карт. Орловскаго).

Новая теорія налоговъ не примѣнима къ Россіи, пока въ ней есть рабство и существуютъ убѣжденія, что крестьянинъ не можетъ приносить дохода помѣщику иначе, какъ составляя его собственность. Народу необходимо дать личныя права, ограничить власть помѣщиковъ, такъ какъ нигдѣ не бывало, „чтобы народъ, которому правительство даровало священныя права человѣчества и гражданства, возставалъ противъ виновниковъ своего благополучія“. Возмущенія народныя всегда происходили отъ противнаго. „Благоустроенное государство, — говоритъ Тургеневъ въ замѣткѣ о крѣпостномъ состояніи въ Россіи, — не должно созидать своего благоденствія на несправедливости; угнетеніе одного класса другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственнаго добраго народа“. Такъ, отмѣна крѣпостного права необходима для процвѣтанія государства и усиленія его финансовой мощи.

Крестьянскій вопросъ въ научной литературѣ разсматривали и сквозь призму современныхъ философскихъ идей. Въ 1814 году проф. Харьковскаго университета Шадъ выпустилъ сочиненіе „Institutionies juris naturae“. Авторъ —

сторонникъ естественнаго права, въ противорѣчіи съ которымъ существуетъ рабство.

Исходя изъ принципа образованія общества черезъ договоръ, Шадъ не допускаетъ возможности возникновенія рабства на договорѣ. „Согласіе подвергнуть свою жизнь всевозможнымъ бѣдствіямъ выражало бы не волю, а безуміе; наконецъ, такое состояніе есть не что иное, какъ непрерывная война, объявленная самому роду человѣческому и его достоинству, противно всѣмъ условіямъ общественной жизни“. Сочиненіе Шада появилось уже въ эпоху реакціи, и такая проповѣдь философіи естественнаго права не могла понравиться правительству, уже успѣвшему оправиться отъ увлеченія либеральными вѣяніями. Шадъ былъ удаленъ изъ университета и высланъ за границу.

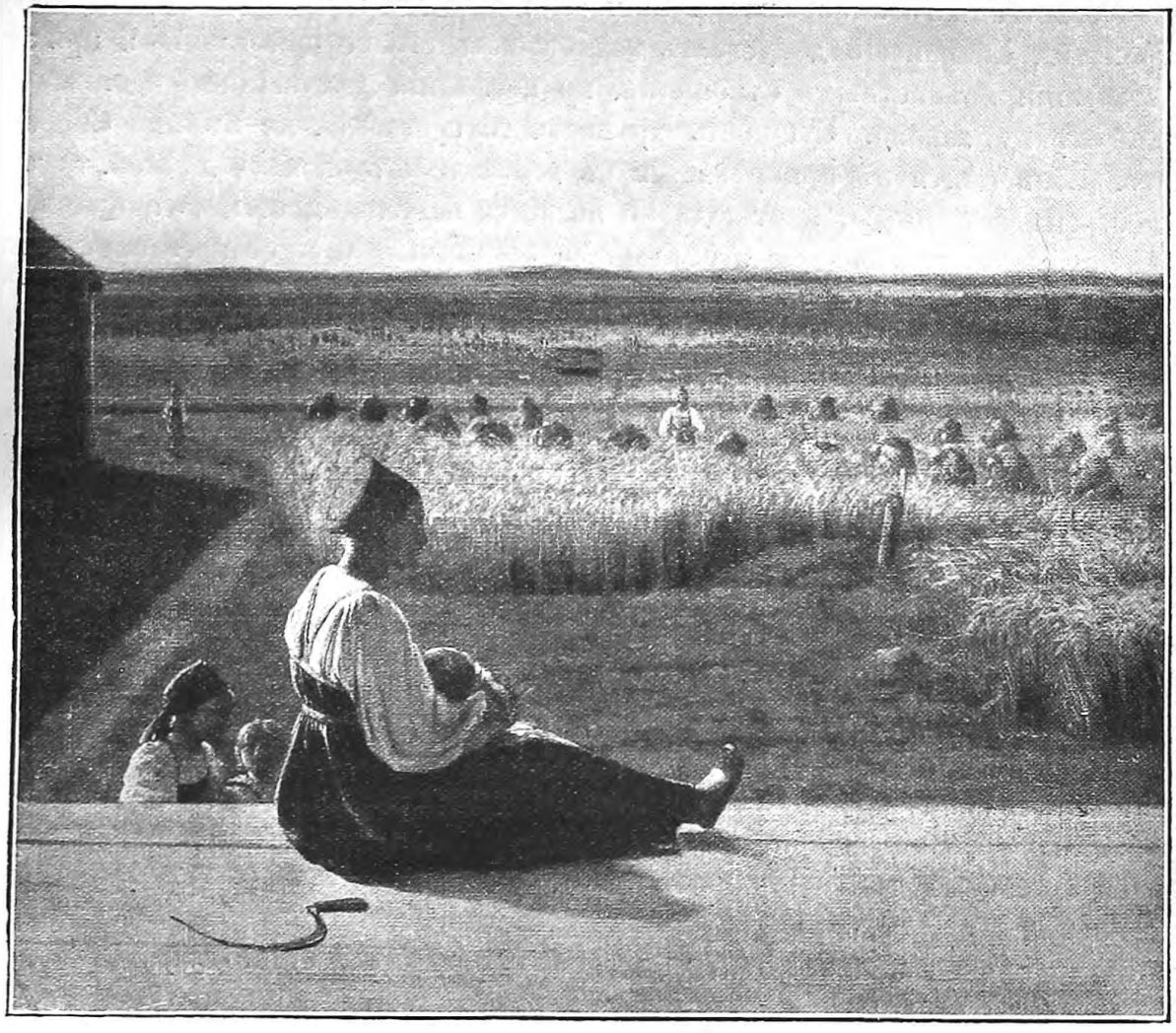
М. М. Сперанскій (портр. Иванова).

И Куницынъ, проф. Петербургскаго университета, въ своемъ сочиненіи „Право естественное“, вышедшее въ 1820 году, не мирится съ существованіемъ рабства во имя тѣхъ же принциповъ, что и Шадъ. Только это отрицательное отношеніе къ крѣпостничеству высказано здѣсь съ наибольшей опредѣленностью и рѣзкостью. „Одинъ членъ государства,—пишетъ Куницынъ,—не можетъ получить личнаго права на другого посредствомъ рожденія или наслѣдства, ибо сіи дѣйствія не суть договоры. Одно состояніе не можетъ требовать, чтобы другое ему служило и отъ его распоряженій зависѣло. Никакими заслугами не можно пріобрѣсть права на свободу и собственность другихъ людей“. Итакъ, подданные сохраняютъ одинъ противъ другого право свободы. И Куницыну пришлось расплачиваться за несвоевременную проповѣдь философскихъ идей. Его книга была запрещена, „какъ противорѣчащая явно истинамъ христіанства и клонящаяся къ ниспроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ“, а самъ Куницынъ былъ уволенъ отъ всѣхъ должностей по Министерству Народнаго Просвѣщенія.

II.

Крѣпостного права неоднократно касался и Сперанскій. Впервые ему пришлось высказаться по крестьянскому вопросу въ планѣ государственнаго преобразованія, составленномъ въ 1809 г., въ моментъ крайняго напряженія правительственнаго либерализма. Составляя проектъ новаго государственнаго устройства, Сперанскій допускаетъ возможность его осуществленія и при существованіи крѣпостныхъ отношеній, но послѣднія должны быть поставлены подъ охрану закона. Сущность крѣпостного состоянія, по мнѣнію Сперанскаго, заключается въ прикрѣпленіи къ землѣ и потерѣ какъ личной, такъ и вещественной свободы, и отнюдь не является необходимостью въ общественномъ строѣ. Существовали „государства обширныя и многонаселенныя, въ коихъ рабство сего рода мало-по-малу уничтожалось“. Отсюда авторъ дѣлаетъ заключеніе, что „нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы въ Россіи не могло быть оно уничтожено, если приняты будутъ къ тому дѣйствительныя мѣры“. Эти мѣры должны быть постепенны, въ противномъ случаѣ онѣ не будутъ дѣйствительными. По проекту Сперанскаго, крѣпостнымъ крестьянамъ возвращаются гражданскія права, общія для всѣхъ состояній: 1) никто безъ суда наказанъ быть не можетъ; 2) никто не обязанъ отправлять личную службу по произволу другого, но по закону, опредѣляющему родъ службы по состояніямъ; 3) всякій имѣетъ право пріобрѣтать собственность движимую и недвижимую и располагать ею по закону, но пріобрѣтеніе собственности недвижимой населенной принадлежитъ только извѣстнымъ состояніямъ; 4) никто не обязанъ отправлять вещественныхъ повинностей по произволу другого, но по закону или добровольнымъ условіямъ. Такъ создаются новыя отношенія крѣпостныхъ къ помѣщикамъ, регламентированныя закономъ и охраняемыя тѣмъ же закономъ, такъ какъ крестьяне освобождаются отъ присуда помѣщику. Сперанскій въ „Введеніи къ уложенію государственныхъ законовъ“ не касается другихъ законодательныхъ мѣръ, необходимыхъ для раскрѣпощенія крестьянъ, но, съ другой стороны, онъ возстаетъ противъ безземельнаго освобожденія, находя, что для Россіи невозможенъ такой порядокъ, гдѣ земли обрабатываются большею частью наймомъ, а крестьяне не имѣютъ твердой осѣдлости потому, что „воинская наша система и пространство земель ненаселенныхъ непремѣнно требуютъ осѣдлости; что наймомъ обрабатывать у насъ земель по пространству и по малости населенія также невозможно; наконецъ ежели бы система сія и была возможна, то въ нравственныхъ уваженіяхъ участь крестьянина симъ безмѣрно бы отяготилась, а земледѣліе потерпѣло бы великую разстройку“. Участь крестьянина, отправляющаго повинности по закону и имѣющаго въ возмездіе свой участокъ земли, несравненно выгоднѣе, нежели положеніе бобылей, каковы всѣ рабочіе

люди въ Англіи, во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ [1]). Въ другомъ сочиненіи—въ проектѣ конституціонной организаціи государства—Сперанскій снова возвращается къ крестьянскому вопросу и набрасываетъ планъ постепеннаго освобожденія крестьянъ, чѣмъ и дополняетъ свои прежнія разсужденія о крѣпостномъ состояніи. Раскрѣпощеніе крестьянъ должно совершиться



На пашнѣ (картина Венеціанова).

въ два пріема: 1) въ превращеніи крѣпостныхъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ; 2) въ полученіи ими права древняго свободнаго перехода отъ одного землевладѣльца къ другому. Прежде всего закономъ опредѣляются повинности, которыя помѣщикъ можетъ требовать отъ крестьянина, для чего необходимо также установить судебную власть, которая рѣшала бы споры между ними и земледѣльцами. Далѣе, Сперанскій настан-

[1]) «Планъ государственнаго преобразованія», изд. «Русской Мысли», стр. 54—59.

ваетъ на замѣнѣ подушной подати поземельнымъ налогомъ, требуя также при совершеніи актовъ означать не число душъ, а пространство земли, составляющей предметъ сдѣлки. Послѣ этихъ предварительныхъ мѣропріятій крестьяне получаютъ обратно свое древнее право вольнаго перехода отъ одного землевладѣльца къ другому, съ предоставленіемъ имъ земли за опредѣленныя повинности. Предоставленіе крестьянамъ земли на правахъ аренды противорѣчитъ сказанному въ „Введеніи къ уложенію государственныхъ законовъ“, такъ какъ предоставленіе крестьянамъ права перехода—собственно, фактически безземельное освобожденіе, противъ чего авторъ такъ горячо раньше протестовалъ. Во всякомъ случаѣ реформа необходима, ибо безъ нея невозможно просвѣщеніе народа, а оставленіе его въ невѣжествѣ—это отказъ отъ усовершенствованія промышленности, отъ всякаго возвышенія національнаго характера.

III.

Крестьянскимъ вопросомъ въ первой четверти XIX вѣка усиленно интересовались и въ журналистикѣ, конечно, постольку, поскольку это было возможнымъ при тогдашнихъ смягченныхъ цензурныхъ условіяхъ.

Въ 1804 году правительство издало распоряженіе, имѣя въ виду прекратить продажу крестьянъ въ рекруты. По этому поводу въ офиціальномъ органѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ появилось „Письмо къ издателямъ изъ Москвы“ о продажѣ людей въ рекруты. Авторъ письма, конечно, на сторонѣ законодательнаго распоряженія правительства, но высказываетъ сомнѣніе, чтобы правительству были извѣстны „всѣ извороты и тонкости сего постыднаго торга“, которые могутъ свести на нѣтъ правительственное распоряженіе.

Прогрессивная журналистика, конечно, противъ крѣпостного права. Въ большой статьѣ „Опытъ о Великобританіи“, помѣщенной въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ“ за 1805 г., авторъ довольно осторожно высказываетъ мысль, что для процвѣтанія Россіи необходимо, чтобы „какіе-либо торги, заводы, животныя: рогатый скотъ, овцы, лошади и проч.“ не находились въ чьемъ-либо исключительномъ владѣніи и не препятствовали „свободному употребленію и развитію произведеній и способностей сихъ предметовъ“. По мнѣнію автора статьи, при уничтоженіи подобнаго рода злоупотребленій собственники могутъ получить соотвѣтствующее вознагражденіе казенными землями, которыя остаются необработанными. Такъ осторожно авторъ статьи высказалъ мысль о своевременности и необходимости отмѣны крѣпостного права. Впрочемъ, сама статья только ставитъ вопросъ, но не предрѣшаетъ его рѣшенія. Авторъ оставляетъ также открытымъ вопросъ, за что собственники должны получить вознагражденіе: за предоставленіе крестьянамъ только одной личной свободы или за освобожденіе съ землей. Болѣе опредѣленно по этому поводу высказывался „Духъ Журналовъ“ въ цѣломъ рядѣ статей. Являясь сторонни-

комъ фритредерскихъ тарифовъ, „Духъ Журналовъ“ въ то же время очень консервативенъ въ крестьянскомъ вопросѣ, и эта осторожность заслуживаетъ вниманія. „Духъ Журналовъ“—противникъ безземельнаго освобожденія крестьянъ. При такомъ способѣ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, „можетъ-быть, помѣщики въ томъ своихъ выгодъ не потеряютъ, хотя это еще весьма подлежитъ сомнѣнію, но мужики, навѣрно, будутъ разорены, какой бы оборотъ ни былъ въ этомъ дѣлѣ“. Авторъ статьи ссылается на положеніе крестьянъ прирейнскихъ областей, гдѣ всѣ „вольны, какъ птицы небесныя, но такъ же, какъ сіи, безпріютны и беззащитны, погибаютъ отъ голода и холода. Свобода заставляетъ ихъ оставлять свое отечество, бѣжать за море искать себѣ пропитанія“. Эта вполнѣ справедливая оцѣнка результатовъ безземельнаго освобожденія крестьянъ соединяется въ то же время съ защитой крѣпостного права, которое рисуется авторомъ въ довольно идиллическомъ видѣ. По мнѣнію автора, „крестьяне—это дѣти, а помѣщикъ ихъ отецъ“. Однако редакція журнала не согласилась съ такимъ категорическимъ утвержденіемъ и сочла нужнымъ сдѣлать замѣчаніе: „по крайней мѣрѣ, таковыми они должны быть и таковы, безъ сомнѣнія, суть у большей части помѣщиковъ, и нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлать ихъ таковыми у всѣхъ людей вообще“. Впрочемъ, редакціонная замѣтка умалчиваетъ о средствахъ достиженія, при существованіи крѣпостного права, подобныхъ идиллическихъ отношеній.

Крестьянское семейство (англ. грав. изъ книги Robert Lyall 1823 г.).

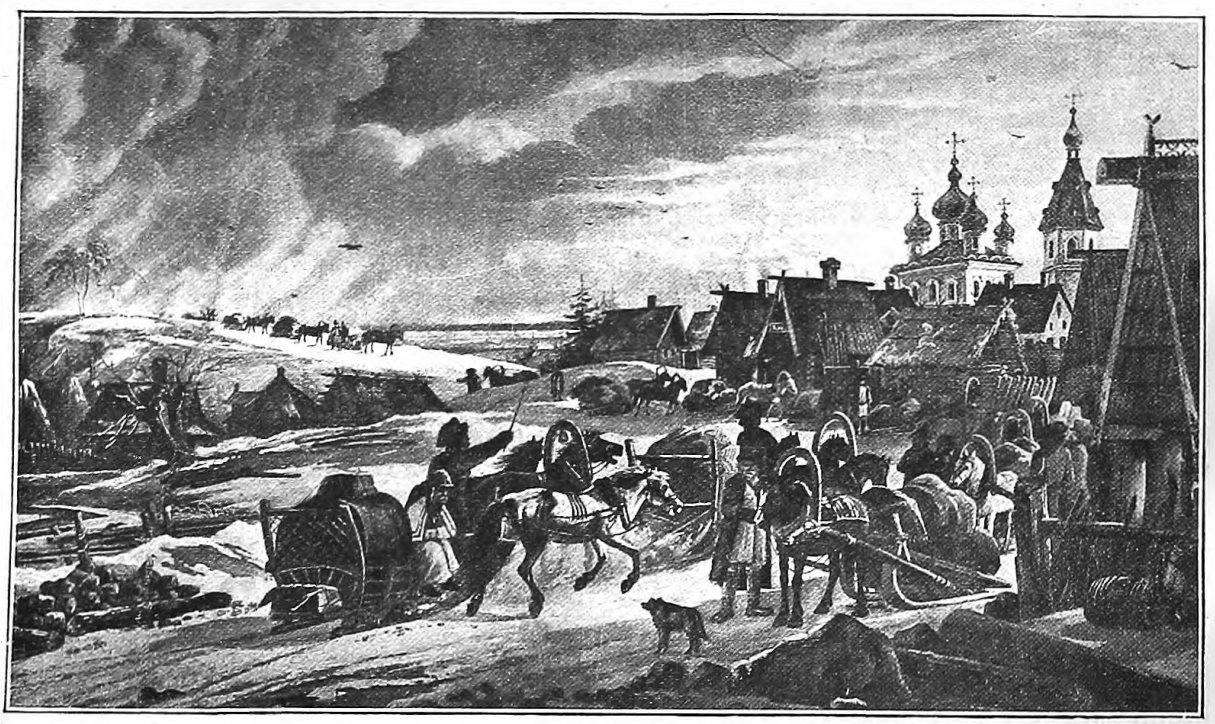
Собственно, того же взгляда держится и дворянинъ Правдинъ въ статьѣ „Сравненіе русскихъ крестьянъ съ иноземными“. Авторъ считаетъ „вольность“ пустымъ словомъ, такъ какъ отъ этой вольности крестьяне умираютъ отъ голода и переселяются въ другія страны. Если можно согласиться съ податной оцѣнкой безземельнаго освобожденія крестьянъ, то характеристика быта нашихъ крѣпостныхъ слишкомъ далека отъ истины. Сторонникъ рабовладѣнія и крѣпкой „семейной“ связи между помѣщиками и крестьянами выступаетъ защитникомъ барщиннаго труда, такъ какъ положеніе барщинныхъ лучше, чѣмъ оброчныхъ, а казенныхъ и удѣльныхъ хуже, чѣмъ помѣщичьихъ

При существованіи же арендныхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьянами, послѣдніе всегда проиграютъ, такъ какъ собственникъ получитъ полную возможность назначить за землю желательную для него цѣну. Крестьянину придется согласиться на какія бы то ни было условія, хотя бы и увѣренъ былъ, „что не въ силахъ будетъ безъ крайняго разоренія выполнить свое обязательство“. Впрочемъ, статья Правдина вызвала возраженіе въ „Сынѣ Отечества“. Авторъ возраженія указываетъ, что для иностранныхъ крестьянъ „вольность—не пустое слово“ и что свободная жизнь выгоднѣе крестьянамъ. Свободные крестьяне являются субъектами права; ихъ гражданская правоспособность и дѣеспособность ничѣмъ неограничена; личность ихъ семьи находится подъ охраной закона. Едва ли свободные крестьяне согласились бы вернуться къ тому состоянію, когда ихъ продавали, мѣняли, отнимали дѣтей у родителей, заставляли насильно вступать въ бракъ. Наконецъ свободные крестьяне пользуются результатами своего труда, да и самое экономическое положеніе иностранныхъ крестьянъ въ общемъ не такъ плохо, какъ представлено въ статьѣ „Духъ Журналовъ“. Впрочемъ, послѣднее заявленіе оставалось на совѣсти автора и не было подкрѣплено никакими фактическими данными.

Въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ также появлялись статьи, посвященныя крестьянскому вопросу. Такъ, авторъ статьи „Замѣчанія на мысли объ устроеніи счастливѣйшаго быта крестьянъ польскихъ“ относится неодобрительно къ предоставленію Наполеономъ польскимъ крестьянамъ личной свободы. Отъ этого ихъ положеніе нисколько не улучшилось, не облегчило долю крестьянъ и не доставило имъ прочнаго благосостоянія, такъ какъ договоры съ помѣщиками не могутъ улучшить ихъ быта. Личное освобожденіе принесло крестьянамъ больше вреда, чѣмъ пользы, ибо лишило ихъ помощи со стороны землевладѣльцевъ. Впрочемъ, изъ статьи не видно, къ чему, собственно, сводится мнѣніе автора: является ли онъ защитникомъ земельнаго освобожденія, или его критика Наполеоновскаго акта имѣетъ въ виду оправданіе крѣпостного права. Въ другой статьѣ, тоже переведенной съ польскаго и помѣщенной въ томъ же журналѣ, подымается вопросъ о томъ, какъ выгоднѣе обрабатывать землю: своими собственными или наемными рабочими. Эта тема вполнѣ совпадаетъ съ темой Вольно-экономическаго общества. Принципіально авторъ—сторонникъ вольно-наемнаго труда; и для освобожденія земледѣльцевъ отъ барщины самое подходящее средство — это переводъ всѣхъ крестьянъ на оброкъ, съ предоставленіемъ имъ ихъ земли. При этомъ условіи, крестьяне будутъ работать, какъ вольно-наемные. Но переводчикъ статьи не вполнѣ согласился съ доводами польскаго публициста и высказалъ опасеніе, что отведенные крестьянамъ участки земли могутъ быть оцѣнены слишкомъ дорого, а заработная плата, наоборотъ, будетъ назначена минимальная. По мнѣнію переводчика, эта теорія приложима лишь въ имѣніи „помѣщика благомыслящаго“.

Въ томъ же журналѣ въ статьѣ „Добрый помѣщикъ“ авторъ высказываетъ сочувствіе закону о вольныхъ хлѣбопашцахъ и протестуетъ противъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ, являющихся источникомъ многихъ безпорядковъ, опасныхъ для цѣлаго государства. „Злые помѣщики заставляютъ быть крестьянъ злыми. Угнетаемый крестьянинъ ненавидитъ господина своего, ибо почитаетъ его орудіемъ своего несчастія. Помѣщикъ, презирающій крестьянина, не печется о его благоденствіи; крестьянинъ, ненавидящій помѣщика, работаетъ ему принужденно“.

Наконецъ въ „Трудахъ Вольно-экономическаго общества“ появилась за 1820 г. замѣтка помѣщика Зубова, считавшаго цѣлесообразнымъ развязку



Деревенскій обозъ (картина Орловскаго).

крѣпостныхъ отношеній съ предоставленіемъ крестьянамъ земли въ полную собственность. Авторъ замѣтки считаетъ доказаннымъ, что крестьяне, „не имѣя въ землѣ незыблемой собственности, недостаточно обрабатываютъ оную, чтобы производить хорошій урожай хлѣба и покоса“. Единственнымъ цѣлесообразнымъ выходомъ изъ этого положенія авторъ признаетъ утвержденіе „земли въ незыблемую собственность крестьянамъ“, съ предоставленіемъ имъ права, „съ платежомъ государственной повинности и оброка, продавать въ своихъ земляхъ участки“, для чего предлагаетъ пашенную землю и покосы раздѣлить во всю длину полей. Государственныя подати и помѣщичій оброкъ взимаются съ земли. Благодаря такому „утвержденію собственности“, всякій

земледѣлецъ, „бывъ полновластнымъ хозяиномъ, обратитъ попеченіе свое, чтобы удобрить землю къ хлѣбородію и покосамъ, имѣвъ передъ собою увѣреніе, что труды его и издержки на то денегъ принадлежатъ ему или его наслѣдникамъ“. При отдѣленіи же помѣщичьихъ земель въ вѣчное обращеніе крестьянамъ, по мнѣнію автора, вполнѣ достаточно отвести на каждую душу мужского пола полевой и сѣнокосной земли отъ 4—5 десятинъ. Остальная земля остается въ полномъ владѣніи помѣщика.

Эта замѣтка была замѣчательна для своего времени, такъ какъ о такой формѣ крѣпостныхъ отношеній до нѣкоторыхъ изъ декабристовъ никто и не думалъ. Не даромъ сама замѣтка показалась опасной нѣкоторымъ изъ членовъ общества, какъ противная „общимъ государственнымъ установленіямъ“, а членъ его, тайный совѣтникъ Сумароковъ, даже возвратилъ книгу, въ которой была напечатана замѣтка Зубова. Впослѣдствіи, когда инцидентъ со статьей обсуждался въ Вольно-экономическомъ обществѣ, большинствомъ только одного голоса удалось отстоять оставленіе статей въ трудахъ. Въ то же время, чтобы не было дальнѣйшихъ разногласій, общество постановило напечатать на той страницѣ, гдѣ кончается статья Зубова, такого рода разъясненіе: „Вышеизложенныя мысли служатъ только къ объясненію предложенной отъ общества на 1820 годъ задачи, чтобы между крестьянскими землями не было черезполосности, и каждый имѣлъ бы свой участокъ особо. Почему выраженія: утвердить землю въ незыблемую собственность или отдѣлить въ вѣчное обращеніе казеннымъ или помѣщичьимъ крестьянамъ—значатъ только то, чтобы вмѣсто общаго владѣнія имѣлъ каждый особо свой участокъ, и отведенными имъ землями не дѣлились бы ежегодно по полосамъ, какъ то подробно излагается въ слѣдующей статьѣ, гдѣ и предложеніе о продажѣ участковъ опровергается“. Такъ пришлось извратить смыслъ замѣчательной для того времени статьи. Это, конечно, дѣло реакціи послѣ 1812 года, но все-таки статья осталась въ журналѣ, и мысль объ освобожденіи съ землею была пущена въ общество. Это было, конечно, очень важно, хотя и трудно выяснить степень ея вліянія на общество.

Вл. Пичета.

Крѣпостники въ первой четверти XIX в.

Проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго.

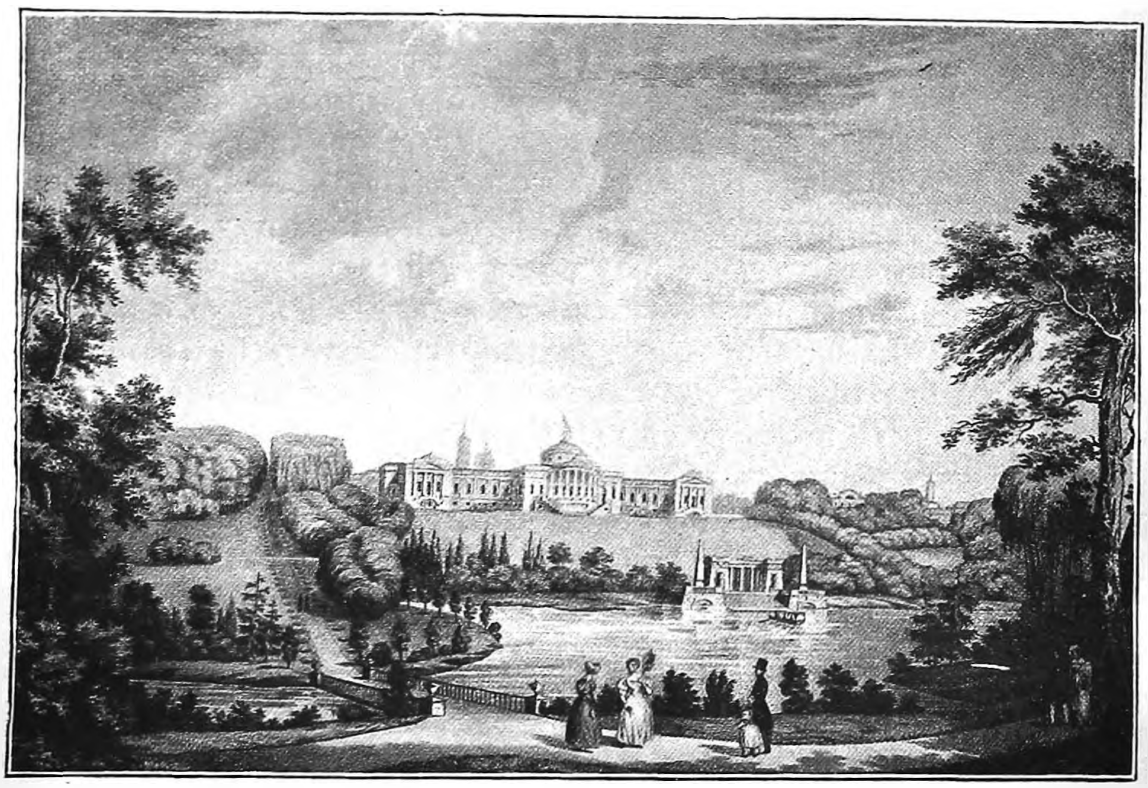
I.

Конецъ XVIII и начало XIX столѣтія въ исторіи русской промышленности имѣютъ огромное значеніе. Это періодъ поворота въ сторону усиленнаго производства. Денежное обращеніе усилилось. Торговый капиталъ, къ концу XVIII столѣтія въ достаточной мѣрѣ уже выросшій, дѣлаетъ попытки превратиться въ болѣе совершенныя производительныя формы. Цѣлый рядъ условій способствовалъ особенно быстрому росту развитія торговли и промышленности. Развитіе обрабатывающей промышленности, связанное съ ростомъ городскихъ поселеній, дало особый рынокъ для сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Свобода торговли и именно свободныя сношенія съ внѣшнимъ рынкомъ дали возможность быстро наладиться мощнымъ торговымъ связямъ. Но при всемъ томъ необходимо учесть тотъ чрезвычайно важный фактъ, что развитіе обрабатывающей промышленности въ Западной Европѣ создало, особенно въ Англіи, обширный рынокъ для сбыта русскихъ сельско-хозяйственныхъ произведеній. Ростъ торговыхъ оборотовъ оказывается весьма интенсивнымъ. О немъ можно судить по росту русскаго отпуска, сопровождавшагося неизмѣнно весьма выгоднымъ торговымъ балансомъ. Такъ, въ первую половину XVIII ст. (1725—1749 гг.) русскій отпускъ доходилъ всего до $5^1/_2$ милл. рублей. Затѣмъ онъ начинаетъ расти, и ростъ его становится особенно ощутительнымъ къ концу этого столѣтія. Русскій отпускъ около 1800 года возросъ, при повышательномъ движеніи съ 1750 года, почти втрое сравнительно съ отпускомъ половины столѣтія и болѣе чѣмъ въ 10 разъ

сравнительно съ отпускомъ 20—40 годовъ XVIII столѣтія; въ 1800 году онъ равнялся уже 61½ милл. Успѣхъ русскаго вывоза продолжался и въ послѣдующія десятилѣтія: до 1808 г. онъ имѣетъ слабое повышеніе, а иногда и нѣкоторое паденіе, что вполнѣ понятно въ виду тогдашнихъ политическихъ осложненій. Но уже въ 1812 г. онъ доходитъ до 139 милл., а въ 1820 г.—почти до 250 милл. Что касается состава возраставшаго отпуска, то онъ почти исключительно падалъ на продукты ссльскаго хозяйства, при чемъ отпускъ хлѣбныхъ продуктовъ занимаетъ доминирующее значеніе, колеблясь между 20 и 40% общаго количества отпуска; за нимъ идетъ отпускъ сала, пеньки и льна и проч. Но, кромѣ того, весьма знаменательны колебанія въ размѣрахъ отпуска. Такъ, въ 1800 г. было вывезено 345 т. четвертей пшеницы и около 55 т. остальныхъ хлѣбовъ, а черезъ 3 года въ 1802 г. общій вывозъ хлѣба уже равнялся 2.832 т. четвертей. Правда, это былъ довольно исключительный годъ, но мы именно и подчеркиваемъ фактъ неравномѣрности роста вывоза, его паденіе и возвышеніе. Въ самомъ дѣлѣ, между 1810—15 гг. вывозилось всего около 1 милл. четвертей всѣхъ хлѣбовъ. Въ 1816 г. уже вывезено болѣе 2 милл., а въ слѣдующемъ году болѣе 5 милл. четвертей. Такую же неравномѣрность при общемъ повышательномъ движеніи можно отмѣтить и за послѣдующіе годы. Значеніе вышеприведенныхъ фактовъ будетъ еще болѣе ясно, если мы отмѣтимъ, что далеко не всѣ мѣстности въ одинаковомъ размѣрѣ участвовали въ этомъ ростѣ ввоза и вывоза. Огромное участіе въ немъ получаютъ новыя мѣстности и особенно одесскій портъ, къ которому тянулъ югъ Россіи: достаточно сказать, что въ 1816 г. изъ одесскаго порта на 862 корабляхъ различныхъ націй вывезено товаровъ болѣе чѣмъ на 162½ милл. рублей. Ростъ одесскаго отпуска не менѣе отчетливо можно прослѣдить по приливу иностранной монеты, получаемой въ одесской гавани и одесской почтовой конторой: въ 1803 г. въ Одессу ввезено монеты всего на 721½ тыс. руб. на ассигнаціи, въ слѣдующемъ году почти на 5 милл. руб., а послѣ 1810 г. ввозъ ея уже равняется 10½ милл. въ 1812 г. и 20 милл. въ 1813 г. Въ такомъ количествѣ плыли въ одесскій портъ голландскіе червонцы, испанскіе піастры и турецкая монета. Десятки милліоновъ рублей черезъ одесскій порто-франко переходили въ карманы землевладѣльцевъ юга.

Соотвѣтственно размѣру отпуска замѣчается и повышеніе цѣнъ на хлѣбъ. Не будемъ приводить среднихъ данныхъ по всей Россіи, потому что при разницѣ географическихъ и климатическихъ условій огромнаго государства, при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, разница въ цѣнѣ на хлѣбъ иногда доходила до 300%, и такимъ образомъ среднія соотношенія неспособны сколько-нибудь точно характеризовать создавшееся положеніе вещей. Очень интересно и точно составленная табличка повышенія цѣнъ на хлѣбные и мясные продукты въ одной мѣстности, именно въ Ярославской губерніи, даетъ

любопытную картину. Правда, эта табличка относится только къ началу изучаемаго нами періода, охватывая 1760—1802 гг. Такъ, оказывается, что въ 1760 г. цѣна четверти пшеницы колебалась отъ 1 р. 40 к. до 1 р. 92 к. и цѣна четверти ржи—отъ 62 к. до 1 р. 12 к. При неизмѣнномъ повышательномъ движеніи цѣнъ, иногда не безъ рѣзкихъ колебаній, черезъ 25 лѣтъ, т.-е. въ 1785 г., средняя цѣна четверти пшеницы уже колебалась отъ 4 до 6 руб. и четверти ржи — отъ 2 р. 20 к. до 4 р. 20 к.; черезъ 10 лѣтъ, въ 1795 г., колебанія въ первомъ случаѣ выражались: за четверть пшеницы — 5 р. 30 к.—8 р. 75 к., за четверть ржи—4 р.—5 р. 50 к.; въ 1802 г.: чет-

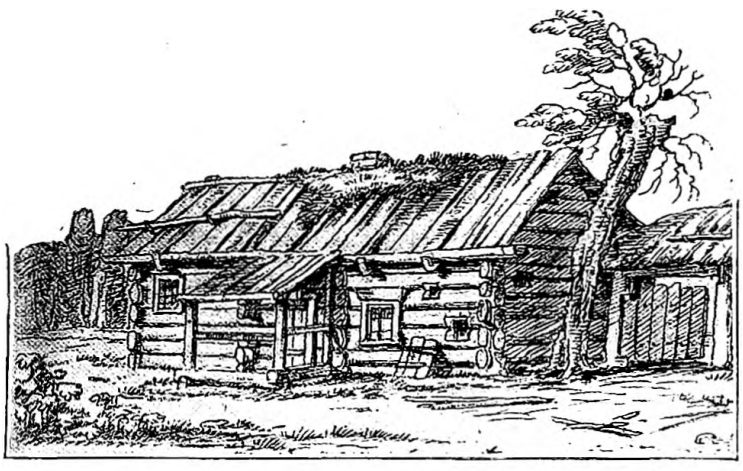


Ахтырка, близъ Хотькова. Имѣніе кн. И. Н. Трубецкого. (Съ рис. первой половины XIX в.).

верть пшеницы—8 р. 20 к.—8 р. 75 к , четверть ржи—4 р. 40 к.—5 р. 35 к. Ярославская губернія уже тогда была одной изъ губерній, въ извѣстной мѣрѣ нуждавшихся въ привозномъ хлѣбѣ. Одинъ тверской помѣщикъ, старожилъ, жалуясь на возвышеніе цѣнъ въ 1832 г., вычисляетъ, что въ 1800 г. за пудъ сахара помѣщикъ платилъ 19 четвериковъ ржи, а въ 1830 г.—уже 46 четвериковъ ржи, за 3 аршина сукна на кафтанъ въ 1800 г. онъ платилъ 4 четверти ржи, а въ 1830 г. — уже $8^1/_2$ четвертей. Это сопоставленіе сдѣлано очень удачно, такъ какъ въ него вошли какъ разъ всѣ тѣ 3 продукта, цѣны на которые быстро росли въ первыя 30 лѣтъ XIX вѣка. Ростъ цѣнъ, ростъ внутренняго потребленія и отпуска создавалъ особаго рода атмосферу въ по-

мѣщичьей средѣ,—атмосферу алчнаго стремленія къ соучастію въ тѣхъ прибыляхъ, какія давала тогдашняя торговля.

Это и понятно, потому что по существу всѣ выгоды отъ этого торговаго движенія переходили въ карманы сравнительно небольшого числа дворянъ. Такой свѣдущій человѣкъ, какъ извѣстный адмиралъ Мордвиновъ, насчитывалъ въ свое время около 1.450 тыс. дворянства. Даже и на это число дворянъ размѣры прибыли отъ торговли представлялись бы довольно внушительными, несмотря на трудно учитываемую конкуренцію крестьянскаго хлѣба; но надо помнить о массѣ мелкопомѣстнаго и безпомѣстнаго дворянства, и тогда ясно станетъ, что основныя выгоды отъ этой торговли оказывались въ рукахъ весьма небольшой группы крупнаго дворянства. Именно необходимо отмѣтить, что въ этотъ періодъ роста хлѣбнаго отпуска, крестьянство далеко не находилось въ благополучномъ матеріальномъ положеніи: напротивъ, отовсюду слышатся жалобы и указанія, даже и изъ среды помѣщиковъ, объ оскудѣніи крестьянства; были голодные годы, мало вліявшіе, однако, на размѣры отпуска; добродѣтельные политико-экономы того времени писали цѣлые трактаты о печеніи хлѣба изъ различныхъ суррогатовъ, напримѣръ, изъ исландскаго мха и т. п. Въ то же время слышатся жалобы и другого рода—на разореніе дворянства, на задолженность дворянскихъ имѣній. Безспорно, торговля своеобразно повліяла на дворянскій классъ: если одни изъ нихъ потянулись въ свои деревни, чтобы усилить производительность своихъ вотчинъ, то другіе не отставали въ расширеніи своихъ потребностей. Дѣйствительно, тогда же отовсюду слышны голоса о непомѣрномъ расширеніи дворянскихъ потребностей, которыя, какъ оказывается, уже не могутъ быть удовлетворяемы ростомъ доходности отъ сельскаго хозяйства. Однимъ словомъ, переворотъ въ цѣнахъ и въ размѣрахъ спроса произвелъ сильное впечатлѣніе на положеніе современнаго сельскаго хозяйства. Мысль начинаетъ интенсивно работать для того, чтобы усилить производство, и для того, чтобы наилучшимъ образомъ использовать одну изъ составныхъ частей капитала, находящагося во владѣніи помѣщика,—трудъ крѣпостного крестьянина. Литература того времени чрезвычайно оживилась. Даже общіе журналы, предназначенные для широкой публики, проникнуты запахомъ навоза, сахарнаго сиропа



Шинокъ по Мещевской дорогѣ (рис. Львова).

и пота овечьей шерсти; эти статьи мирно уживались съ романтическимъ направленіемъ беллетристики и шеллинговской философіей. На балахъ, по словамъ современниковъ, во время кадрили или въ вихрѣ вальса самыя нѣжныя женскія уста лепетали наставленія о приготовленіи сала или солонины.

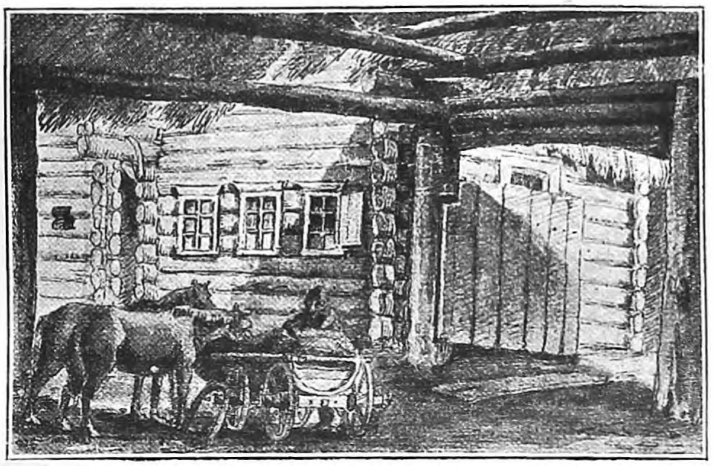
Экономическая горячка обострила вопросъ о крѣпостномъ правѣ и крѣпостномъ трудѣ. Дальнѣйшее развитіе крестьянскаго вопроса пошло въ различныхъ направленіяхъ. Подъ вліяніемъ образованія и развитія моральныхъ идей въ сознаніе общества проникаетъ идея аболюціонизма. Эта идея исходитъ изъ моральныхъ и идеальныхъ побужденій. Это теченіе въ достаточной мѣрѣ развито въ извѣстномъ трудѣ г. Семевскаго. Съ другой стороны, замѣчается теченіе, также склоняющееся къ аболюціонизму, но по причинамъ экономическаго характера: оно исходило изъ признанія предпочтительности вольно-наемнаго труда предъ крѣпостнымъ трудомъ; и это теченіе въ извѣстной мѣрѣ подверглось изученію въ работахъ того же автора. Но было и еще теченіе—чисто-крѣпостническаго характера. Извѣстная часть дворянскаго общества, и, безспорно, можно признать, наибольшая, на первый планъ выдвигала свои землевладѣльческіе интересы и, не довѣряя выводамъ экономистовъ о предпочтительности вольно-наемнаго труда, стремилась крѣпостной трудъ приноровить къ новымъ условіямъ хозяйства, использовать его въ наивысшей мѣрѣ. Это теченіе проявлялось какъ практически, такъ и теоретически. Обрисовка его собственно въ его теоретической части и будетъ задачей предлагаемой статьи.

„Гувно" въ деревнѣ Сюлки, Липецкаго уѣзда. (Рис. Львова).

Въ XVIII вѣкѣ, какъ только началось торговое оживленіе, появляется рядъ трактатовъ въ указанномъ направленіи. Характеръ этихъ сельско-хозяйственныхъ трактатовъ весьма отличается отъ позднѣйшихъ: въ XVIII вѣкѣ дворянство далеко еще не осѣло въ своихъ помѣстьяхъ, и потому политико-экономическій умъ стремится регламентировать управленіе дворянскими помѣстьями. Такіе авторы, какъ Болотовъ, Рычковъ, баронъ Вольфъ, Удоловъ и многіе другіе, пишутъ пространные наказы приказчикамъ дворянскихъ имѣній, стремясь бумажными предписаніями опредѣлить каждый шагъ управи-

теля въ дворянской вотчинѣ. Въ первое время дѣлается лишь одно открытіе, клонящееся къ тому, что доходность помѣстья зависитъ, главнымъ образомъ, отъ хорошаго управленія и отъ выбора хорошихъ управителей; рекомендуются пока лишь примитивные способы—форма отчетности, записей и т. д.

Мысль въ XIX вѣкѣ уже въ общемъ работаетъ въ болѣе сложномъ направленіи, подымаются вопросы о различнаго рода техническихъ усовершенствованіяхъ, идутъ горячіе споры о многопольномъ и плодосмѣнномъ хозяйствахъ, о выгодахъ того и другого сравнительно съ трехпольемъ, изслѣдуются различнаго рода сельско-хозяйственныя „махины“; вообще замѣчается чрезвычайное оживленіе въ сферѣ сельско-хозяйственной экономической мысли Псковскій помѣщикъ Мининъ съ наивнымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что даже въ такомъ медвѣжьемъ углѣ, какъ Псковская губернія, идетъ дѣятельная работа; онъ даже обиженъ предположеніемъ, что въ его губерніи дворянство утопаетъ въ нѣгѣ, дремлетъ: „надобно отдать справедливость стариннымъ здѣшнимъ абсолютамъ; изъ нихъ нѣкоторые почти усовершенствовали свои имѣнія и наслаждаются плодами трудовъ своихъ“ и съ гордостью заявляетъ: „мы, русскіе, ни во что вмѣняемъ препятствія, на пути земледѣлія поставленныя; сражаемся съ природой, и землю, созданную неплодною, оплодотворяемъ“. Интересъ къ такому „оплодотворенію“ понятенъ: самъ Мининъ про себя разсказываетъ, что его имѣніе приносило 2.000 руб. доходу, а когда онъ завелъ новые порядки въ имѣніи, заключавшіеся, главнымъ образомъ, въ болѣе интенсивномъ направленіи крестьянскаго труда для полученія помѣщикомъ дохода, имѣніе стало приносить 14.000 руб. Вообще въ конечномъ итогѣ помѣщичья экономія, послѣ долгихъ разсужденій о машинахъ, способахъ травосѣянія и проч., сводилась все-таки къ овладѣнію рабочей силой помѣстья, т.-е. крестьянскимъ трудомъ. Экономія старалась опредѣлить характеръ черной мужицкой силы для того, чтобы направить ее на удовлетвореніе дворянскихъ потребностей. Среди массы трактатовъ техническаго характера встрѣчаемъ цѣлый рядъ статей и сочиненій, занимающихся послѣднимъ вопросомъ. Эти трактаты очень серьезно трактуютъ вопросъ объ исправленіи лѣнивыхъ крестьянъ или даже о полученіи пользы помѣщикомъ



Крестьянскій дворъ (рис. Львова).

и отъ лѣнивцевъ. Майеръ въ началѣ 30 годовъ пишетъ трактатъ о сельскомъ благоустройствѣ или полиціи. Тутъ онъ, между прочимъ, разсуждаетъ о той пользѣ, какая проистечетъ въ хозяйствѣ, если въ пастухи назначатъ лѣнивыхъ крестьянъ: будучи „подъ строгимъ присмотромъ“, они могутъ исправиться „въ нравственности своей“. Ученый рецензентъ Майера оспариваетъ это мнѣніе, указывая на то, что лѣнивецъ-пастухъ будетъ спать, а скотина увязнетъ въ болотѣ; поэтому лѣниваго крестьянина лучше отдать въ батраки: все-таки будетъ польза. Или экономія занималась вопросами о томъ, справедливо ли заставлять богатыхъ крестьянъ платить лишнія деньги въ мірскую кассу, или вопросомъ о томъ, кому слѣдуетъ давать главное порученіе для наблюденія за скотнымъ дворомъ: 18-лѣтнему мальчику или пожилому крестьянину; хозяева-новаторы рѣшали вопросъ такимъ образомъ, что предпочитали юношей, потому что пожилые крестьяне вносятъ рутину. Однимъ словомъ, создается представленіе о томъ, что сельско-хозяйственная экономія есть фабрика и что къ эксплуатаціи ея надо подходить съ пріемами фабриканта: надо учесть стоимость труда рабочаго, т.-е тотъ капиталъ, который затрачиваетъ помѣщикъ, давая крестьянину во владѣніе землю и, затрачивая на покупку самого крестьянина, неся извѣстнаго рода обязательство передъ государствомъ по наблюденію за полицейскимъ благоустройствомъ помѣстья и за сборомъ податей. Вообще многіе писатели-землевладѣльцы усердно пропагандируютъ мысль о сравненіи сельскохозяйственнаго производства съ фабричнымъ. Въ этихъ отношеніяхъ землевладѣльца къ его крѣпостному заключается весьма любопытная страница въ исторіи крѣпостного права.

А. Н. Львовъ (портр. Тропинина).

Желая подойти къ сельскому хозяйству, основанному на крѣпостномъ правѣ съ пріемами и расчетами фабриканта, землевладѣлецъ прежде всего сталкивался съ весьма важнымъ фактомъ—съ крайней неинтенсивностью барщиннаго труда. „Въ пословицу уже вошло,—заявляетъ одинъ изъ извѣстныхъ сельскихъ хозяевъ и экономистовъ 30 годовъ, Вилькинсъ,—называть барщиною все то, что медленно, нерадиво и безъ всякой охоты дѣлается“. Такимъ образомъ главной задачей помѣщика является борьба съ качествомъ барщиннаго труда. Даже въ статьяхъ чисто-техническаго характера проявляется постоянное недовѣріе помѣщика къ рабочему крестьянину. Баронъ Шлиппенбахъ пишетъ статью о кошеніи ржи по способу нѣкоего Абашева, но тутъ же дѣлаетъ оговорку и наставленіе о томъ, что помѣщику при всякаго

рода нововведеніяхъ не слѣдуетъ полагаться на своихъ приказчиковъ и старостъ; помѣщику надо вникнуть въ дѣло самому, ему надо имѣть много рѣшимости и настойчивости „для поборенія упорства и старыхъ вредныхъ привычекъ“.

Такъ сознаются отрицательныя стороны рабскаго труда, трудность приноравливанія его къ болѣе интенсивнымъ способамъ хозяйства.

Съ другой стороны, отсутствіе интенсивности въ барщинномъ трудѣ приводило помѣщика къ взгляду на крестьянина, какъ на человѣка лѣниваго, не склоннаго вообще къ работѣ. „Словомъ, крестьянинъ склоненъ къ лѣности и безпорядку: ибо живетъ онъ единственно для себя“, докладывалъ одинъ изъ авторовъ отвѣтовъ на экономическіе вопросы Вольно - экономическаго общества еще въ 1768 году. Этотъ лозунгъ въ помѣщичьей средѣ раздавался и во все послѣдующее время. Мало того, чѣмъ болѣе росъ интересъ къ земледѣлію у помѣщиковъ, ихъ отношеніе къ крестьянамъ становилось еще болѣе враждебнымъ. То крестьяне проводятъ время въ праздности, то, наоборотъ, имѣютъ слишкомъ много „излишковъ“ и недозволенныхъ въ ихъ состояніи „прихотей“. Авторъ книжки, вышедшей въ 1807 году и озаглавленной „Картина Россіи“, въ слѣдующихъ отрицательныхъ чертахъ характеризуетъ бытъ однодворцевъ и крестьянъ: „Мѣняютъ избытки свои на вещи, служащія къ прихотямъ, удовольствію, тщеславію ихъ, и большая часть русскихъ крестьянъ, къ сожалѣнію, имѣютъ больше прихотей, нежели должно, и по мѣрѣ способностей къ удовлетворенію сихъ кичатся нарядами выше состоянія своего; а сіе и доказываетъ, что они не лежатъ праздны и не страшатся, чтобы плоды трудовъ ихъ могли быть насиліемъ отъ нихъ похищены. Таковы суть всѣ крестьяне государственные и большая часть помѣщичьихъ, весьма мало такихъ изъ господскихъ, кои, не будучи удостовѣрены о собственности, не радѣютъ о пріобрѣтеніи своемъ и не иначе работаютъ, какъ изъ-подъ палки“.

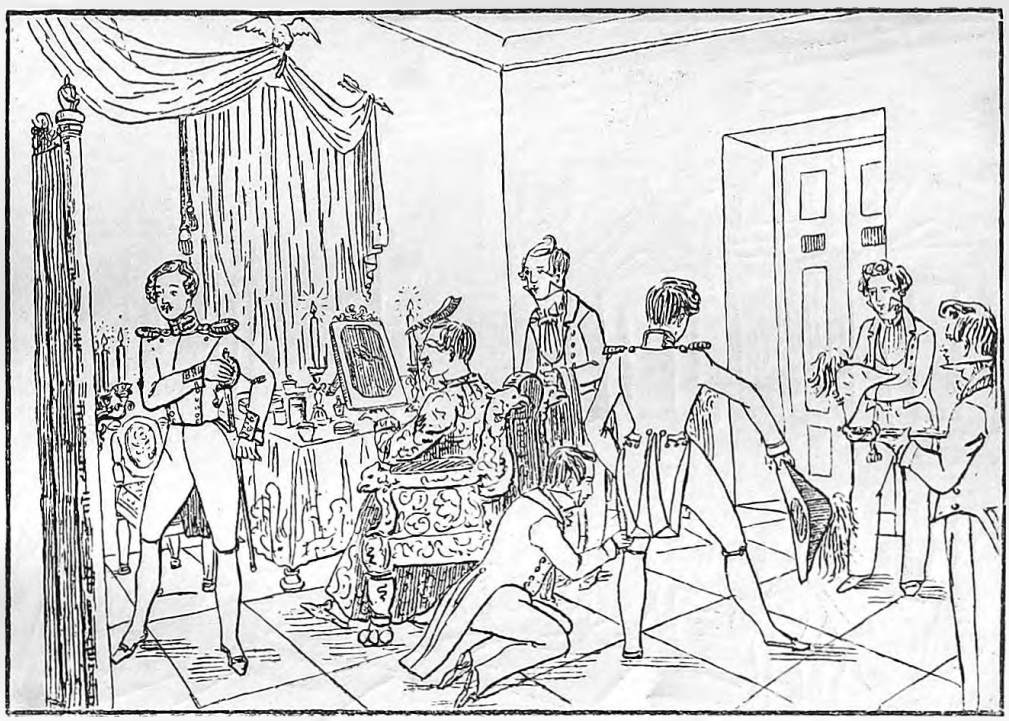
Иные авторы съ большимъ негодованіемъ говорили о томъ, что крестьяне даже стали предаваться роскоши; съ рѣзкимъ недоброжелательствомъ одинъ тверской помѣщикъ въ „Земледѣльческомъ Журналѣ“ за 1832 г. подчеркиваетъ, что крестьяне начали носить сапоги, прежде мужикъ, купивъ шапку, носилъ ее всю жизнь и даже оставлялъ дѣтямъ въ наслѣдство, а теперь по три раза въ годъ мѣняетъ картузъ, чай стали заводить и самовары. Вотъ куда уходятъ, по мнѣнію этого автора, дворянскіе доходы: теперь дворяне не получаютъ и половины тѣхъ доходовъ, которыми раньше пользовались. Тотъ же авторъ отмѣчаетъ измѣненіе въ настроеніи крестьянъ, особенно послѣ 1812 года. Вообще авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія „охлажденія“ въ простомъ народѣ старыхъ добрыхъ правилъ. Въ понятіе русскаго крестьянина вошло своеобразное представленіе о вольности: „пить и гулять сколько душѣ угодно, не давая никому въ поведеніи своемъ отчета“. Однимъ сло-

вомъ, авторъ очень мрачно смотритъ на современное положеніе русскаго крестьянства и на его отношеніе къ помѣщику: „На мѣсто прежняго трудолюбія и рачительности поселилась у всѣхъ какая-то непреоборимая лѣнь и безпечность о собственномъ достояніи; мѣсто усердія и опытной вѣрности, каковыми отличался всегда нашъ русскій народъ, заступила хитрость, ложь, обманы и скрытная какая-то ненависть къ помѣщикамъ. Наконецъ, роскошь, глубоко пустившая свои корни даже и въ крестьянскомъ быту".

Совершенно вѣрно, что событія 1812 года во многомъ отношеніи способствовали подрыву прежнихъ крѣпостныхъ отношеній; вѣрно и то, что общее торгово-промышленное настроеніе страны въ извѣстной мѣрѣ повліяло на нѣкоторыя части крестьянства, особенно у оброчныхъ, на развитіе интереса къ „стяжанію". Но помѣщикъ-консерваторъ крайне враждебно смотрѣлъ на всѣ эти новшества въ крестьянской средѣ. Желая весь трудъ крестьянина обратить на развитіе дворянскихъ достояній, помѣщикъ стремится оберечь крестьянина „отъ излишества крестьянскаго достатка" и опредѣлить „удѣлъ" крестьянина. Еще въ 1775 году ученый нѣмецъ Грасманъ напечаталъ въ „Трудахъ Вольно-экономическаго общества" обширный трактатъ объ опредѣленіи земли на одно тягло. Онъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что доходъ крестьянина долженъ быть такимъ, чтобы онъ не получался безъ рачительнаго прилежанія, потому что иначе крестьянинъ отвыкнетъ отъ обыкновеннаго своего житія и у него нарастутъ и потребности, „какъ у людей другого состоянія". Этого-то и боится Грасманъ. По его словамъ, крестьяне употребляютъ нажитое только въ роскошь. Такъ, если оброчный крестьянинъ имѣетъ остатокъ, то онъ „распространяетъ свои потребности", отсюда и начинается „безпорядочное житіе". Отсюда и ученіе о размѣрахъ крестьянскихъ нуждъ. Полстолѣтія спустя послѣ Грасмана одинъ калужскій помѣщикъ на страницахъ „Земледѣльческаго Журнала" 1822 года развивалъ ту же мысль. Онъ очень недоволенъ тѣмъ, что въ Россіи земледѣлецъ можетъ заниматься и другими промыслами: отвращеніе отъ хлѣбопашества развращаетъ крестьянина. Подъ хлѣбопашествомъ онъ разумѣетъ барщинный трудъ, и потому недово-

Изба (рис. Львова).

ленъ состояніемъ даже оброчныхъ крестьянъ: „Не богатство нужно крестьянину,—разсуждаетъ нашъ землевладѣлецъ,—но довольство въ житейскихъ нуждахъ. Земля, тѣлесныя силы, работа и простота нравовъ,—вотъ прочный капиталъ полезнѣйшаго класса людей. Всякая излишность въ достояніи его влечетъ къ прихотямъ, праздности, порокамъ. Самая такъ называемая промышленность крестьянина не есть трудолюбіе, но развратная алчность къ корысти, не приносящая пользы государству. Предметы ея — недобываніе хлѣба изъ матери-земли, но только вредная перекупка и перепродажа онаго, заведеніе пьяныхъ харчевенъ и тому подобное“. Такимъ образомъ удѣлъ

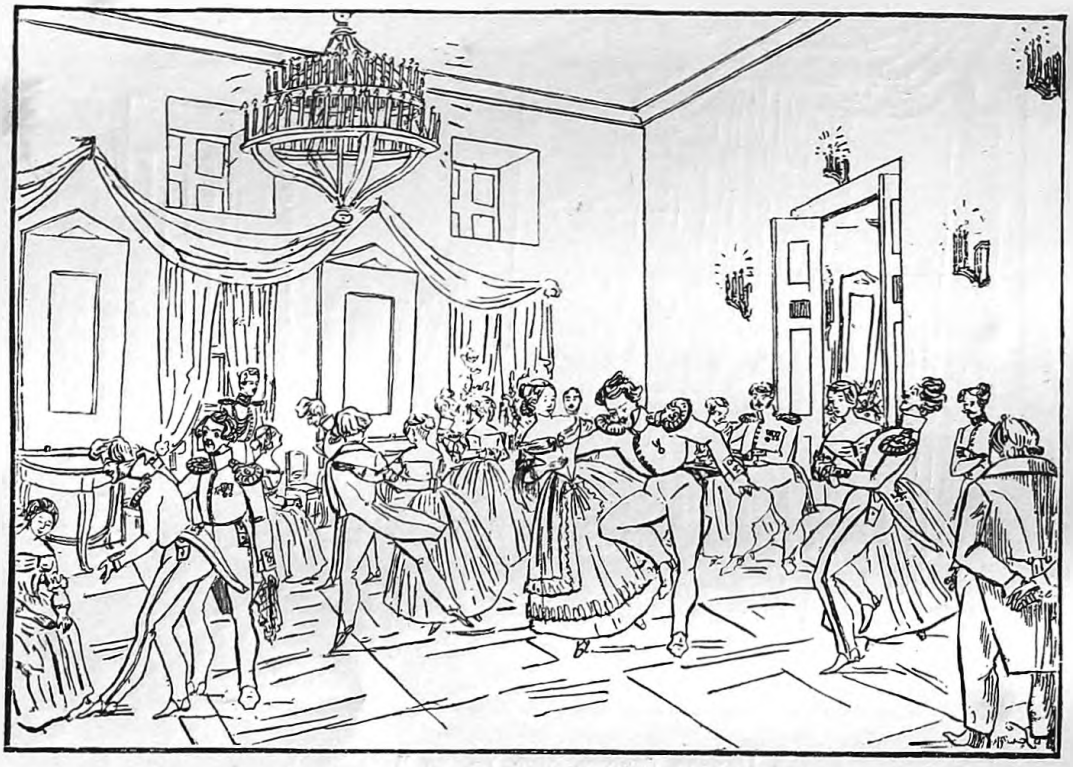


Передъ баломъ (рис. гр. де Бальмена).

крестьянина въ представленіи крѣпостника—только земледѣліе. Ему опасно сообщать даже иного рода знанія, какъ только тѣ, которыя касаются сельскаго хозяйства. „Въ удѣлъ низшаго класса гражданъ,—разсуждаетъ проф. Павловъ въ 8-мъ номерѣ „Земледѣльческаго Журнала“ за 1823 годъ,—досталось сельское хозяйство: слѣдовательно, его образованіе должно состоять въ надлежащемъ разумѣніи дѣла своего званія“. Мало того, русскій крестьянинъ сравнительно съ западно-европейскимъ является счастливѣйшимъ человѣкомъ. „Духъ Журналовъ“ весьма усердно распространялъ эту мысль. „Житіе нашихъ мужиковъ есть самое беззаботное и счастливое... самый здоровый и веселый народъ есть земледѣльцы“. Такъ писалъ одинъ изъ сотрудниковъ журнала въ 1818 году, приписывая крестьянину всѣ качества благонравія, бого-

почитанія и послушанія начальству, даже иностранцы дивятся русскому мужику.

Стремясь направить трудъ крестьянина исключительно на усиленіе доходовъ помѣщика, крѣпостники, однако, понимали, что благосостояніе помѣщиковъ очень тѣсно связано съ благосостояніемъ того же крестьянина, что голодный крестьянинъ на голодной лошади—плохой работникъ. Изъ этого сознанія вытекалъ цѣлый рядъ заботъ въ средѣ крѣпостниковъ о крестьянинѣ. Съ одной стороны, крѣпостники стремились удержать благосостояніе крестьянина на извѣстномъ экзистенцъ-минимумѣ, съ другой стороны, не дать ему

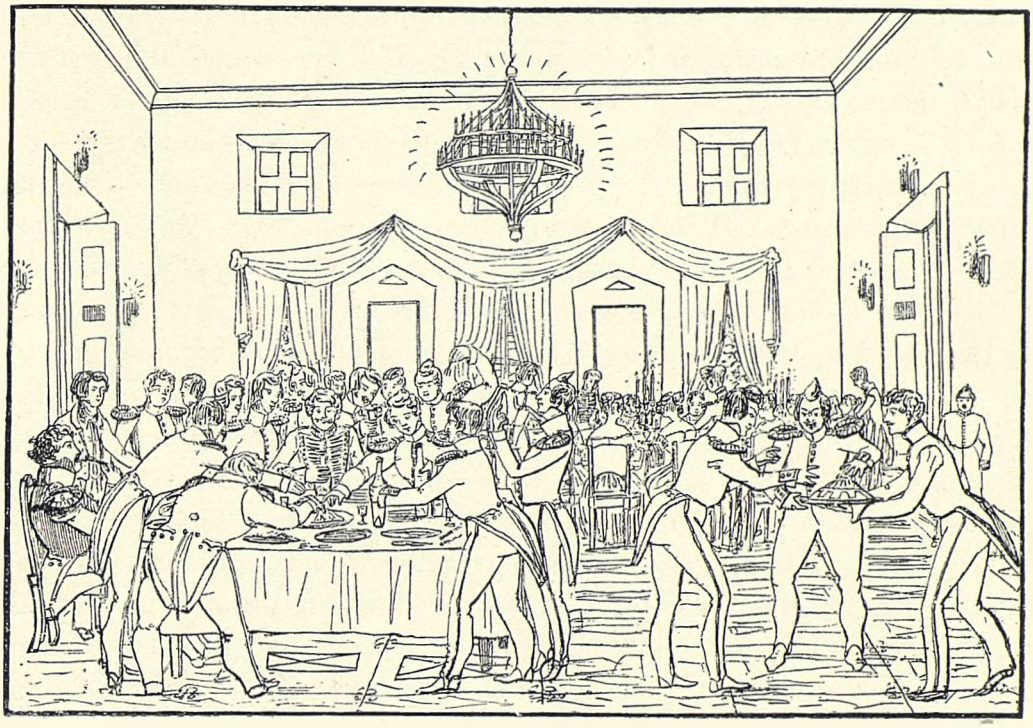


Балъ (рис. гр. де Бальмена).

умереть съ голоду, хотя, впрочемъ, помѣщикъ заботился не столько о томъ, чтобы самому прійти на помощь крестьянину, сколько о томъ, чтобы поддержать крестьянина въ трудное время при помощи его же крестьянской мошны. Помѣщикъ Р. въ одномъ изъ номеровъ „Духа Журналовъ“ за 1815 годъ восхваляетъ порядки сосѣдняго удѣльнаго имѣнія, какъ образцовые, — именно за то, что теперь тамъ крестьяне перестали голодать и являются хорошими работниками. Псковскій помѣщикъ Мининъ, разсказывая объ успѣхахъ, достигнутыхъ имъ въ своемъ имѣніи, передаетъ, что онъ, заводя новые порядки, прежде всего обратилъ вниманіе на бѣдность крестьянъ, но все это сдѣлано какъ разъ въ той мѣрѣ, чтобы увеличить рабочую силу кре-

стьянина на барской пашнѣ. Помѣщики-крѣпостники съ большой горечью подчеркиваютъ то обстоятельство, что помѣщикъ несетъ извѣстнаго рода обязанности по отношенію крестьянъ, напримѣръ, въ голодные годы. Извѣстнымъ адмираломъ Мордвиновымъ была пущена мысль о повсемѣстномъ учрежденіи банковъ. Многіе писатели 20—30 годовъ изъ помѣщичьей среды широко развивали вопросъ о необходимости мірскихъ запашекъ и составленіи мірскихъ капиталовъ для цѣли поддержанія крестьянъ въ голодные годы или для поддержанія ихъ при закупкѣ сельско-хозяйственныхъ орудій.

Но крѣпостническая экономія изъ вышеприведеннаго взгляда на крестьянъ дѣлала и другіе выводы, проводимые ею съ большою настойчивостью.

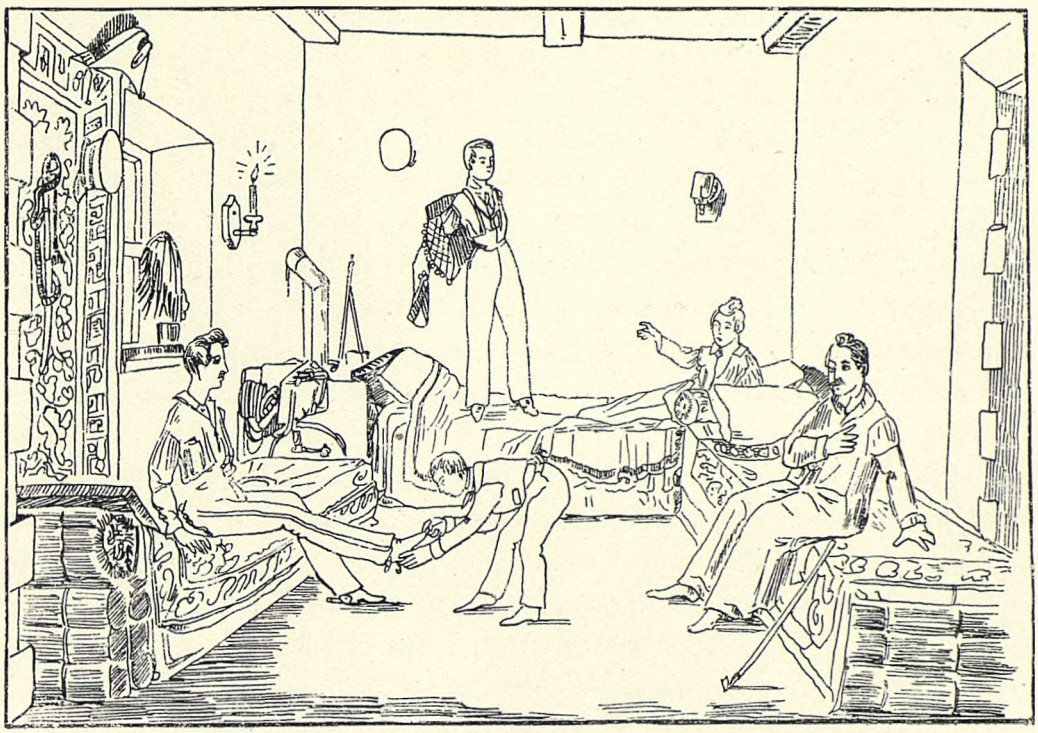


Ужинъ (рис. гр. де Бальмена).

Если крестьянинъ лѣнивъ, не рачителенъ въ земледѣліи, не склоненъ къ техническимъ улучшеніямъ, конечно, на барской только пашнѣ, и болѣе того склоненъ также „къ прихотямъ и роскоши“, то у крѣпостниковъ являлась мысль о борьбѣ съ такими качествами крѣпостного, о воздѣйствіи на него и, такъ сказать, о перевоспитаніи его. Эта мысль работала въ двухъ направленіяхъ. Одно изъ нихъ полагало всѣ надежды на чисто-моральное воздѣйствіе на крестьянъ, другое—на перевоспитаніе крестьянина и, наконецъ, и на устроеніе такой обстановки крестьянской жизни, при которой крестьянинъ, обратившись въ батрака, могъ бы цѣликомъ отдать свой трудъ хлѣбному фабриканту

Крѣпостникамъ не было чуждо сознаніе, что помѣщикъ долженъ имѣть моральное вліяніе на крестьянъ, если онъ хочетъ заслужить ихъ довѣріе и побудить ихъ къ болѣе интенсивной дѣятельности, особенно къ такой дѣятельности, которая сопряжена съ техническими опытами въ сельскомъ хозяйствѣ: „Довѣренность не внушается силой ни крестьянамъ ни людямъ высшихъ сословій; одно только средство пользоваться ею—надобно заслужить ее“, разсуждаетъ одинъ изъ авторовъ „Земледѣльческаго Журнала“. Но этого мало. Эти разсужденія общаго характера смѣняются массой совѣтовъ иного рода, болѣе напоминающихъ старину въ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянамъ. „Добрый помѣщикъ“, разсуждаетъ калужскій землевладѣлецъ на страницахъ того же журнала, сознавая, что „изобиліе подвластныхъ ему есть источникъ его богатства“, обязанъ непреклонно заботиться о такъ называемой крестьянской нравственности, т.-е. о трудолюбіи крестьянъ; крестьяне, какъ и большая часть людей, неспособны распоряжаться сами собой, „но повиноваться, быть подъ надзоромъ благодѣтельной власти,—вотъ спасительная участь, судьбою имъ назначенная“. Эта участь различно понималась составителями различныхъ проектовъ. Графъ Мордвиновъ совѣтовалъ обучать крестьянъ грамотѣ, сочинять для нихъ краткія наставленія по сельскому хозяйству, заводить сельскіе банки, назначать награды для отличающихся въ земледѣліи и т. д. Но эта широкая программа далеко не была свойственна, какъ мы уже знаемъ, другимъ крѣпостникамъ. Еще Рычковъ,—едва ли не самый извѣстный агрономъ Екатерининскихъ временъ, мрачно смотрѣвшій на умственное и нравственное состояніе крестьянства,—совѣтовалъ помѣщикамъ нерадивыхъ крестьянъ призывать къ себѣ и „дѣлать имъ окрики, стращать“ и вообще имѣть надъ крестьянами неусыпный полицейскій надзоръ. То же проповѣдовалось и въ позднѣйшее время. Карманная книга сельскаго и домашняго хозяйства, изданная въ 1793 году, совѣтуетъ наказывать лѣнивыхъ крестьянъ, а прилежныхъ награждать. Раздавались совѣты, какъ утилизировать всякій свободный часъ въ жизни крестьянина. Такъ, даже Мордвиновъ совѣтовалъ завести домашнія работы для старыхъ, малолѣтнихъ и увѣчныхъ, чтобы и этотъ элементъ населенія не пребывалъ въ праздности. Около того же времени Фрибе, отвѣчая на соотвѣтственную задачу Вольно-экономическаго общества, пишетъ цѣлый трактатъ о томъ, къ какимъ работамъ слѣдуетъ принудительно пріучать крестьянъ помимо земледѣльческихъ. Какъ видимъ, не только взрослые крестьяне, но даже и дѣти не были забыты. Многіе очень серьезно думали, что борьба съ крестьянской лѣностью должна быть начата съ дѣтства крестьянина. Еще упомянутый выше Рычковъ совѣтовалъ, чтобы дѣти отъ 10 лѣтъ и выше „временно къ чему-нибудь въ пользу господскую и крестьянскую употреблялись, а не, праздно шатаясь, привыкали къ лѣности“; онъ полагалъ, что тогда трудолюбіе войдетъ въ привычку крестьянина при такомъ воспитаніи. Авторъ карманной книги совѣтовалъ дѣтей „изъ са-

мыхъ малыхъ лѣтъ“ пріучать къ труду, какъ днемъ, такъ и по вечерамъ, онъ совѣтовалъ запрещать дѣтямъ въ рабочіе дни всякаго рода игры и наказывать нерадивыхъ. Вслѣдъ за совѣтами воспитывать дѣтей появляются и книжки, имѣвшія своею цѣлью оказать на взрослыхъ крестьянъ моральное воздѣйствіе. Правда, количественно эта популярная литература очень небогата, но зато она очень интересна. Въ 1798 году подъ эгидой Вольно-экономическаго общества вышла замѣчательная книга, озаглавленная „Деревенское зеркало, или общенародная книга“. Это одна изъ первыхъ попытокъ, шедшая изъ среды крѣпостниковъ, пустить въ народное обращеніе особаго типа популярную литературу, которая убѣдила бы крестьянина въ благодѣтельной



Послѣ бала (рис. гр. де Бальмена).

сущности крѣпостного права. Правда, она довольно объективна. Сначала она описываетъ хозяйство Честана, прозваннаго Малоумомъ, при управленіи котораго крестьяне чувствовали „на хребтахъ своихъ награду“ за ихъ труды въ пользу помѣщика. Но вотъ въ управленіе хозяйствомъ вступаетъ сынъ Малоума, Велеславъ Честановичъ, и производитъ цѣлый рядъ реформъ въ хозяйствѣ: частью распускаетъ, частью превращаетъ въ ремесленниковъ дворовыхъ; онъ задается цѣлью „совершенно преобразовать духъ своихъ крестьянъ и вмѣсто непокорныхъ, лѣнивыхъ и развратныхъ людей“ сдѣлать ихъ честными и прилежными. Велеславъ Честановичъ издаетъ правила для вотчины, коими награждается трудолюбіе, грамотность, усовершенствованіе

въ техникѣ земледѣлія и хозяйства. Помѣщику помогаетъ его пріятель Правдининъ и сельскій священникъ. У богатыхъ помѣщикъ поуменьшалъ земли, обѣднѣвшихъ успѣлъ поправить. Среди наставительныхъ разсказовъ преподаются и правила техническаго характера, касающіяся обработки земли, сельско-хозяйственныхъ орудій. Вотъ любопытный образчикъ той популярной литературы, которую предупредительные крѣпостники думали пустить въ обращеніе среди безграмотной народной массы.

Не трудно представить себѣ, что всѣ эти стремленія помѣщика къ моральному воздѣйствію на крестьянъ давали слабые результаты и были плохимъ компромиссомъ между либерализмомъ конца XVIII вѣка и откровеннымъ крѣпостничествомъ. Послѣднее шло дальше и ставило вопросъ прямѣе. Оно сдѣлало открытіе, что трудъ помѣщика и рискъ его по содержанію крестьянъ и по отвѣтственности за нихъ передъ закономъ очень велики. Тамбовскій помѣщикъ Бунинъ, одинъ изъ весьма плодовитыхъ писателей того времени, усердно развивалъ эту мысль на страницахъ „Земледѣльческаго Журнала“. Эта мысль весьма усердно связывалась затѣмъ съ другими тезисами крѣпостнической экономіи: во-первыхъ, съ тѣмъ, что большое количество земли даже вредно для крестьянина, и затѣмъ съ тѣмъ, что крѣпостной трудъ является дорогимъ по количеству тѣхъ благъ, которыя земледѣлецъ получаетъ отъ землевладѣльца, какъ полицейско-моральныхъ, такъ и матеріальныхъ. Близость между всѣми этими положеніями очевидна. Даже Мордвиновъ полагалъ, что „чѣмъ менѣе у крестьянъ земли (есть, конечно, всему мѣра), тѣмъ лучше будетъ она воздѣлана, тѣмъ болѣе промысла“. Умный и ученый крѣпостникъ искалъ опоры своему мнѣнію въ томъ, что крестьянская земля будетъ лучше воздѣлана, если крестьянинъ ея много не будетъ имѣть. Другіе были откровеннѣе въ этомъ вопросѣ. Извѣстный агрономъ и писатель Вилькинсъ усердно развивалъ мысль, что тяглый крестьянинъ едва имѣетъ время для того, чтобы порядочно управиться съ одной десятиной земли въ каждомъ полѣ. Съ этого клочка земли крестьянинъ „съ излишествомъ“ прокормитъ себя и свою семью, а затѣмъ на все остальное, въ томъ числѣ и на подати, долженъ заработать отхожими промыслами. Вилькинсъ старается привести утѣшительные для помѣщика расчеты въ этомъ направленіи. Онъ доказываетъ далѣе, что крестьянинъ получаетъ дохода отъ земли гораздо больше, чѣмъ даетъ своего труда помѣщику. Чтобы избавить помѣщика отъ столь тяжелыхъ затратъ, Вилькинсъ даетъ совѣтъ переходить къ мѣсячинѣ. Онъ дѣлаетъ для помѣщиковъ очень соблазнительный подсчетъ, по которому содержаніе крестьянской семьи и рабочаго скота будетъ почти на 200 руб. стоить помѣщику меньше, нежели уплата крѣпостному крестьянину землей. Не менѣе извѣстный агрономъ и сельскій хозяинъ, комментаторъ Тэера, Н. Н. Муравьевъ, исходя изъ той мысли, что сельско-хозяйственная экономія является хлѣбной фабрикой, тоже высчитываетъ, что помѣщикъ платитъ своимъ рабочимъ-крѣпостнымъ больше,

Болѣзнь Фидельки.

(Картина *Федотова*).

Сюжетъ картины Федотова, повидимому, взятъ изъ жизни. Едва ли здѣсь не изображена княгиня Алекс. Бор. Мещерская, рожденная кн. Голицына. Въ *Рус. Архивѣ* (1885,7) нарисованъ довольно яркій портретъ этой оригинальной любительницы «собачекъ и воспитанницъ». «И тѣхъ и другихъ собирали въ большомъ количествѣ съ разныхъ мѣстъ. Собачки добывались большею частью самыхъ рѣдкихъ породъ, а дѣвочекъ брали преимущественно за хорошенькія личики... Но воспитанницы составляли второстепенное занятіе Александры Борисовны. Главное дѣло княгини, которому она посвящала все время,—это были собачки. Она ихъ страстно любила... Къ каждой была приставлена одна изъ воспитанницъ, которая отвѣтствовала передъ княгиней за все, могущее случиться съ наблюдаемымъ ею существомъ. Каждая воспитанница обязана была изучать характеръ и наклонность той собачки, за которой она наблюдала, и при малѣйшей опасности должна была доносить княгинѣ о всѣхъ замѣченныхъ ею перемѣнахъ въ нравѣ, увлеченіяхъ и тому подобныхъ явленіяхъ собачьей жизни. Княгиня тотчасъ же принимала свои мѣры, согласно обстоятельствамъ... Если случалось, что какая-нибудь собачка заболѣвала, то княгиня и весь домъ приходилъ въ уныньe, и разговоръ шелъ исключительно о бѣдной страдалицѣ. Всѣ воспитанницы и прислуга ходила на цыпочкахъ, чтобы не обезпокоить какую-нибудь болящую Мими или Жужу» (стр. 429).

Ред.

чѣмъ фабрикантъ своимъ рабочимъ. Онъ, однако, далекъ отъ мысли, что крѣпостное право есть вредъ; онъ только даетъ совѣты о томъ, какъ уравнять положеніе хлѣбной фабрики съ мануфактурой, и предлагаетъ менѣе рѣзкій выходъ, чѣмъ Вилькинсъ,—опредѣленіе поурочныхъ работъ на барщинѣ. Ученіе Вилькинса и Муравьева, благодаря ихъ авторитетамъ, имѣло большое распространеніе. На страницахъ того же „Земледѣльческаго Журнала“ можно встрѣтить весьма одобрительные отзывы объ обѣихъ теоріяхъ, напримѣръ, статью мценскаго помѣщика Афросимова и нѣкоторыя другія. Имѣются описанія хозяйствъ, построенныхъ на томъ же принципѣ, какова, напримѣръ, книжка полковника Янова, изданная въ 1837 г. („Книга для помѣщиковъ, желающихъ чрезъ хлѣбопашество и скотоводство при холодной почвѣ получить съ тягла 228 руб. ежегоднаго дохода“).

Вопросъ о наилучшей утилизаціи крестьянскаго труда вообще съ разныхъ сторонъ занималъ помѣщиковъ и вызывалъ ихъ мысль къ самымъ раз-

Крестьяне (рис. Львова).

нообразнымъ комбинаціямъ. Подымался вопросъ о вредѣ большого числа дворовыхъ людей, подымались также вопросы и о томъ, что выгоднѣе: пріучать ли крестьянина-земледѣльца къ промысловой работѣ въ свободное отъ земледѣлія время, или же образовывать въ селахъ спеціальный классъ фабричныхъ рабочихъ; многократно подымался вопросъ о вредѣ раздѣловъ и даже о составленіи сводныхъ семействъ. Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ этихъ деталяхъ и закончимъ нашу статью указаніемъ на одинъ очень любопытный образчикъ крѣпостнической мысли, стремившейся, во что бы то ни стало, посредствомъ управленія получить возможно больше дохода.

Помѣщикъ изъ слободской украины, Стремоуховъ, завелъ въ своемъ имѣніи совсѣмъ особое хозяйство. Ему попался въ руки наказъ сошнаго письма и онъ сообразилъ, что въ древней Россіи было особое сошное устройство—особаго типа артель. Можетъ-быть, и идеи другого порядка, именно соціали-

стическія, повліяли на взгляды Стремоухова, ибо придуманный имъ крестьянскій строй въ извѣстной мѣрѣ напоминаетъ и эти ученія. Какъ бы то ни было, но Стремоуховъ свое сошное устройство рекомендуетъ помѣщикамъ какъ ремедіумъ современнаго ему сельскаго хозяйства. Уже цѣлыхъ 15 лѣтъ, пишетъ Стремоуховъ въ 1859 году, въ его имѣніи не существуетъ помѣщичьяго хозяйства. Помѣщикъ оставилъ за собою только надзоръ, а вся земля передана въ распоряженіе крестьянъ. Такъ установлена „общественность и равенство". Вся земля раздѣлена на „удѣлы", переданные въ распоряженіе хозяевъ-товарищей. Каждый 25 тяглъ, вѣнцовъ или женатыхъ и способныхъ работниковъ, составляютъ товарищество, иначе называемое сохою или дружиною. Эта артель сообща обрабатываетъ свой участокъ земли, и результаты урожая дружинники дѣлятъ между собою, за исключеніемъ той части, которая поступаетъ помѣщику. Двѣ такія дружины, т.-е. посадъ, имѣютъ общій скотный дворъ, при чемъ скотъ находится подъ общимъ надзоромъ, хотя каждый хозяинъ является собственникомъ своего скота. При дружинахъ имѣются свои собственные мастеровые для хозяйственныхъ нуждъ. Вообще Стремоуховъ стремится къ достиженію полнаго и матеріальнаго равенства въ средѣ дружинныхъ крестьянъ, даже количество скота у каждаго тягла должно быть одинаково, хотя дружинникамъ не возбраняется достигать улучшенія своего матеріальнаго положенія, поскольку это возможно при условіи товарищескихъ работъ. Между помѣщикомъ и его дружинами выработаны слѣдующія отношенія: весь урожай дѣлится пополамъ, при чемъ помѣщикъ изъ своей половины даетъ сѣмена, уплачиваетъ всѣ казенныя подати, строитъ крестьянскія постройки, такъ что въ общемъ получаетъ одну треть урожая. Въ этой оригинальной фалангѣ нѣтъ кабаковъ. Она обладаетъ самоуправленіемъ: во главѣ сохъ стоятъ соховые, во главѣ посада—посадскіе, во главѣ всей вотчины—вотчинный. Все это выборные старшины. Есть особый судъ, состоящій изъ выборныхъ судей.

Устройство имѣнія Стремоухова въ свое время вызывало среди помѣщиковъ одобрительные отзывы. Самъ Стремоуховъ былъ доволенъ доходностью своихъ имѣній при такихъ условіяхъ. Стремоуховъ былъ не одинокъ въ своихъ попыткахъ перестроить крѣпостной строй; можно бы указать на особое устройство имѣнія Каразина, Кручикъ, но мы не будемъ на немъ останавливаться, такъ какъ оно представляетъ собою много разъ описанныя въ нашей литературѣ крѣпостническія попытки.

Такъ работала крѣпостническая мысль, охваченная стремленіемъ расширить производство хлѣбной фабрики и останавливаемая въ своихъ стремленіяхъ такимъ факторомъ, какъ крѣпостное право съ его рабскимъ трудомъ. Она не могла отрѣшиться отъ рабскаго труда, сознавая, однако, всѣ его невыгоды.

II.

Мы познакомились съ крѣпостнической идеологіей въ ея общихъ чертахъ. Но въ изучаемомъ нами вопросѣ есть и другая сторона. Она заключается въ знакомствѣ съ индивидуальными мнѣніями нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе видныхъ представителей крѣпостническихъ тенденцій.

Разумѣется, въ данномъ отношеніи на первомъ планѣ слѣдуетъ остановиться на знакомствѣ съ Карамзинымъ.

Воззрѣнія Карамзина на крѣпостное право являются довольно сложнымъ вопросомъ прежде всего потому, что мы имѣемъ дѣло съ писателемъ разно-

Деревенская улица (рис. Львова).

сторонникъ дарованій и сверхъ того съ такимъ, государственныя міровоззрѣнія котораго далеко не укладываются въ однообразныя рамки. Непослѣдовательность политическихъ воззрѣній Карамзина вызывала къ нему весьма неодинаковое отношеніе въ нашей литературѣ. Одни считаютъ его искреннимъ патріотомъ (Пашковъ и другіе), другіе—неискреннимъ человѣкомъ (Буличъ и другіе), наконецъ, была попытка найти первоисточникъ основныхъ политическихъ воззрѣній Карамзина на монархію и ея задачи въ философіи Канта (Лыжинъ). Но идеологія Карамзина, кажется, довольно проста и имѣетъ своимъ источникомъ практическій складъ его ума, узкій и эгоистическій. Такая характеристика не мѣшаетъ признанію литературныхъ и ученыхъ за-

слугъ Карамзина. Онъ тонко улавливалъ направленіе минуты и еще тоньше предугадывалъ смѣну направленія. Этимъ объясняется по существу устойчивость Карамзинской политической идеологіи и тѣ либеральные налеты, которыми она прорѣзывается. Это былъ писатель, въ глубинѣ души привязанный къ буржуазному настоящему и прошлому и способный лишь проявлять, и притомъ искренне, сентиментальную скорбь о разрушеніяхъ, производимыхъ революціею: „Мудрые знаютъ опасность всякихъ перемѣнъ и живутъ тихо“— вотъ его основной лозунгъ, изъ котораго логически слѣдуетъ совѣтъ народамъ: „паситесь, мирные народы, блага развитія спадутъ на васъ безъ борьбы, какъ манна съ небесъ“. Человѣкъ стремится къ спокойной жизни и къ использованію этого покоя въ цѣляхъ эгоистическихъ, личныхъ. Въ такомъ человѣкѣ всякая перемѣна, всякая мысль о борьбѣ вызываетъ отрицательное отношеніе. Отсюда и встрѣчающіяся въ письмахъ Карамзина признанія въ его симпатіяхъ къ конституціи и къ либеральнымъ идеямъ являются случайнымъ налетомъ, противорѣчащимъ реальному содержанію его міровоззрѣнія. Въ основѣ своихъ воззрѣній онъ былъ убѣжденнымъ противникомъ всякаго рода экспериментовъ въ области государственной жизни. Въ письмѣ къ своему другу, князю Вяземскому, Карамзинъ приводитъ мысль „одного умнаго человѣка“, съ которой онъ, конечно, соглашается: „я не люблю молодыхъ людей, которые не любятъ вольностей; но не люблю и пожилыхъ людей, которые любятъ вольность“. Отсюда и понятно его заключеніе въ томъ же письмѣ: ему пріятнѣе итти въ комедію, нежели въ палату депутатовъ, „хотя я въ душѣ республиканецъ и такимъ умру“. Этотъ практицизмъ Карамзина объясняетъ всю его публицистическую дѣятельность. Съ самаго начала царствованія Александра I Карамзинъ пытается принести свой талантъ на алтарь отечества, т.-е. заслужить благоволеніе двора. На слова императорскаго манифеста о желаніи царствовать по уму и сердцу бабки, Карамзинъ отвѣчаетъ блестящимъ похвальнымъ словомъ Екатеринѣ II, внѣшній блескъ царствованія которой и ея интимная жизнь внушали Карамзину глубоко отрицательное

Н. М. Карамзинъ (портр. В. Тропинина).

отношеніе и къ прошлому царствованію и къ личности царицы. Онъ хвалитъ учрежденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое самъ же впослѣдствіи называлъ министерствомъ затменія и отрицалъ его полезность. Но панегиристъ-публицистъ долгое время не могъ снискать милости двора. Званіе исторіографа его еще мало удовлетворяетъ. Надо читать письма Карамзина къ женѣ и друзьямъ изъ Петербурга, когда онъ поѣхалъ туда хлопотать о печатаніи первыхъ томовъ „Исторіи". Эти письма являются лучшей характеристикой Карамзина. Онъ весьма чутокъ ко всякому проявленію къ себѣ вниманія со стороны вельможъ и другихъ видныхъ людей: на ряду съ извѣстіями женѣ о состояніи желудка, вслѣдствіе многочисленныхъ приглашеній на обѣды, Карамзинъ сообщаетъ ей о своихъ встрѣчахъ, о ласкахъ двора и въ то же время терзается долгимъ ожиданіемъ свиданія съ государемъ. Когда казалось, что ему не удастся добиться милости государя, что его „не удостоятъ лицезрѣнія", онъ иногда фрондируетъ. „Не мое дѣло умножать число анненскихъ кавалеровъ при дворѣ", пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ женѣ. Зато надо читать письмо, исполненное дѣтской радости, когда Карамзинъ, наконецъ, удостоился возложенія на него той же самой Анненскоі ленты. Немного обласканный (по протекціи Аракчеева), онъ уже пишетъ кн. Вяземскому: „я почти влюбленъ въ царскую фамилію".

Совершенно ясно, что писатель съ такимъ направленіемъ могъ стать только въ ряды убѣжденныхъ крѣпостниковъ. Русское прошлое, съ точки зрѣнія Карамзина, преисполнено самыхъ прочныхъ и идеальныхъ началъ. Крѣпостное право есть одно изъ звеньевъ старины, вообще не долженствующей быть нарушаемой. Оно является однимъ изъ устоевъ государственной жизни, нарушить которую было бы весьма не безопасно. Но старина отличалась добрыми нравами и всеобщимъ благоденствіемъ. Идеалъ старинныхъ крѣпостническихъ отношеній прикрывается обычнымъ его сентиментализмомъ, которое получаетъ особенно туманныя формы, когда писатель чувствуетъ, что сентиментальными фразами становится труднымъ прикрыть печальную дѣйствительность во всей ея наготѣ.

Соціальная идеологія Карамзина болѣе ранняго періода наилучшимъ образомъ отразилась въ небольшой статейкѣ, озаглавленной „Письмо сельскаго жителя" (1802 г.). Здѣсь Карамзинъ высказалъ основную точку зрѣнія на крѣпостное право. Его идеи проникнуты тѣми же элементами сентиментализма, какими проникнуты и другія произведенія его въ этотъ и болѣе ранніе періоды. Тутъ все есть: и доброта помѣщика, и его любовь къ крестьянамъ, и возможность излѣченія крестьянскихъ пороковъ. Но подъ дымкой сентиментализма скрывается, однако, довольно мрачный взглядъ на крестьянина, какъ на человѣка; это въ общемъ довольно жалкое, безпомощное животное, которое никакъ не можетъ обойтись безъ помѣщичьей доброты и безъ наказаній, хотя и смягченныхъ.

Сначала Карамзинъ иронизируетъ надъ помѣщиками, которые проникаются „духомъ филантропическихъ авторовъ, т.-е. ненавистью къ злоупотребленіямъ властью“. Такъ, самъ „сельскій житель“, подъ вліяніемъ этихъ авторовъ, пожелалъ быть благодѣтелемъ своихъ крестьянъ, отдалъ имъ всю землю на оброкъ и поручилъ самимъ избрать себѣ начальство. Конечно, изъ этого ничего не вышло. Возвращается помѣщикъ къ себѣ въ деревню и застаетъ бѣдность, пустыя житницы, гніющія хижины. Благодѣтельный помѣщикъ вскорѣ открылъ истину, конечно, съ помощью самихъ же стариковъ-крестьянъ: „воля, мною имъ данная, обратилась для нихъ въ величайшее зло, то-есть въ волю лѣниться и предаваться гнусному пороку пьянства“... „Нынѣ будни сдѣлались для нихъ праздникомъ“. Оказалось, что раньше крестьяне благоденствовали именно потому, что помѣщикъ смотрѣлъ не только за своими полями, но и за крестьянскими. Такъ и бывшій филантропъ, искушенный опытомъ, пошелъ по стопамъ своихъ предковъ. Онъ возобновилъ господскую пашню, самъ входилъ во всѣ подробности, надѣлилъ бѣдныхъ всѣмъ нужнымъ для хозяйства, сталъ побуждать лѣнивыхъ къ работѣ, перестроилъ деревню,— однимъ словомъ, завелъ хозяйство по старинѣ „безъ всякихъ англійскихъ мудростей, безъ всякихъ хитрыхъ машинъ, не усыпая земли ни золою, ни известкой, ни толчеными костями“. Результатъ сейчасъ же сказался. Прежде всего сами крестьяне стали благодарить помѣщика „за нынѣшнюю свою трезвость и работливость“, потому что „изъ бѣдныхъ они сдѣлались зажиточными; имѣютъ свой хлѣбъ, лошадей, скотоводство и надежду быть со временемъ сельскими богачами“. Эти размышленія приводятъ автора къ выводу, что счастье заключается въ трудолюбіи: „заставьте лѣниваго работать, онъ скоро удивится своей прежней ненависти къ трудамъ“. Но какъ заставить? Конечно, тутъ прежде всего дѣйствуетъ наставленіе помѣщика и непремѣнно добраго сельскаго священника. Помѣщикъ составилъ катихизисъ, простой и незатѣйливый, въ которомъ „объясняются должности поселянина, необходимыя для его счастія“. Къ сожалѣнію, Карамзинъ не сообщаетъ подробностей своего предполагаемаго катихизиса. Священникъ и помѣщикъ лѣчатъ крестьянъ не только духовно, но и тѣлесно, взявъ на себя и медицинскую часть. Помѣщикъ идетъ дальше. Все у него хорошо въ деревнѣ, и деревенскіе труды заканчиваются общимъ весельемъ: „мы три раза въ годъ цѣлой деревней веселимся, празднуя весну, окончаніе полевыхъ работъ и день рожденія моей дочери“. Помѣщика очень трогаетъ, какъ на этихъ празднествахъ пьяные крестьяне цѣлуютъ руки своего господина: въ знакъ благодарности къ своему помѣщику, который „старается быть добрымъ, и главное свое удовольствіе находитъ въ ихъ пользѣ“. И „добрый“ помѣщикъ не сомнѣвается въ любви крестьянъ.

Однимъ словомъ, авторъ статьи преисполненъ мыслью, что онъ живетъ съ истинною пользою для 500 человѣкъ, ввѣренныхъ ему судьбою. „Главное

право русскаго дворянина—быть помѣщикомъ, главная должность его—быть добрымъ помѣщикомъ; кто исполняетъ ее, тотъ служитъ отечеству какъ вѣрный сынъ, тотъ служитъ монарху какъ вѣрный подданный". Но Карамзинъ чувствуетъ, что, рисуя идиллическія картины, нельзя обойти нѣкоторыхъ

Колонна на мосту въ Маринѣ, имѣнія Паниныхъ. (Съ фот.).

щекотливыхъ вопросовъ. Онъ понимаетъ, что однихъ увѣщаній о пользѣ труда недостаточно, а потому и представляетъ нѣкоторыя средства къ возбужденію рабскаго трудолюбія: для наказанія виновныхъ въ нерадивости крестьянъ онъ придумывалъ для нихъ „довольно трудныя работы" въ го-

сподскомъ саду. Конечно, болѣе жестокихъ наказаній въ такой сентиментальной статьѣ ожидать нельзя. Съ другой стороны, авторъ старается дать отвѣтъ на естественный вопросъ о томъ, не происходитъ ли лѣность крестьянина отъ его рабства. Но сложные философскіе вопросы рѣшаются Карамзинымъ просто. Такая философская мысль, какъ та, что крестьянинъ не работаетъ потому, что помѣщикъ можетъ отнять у него имущество, вовсе не приходитъ крестьянину въ голову: онъ лѣнивъ отъ природы, отъ навыка, отъ незнанія выгодъ трудолюбія. Такъ, Карамзинъ невысокаго мнѣнія о душевныхъ и умственныхъ качествахъ крестьянина. Неудивительно поэтому, что онъ отъ души желаетъ для пользы крестьянъ, чтобы они имѣли добрыхъ господъ, впрочемъ, для нихъ полезны еще и школы.

Карамзинъ далеко не одинаково высказывался въ разное время по различнымъ частностямъ крестьянскаго дѣла. Такъ, въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ II (1801 г.) онъ хвалитъ императрицу за ея мысли о поощреніи сельскаго трудолюбія правомъ собственности. Но уже въ статьѣ „Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени“ (1802 г.) онъ заявляетъ, что „сельское трудолюбіе“ награждается въ настоящее время щедрѣе прежняго; „такъ называемые рабы“ входятъ въ торговыя предпріятія, а просвѣщеніе истребляетъ злоупотребленія господской властью. По мнѣнію Карамзина, эта власть „по самымъ нашимъ законамъ не есть тиранская и неограниченная“. И такъ опредѣляетъ соотношенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ: „Россійскій дворянинъ даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдствіяхъ случая и натуры: вотъ его обязанности. Зато онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣлю: вотъ его право“.

Впрочемъ, было время, когда Карамзинъ пѣлъ гимнъ мысли правительства при учрежденіи министерствъ о заведеніи сельскихъ школъ, когда онъ писалъ: „Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ народнымъ учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія“.

Въ своихъ практическихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ Карамзинъ, съ одной стороны, то являетъ собою черты сентиментальнаго писателя, то, когда дѣло касается оброка или крестьянскихъ повинностей, выказываетъ достаточную твердость и рѣшительность крѣпостника, издалека управляющаго деревней, то возмущается пьянствомъ своихъ крестьянъ, отправляя ихъ въ полицію для наказанія или отдавая ихъ въ рекруты. Въ одномъ приказѣ бурмистру Карамзинъ негодуетъ на то, что онъ приказалъ женить одного изъ крестьянъ, а міръ отмѣнилъ помѣщичье приказаніе: „Кто же изъ васъ смѣетъ противиться господскимъ приказаніямъ?“ Онъ требуетъ безпрекословнаго исполненія господскихъ приказаній: „Я вашъ отецъ и судья. Мое дѣло знать, что справедливо и для васъ полезно“. Въ селѣ, доноситъ бур-

мистръ Карамзину, появились кликуши; приказъ помѣщика: „высѣчь ихъ“. Далѣе идутъ угрозы крестьянамъ сдать въ рекруты, отправить въ тюрьму. Разумѣется, взысканіе оброка производится Карамзинымъ самымъ неукоснительнымъ образомъ. Собираясь передъ смертью ѣхать за границу, онъ пишетъ крестьянамъ наставленіе, наполненное рядомъ угрозъ и сентиментальныхъ фразъ: въ случаѣ буйства онъ угрожаетъ крестьянамъ содѣйствіемъ своего пріятеля, военнаго генералъ-губернатора; въ случаѣ неаккуратнаго платежа оброка угрожаетъ наймомъ на счетъ крестьянъ управителя и устройствомъ барской запашки или присылкой на коштъ крестьянъ надежныхъ людей изъ Москвы для сбора оброка.

А. С. Шишковъ (портр. Кипренскаго).

И всѣ эти обычныя шаблонныя угрозы, которыя разсылались изъ столицы всѣми помѣщиками въ свои вотчины, въ приказѣ Карамзина пересыпаются обращеніями „къ добрымъ крестьянамъ“. Подтверждая угрозы, онъ пишетъ въ одномъ приказѣ своимъ крестьянамъ: „я всѣхъ васъ люблю равно, какъ дѣтей своихъ, и судъ мой безпристрастенъ; я хочу только вашего добра общаго, отвѣчая за васъ Богу“.

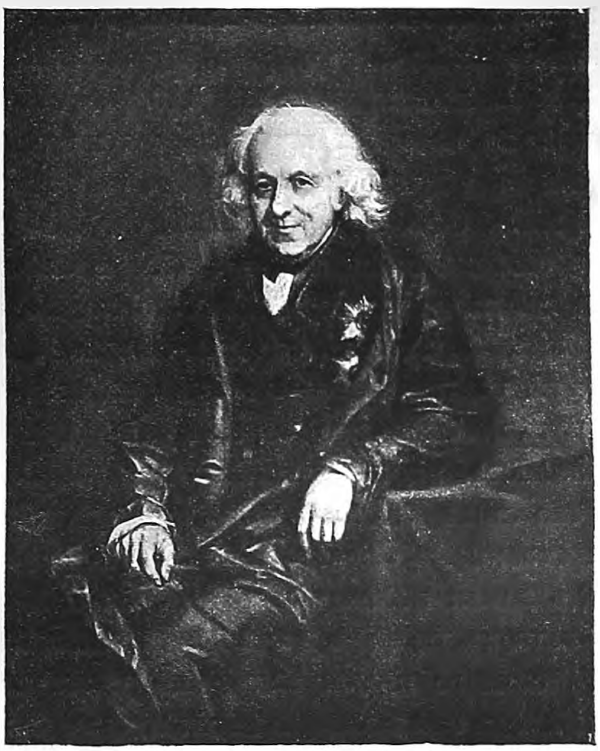
Надо, впрочемъ, замѣтить, что Карамзинъ, много писавшій о прелестяхъ сельской жизни, самъ не жилъ въ деревнѣ и не любилъ ея. Въ одномъ письмѣ отъ 1825 г. онъ пишетъ Дмитріеву, что крестьяне не платятъ оброка: „страшусь мысли ѣхать туда“, и высказываетъ предположеніе послать въ свои симбирскія деревни человѣка военнаго, чтобы „образумить крестьянъ“.

Зато въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ Карамзинъ охотно рисовалъ идиллическія картины сельскаго быта. Не говоря о нѣкоторыхъ повѣстяхъ, въ родѣ „Бѣдной Лизы“, небезынтересно остановиться еще на одной статьѣ, помѣщенной въ „Московскомъ Журналѣ“ 1791 г. и озаглавленной

„Сельской праздникъ и свадьба“. Тутъ мы находимъ идиллическое описаніе благоденствующихъ поселянъ и ихъ отношеніе къ доброму помѣщику. Помѣщикъ даетъ пиръ своимъ крестьянамъ по уборкѣ хлѣба. Всѣ крестьяне собираются къ помѣщику, женщины наряжены; нѣкоторыя даже „въ золотыхъ вѣнцахъ“. Всѣ крѣпостные собрались въ залѣ господина, гдѣ помѣщикъ читаетъ имъ всякаго рода моральныя истины. Въ заключеніе помѣщикъ спросилъ, не имѣютъ ли они къ нему просьбъ. Крестьяне оказались всѣмъ довольны, только просили позволенія свободно женить своихъ дѣтей. Далѣе идетъ трогательное описаніе одной крестьянской дѣвушки. Родители хотятъ ее выдать за того, за кого она не хочетъ. „Добрые помѣщики, конечно, сдѣлали по желанію дѣвушки“. Однимъ словомъ,— удивительная идиллія. Крестьяне за обѣдомъ въ домѣ господина ведутъ себя весьма непринужденно. „Иныхъ заря вгонитъ, а другая выгонитъ, и все на барщинѣ; а у насъ такъ слава Богу, день на барина да день на себя. Придетъ праздникъ, лежимъ на печи“, и т. п.

Такъ какъ въ Карамзинѣ соединялись представленія о сельской идилліи съ трезвостью хозяина-рабовладѣльца и съ теоретическими представленіями о добротѣ помѣщика, проявляемой имъ въ управленіи крестьянами, все это подготовляетъ насъ къ пониманію основного политическаго трактата, написаннаго Карамзинымъ, къ пониманію его знаменитой записки о Древней и Новой Россіи. Въ этой запискѣ оказалось міровоззрѣніе реакціонной части тогдашняго общества, она является политическимъ завѣщаніемъ эпохи. Произволъ государя является основнымъ политическимъ мотивомъ этой записки, теоретическимъ объясненіемъ и подтвержденіемъ этого произвола является преклоненіе предъ стариной. Совершенно ясно, что и крѣпостное право съ этой точки зрѣнія составляетъ институтъ, не подлежащій никакимъ измѣненіямъ. Интересно, что знаменитый историкъ въ пониманіи происхожденія крѣпостного права на Руси стоитъ ниже нѣкоторыхъ другихъ общественныхъ направленій, напримѣръ, декабристовъ. Карамзинъ именно старается подтвердить и выяснить особливую древность крѣпостного состоянія. Изначальнымъ источникомъ его являются рабы, поселенные на пашнѣ, затѣмъ другую группу крѣпостныхъ составили свободные поселяне, принятые землевладѣльцами на извѣстныхъ ограничительныхъ условіяхъ и затѣмъ прикрѣпленные закономъ Бориса Годунова. Первые представляютъ законную собственность владѣльца, но отличить первыхъ и вторыхъ уже нѣтъ никакой возможности, почему государственная польза требуетъ сохраненія крѣпостного состоянія. Карамзину даже представляется неяснымъ, что значитъ у насъ освободить крестьянъ. Это значило бы дать волю крестьянамъ жить, гдѣ угодно, и подчинить ихъ власти одного правительства. Но тогда крестьяне останутся безъ земли, которая составляетъ неотъемлемую дворянскую собственность. Карамзинъ предвидитъ, что оставленнымъ безъ земли крестьянамъ помѣщики

предпишутъ самыя тягостныя условія: „дотолѣ щадили они въ крестьянахъ свою собственность, — тогда корыстолюбивые владѣльцы захотятъ взять съ нихъ все возможное для силъ физическихъ. Напишутъ контрактъ, и земле-владѣльцы не исполнятъ его: тяжбы, вѣчныя тяжбы“. Карамзинъ боится, что многія поля останутся необработанными, начнутся ссоры между крестьянами. „Освобожденные отъ надзора господъ, имѣвшихъ собственную земскую исправу или полицію, гораздо дѣятельнѣйшую всѣхъ земскихъ судовъ, станутъ пьянствовать, злодѣйствовать, — какая богатая жатва для кабаковъ и мздоимныхъ исправниковъ, но какъ худо для нравовъ и государственной безопасности. Однимъ словомъ, теперь дворяне, разсѣянные по всему государству, содѣйствуютъ монарху въ храненіи тишины и благоустройства; отнявъ у нихъ сію власть блюстительную, онъ какъ Атласъ возьметъ себѣ Россію на рамена... Удержитъ ли? Паденіе страшно!“



П. С. Мордвиновъ (портр. Дау).

Земледѣльцы не будутъ счастливы, попавъ въ руки откупщиковъ и безсовѣстныхъ судей. Противъ отрицательныхъ проявленій крѣпостного права слѣдуетъ бороться при помощи „умныхъ“ губернаторовъ и „подъ рукой“ принимать мѣры. Обязанностью государя является блюсти цѣлость государства, которую Карамзинъ соединяетъ съ сохраненіемъ крѣпостного права. Вообще у него немного аргументовъ въ пользу государственнаго значенія крѣпостного права, и, въ концѣ-концовъ, Карамзинъ рѣшается высказать мысль, „что для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить людей, нежели дать имъ не во-время свободу“, и, въ концѣ-концовъ, Карамзинъ взываетъ къ государю не нарушать крѣпостныхъ устоевъ, угрожая ему отвѣтственностью передъ Богомъ, совѣстью и потомствомъ.

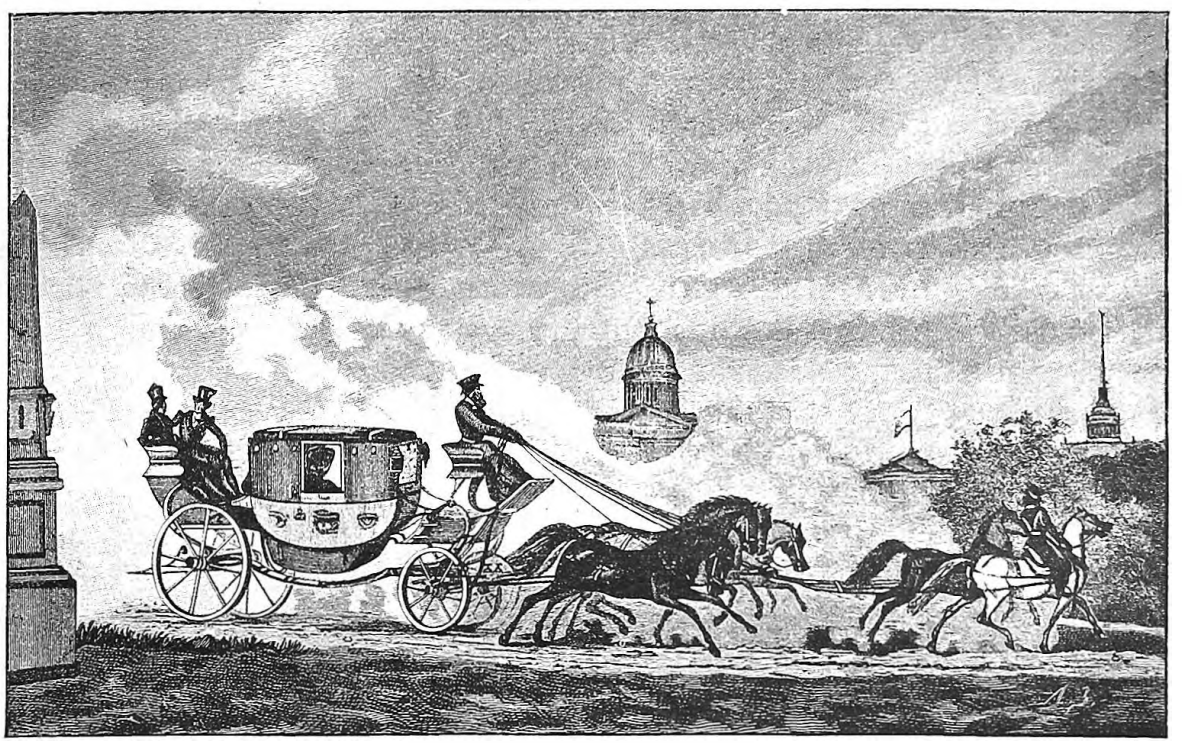
Во взглядахъ Карамзина въ конечномъ итогѣ отлились идеалы крѣпостнической части общества: сентиментальная идиллія въ теоріи, въ литературныхъ произведеніяхъ и жестокая дѣйствительность на практикѣ въ связи съ настойчивой защитой сохраненія этого института.

Взгляды другихъ крѣпостниковъ менѣе развиты, иногда слабо аргументированы, хотя и отличаются обычною нетерпимостью ко всякой мысли о свободѣ крестьянъ.

Въ этомъ отношеніи любопытны взгляды адм. Шишкова, который является представителемъ партіи реакціонеровъ среди высшихъ сановниковъ тогдашней Россіи. Наиболѣе подробно Шишковъ высказался въ 1820 г., когда въ Государственномъ Совѣтѣ былъ поднятъ вопросъ о правѣ продажи крестьянъ безъ земли. Въ Совѣтѣ сложилось довольно благопріятное большинство по этому вопросу, но противъ него рѣшительно возсталъ Шишковъ. Прежде всего онъ полемизируетъ противъ употребленія словъ о продажѣ людей какъ скотовъ: „въ Россіи продаются люди какъ люди, а не какъ скоты“. Онъ не можетъ понять, почему продажа нѣсколькихъ человѣкъ вмѣстѣ свойственна „духу нынѣшняго времени“, на что опирались его оппоненты, а продажа людей отдѣльно является продажей „безсловесныхъ животныхъ“. Онъ усматриваетъ даже въ выраженіи „духъ времени“ стремленіе къ своевольству и неповиновенію. Онъ даже считаетъ, что для человѣка уничижительно, когда судьба его связана съ землей,—„когда полагается, что онъ безъ земли уже не человѣкъ и долженъ непремѣнно, какъ бы дерево, посаженъ быть въ оную, дабы пребывать на ней неподвижно“. Ничего ужаснаго Шишковъ не видитъ и при разлученіи семей при продажѣ, ибо разлука родственниковъ представляетъ необходимое зло въ жизни. Нѣтъ нужды приводить всей аргументаціи Шишкова, иногда довольно курьезной, въ защиту крѣпостного права. Достаточно лишь указать, что адмиралъ оказался далеко неодинокимъ въ Государственномъ Совѣтѣ, и, въ концѣ-концовъ, самый проектъ о непродажѣ людей безъ земли не получилъ одобренія. Въ своей государственной дѣятельности Шишковъ не разъ пытался склонить государя къ подтвержденію прочности крѣпостного права. Такъ, онъ настаивалъ, чтобы въ извѣстномъ манифестѣ 1812 года объ окончаніи войны было высказано одобреніе крѣпостному праву. Составленный имъ проектъ манифеста послѣ долгихъ настояній былъ утвержденъ государемъ съ небольшой поправкой.

Если Шишковъ и Карамзинъ защищали крѣпостное право, поддерживая тѣмъ изстаринность этого института и тяготу рабскаго положенія крестьянъ старались ослабить указаніями на доброту помѣщиковъ, то были крѣпостники, которые защищали крѣпостное право изъ соображеній экономическаго характера. Такимъ крѣпостникомъ былъ, напримѣръ, умнѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ этой эпохи, извѣстный адмиралъ Н. С. Мордвиновъ. Это былъ весьма разносторонній писатель въ области экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ. Онъ вообще мрачно смотрѣлъ на экономическое положеніе Россіи, въ томъ числѣ и на положеніе крестьянскаго населенія. И какъ разъ, исходя изъ этого взгляда, онъ готовъ былъ мириться съ крѣпостнымъ правомъ. Однако онъ полагалъ, что крѣпостное право — печальная необходимость, и

оно должно существовать до тѣхъ поръ, пока развитіе промышленности въ Россіи не сдѣлаетъ реформу необходимой. Вотъ особенность, въ силу которой этотъ сторонникъ Смита и Бентама оказался въ числѣ защитниковъ крѣпостного рабства. „Потерпимъ еще нѣсколько,—писалъ онъ въ статьѣ о рабствѣ крестьянъ,—и рабство само собой исчезнетъ въ Россіи, если обращено будетъ вниманіе не къ преждевременному уничтоженію онаго, но къ постепенному уменьшенію необходимости содержать крестьянъ въ зависимости отъ помѣщиковъ, на земляхъ коихъ они живутъ. Сіе необходимо послѣдуетъ, когда исчезнетъ на пахотныхъ земляхъ нашихъ паренина, когда земледѣліе



Барская карета нач. XIX в.

помѣстится въ число наукъ, когда въ городахъ нашихъ признается по зданіямъ право собственности, когда употребимъ дѣятельныя мѣры къ возстановленію естественнаго порядка между рождающимися и умирающими, не будемъ считать числа тяглъ или брачныхъ наполовину противъ всего народонаселенія, и отъ каждаго брака". Такъ, слѣдовательно, съ измѣненіемъ экономическихъ отношеній и съ развитіемъ человѣческой культуры крѣпостное право само по себѣ падетъ. Но его нельзя отмѣнить сразу, потому что въ мало населенной странѣ, гдѣ рѣдки денежные капиталы, гдѣ слабо развита городская промышленность, гдѣ, наконецъ, недостаточно еще число рабочихъ рукъ, свобода крестьянъ, связанная съ свободой перехода, можетъ

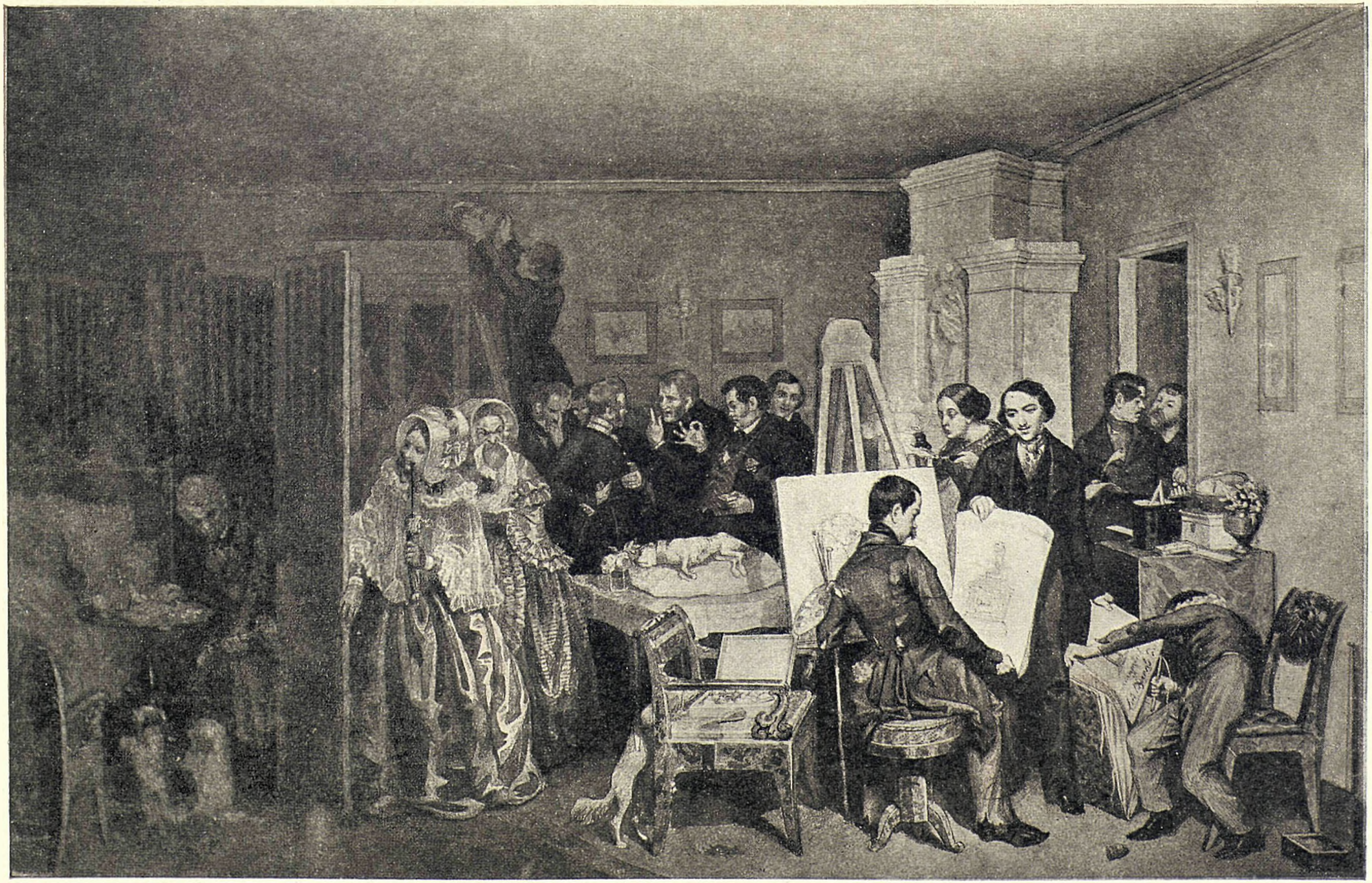
вызвать разнаго рода осложненія Да и вообще Мордвиновъ мало придавалъ значенія свободѣ, когда эта свобода соединена съ бѣдностью: никакіе законы не сдѣлаютъ бѣднаго независимымъ отъ богатаго, и бѣднякъ, живущій въ деревнѣ, если не будетъ зависѣть отъ помѣщика, то будетъ зависѣть отъ болѣе богатаго своего сосѣда. Мордвиновъ не отрицалъ необходимости ускоренія процесса перехода отъ крѣпостного состоянія въ свободное, но этотъ процессъ онъ хотѣлъ связать съ пробужденіемъ въ крестьянской средѣ работоспособности. Поэтому онъ проектировалъ изданіе особыхъ законовъ касательно освобожденія крестьянъ и развивалъ ту мысль, что свободу надо давать не сразу, а постепенно, „въ видѣ награды трудолюбію и пріобрѣтаемому умомъ достатку: ибо симъ только ознаменовывается всегда зрѣлость гражданская“. Вотъ почему Мордвиновъ въ своемъ проектѣ устанавливаетъ различную расцѣнку, по которой крестьяне могли бы выкупаться на волю и, такимъ образомъ, дѣлаться свободными.

Но ставя освобожденіе крестьянъ въ зависимость отъ выкупа и, слѣдовательно, накопленія извѣстнаго рода богатствъ въ крестьянской средѣ, Мордвиновъ нѣсколько разъ возвращался къ вопросу о томъ, какъ поднять сельское хозяйство, а слѣдовательно, и благосостояніе крестьянъ. Такими мѣрами онъ, напримѣръ, считалъ заведеніе школъ, гдѣ преподавались бы преимущественно прикладныя знанія, изданіе для крестьянъ наставленій по сельскому хозяйству, заведеніе сельскихъ банковъ, удаленіе изъ деревень кабаковъ, принятіе мѣръ противъ смертности дѣтей и т. д.; настаивалъ на нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ совѣтахъ, какъ, напримѣръ, на уничтоженіи паренины, на введеніи въ крестьянской средѣ домашнихъ работъ для пріученія ихъ къ болѣе экономному использованію труда и т. п.; наконецъ проектировалъ цѣлый рядъ финансовыхъ мѣропріятій, преслѣдовавшихъ тѣ же цѣли— поднятіе крестьянскаго благосостоянія. Словомъ, Мордвиновъ смотрѣлъ на крѣпостное право, какъ на печальную необходимость данной эпохи. Интересно, что онъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ мнѣній старался смягчить сущность крѣпостного права. Такъ, въ своемъ мнѣніи, прочитанномъ имъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1820 году по тому же вопросу, по которому высказывался и Шишковъ, Мордвиновъ пытается доказать, что право собственности распространяется только надъ вещью и что поэтому въ Россіи не существуетъ правъ собственности помѣщика надъ личностью крестьянъ: права помѣщика вытекаютъ изъ права зависимости отъ него крестьянъ, и притомъ власть помѣщика ограничена строгими и ясными законами, предъ которыми „крестьяне въ отношеніи помѣщиковъ ихъ суть домочадцы“.

Такъ смотрѣлъ Мордвиновъ на крѣпостное право. Мы отмѣтили въ его взглядахъ новую струю сравнительно съ взглядами другихъ крѣпостниковъ. Эта струя объясняется принадлежностью Мордвинова къ тому классу, интересы котораго онъ защищалъ, именно, къ классу нарастающей буржуазіи.

Смерть Фиделькн.

(Картина *Федотова*).



Мордвиновъ даетъ совѣты, клонящіеся къ улучшенію положенія крестьянъ, такъ сказать, общаго характера, онъ рисуетъ широкія мѣропріятія государственнаго характера. Въ основѣ его былъ взглядъ на крестьянъ, какъ на людей, находящихся въ зависимости отъ помѣщика и требующихъ его опеки. На эту точку зрѣнія иногда становились и другіе крѣпостники, которые, однако, свои мысли объ улучшеніи положенія крестьянъ пытались приложить къ тому небольшому мірку, владѣльцами котораго они были. Это теченіе было довольно сильное, и, быть-можетъ, далеко не всѣ мѣропріятія отдѣльныхъ помѣщиковъ въ настоящее время извѣстны. Для иллюстраціи этого типа крѣпостниковъ мы остановимся на устройствѣ имѣній, введенномъ такими знаменитыми людьми этой эпохи, какъ Д. П. Трощинскій и В. Н. Каразинъ.

Д. П. Трощинскій.

Въ 1795 году Трощинскій получилъ отъ императрицы Екатерины II обширное имѣніе на Волыни, Кагорлыцкое староство. Въ 1800 году онъ уже написалъ для этого староства обширный трактатъ—„Правила, порядокъ и бухгалтерія въ хозяйствѣ“. Это очень объемистый регламентъ, заключающій въ себѣ какъ правила хозяйства, указанія на необходимость развитія тѣхъ или другихъ статей дохода, такъ и цѣлый рядъ предписаній, касающихся положенія крестьянъ. Трощинскій далекъ отъ введенія какихъ-либо особенныхъ новшествъ, онъ только стремится опредѣлить правила поведенія крестьянъ, побудить ихъ къ веденію добропорядочнаго хозяйства, наконецъ, устанавливаетъ правила управленія крестьянствомъ. Особенно подробно Трощинскій занятъ описаніемъ должностей управляющаго имѣніемъ и другихъ низшихъ управителей. Такимъ образомъ, правила Трощинскаго еще далеки отъ попытокъ рѣзкаго измѣненія крѣпостного строя, которыя проводились нѣкоторыми изъ его младшихъ современниковъ. Въ этомъ отношеніи гораздо любопытнѣе дѣятельность В. Н. Каразина.

Знаменитый основатель Харьковскаго университета пытался приложить свои эмансипаторскія идеи въ двухъ своихъ имѣніяхъ, изъ которыхъ одно

находилось въ слободской украинѣ, а другое—въ Московской губерніи. Надо замѣтить, что Каразинъ смотрѣлъ на крѣпостное право въ томъ видѣ, какъ оно развилось въ его время, какъ на извѣстнаго рода результатъ „незаботливости державной власти". Онъ высказывался противъ того рабскаго состоянія, въ которомъ крестьянство съ теченіемъ времени оказалось. Такимъ образомъ, Каразинъ высказывался не столько противъ крѣпостного права, какъ законно существующаго института, сколько противъ злоупотребленій, которыя были связаны, противъ того факта, что крѣпостное право отлилось въ рабское состояніе. Этимъ и объясняется то обстоятельство, на которое съ недоумѣніемъ наталкиваются біографы Каразина, что Каразинъ, съ одной стороны, высказался въ защиту крѣпостного права, а съ другой стороны, возставалъ противъ рабства и проводилъ эмансипаціонныя идеи въ своихъ имѣніяхъ. Между тѣмъ, не отрицая законности въ зависимомъ положеніи крестьянъ отъ помѣщика, Каразинъ возлагалъ, однако, на помѣщиковъ высокія задачи государственнаго и филантропическаго характера.

Уже въ ранней юности Каразинъ пытается приложить свою мысль къ управленію своимъ имѣніемъ. Въ 1793 году онъ учреждаетъ въ своемъ слободскомъ имѣніи Кручикѣ сельскую думу, а въ 1805 году, потерпѣвъ аварію въ своихъ отношеніяхъ къ императору, онъ вводитъ новое земельное устройство среди крестьянъ того же имѣнія.

Раздѣленіе земли было произведено на общемъ сходѣ крестьянъ сёла Кручика и сосѣднихъ имѣній. Былъ принятъ принципъ оплаты поземельной аренды, при чемъ единицей оплаты былъ принятъ рабочій день. Каждый крестьянинъ получилъ въ надѣлѣ 9 дес. земли, аренда съ которыхъ была вычислена въ 150 рабочихъ дней. Каждый крестьянинъ получалъ особую записку отъ помѣщика въ удостовѣреніе того, что земля передана на извѣстныхъ условіяхъ „безповоротно и наслѣдственно"; крестьянинъ могъ даже отчудить землю при томъ, однако, условіи, чтобы арендная плата съ нея не была понижена. Кромѣ полныхъ тягловыхъ хозяевъ, въ имѣніи еще были половинщики, которые работали исполу на помѣщичьихъ сѣменахъ, но въ теченіе пяти лѣтъ всѣ крестьяне перешли на полные тяглые участки. Надо замѣтить, что Каразинъ главнымъ занятіемъ крестьянъ считалъ земледѣліе; поэтому онъ недоброжелательно относился къ развитію въ селѣ ремесленнаго класса, равнымъ образомъ и къ классу дворовыхъ. Къ себѣ во дворъ онъ бралъ слугъ по найму, поощряя переходъ своихъ дворовыхъ на пашню.

Любопытно далѣе устройство сельскаго управленія, введенное Каразинымъ. Вотчиной управляетъ сельская дума изъ шести членовъ подъ предсѣдательствомъ помѣщика; въ нее входитъ и сельскій священникъ; члены думы получаютъ нѣкоторое вознагражденіе. Въ своихъ рѣшеніяхъ дума руководствовалась общегосударственными законами или мѣстными обычаями. Дума представляла собой учрежденіе административное и судебное. Каразинъ стре-

мился къ тому, чтобы нравственное воздѣйствіе было главнымъ средствомъ управленія сельской думы, почему онъ въ ней чрезвычайно цѣнилъ роль священника Но въ числѣ наказаній, примѣняемыхъ думой, „не отринуто тѣлесное наказаніе“, хотя размѣры его и ограничены. „Дѣти и народъ,—поясняетъ свою мысль Карамзинъ,—который едва не повсюду въ состояніи дѣтей по разуму неразвитому, въ однихъ лѣтами, а въ другомъ образованіемъ, не могутъ быть закономъ освобождены отъ такого наказанія“. Совершенно неисправимыхъ помѣщикъ могъ отдавать въ солдаты или же продать; по словамъ Карамзина, это было единственное условіе, при которомъ помѣщикъ пользовался правомъ продажи.

Въ Кручикѣ была своеобразно организована и сельская полиція, находившаяся подъ начальствомъ особеннаго благочиннаго и десятскихъ.

В. Н. Карамзинъ.

Наконецъ Карамзинъ былъ очень занятъ вопросомъ о равномѣрномъ распредѣленіи крестьянскихъ повинностей. Такъ, имъ установленъ особый порядокъ отбыванія сельскимъ обществомъ рекрутской повинности. Всякій крестьянинъ долженъ былъ вносить извѣстнаго рода взносъ, при чемъ дѣлавшій взносъ освобождался отъ повинности, и только недѣлавшіе взноса подлежали жеребьеванію, производившемуся сельской думой. Взносы за уклоненіе отъ повинности употреблялись на пособіе тѣмъ, которые шли въ солдаты по жребію. При уплатѣ государственныхъ податей Карамзинъ тоже ввелъ особый порядокъ, основанный на принципѣ равномѣрныхъ взносовъ поселянами, сообразно съ трудоспособностью каждаго. Такъ, подать вносилась крестьянами только съ 20-лѣтняго возраста и до достиженія ими 60 лѣтъ, при чемъ въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ крестьянинъ вносилъ платежи въ увеличенномъ размѣрѣ, оплачивая такимъ образомъ ту часть взноса, которая была сдѣлана сельскимъ обществомъ за него въ предшествующее время, а также и ту часть, которая можетъ быть сдѣлана по достиженіи имъ 60-лѣтняго возраста, когда онъ освободится отъ платежа; въ возрастѣ отъ 40 до 60 лѣтъ крестьянинъ платилъ только то, что требовало государство. Такимъ образомъ, наибольшая сумма платежа падала на возрастъ, въ которомъ человѣкъ можетъ проявить наибольшую трудоспособность. Кромѣ того, крестьяне

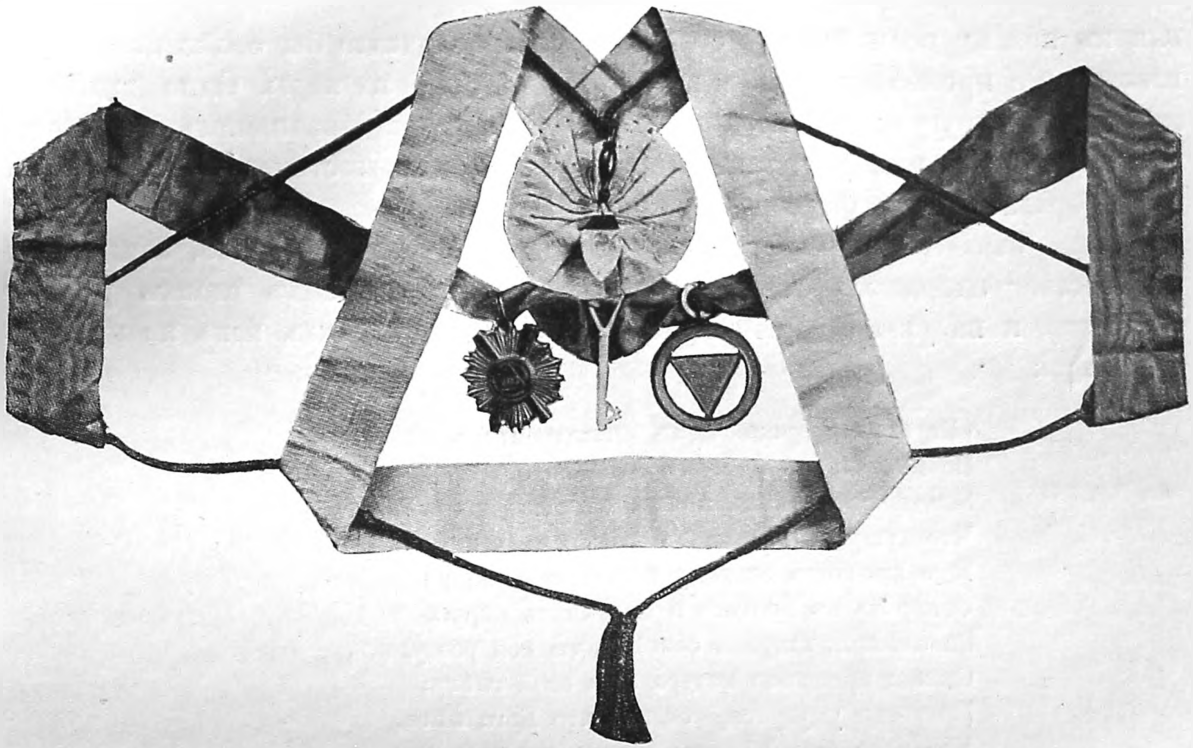
должны были собирать свою общественную сумму. Съ точки зрѣнія Карамзина его Кручикъ является государствомъ въ маломъ видѣ Поэтому крестьяне обязаны за предоставляемыя имъ льготы нести извѣстнаго рода платежи. Эта мысль и была основаніемъ для Карамзина для учрежденія общественныхъ сборовъ. Впрочемъ, половину всей общественной суммы вносилъ самъ Карамзинъ, такъ какъ сборъ общественной суммы падалъ на имущество, слѣдовательно, и на имущество помѣщика. Сверхъ того, общественная сумма пополнялась штрафами. Изъ общественной суммы покрывались общественные расходы, какъ, напримѣръ, жалованье священнику, членамъ думы, расходы по содержанію церкви, сельской аптеки, врача, путей сообщенія, школы, наконецъ, изъ нея же выдавались награды лучшимъ земледѣльцамъ. Остатокъ общественной суммы составлялъ общественный капиталъ, изъ котораго выдавались крестьянамъ ссуды изъ 6%.

Сельская дума, по мысли Карамзина, имѣла цѣли не только административныя, но и цѣли нравственнаго воспитанія крестьянъ. Той же цѣли должна была служить и Кручинская школа, на обязанности которой было употреблять „всѣ средства, чтобы у молодыхъ крестьянъ уваженіе къ вѣрѣ, законамъ и порядку, также и къ чистотѣ нравовъ вошли въ привычку гораздо прежде, нежели сіе будетъ изъясняться разсудку ихъ“. Карамзинъ составилъ два катихизиса—одинъ религіозный, другой гражданскій. Вообще ему весьма хотѣлось, чтобы изъ школы вышли *люди*, какъ онъ писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ мѣстному священнику. На ряду со школой Карамзинъ высоко ставилъ миссію сельскаго священника. Онъ стоялъ во главѣ сельской школы. Положеніе священника онъ поставилъ такимъ образомъ, что причтъ ничего не получалъ за требоисполненіе, что, по мнѣнію Карамзина, должно было поднять духовенство въ глазахъ крестьянъ.

Таково было въ общихъ чертахъ устройство села Кручина.

Такимъ образомъ мысли Карамзина отразили на себѣ идеологію той части крѣпостнически настроенной русской интеллигенціи, которая въ филантропіи помѣщика видѣла возможность улучшенія быта крестьянъ. Карамзинъ смотритъ на свои имѣнія, какъ на маленькое государство, управлять которымъ призванъ помѣщикъ. Онъ не отказывается отъ этого призванія, но старается выполнить его наилучшимъ образомъ. Такая точка зрѣнія тоже является извѣстнаго рода шагомъ впередъ, сравнительно съ дѣятельностью и взглядами многихъ другихъ крѣпостниковъ, въ томъ числѣ и Карамзина.

М. Довнаръ-Запольскій.



Масонство и крѣпостное право.

Н. П. Сидорова.

Въ пестрой картинѣ русской жизни XVIII в. двѣ фигуры наиболѣе привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе, представляя собою, какъ и многое другое въ эту эпоху, всходы чужеземныхъ сѣмянъ, своеобразно принявшихся на новой для нихъ почвѣ; онѣ стоятъ рядомъ, или, лучше, одна противъ другой: „вольтерьянецъ“ и „франкъ-масонъ“, завершая къ концу вѣка развитіе образованнаго русскаго дворянина.

Въ ихъ лицѣ сталкивались въ передовой русской интеллигенціи два умственныхъ теченія, которыя и обычно, въ критическія эпохи, подобныя XVIII в., идутъ одно противъ другого, взаимно вызывая другъ друга къ жизни.

Когда разсудочный скептицизмъ съ особенной силой дѣлаетъ свое необходимое освобождающее дѣло, освѣжая затхлую атмосферу разлагающихся вѣрованій, вывѣтривая изъ души обветшалыя традиціи, — въ отпоръ этой, иногда сгоряча слишкомъ далеко идущей, критической работѣ со дна полуопустошенной души подымаются голоса. Они зовутъ человѣка или назадъ, въ только что покинутый и привычный уютъ положительнаго церковнаго ученія,

пли къ новому религіозному сознанію, которое давало бы болѣе полное удовлетвореніе пренебреженнымъ запросамъ чувства и вѣры. Одна крайность порождаетъ другую: рядомъ съ воинствующимъ раціонализмомъ возникаетъ, тоже болѣе или менѣе тронутый раціонализмомъ, мистическій піэтизмъ въ разнообразныхъ его формахъ.

Такъ было въ данный моментъ на Западѣ, такъ и у насъ, когда „вольтерьянство“ одерживало свои легкія побѣды въ высшихъ слояхъ русскаго общества, и на умы („ésprits forts“) была такая же мода, какъ па пряжки и пуговицы:

«Не бывши просвѣщенъ нравоученьемъ моднымъ,
Не можешь въ публикѣ казаться благороднымъ...
Изъ философскихъ книгъ ты развѣ тѣ имѣй,
Что душу съ вѣчностью глотаютъ у людей...
Еще жъ знать всякому потребно офицеру
Оспорить въ полчаса и опорочить вѣру...
Впослѣдокъ истреби совсѣмъ ты сей разсудокъ,
Скажи: произвела натура весь свой свѣтъ;
Превыше умудрись,—скажи, что Бога нѣтъ,
Что вѣра есть обманъ, лукавое притворство.
Вотъ въ семъ-то состоитъ прямое благородство».

Таковъ современный явленію рисунокъ русскаго зауряднаго вольтерьянца. Чтобы убѣдиться въ правдивости этого очерка, стоитъ припомнить хотя бы общество кн. Козловскаго, у котораго „лучшее препровожденіе времени состояло въ богохуленіи и кощунствѣ“, или нарисованную Фонвизинымъ характерную картинку спора о бытіи Божіемъ двухъ гвардіи унтеръ-офицеровъ, когда на вопросъ: „Да кто тебѣ сказывалъ, что Бога нѣтъ?“—послѣдовалъ не менѣе интересный и, очевидно, рѣшающій дѣло отвѣтъ: „Петръ Петровичъ Чебышовъ вчера, на Гостиномъ дворѣ“... Этотъ авторитетъ по части атеизма былъ въ то время оберъ-прокуроромъ Св. Синода.

Воспринимаемое поверхностно, какъ мода, критическое направленіе просвѣтительной философіи въ большинствѣ случаевъ лишь расшатывало старые моральные устои личной и общественной жизни (у кого они были) и не давало взамѣнъ новыхъ. И какъ у елизаветинскаго „петиметра“ подъ вывезенный изъ-за границы парикъ и новомодный кафтанъ, такъ у екатерининскаго „вольтерьянца“ въ скептическіе, взятые напрокатъ парадоксы рядилось въ сущности прежнее варварство: въ новомъ нарядѣ оно нерѣдко чувствовало себя даже свободнѣе. „Открывалось неожиданное и печальное зрѣлище,—говоритъ В. О. Ключевскій:—новыя идеи просвѣтительной философіи являлись оправданіемъ стараго доморощеннаго невѣжества и нравственной косности. Обличительный вольтеровскій смѣхъ помогалъ прикрывать застарѣлыя русскія язвы, не исцѣляя ихъ“.

Для тревожно настроенной и самымъ „отрицаніемъ“ разбуженной совѣсти, которая не удовлетворялась модными „злоупотребленіями разума“ и не могла въ то же время вернуться къ изжитой уже рутинѣ традиціоннаго міросозерцанія, выходъ давался масонствомъ. Среди „роскошнаго и сладострастнаго обаянія“ (по оригинальному выраженію С. Н. Глинки) столичной дворянской жизни, одичалыхъ привычекъ, циническаго эпикуреизма и всяческаго неуваженія къ правамъ и достоинству человѣческой личности,— словомъ, среди всего въ основѣ своей крѣпостническаго „злонравія“ блестящаго Екатерининскаго вѣка, тогдашняя идейная русская молодежь въ масонствѣ искала и находила достаточную опору для своихъ нравственныхъ стремленій. Видные масоны того времени и сами прошли черезъ „отрицаніе“, въ свое время увлекались „вольтеровыми насмѣшками надъ религіей“. Переходя къ новому порядку идей и настроеній, они сохраняли отчасти раціоналистическія замашки, сохраняли даже (особенно въ XVIII вѣкѣ) уваженіе къ тому разуму, противъ злоупотребленій котораго они повели энергичную борьбу: „О вѣкъ просвѣщеннѣйшій, въ которомъ удалена вся сила мнимыя набожности! (писалось въ Новиковскомъ журналѣ „Покоющійся Трудолюбецъ“). Всѣ страны свѣта, всѣ народы одолжены тебѣ всѣмъ, что ни имѣютъ они священнѣйшаго. Твоимъ неусыпнымъ бдѣніемъ всѣмъ возвращена свобода, похищенная пустою набожностью человѣческаго рода“. Не отказываясь отъ этой свободы, завоеванной „разумомъ“, будучи близко къ просвѣтительной философіи отрицаніемъ официальной церковности, масонство, однако, выступало не только противъ стараго „суевѣрія“, но и противъ новаго „невѣрія“.

Гравюра въ книгѣ „Мысли нѣкоторой госпожи, какимъ образомъ человѣкъ въ простомъ понятіи разумѣетъ Бога“ (нач. XIX в.).

Оно обращалось уже не къ разуму только, но и къ сердцу; оно предлагало „размыслить въ сердцѣ“, и въ немъ поискать истиннаго блага,—

„божественной религіи, которая даритъ насъ истинною нравственностью“ Быстрый и даже шумный успѣхъ масонства свидѣтельствовалъ о томъ, что оно шло навстрѣчу дѣйствительно созрѣвшему въ обществѣ запросу на положительныя, идеальныя начала жизни. Въ идеализмѣ—сила масонства. Это была у насъ, можно сказать, первая популярная нравственная философія, не только отвлеченно продуманная, но и жизненно воспринятая, и потому нерѣдко практически дѣйственная.

Посвященіе въ масоны (французская гравюра).

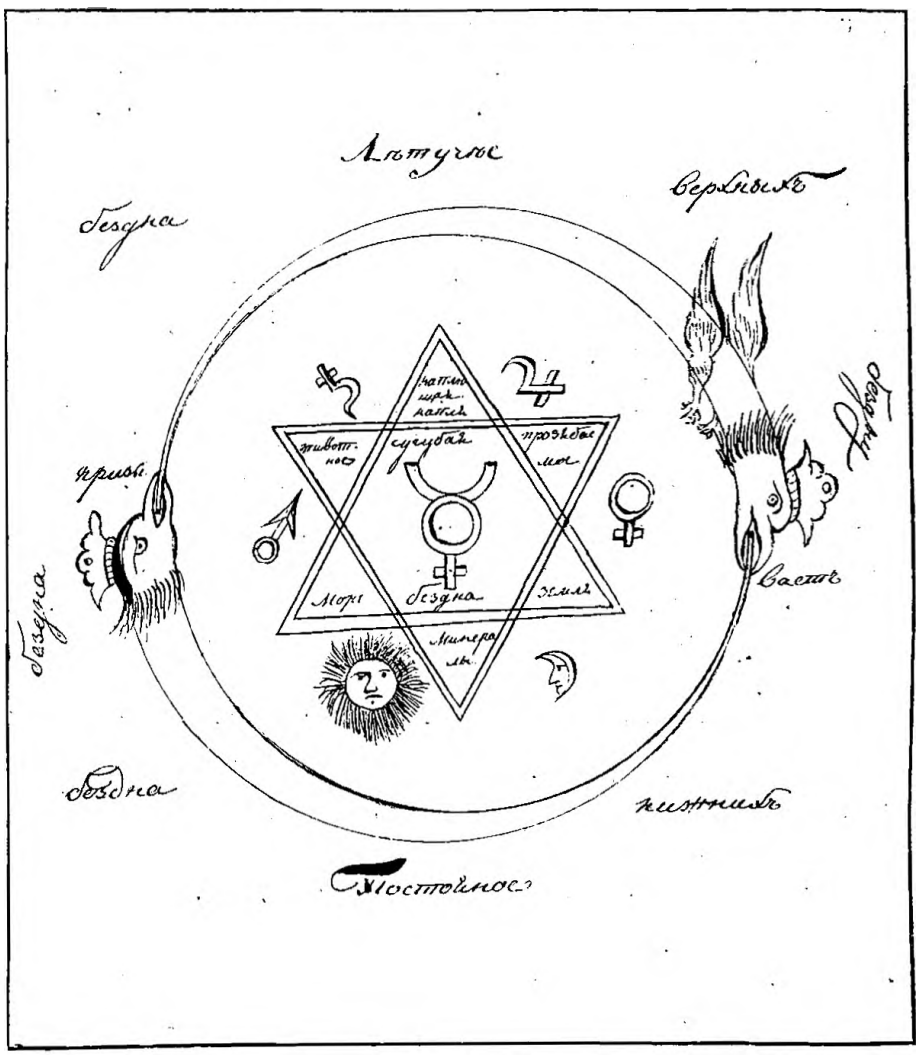
Этой стороной масонство преимущественно и сыграло свою роль въ развитіи русской культуры, и нельзя не согласиться съ П. Н. Милюковымъ, что „вліяніе масонства слѣдовало бы признать весьма значительнымъ, даже если бы оно ограничивалось чисто-теоретическимъ ученіемъ масоновъ“.

Прежде чѣмъ уяснить себѣ идеологическое ядро масонства, необходимо оговориться, что въ жизненной практикѣ, на протяженіи столѣтняго бытованія масонства на русской почвѣ, это ядро обрастало самой разнообразной шелухой, закрывавшей его сущность. Первоначально, случайно занесенное явленіе, русское масонство въ Елизаветинскую эпоху, когда видны уже вполнѣ достовѣрные его слѣды, было, повидимому, модной забавой праздной знати; по свидѣтельству Елагина, тогда въ масонскихъ ложахъ умѣли только „при торжественной вечерѣ за трапезою несогласнымъ воплемъ непонятныя ревѣть пѣсни и на счетъ ближняго хорошимъ упиваться виномъ, да начатое Минервѣ служеніе окончится празднествомъ Бахусу“. Увлеченіе „столовыми“ ложами замѣчается и на протяженіи всей дальнѣйшей исторіи русскаго масонства, и какъ на его зарѣ, такъ и на закатѣ, въ масонскихъ собраніяхъ александровской поры звукъ раскупориваемыхъ бутылокъ часто веселилъ сердца „фреровъ“—свободныхъ каменщиковъ. Ко многимъ ложамъ

„Никольское", усадьба Н. А. Львова. (Рис. Воробьева).

могли бы подойти слова Рунича: „Бездѣйствіе (тамъ) нашло убѣжище противъ скуки, и шампанское заставило забыть ничтожество цѣли этихъ собраній“.

Много увлекались также обрядовой стороной масонства, и не только въ раннемъ, но опять-таки и позднѣйшемъ александровскомъ масонствѣ играли большую роль „предметы неудобь достижимые, обряды странные, дѣйствія



Знаки изъ масонской книги „Золотая цѣпь или Гомерово кольцо“ (изъ архива С. П. Мельгунова).

почти безразсудныя... символы неразсудительные“; такимъ путемъ, лишь въ новой формѣ, возрождалось старое церковное обрядовѣріе и житейское чинопочитаніе въ этой сложной іерархіи масонскихъ степеней и чиновъ, разнообразныхъ внѣшнихъ знакахъ отличія и торжественныхъ церемоніяхъ. За внѣшнимъ блескомъ масонскаго ритуала, за клубными увеселеніями собраній, дорогими пирушками и легкими застольными бесѣдами истинная цѣль ордена

нерѣдко терялась, какъ терялась она и въ наивно воскресшей средневѣковой алхиміи и магіи, въ безплодныхъ тайнодѣйствіяхъ, высокомѣрно противополагаемыхъ „профанской“ наукѣ и мистическихъ бредняхъ нашихъ розенкрейцеровъ. Всѣ эти искаженія нравственныхъ и гуманныхъ идеаловъ масонства явились, съ одной стороны, отраженіемъ западныхъ образцовъ, а съ другой, и въ значительной степени, были слѣдствіемъ доморощенной полуобразованности, старыхъ бытовыхъ привычекъ. Къ этому надо прибавить, что наше масонство было малоразборчиво въ пріемѣ своихъ членовъ: поистинѣ, было много званыхъ, но мало избранныхъ. Въ рѣчахъ, говоренныхъ на масонскихъ собраніяхъ XVIII в., отмѣчалось уже, что „большая часть вступающихъ въ святилища (ордена) входятъ въ нихъ не съ тѣмъ, чтобы учиться премудрости и сдѣлаться чадами свѣта, но ищутъ удовлетворить каждый любимой страсти своей“, сюда шелъ и „Любовластъ, надутый гордостью и тщеславіемъ“, и Рѣшеумъ, начитавшійся пагубныхъ сочиненій, „всосавшій въ себя ихъ зловредный и пагубный ядъ“, и „сладострастный и изнѣженный Крассъ“... Однихъ привело въ орденъ „суетное и простое любопытство или желаніе увидѣть и узнать что-нибудь рѣдкое, ими никогда невиданное и неслыханное, иныхъ привело подлое своекорыстіе, скрывающее гнусные виды свои подъ разными блистающими личинами; иныхъ единое тщеславіе—быть масонами“... Тѣ же упреки мы слышимъ и относительно позднѣйшаго масонства, когда оно послѣ разгрома масонскихъ ложъ Екатериною II въ 1786 г., просуществовавъ нѣкоторое время тайнымъ образомъ, подняло голову при Александрѣ I и съ 1810 г. получило даже офиціальное признаніе.

Несмотря на всѣ указанныя выше искаженія, среди обильно разраставшихся плевелъ цвѣла и пшеница. И пусть масонская практика была значительно ниже ея идеологическаго ядра, подъ всѣми наростами это послѣднее, однако, существовало, объединяло вокругъ себя также и лучшихъ людей своего времени, которые, какъ это было съ кружкомъ Новикова и Шварца, въ масонствѣ находили возбужденіе и поддержку для постановки общественно-этическихъ задачъ. Во имя масонскихъ идеаловъ они сплачивали общественныя силы, направляя ихъ къ гуманнымъ и просвѣтительнымъ цѣлямъ и посредствомъ личнаго вліянія, литературы, а также общественно-соорганизованныхъ предпріятій работали на пользу моральнаго оздоровленія русскаго общества.

Мы и остановимся теперь на основныхъ морально-общественныхъ взглядахъ масонства, такъ какъ именно они были живой прогрессивной силой и даже послужили въ Александровскую эпоху звеномъ, которое сомкнуло на время масоновъ съ декабристами; въ нихъ же и рѣшеніе занимающаго насъ вопроса объ отношеніи масонства къ крѣпостному праву.

Франкъ-масоны—свободные каменщики; въ терминахъ и символахъ средневѣковыхъ каменщическихъ цеховъ они обозначали свои религіозно-моральные

ныя стремленія. Цѣль ихъ—возведеніе духовнаго храма, въ которомъ собралось бы все человѣчество. На вопросъ: „Чѣмъ наипаче отличается истинный франкъ-масонъ?“—нравоучительный катихизисъ Лопухина давалъ отвѣтъ: „Духомъ собратства, который одинъ есть духъ съ христіанскимъ“. Въ масонскомъ храмѣ должна была собраться „добродѣтель со всѣхъ земныхъ странъ“, должны были соединиться всѣ люди-братья, внѣ различій племенныхъ, религіозныхъ и сословныхъ, такъ какъ у всѣхъ одинъ всемогущій Отецъ, Котораго

« ... чтутъ всѣ языки,
Во всѣхъ вѣкахъ, во всѣхъ странахъ.
Кого святой мудрецъ и дикій
Въ различныхъ славятъ именахъ».

Идея царствія Божія, деистически или христіански понятая, была предѣльной мечтой масоновъ. Въ болѣе конкретныхъ чертахъ масонъ-идеалистъ такъ формулировалъ свои завѣтныя чаянія:

„Масонство видитъ во всѣхъ людяхъ братьевъ, которымъ оно открываетъ свой храмъ, чтобы освободить ихъ отъ предразсудковъ ихъ родины и религіозныхъ заблужденій ихъ предковъ, побуждая людей къ взаимной любви и помощи. Оно никого не ненавидитъ и не преслѣдуетъ, и цѣль его можетъ опредѣлиться такъ: изгладить между людьми предразсудки кастъ, условныхъ различій происхожденія, мнѣній и національностей; уничтожить фанатизмъ и суевѣріе; искоренить международныя вражды и бѣдствія войны; посредствомъ свободнаго и мирнаго прогресса достигнуть закрѣпленія вѣчнаго и всеобщаго права, на основаніи котораго каждый человѣкъ призванъ къ свободному и полному развитію всѣхъ своихъ способностей, споспѣшествовать всѣми силами общему благу. и сдѣлать такимъ образомъ изъ всего человѣческаго рода одно семейство братьевъ, связанныхъ узами любви, познаній и труда“.

Разсмотримъ подробнѣе нѣкоторыя, для насъ наиболѣе важныя стороны этого широкаго идеала. Масоны въ своихъ сочиненіяхъ, пѣсняхъ и рѣчахъ сильно выдвигали идеи равенства и свободы:

«Здѣсь вольность и равенство
Воздвигли вѣчный тронъ,
На нихъ у насъ основанъ
Полезный нашъ законъ».

Пѣлось въ масонской пѣснѣ. Къ религіозной мысли, что люди—братья, какъ дѣти общаго Отца, присоединялась характерная для XVIII в. идея естественнаго равенства. Люди равны по своей природѣ. „Всякій государь происходитъ отъ рабовъ, и всякій рабъ — отъ государей; все сіе превратность временъ смѣсила, и счастіе преобратило“. Рожденіе, одинаковыя нужды и въ особенности смерть явно утверждаютъ законъ естественнаго равенства людей. „Какое послѣднее и сильнѣйшее доказательство братства и равенства нашего?—

Смерть, которая всю разность между вышняго и нижняго пресѣкаетъ"... Эта же мысль проводится и въ интимныхъ замѣткахъ масона XIX в. кн. Баратаева, и символически ватерпасъ, орудіе масонскаго ритуала, долженъ былъ напоминать свободному каменщику, что „мы всѣ одной природы, слѣдовательно, и равны между собою", и масонскія пѣсни говорятъ о „равенствѣ природныхъ правъ". Сознавая свое природное единство со всѣми людьми, масоны звали въ свой орденъ всѣхъ жаждущихъ всечеловѣческой любви и братства: „Ежели нѣжное сердце твое,—говорится въ уставѣ свободныхъ каменщиковъ,—пожелаетъ... обнять съ онымъ электрическимъ человѣколюбія огнемъ всѣхъ людей и всѣ народы, ежели, восходя къ общему началу, возревнуешь лобызать нѣжно всѣхъ, имѣющихъ такіе же составы, такую же въ любви нужду, такое же желаніе быть полезнымъ и одну безсмертную душу, какъ и мы, то иди въ храмы воскурить на жертвенникѣ святого человѣчества". Эта любовь, „которая все соединяетъ, все приводитъ въ согласіе и всѣ состоянія уравниваетъ", обязывала „вышняго" къ гуманному обращенію съ „нижнимъ", господина — со слугой и рабомъ и вообще со всѣми обиженными судьбою; поэтому при открытіи ученической ложи пѣлась пѣсня:

А. Ѳ. Лабзинъ.

«Отъ насъ, злодѣи, удаляйтесь,
Которы ближняго тѣснятъ,
Во храмѣ нашемъ не являйтесь,
Которы правду не хранятъ.
Тѣснилъ кто бѣдныхъ завсегда—
Тому затворенъ путь сюда»...

Масонскій уставъ (изъ XVIII в. перешедшій и въ XIX) прямо-таки требуетъ, чтобы масонъ былъ „кротчайшимъ господиномъ". Въ ладъ съ этимъ требованіемъ въ одной масонской рѣчи въ ложѣ избраннаго Михаила (XIX в.) ораторъ рисовалъ такую долженствующую служить примѣромъ картину: „истинный масонъ приходитъ въ домъ свой... и... слуги, возросшіе подъ гнѣвомъ и грозою, съ меньшимъ трепетомъ приближаются къ господину своему, видя лицо его сіяющимъ новымъ блескомъ привѣтливости. Онъ научился... уважать священное званіе человѣка даже подъ тяжкимъ гнетомъ

рабства и въ самомъ рубищѣ нищеты. Гдѣ же научился онъ сему?.. Онъ научился сему въ ложѣ братій масоновъ“...

Отъ этихъ общихъ мыслей о природномъ равенствѣ людей масонство переходило иногда и къ положенію крѣпостного крестьянства. Еще масонскіе журналы Новикова „Вечерняя Заря“ (1782 г.), „Покоющійся Трудолюбецъ“ (1784—85 гг.) съ сочувствіемъ къ крестьянству рисовали его тяжелое и безправное положеніе. Въ „Письмѣ къ другу“ авторъ (женщина) изображаетъ яркими красками крестьянскую долю:

«Они, работою и зноемъ утомлены,
. . . . . .
Трудяся для себя, но болѣе для насъ,
Отдохновенія едва ль имѣютъ часъ:
Кровавый потъ они, трудяся, проливаютъ
И пищу, нужную для насъ, приготовляютъ.
Для нашей роскоши, для прихоти своей,
Мы мучимъ, не стыдясь, подобныхъ намъ людей;
Съ презрѣньемъ нѣкоимъ на ихъ труды взираемъ,
Гордяся лѣностью, ихъ силы изнуряемъ;
Не помнимъ и того, что на одинъ конецъ
Равно готовитъ всѣхъ, и насъ и ихъ, Творецъ.
Какъ роскошь я мою трудомъ ихъ измѣряю;
Почтенье къ нимъ храню, къ себѣ его теряю.
Неужто будетъ вѣкъ одна для нихъ чреда
Для пользы нашей жизнь, а намъ для ихъ вреда?
Не можетъ быть того! Творецъ сіе исправитъ,
Унизитъ гордость въ насъ, ихъ выше насъ поставитъ...
Не всѣмъ ли братьями законъ велитъ намъ быть?
Не всѣхъ ли Богъ велитъ равно съ собой любить?
Но гордость сей законъ въ сердцахъ у насъ затмила
И смертныхъ въ разныя степени раздѣлила.
О гордость! корень зла и всѣхъ грѣховъ вина,
Причина варварства и рабства ты одна!»

Это былъ едва ли не самый рѣзкій голосъ въ защиту крѣпостного раба, раздавшійся въ масонскомъ лагерѣ.

Позднѣе, въ александровскую эпоху, въ связи съ несомнѣнно расширившимися и демократизировавшимися кадрами масонства, притокомъ молодыхъ и свѣжихъ силъ, можно было бы ожидать болѣе опредѣленной постановки крестьянскаго вопроса, для котораго (казалось бы) вполнѣ достаточныя предпосылки были даны въ общихъ отмѣченныхъ нами выше гуманныхъ воззрѣніяхъ масонства. Но внутренняя работа масонскихъ ложъ еще мало изучена, а на виду, съ открытыми заявленіями своихъ взглядовъ выступали преимущественно представители стараго масонства, которое пошло теперь въ два русла: мистическая струя, во главѣ съ Лабзинымъ и его „Сіонскимъ Вѣстникомъ“, какъ бы про-

должала послѣднюю стадію въ развитіи розенкрейцерскихъ увлеченій Новикова, и другая струя — морально-педагогическая, выразителемъ которой является журналъ „Другъ Юношества“, издававшійся Максимомъ Невзоровымъ при содѣйствіи виднаго масона Екатер. времени Лопухина. Въ этомъ послѣднемъ журналѣ, болѣе близкомъ по духу къ здоровому ядру Новиковскаго масонства, мы найдемъ горячо написанную статью, въ которой авторъ обличаетъ беззаботнаго и въ своей беззаботности жестокаго помѣщика и призываетъ его къ гуманному обращенію съ крестьянами.

И. В. Лопухинъ. („Русск. Арх.“, 84 г.).

„Господинъ, обладающій великими помѣстьями! Оставь хотя на малое время роскошное мѣсто пребываніе твое въ городѣ, къ которому привязали тебя страсти; поѣзжай въ деревни, отъ которыхъ зависитъ твоя жизнь и все временное существованіе, которыя, однако, тебѣ даны Провидѣніемъ не для одного только твоего брюха, но особенно для того, чтобъ ты, получая отъ нихъ для себя нужное, и самъ имѣлъ попеченіе о ихъ благосостояніи; обойди тамъ крестьянскіе дворы и избы, обозри орудія ихъ промышленности, осмотри ихъ скотъ, нужный для ихъ работъ, и слѣдственно, особливо для твоего содержанія, обѣги ихъ дачи, поля, луга и лѣса, освидѣтельствуй ихъ семейства, престарѣлыхъ начальниковъ домовъ, малолѣтнихъ дѣтей, больныхъ, увѣчныхъ и большею частію отъ безмѣрныхъ работъ тобою на нихъ налагаемыхъ, войди подробно во все ихъ состояніе. Послѣ возвратись въ шумное твое городское убѣжище, осмотри весь домъ свой, обѣги глазами совѣсти образъ житія твоего, и разсмотри: не слезы ли человѣческія текутъ въ рѣкахъ твоей роскоши? не кровію ли разрисованы великолѣпныя стѣны твоихъ чертоговъ? не изъ бѣднѣйшихъ ли рубищъ нагихъ и голодныхъ крестьянъ сотканы гобеленовскіе твои обои? не стонъ ли и плачъ разоренныхъ слышутся въ твоихъ оркестрахъ? не сравнялся ли ты съ дикими американскими человѣкоядцами,

невзирая на то, что на столѣ твоемъ блестятъ серебро и золото, обработанное художниками просвѣщеннѣйшей Англіи и Франціи?!! Осмотря все, брось азіатскую роскошь, не выпускай изъ мысли своей дворни и крестьянъ; сдѣлайся вмѣсто восточнаго сладострастнаго гордаго и альчнаго сатрапа полезнымъ помѣщикомъ той земли, которая тебя родила, учила и кормила; будь благодѣтельнымъ, милостивымъ, христіаниномъ-господиномъ".

Какъ въ приведенной тирадѣ, такъ и въ другихъ случаяхъ, дальше призывовъ, обращенныхъ къ помѣщику, чтобы онъ входилъ въ нужды своихъ крѣпостныхъ, „зналъ человѣчество", сталъ „благодѣтельнымъ, милостивымъ, христіаниномъ-господиномъ", масонство не шло; вопроса о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости оно не поднимало, хотя и близко, почти вплотную, подходило къ этому вопросу. Безсиліе масонства въ этомъ пунктѣ вытекало изъ его односторонняго морализма; высоко ставя „внутренняго человѣка", масонство мечтало дѣло обновленія всего человѣчества совершить исключительно изнутри, начавши съ нравственнаго возрожденія отдѣльной личности. Самопознаніе и самоусовершенствованіе являлись главною цѣлью истиннаго свободнаго каменщика. Въ нравственномъ дѣланіи масонъ цѣнилъ его личную, интимную сторону, сопровождающее его самочувствіе. При такомъ моралистическомъ его центризмѣ вопросы, касающіеся общественнаго порядка, объективныхъ основъ быта, казались малозначащими, отодвигались на второй планъ или даже совсѣмъ пренебрегались. Съ этой точки зрѣнія равенство и истинная свобода—въ душѣ человѣка, и только въ ней. „Всемощная творческая рука, — писалъ Лопухинъ, — впечатлѣла душѣ каждаго человѣка свободность послѣдовать святому уставу добродѣтели, или устраняться ко злу. Сіе одно есть основаніе истинной свободы, въ предѣлахъ души токмо существовать долженствующей... Свободнѣйшій есть человѣкъ, кто и въ узахъ неволи свободенъ быть можетъ".

О. А. Поздѣевъ (изъ кол. Рум. муз.).

Въ „Сіонскомъ Вѣстникѣ" Лабзина съ первой его книжки устанавливалось такое же воззрѣніе на свободу: „Добродѣтельный благочестивый мужъ и въ цѣпяхъ свободенъ, а злый и въ чертогахъ и во славѣ рабъ... Цѣль всѣхъ обществъ обезпечить свободу всѣхъ своихъ членовъ, но сія свобода должна состоять ни въ чемъ другомъ, какъ въ добродѣтели". То же самое происхо-

дитъ и съ понятіемъ равенства; оно также опускалось въ глубь нравственнаго самосознанія, чтобъ тамъ и остаться, и не должно было имѣть ничего общаго съ внѣшнимъ „буйствомъ“, стремящимся уничтожить „степени состояній, необходимо нужныя въ обществѣ“ (Лопухинъ). Такимъ образомъ поверхъ реальныхъ нуждъ, минуя дѣйствительныя жизненныя отношенія, строился идеалъ абстрактной свободы и равенства, возможныхъ при всякомъ внѣшнемъ (общественномъ и политическомъ) укладѣ жизни. Понятно, что при этомъ теряло свою жизненность и то совершенство, къ которому стремился масонъ: его „душевное спѣянье“ ограничивалось рамками личной благотворительности, чувствительно пережитой и самоублажающей... Въ значительной своей части, такъ сказать, въ главномъ своемъ теченіи, масонство окрашивалось сентиментальными настроеніями, которыя господствовали въ русской литературѣ конца XVIII и начала XIX вѣка Эти настроенія естественно гармонировали съ отвлеченнымъ масонскимъ идеализмомъ и, въ свою очередь, помогали добродѣтельному сердцу уходить отъ грязи конкретныхъ фактовъ въ міръ абстрактныхъ, мало обязывающихъ и въ то же время услаждающихъ чувствъ... Въ томъ же самомъ „Другѣ Юношества“, изъ котораго мы привели сильную тираду противъ тяжкаго гнета крѣпостничества, мы гораздо больше найдемъ умиляющихъ душу, сентиментальныхъ картинокъ деревенской жизни, гдѣ „царствуетъ тишина и спокойствіе“, гдѣ „обитаетъ скромность и сладкая невинность“, гдѣ земледѣлецъ не промѣняетъ своей доли на пышную жизнь вельможи и куда нужно устремиться каждому „изъ насъ“ (разумѣется, дворянъ-помѣщиковъ), чтобы „здѣлаться истиннымъ человѣкомъ“ („Тихвинскіе праздники 1788 г.“). Любопытная недавно найденная рукопись показываетъ намъ, какъ уживалась въ душѣ даже такихъ масоновъ, какъ Новиковъ и его друзья, идиллическая религіозно-моральная настроенность съ обстановкой крѣпостной деревни; масоны въ селѣ Тихвинскомъ у Новикова празднуютъ масонскій праздникъ—Ивановъ день (24 іюня); въ теченіе нѣсколькихъ дней они веселятся „въ счастливой сей странѣ“, пи-

Павелъ I съ масонскими атрибутами (изъ музея Щукина).

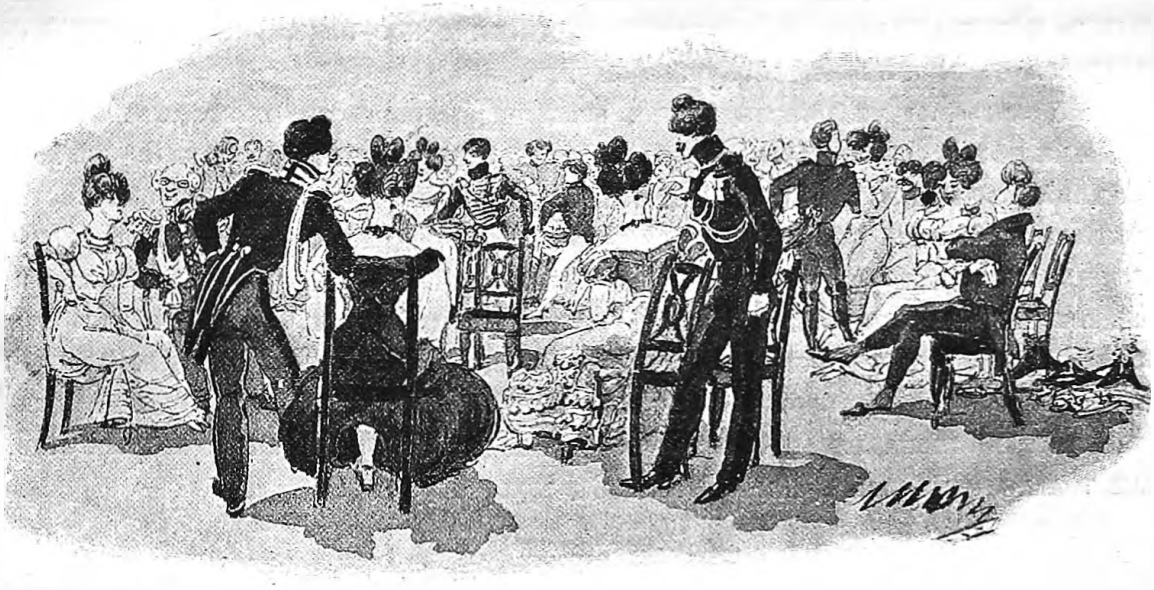
руютъ „при звукѣ сельскихъ лиръ“, раздаютъ милостыню въ широкихъ размѣрахъ, устраиваютъ фейерверки, поѣздки. Во время этихъ поѣздокъ они не только увеселяются, но и „размышляютъ“ въ подходящихъ случаяхъ. Такъ 29 іюня послѣ ужина въ 12 часу гости ѣздили въ лодкахъ смотрѣть „извѣстную горящую печь, которая складена была въ каменной горѣ на берегу рѣки“. Они любовались огнями, которые въ ночной темнотѣ представлялись разноцвѣтными фейерверками, а затѣмъ „разсматриваніе силы пламени и тяжкаго труда, съ какимъ работники обжигаютъ ее, подало друзьямъ нашимъ случай къ важнымъ размышленіямъ“. И. В. Лопухинъ тоже любилъ для отдохновенія пользоваться лѣтнимъ воздухомъ своей подмосковной, и тамъ, прогуливаясь въ прекрасномъ англійскомъ саду и въ немъ на „Юнговомъ островѣ“ у памятника Фенелона, „питалъ свое сердце самыми для души цѣлительными чувствами нѣжной любви къ человѣчеству“. Спускаясь съ Юнгова острова (гдѣ имъ были поставлены памятники героямъ, шедшимъ къ жизни „вослѣдъ крестоносцу Іисусу“) въ деревню, къ настоящему крѣпостному мужику, сентиментальный филантропъ гдѣ-то по пути терялъ свои нѣжныя чувства, и уже не голосъ масона, брата всѣмъ людямъ, а голосъ помѣщика, собственника душъ и земель, слышимъ мы изъ устъ Лопухина, Поздѣева и др., когда они говорятъ о крѣпостномъ правѣ. Съ разными оговорками Лопухинъ все же утверждаетъ, что „народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы. Для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ. Тираны изъ нихъ должны быть обузданы... И еще скажу, что по сіе время въ Россіи ослабленіе связей подчиненности помѣщикамъ опаснѣе нашествія непріятельскаго“. Поэтому Лопухинъ, этотъ фанатикъ благотворительности, человѣколюбецъ, „расточившій на дѣла благотворенія почти всѣ свои немалыя средства“, въ своей служебной дѣятельности боролся противъ всякаго „поколебанія права, которое можетъ отнестися къ общему подрыву дворянскаго состоянія и кореннымъ законамъ утвержденнаго преимущества его“. Опредѣленно выраженная классовая точка зрѣнія видна и въ его защитѣ правъ дворянъ и новыхъ помѣщиковъ въ Крыму и особенно въ дѣлѣ крестьянина-раскольника, подавшаго въ Сенатъ жалобу на то, что помѣщикъ мѣшаетъ ему „раскольничать“. Лопухинъ, который съ такимъ мужествомъ и энергіей боролся за вѣротерпимость, защищая духоборцевъ, здѣсь, когда оказались затронутыми права помѣщика, даже въ разрѣзъ съ сенатской резолюціей, послаблявшей просителю, подалъ голосъ за передачу жалобы въ уголовный департаментъ. для поступленія (съ жалобщикомъ) по строгости законовъ, „въ укрощеніе буйства“. Кн. Баратаевъ, одинъ изъ дѣятельныхъ масоновъ XIX вѣка, управлявшій ложею „Ключа къ добродѣтели“ въ Симбирскѣ, съ одной стороны, какъ онъ самъ заявлялъ на допросъ по дѣлу декабристовъ, содѣйствовалъ болѣе гуманному обращенію помѣщиковъ съ ихъ крѣпостными, и онъ же, съ дру-

гой стороны, въ качествѣ предводителя дворянства, выступалъ (1818 г.) ходатаемъ за дворянскіе интересы, и даже, можно сказать, за дворянскія злоупотребленія по отношенію къ крестьянамъ, когда губернаторъ Магницкій всталъ на защиту крестьянъ противъ помѣщиковъ. Авторитетный въ александровскую эпоху старый масонъ Поздѣевъ былъ уже рѣшительнымъ крѣпостникомъ и въ своей помѣщичьей практикѣ и въ теоріи. Своими притѣсненіями онъ самъ вызвалъ волненіе среди крестьянъ и затѣмъ требовалъ присылки хотя бы одного батальона съ надлежащимъ „экзекутнымъ духомъ“ для усмиренія явно готовящагося бунта, „весьма похожаго на пугачевскій“, какъ писалъ онъ Лопухину, стараясь его запугать и такимъ образомъ получить содѣйствіе въ присылкѣ просимаго батальона. Въ 1814 г., въ связи со слухами о либеральныхъ намѣреніяхъ правительства, онъ составилъ свои „Мысли противу дарованія простому народу такъ называемой гражданской свободы“. Обычное у масоновъ пониманіе свободы человѣка, какъ „свободы силъ его внутреннихъ“, Поздѣевъ выдвигаетъ уже какъ доводъ противъ свободы внѣшней, „сія мнимогражданская свобода вредна, пагубна, бунтующа и, особливо въ государствахъ большихъ пространствъ, никакъ неудобна и неспособна“. Она можетъ только раздробить цѣлость государства и разрушить зависимость между тремя „коренными, яко древо, въ натурѣ состояніями“: корнемъ или крестьянами, стеблемъ или купцами и вѣтвями и плодами или дворянами. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на подробностяхъ наивной аргументаціи масона-крѣпостника. Никакихъ государственныхъ перемѣнъ не нужно, не надо „конституціевъ“ и „вѣрителей народныхъ или депутатовъ“; для спокойствія всѣхъ состояній и крестьяне должны остаться въ своемъ прежнемъ положеніи; дворянину—„земля съ людьми“, а этимъ людямъ—заповѣдь св. писанія: въ потѣ лица своего спѣдай хлѣбъ свой; „крестьяне тогда благополучны, когда они имѣютъ правиломъ въ потѣ лица приготовлять ихъ хлѣбъ для себя и другихъ“. Правда, Поздѣевъ хорошо понимаетъ, что приготовлять хлѣбъ для другихъ крестьяне станутъ только по принужденію, но на то и дворянинъ—„лучшій государственный смотритель за своими крестьянами“. Позволять же, чтобы ноги поднимались выше рукъ, или паче выше головы—это уже сущій безпорядокъ. Для общественныхъ „рукъ“ и „ногъ“ остается въ силѣ моральное утѣшеніе, съ которымъ мы уже встрѣчались въ масонской этикѣ: „честность, добродѣтель, богоугодность принадлежатъ ко всѣмъ со-

И. В. Елагинъ (грав. Мейера).

стояніямъ, и всякій въ своемъ званіи можетъ быть почтенъ". Въ „Другѣ Юношества" въ полномъ соотвѣтствіи съ вышеприведенными воззрѣніями даются совѣты служителямъ, касающіеся отношенія ихъ къ господамъ: „Вы,— говоритъ авторъ,—которыхъ природа, состояніе обществъ и воля Божія поставили въ зависимость отъ другихъ! помните, что ваша должность—исполнять волю другихъ.

„Повиновеніе должно быть первою добродѣтелью вашею и дѣтей вашихъ.



Балъ въ началѣ XIX в. (изъ масонской витрины П. И. Шукина).

„Собственность имѣнія господскаго должна быть для васъ священна, и вы должны ее защищать.

„Вы должны защищать жизнь господъ своихъ, хотя бы то сопряжено было съ опасностью вашей жизни"...

Въ такомъ родѣ и другія наставленія служителямъ; господамъ же, какъ и обычно, рекомендуется гуманное обращеніе.

Въ заключеніе приведу чрезвычайно типичный для масона взглядъ по занимающему насъ вопросу гр. Віельгорскаго: „Простолюдины,—пишетъ онъ въ своихъ „Бесѣдахъ",—въ особенности дворовые люди, не имѣя никакого понятія о существѣ нашего ордена, весьма его любятъ, предполагая, по названію свободныхъ каменщиковъ, что наше братство старается ихъ сдѣлать вольными, въ чемъ они весьма ошибаются, ибо мы стараемся свергнуть съ себя оковы не мнимыя, но истинно тяжкія, а именно, оковы грѣха, смерти и ада. Сіе исходитъ одно изъ другого. Человѣкъ, освобожденный отъ ихъ оковъ, вездѣ великъ, вездѣ равнодушенъ, вездѣ одинаковъ,—однимъ словомъ

вездѣ счастливъ, даже подъ самымъ деспотическимъ правленіемъ. Но сіе благо будетъ постепенно и на нихъ разливаться".

Такимъ образомъ мы видимъ, что наиболѣе характерное и вліятельное теченіе русскаго масонства, примыкавшее въ александровскую эпоху къ традиціямъ старой московской школы (Новиковскаго кружка), легко мирилось съ крѣпостнымъ правомъ, скрашивая его филантропіей и сентиментально-идиллическими представленіями, а иногда и рѣшительно выступало на защиту крѣпостного уклада русской жизни. Въ другой своей струѣ, у Лабзина и его послѣдователей, масонство совсѣмъ отрѣшалось отъ общественныхъ задачъ и погружалось въ ухищренное мистическое созерцаніе, зачастую сливавшееся съ мрачнымъ обскурантизмомъ.

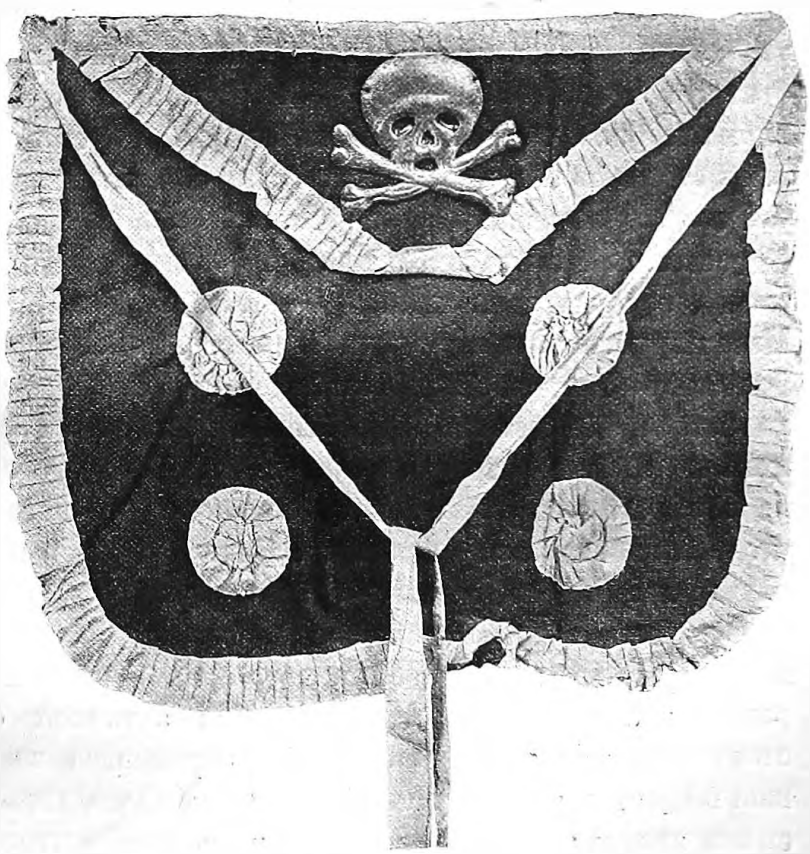
Но какъ мы указывали выше, въ александровскую эпоху въ масонство приливали и свѣжія, молодыя силы; онѣ, несомнѣнно, создавали извѣстное броженіе въ кругѣ масонскихъ идей и стремленій... Однако изъ этого пестраго притока молодежи не выбродило никакихъ опредѣленныхъ новыхъ масонскихъ началъ и формъ. Несомнѣнно, отъ этой молодежи въ масонство проникали идеи политическаго и общественнаго либерализма, въ ложахъ зазвучали горячія рѣчи о свободѣ... Многоотзывный А. С. Пушкинъ, членъ кишеневской ложи, въ своихъ стихахъ къ генералу Пущину уже отмѣтилъ въ 1821 г. туманныя, но, несомнѣнно, освободительныя задачи, которыя ставила или только собиралась поставить себѣ молодая ложа:

«И скоро, скоро смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа,
Ты молотокъ возьмешь во длань
И воззовешь: свобода!»

Н. И. Тургеневъ (декабристъ-масонъ) надѣялся побудить масоновъ къ борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ, собирался даже „учредить новую степень въ масонствѣ съ цѣлью уничтоженія рабства". И не одинъ Тургеневъ — значительная часть будущихъ „декабристовъ" прошла сквозь масонскія ложи..

Понятно, почему новые порядки, заведенные въ ложахъ, не нравились старымъ масонамъ, какъ Лабзинъ или Кушелевъ. Послѣдній даже въ рядѣ докладныхъ записокъ императору настаивалъ или на возстановленіи стараго масонства, или же на совершенномъ закрытіи масонскихъ ложъ. 1 августа 1822 г. Высочайшимъ рескриптомъ предписывалось закрыть всѣ масонскія ложи въ Россіи, и хотя масонство продолжало еще тайно существовать, общественная роль его кончилась вопреки надеждамъ масоновъ, что ихъ орденъ „переживетъ всѣ земныя государства", такъ какъ онъ основанъ на вѣчныхъ началахъ премудрости и любви.

Остается подвести итоги. Повидимому, внѣшній ударъ со стороны правительства прекратилъ жизнь масонства, но правильнѣе было бы сказать, что это была только внѣшняя развязка внутренняго разложенія. Вѣдь тайныя общества не прекратили своей дѣятельности, и если масонство такъ мирно скончалось, то это потому, что оно изжило само себя, приходя, въ концѣ-концовъ, къ мистическому тупику и общественному безсилію, такъ рельефно сказавшемуся въ коренномъ вопросѣ, выдвигавшемся русской жизнью, въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ. Характерная для людей переходнаго времени раздвоенность—либерализмъ въ мечтахъ и консерватизмъ въ жизни; моралистическая самозамкнутость, какая-то слабость сентиментальныхъ переживаній, безсильныхъ преодолѣть глубоко врожденные классовые интересы и привычки, отсутствіе подлинной религіозной напряженности,—все это привело къ тому, что, гуманисты, по своимъ общимъ взглядамъ, масоны въ частномъ вопросѣ о самомъ негуманномъ учрежденіи русской жизни, крѣпостномъ правѣ, обнаружили роковую непослѣдовательность; мы не нашли у масоновъ опредѣленнаго и рѣзкаго протеста противъ крѣпостного права, какъ общественнаго института; ни тѣмъ болѣе—реально продуманныхъ проектовъ народнаго раскрѣпощенія. Ни въ XVIII в. ни въ XIX истые масоны не дали и не могли дать ничего равнаго по значенію „Путешествію“ Радищева, и Лопухинъ былъ совершенно правъ, когда говорилъ, что Радищевъ „не сдѣлалъ бы сего, если бы онъ былъ тѣмъ, что называютъ здѣсь мартинистомъ“, т.-е. масономъ. Къ сожалѣнію, зато отчетливо и ясно прозвучали со стороны этихъ „мартинистовъ“ голоса (въ защиту крѣпостного права).



Масонскій фартукъ (кол. Рум. муз.).

Несмотря на это, мы не рѣшились бы совершенно отрицать заслуги, хотя бы косвенной, масонства въ данномъ вопросѣ. Какъ мы это уже указы-

вали раньше, масоны шли съ проповѣдью идеализма, съ цѣльной религіозно-нравственной системой, высоко ставившей достоинство человѣка. Они поднимали вопросы нравственно-общественнаго порядка, въ томъ числѣ и вопросъ о тяжеломъ положеніи крѣпостного крестьянства; уже не безсознательно, а съ вдумчивой критикой относились они къ явленіямъ русской дѣйствительности; путемъ самопознанія и самосовершенствованія работали,—какъ выражались символически,—надъ „дикимъ камнемъ“, и этотъ символъ мѣтко обозначалъ состояніе русскаго общества. Въ средѣ, рѣзко сословно разслоенной, въ которой недоставало единенія и гуманности, они провозглашали идеи братства и человѣколюбія и въ своихъ ложахъ дѣлали довольно успѣшныя попытки провести эти идеи въ жизнь. „Гнусному суевѣрію“ и поверхностному безвѣрію они противопоставили осмысленное религіозное чувство, сочетая его съ широкой вѣротерпимостью. Они вырабатывали, наконецъ, формы общественной самодѣятельности и въ этихъ формахъ, впервые въ русской жизни, осуществляли широко понятыя задачи просвѣщенія и благотворенія. Масоны, несомнѣнно, въ лучшихъ своихъ сторонахъ и въ лучшихъ своихъ представителяхъ вносили освѣжительную струю въ жизнь русскаго общества, поднимали его духовный уровень. Всѣми этими сторонами масонство и тянуло къ себѣ передовую молодежь александровской эпохи. Молодежь чуяла въ немъ его гуманную основу, приливала въ масонскія ложи и черезъ нихъ уходила въ „тайныя общества“. Какъ бы то ни было, въ масонскихъ ложахъ все-таки происходила встрѣча „отцовъ“ и „дѣтей“. Въ одно и то же время въ существѣ своемъ гуманное міровоззрѣніе, временно соединявшее ихъ, переживалось уже обоими поколѣніями различно, и въ этомъ причина разрыва: отвлеченный и пугающійся активной борьбы филантропическій сентиментализмъ масоновъ перерождался въ энергичный и дѣйственный общественно-политическій романтизмъ декабристовъ, какъ подобная же смѣна происходила въ это время и въ чисто-литературной сферѣ. Мы полагаемъ поэтому, что когда замѣчательный русскій историкъ, сопоставляя „отцовъ“ и „дѣтей“, непосредственно сближалъ и роднилъ декабристовъ съ вольтерьянцами и удивлялся при этомъ обилію чувства, даже перевѣсу его надъ мыслью у первыхъ рядомъ съ холоднымъ раціонализмомъ, сухими и безплодными мыслями, не отражавшимися даже въ нравахъ у вольнодумцевъ XVIII в., то въ этомъ сближеніи пропускалось существенное звено: между вольтерьянцемъ и свободомыслящимъ борцомъ-декабристомъ стоялъ сентиментально настроенный идеалистъ, другъ человѣчества и просвѣтитель—свободный каменщикъ. Значительная часть членовъ тайныхъ обществъ не даромъ прошла сквозь масонскія ложи, и геніально постигшій въ „Войнѣ и Мирѣ“ духъ александровской эпохи гр. Л. Н. Толстой тоже не даромъ привелъ своего Пьера въ масонскія ложи прежде, чѣмъ сдѣлать его членомъ тайнаго общества. Къ тому же сравнительно слабое въ дѣйствіи, масонство

было серьезной воспитательной силой, которая будила въ человѣкѣ нравственную дѣятельность и направляла его къ исканію идеала. Стоитъ обратить вниманіе, въ какомъ изобиліи масоны вербовали въ свои члены педагогическій персоналъ учебныхъ заведеній: такъ, въ спискѣ членовъ флотской ложи „Нептуна“ около 25% изъ нихъ были служащими въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ; значительная часть профессоровъ Московскаго университета была также масонами (Прокоповичъ-Антонскій, Лодеръ, Мудровъ, Давыдовъ, Веселовскій и др.).

Наконецъ даже односторонній моралистическій субъективизмъ масонства, несомнѣнно, сыгралъ въ свое время свою положительную роль. Здѣсь невольно вспоминаются слова Кавелина, указывавшаго на одинъ чрезвычайно важный для развитія нашей общественности вопросъ: „Такой вопросъ,—писалъ онъ,—наша нравственная личная несостоятельность и негодность, о которую сокрушаются у насъ всякія благія начинанія, откуда бы они ни шли“. Масонство и занималось выработкой этой нравственной личности, какъ живого и дѣйствительнаго начала не только личнаго, но и общественнаго домостроительства.

По своему характеру оно стремилось разрѣшить, главнымъ образомъ, субъективную часть этого труднаго и сложнаго вопроса. Своего дѣла, внутренняго обновленія русской жизни, масонство не довело до конца, мы видѣли почему. Но выпавшая изъ его рукъ нить была подхвачена болѣе молодой и активной частью русскаго общества, въ которой идеи человѣколюбія, равенства и свободы, проповѣдывавшіяся масонами, пустили болѣе глубокіе корни и уже нудили къ объективному дѣлу, къ политическому и общественному освобожденію, въ первую очередь—къ народному раскрѣпощенію. Къ рѣшенію этого послѣдняго вопроса русское общество подходило такимъ образомъ не мимо, а *черезъ* масонство, и мы можемъ сказать, что въ дѣло строительства русской культуры и свободы, въ частности освобожденія крѣпостного крестьянства, свободные каменщики, несомнѣнно, внесли, хотя бы и трудно поддающійся учету, свой вкладъ.

Н. Сидоровъ.

Декабристы и крестьянскій вопросъ.

Проф. В. И. Семевскаго.

Русскія тайныя общества второй половины царствованія императора Александра I ставили своею цѣлью завоеваніе политической свободы и уничтоженіе крѣпостного права; члены ихъ считали то и другое нераздѣлимымъ.

Въ показаніяхъ декабристовъ, въ ихъ бумагахъ и воспоминаніяхъ сохранилось множество указаній на то, что имъ было хорошо извѣстно тяжелое положеніе крѣпостныхъ. По словамъ Якушкина, по возвращеніи изъ заграничнаго похода крѣпостное состояніе представилось ему „какъ единственная преграда сближенію всѣхъ сословій и общественному образованію въ Россіи“. Пребываніе въ провинціи и наблюденія отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ утвердили его въ этомъ мнѣніи. Членъ Союза Благоденствія, прапорщикъ Тучковъ, отправленный въ Тульскую губернію для собиранія топографическихъ и статистическихъ свѣдѣній, отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ очень много фактовъ относительно тяжелаго положенія помѣщичьихъ крестьянъ: громадныхъ оброковъ, барщины въ противозаконномъ размѣрѣ, доходившей въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ до 6 дней въ недѣлю, и, сверхъ того, сборовъ съѣстныхъ припасовъ; онъ указалъ и на ухудшеніе положенія крѣпостныхъ

Привозъ крѣпостными провизіи.

(Картина *М. М. Зайцева*).

Темой для художника послужила сцена, изображенная въ извѣстныхъ воспоминаніяхъ П. А. Кропоткина (Записки революціонера, стр. 31—33).

«Было бы разорительно,—пишетъ Кропоткинъ,—содержать такую многочисленную дворню, какъ у насъ, если бы приходилось всю провизію покупать въ Москвѣ. Но во время крѣпостного права все устраивалось очень просто. Когда наступала зима, отецъ садился за столъ и писалъ:

«Бурмистру моему, села Никольскаго, Калужской губерніи, Мещовскаго уѣзда, на рѣкѣ Спренѣ, отъ князя Алексѣя Петровича Кропоткина, полковника и кавалера приказъ:

«По полученіи сего, какъ только установится санный путь, предписывается тебѣ отправить въ мой домъ, въ городъ Москву, двадцать пять крестьянскихъ парныхъ подводъ, по лошади отъ двора да по человѣку и по дровнямъ отъ другого: нагрузить столько-то четвертей овса, столько-то пшеницы, столько-то ржи, а также куръ, гусей и утокъ, которые должны быть убиты въ эту зиму, хорошо заморожены, хорошо упакованы и препровождены при описи съ вѣрными людьми»... Въ томъ же духѣ шли двѣ страницы до точки. Далѣе шло перечисленіе наказаній, которыя постигнутъ виновниковъ, если провизія не прибудетъ во-время и въ хорошемъ состояніи... Незадолго до Рождества двадцать пять крестьянскихъ саней дѣйствительно въѣзжали въ ворота и заполняли весь громадный дворъ.

Какъ только докладывалось отцу объ этомъ важномъ событіи, онъ начиналъ звать громко: «Фролъ! Кирюшка! Егорка! Гдѣ вы тамъ? Все раскрадутъ! Фролъ! Ступай принимать овесъ. Ульяна! Ступай принимать птицу. Кирюшка, зови княгиню!»

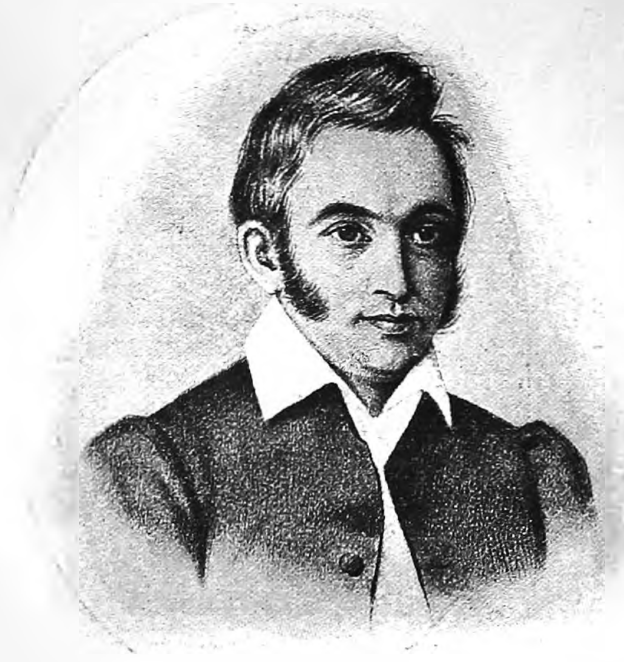
«Во всемъ домѣ начиналось смятеніе. Слуги метались, какъ угорѣлые, во всѣ стороны».

Ред.

по свидѣтельству многихъ мѣстныхъ жителей, сравнительно съ прежнимъ временемъ. Н. И. Тургеневъ, съ юныхъ лѣтъ проникнутый ненавистью къ крѣпостному праву, въ 1818 году, во время поѣздки въ свою родовую симбирскую вотчину, лично познакомился съ тяжелымъ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ. Жестокое обращеніе одного помѣщика Московской губерніи съ его крѣпостными возбудило въ Басаргинѣ, членѣ Союза Благоденствія и Южнаго общества, желаніе сдѣлать ихъ свободными. Частыя возмущенія крѣпостныхъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и увеличеніе числа этихъ волненій привели кн. Трубецкого къ убѣжденію, что въ Россіи со временемъ неминуемо долженъ произойти „переворотъ“, и вслѣдствіе этого въ немъ укоренился „свободный образъ мыслей“. Бар. Штейнгель узналъ, что на Макарьевской ярмаркѣ покупаютъ людей (на имя тамошнихъ дворянъ), продаютъ ихъ въ рабство „трухменцамъ“ (туркменамъ) и въ еще болѣе отдаленныя страны и при этомъ разлучаютъ дѣтей съ родителями. Гангебловъ, членъ Сѣвернаго тайнаго общества, показалъ во время слѣдствія, что первою причиною, побудившею его вступить въ общество, были неограниченная власть помѣщиковъ и бѣдственное положеніе крестьянъ, которое онъ наблюдалъ въ 1821 г., во время пребыванія гвардіи въ губерніяхъ сѣверо-западнаго края. Поэтъ В. Кюхельбекеръ заявилъ, что желаніе измѣненія существующаго порядка было возбуждено въ немъ преимущественно ужаснымъ угнетеніемъ большей части помѣщичьихъ крестьянъ, особенно у помѣщиковъ мелкопомѣстныхъ и средней зажиточности. Другому, болѣе талантливому, поэту Рылѣеву, члену Сѣвернаго общества, также были хорошо извѣстны эксплуатація народа помѣщиками и торговля людьми, „какъ скотами“, и онъ надѣялся, что народъ добудетъ себѣ свободу. Членъ Южнаго общества, Крюковъ, на съемкѣ въ Подольской губ. увидѣлъ, до чего простирается угнетеніе крестьянъ помѣщиками. В. Ѳ. Раевскій и въ стихахъ, и въ прозѣ, въ свое время невозможныхъ по цензурнымъ причинамъ для печати, возмущался законами, дозволяющими торговать, мѣнять, проигрывать, дарить и тиранить себѣ подобныхъ, недоумѣвалъ, „по какому праву тѣло, имущество и даже душа одного можетъ принадлежать другому“, и хорошо понималъ,

П. Д. Якушкинъ.

что русское дворянство, „погрязшее въ роскоши, въ развратѣ, въ бездѣйствіи и самовластіи“, не требуетъ преобразованія Россіи потому, что „съ ужасомъ смотритъ на необходимость потерять тираническое владычество“. Юный Тучковъ также признавалъ, что крѣпостное право является однимъ изъ устоевъ самодержавія, что рабовладѣльцы „не ищутъ собственной свободы, а довольствуются тѣмъ, что могутъ угнетать другихъ“. В. Ѳ. Раевскій показалъ на допросѣ, что видѣлъ въ Подольской губерніи, какъ крестьяне работаютъ на помѣщика „кругомъ цѣлую недѣлю“, и что въ одномъ имѣніи они исполняли барщину даже въ оковахъ; Раевскій зналъ и о существованіи гаремовъ изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, и о томъ, что фельдмаршалъ Каменскій, жестокій помѣщикъ, былъ убитъ своимъ крѣпостнымъ. Насилія и угнетеніе, которымъ дворяне подвергали своихъ крестьянъ, вызвали въ Борисовѣ 2-мъ (основателѣ Общества соединенныхъ славянъ) желаніе измѣнить ихъ положеніе и укрѣпили въ его умѣ „либеральныя мысли“.



Н. М. Муравьевъ.

Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ дѣйствительно еще болѣе ухудшилось при императорѣ Александрѣ I. Въ царствованіе Екатерины II обезземеленіе помѣщичьихъ крестьянъ и обращеніе въ батраковъ, такъ называемыхъ „мѣсячниковъ“, было рѣдкимъ явленіемъ; между тѣмъ декабристъ Трубецкой утверждаетъ, что „несчастные“ крестьяне многихъ помѣщичьихъ имѣній „въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и Польской Украйнѣ живутъ почти круглый годъ мѣсячною дачею, не имѣя ничего собственнаго“. Мѣстами помѣщики въ Великороссіи стали дѣлать попытки уничтоженія общиннаго землевладѣнія и введенія подворнаго, что совершенно не соотвѣтствовало интересамъ крестьянъ и подрывало ихъ благосостояніе. Размѣръ оброковъ былъ сильно увеличенъ, не пропорціонально возвышенію цѣнъ на хлѣбъ. Законъ императора Павла о трехдневной барщинѣ весьма многими помѣщиками не соблюдался, мѣстами барщина доходила до 5—6 дней въ недѣлю; кромѣ того, вслѣдствіе увеличенія числа помѣщичьихъ фабрикъ (особенно суконныхъ и полотняныхъ) и появленія свеклосахарныхъ заводовъ распространился самый тяжелый видъ под-

П. Г. Каховскій.

К. Ѳ. Рылѣевъ. (Пушк. выст.).

П. И. Пестель (Пушк. выст.).

С. И. Муравьевъ-Апостолъ.

невольнаго труда—работы на фабрикахъ, къ которой были привлечены даже маленькія дѣти, такъ что Н. Тургеневъ считалъ полезнымъ постановить закономъ, чтобы не принуждали къ такому труду хотя бы 10—12-лѣтнихъ дѣтей. Очень усилился также разорительный для крестьянъ обычай отдавать ихъ внаемъ подрядчикамъ для дорожныхъ и строительныхъ работъ, а также на фабрики и заводы другихъ владѣльцевъ. По словамъ Тургенева, о томъ, что въ деревнѣ есть фабрика, говорили съ такимъ ужасомъ, какъ если бы тамъ появилась чума. Въ нѣкоторыхъ такихъ имѣніяхъ крестьяне умирали въ большомъ количествѣ, вслѣдствіе отсутствія медицинской помощи, или массами обращались въ бѣгство. Жестокіе способы истязанія крѣпостныхъ—цѣпи, оковы, колодки, деревянные чурбаны, къ которымъ приковывали провинившихся (такъ называемый „цѣпной стулъ“), шейныя рогатки, особыя тюремныя помѣщенія встрѣчаются въ помѣщичьихъ имѣніяхъ чаще, чѣмъ прежде. Несмотря на запрещеніе въ 1808 г. продажи людей на ярмаркахъ, этотъ торгъ продолжался; найдены были способы продавать людей порознь лицамъ, не имѣющимъ права ихъ покупать, напримѣръ, разъѣзжающимъ по Россіи купцамъ—армянамъ и бухарцамъ, а также и вести запрещенную торговлю рекрутами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно часто въ Бѣлоруссіи, помѣщики не исполняли своей обязанности продовольствовать крестьянъ во время неурожая. Движимое имущество крѣпостныхъ, иногда десятки тысячъ рублей, принадлежащихъ крестьянину, разбогатѣвшему торговлею и промыслами, присваивались даже столь богатыми помѣщиками, какъ гр. Шереметевъ [1]).

Кн. С. П. Трубецкой.

[1]) О крѣпостномъ правѣ и крестьянскомъ вопросѣ при Александрѣ I см. подробнѣе въ моей статьѣ въ сборникѣ «Крестьянскій строй», 1905 г., и въ моей книгѣ: «Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вв.», т. I.

Ненависть къ крѣпостному праву возбуждалась въ декабристахъ не только ихъ личными наблюденіями современной дѣйствительности, но и тѣми научными и литературными произведеніями, которыя были особенно популярны въ ихъ средѣ. Такъ, напримѣръ, протестъ противъ рабства и указанія на вредъ, имъ приносимый, они находили въ сочиненіяхъ Бентама, переведенныхъ на русскій языкъ. Знаменитый англійскій юристъ указываетъ на невозможность дѣйствительнаго ограниченія власти господина надъ его рабами, хотя онъ и убѣжденъ, что все же нельзя совершенно отказать послѣднимъ въ покровительствѣ закона. Онъ полагаетъ, что уничтоженіе рабства невыгодно для господъ, но такъ какъ свободный трудъ производительнѣе, чѣмъ принудительный, то освобожденные рабы произведутъ гораздо большее количество продуктовъ и „народное могущество“ возрастетъ. Боязнь наказанія не можетъ заставить раба использовать всѣ свои силы; они понимаютъ, что если сдѣлаются богаче, то вызовутъ только увеличеніе требовательности господина и его надсмотрщиковъ. Однако положительныя требованія Бентама весьма недостаточны и неудовлетворительны. Онъ желаетъ предоставленія рабамъ возможности выкупаться на свободу, но лишь по добровольному соглашенію съ господиномъ, такъ какъ опасается, что опредѣленіе размѣра выкупа закономъ можетъ повредить интересамъ рабовъ. Онъ предлагаетъ также ограничить право завѣщанія помѣщиковъ и даровать крѣпостнымъ свободу, если нѣтъ прямыхъ наслѣдниковъ. И при переходѣ имѣнія къ близкимъ родственникамъ можно было бы освобождать по жребію семействами десятую часть крѣпостныхъ, а при переходѣ къ племянникамъ—и большую долю людей несвободныхъ. Допуская и другія средства для уничтоженія рабства, Бентамъ не идетъ далѣе безземельнаго освобожденія крѣпостныхъ, и, забывая свои слова о невыгодности прекращенія рабства для рабовладѣльцевъ, успокоиваетъ ихъ опасенія тѣмъ, что „человѣкъ, имѣющій во владѣніи своемъ землю, всегда

Н. В. Басаргинъ.

имѣетъ естественную власть надъ людьми, живущими единственно работою рукъ своихъ". Онъ указываетъ на то, что въ Польшѣ нѣкоторые помѣщики освобождали своихъ крестьянъ цѣлыми селеніями и затѣмъ получали большіе доходы съ своихъ имѣній, чѣмъ прежде. Эти идеи Бентама должны были сильно содѣйствовать распространенію въ русскомъ обществѣ мысли о полезности безземельнаго освобожденія крестьянъ. Въ столь же популярномъ среди декабристовъ, какъ и сочиненія Бентама, знаменитомъ произведеніи Адама Смита о „Свойствѣ и причинахъ богатства народовъ" (также переведенномъ на русскій языкъ) они находили доказательства того, что, какъ показываетъ „опытъ всѣхъ вѣковъ и народовъ", „работа свободныхъ людей становится всегда на повѣрку дешевле работы невольниковъ". Въ библіотекахъ нѣкоторыхъ декабристовъ встрѣчалась и переведенная съ польскаго языка книга гр. Стройновскаго, придерживавшагося болѣе ученія физіократовъ, чѣмъ Ад. Смита, — „Объ условіяхъ помѣщика съ крестьянами". Авторъ рекомендовалъ помѣщикамъ освобожденіе крестьянъ съ сохраненіемъ права собственности дворянъ на землю и заключеніе арендныхъ договоровъ по добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ, при чемъ онъ считалъ наиболѣе удобною отдачу крестьянамъ земли въ вѣчное владѣніе на условіяхъ барщиннаго труда, съ правомъ крестьянина продать отведенный ему участокъ, при сохраненіи тѣхъ же условій относительно собственника земли. Личное освобожденіе должно состоять въ правѣ переселенія съ одного мѣста на другое, но тамъ, гдѣ существуетъ подушная подать и рекрутскіе наборы, это право, по мнѣнію Стройновскаго, можетъ дать только правительство. Нѣкоторымъ декабристамъ были извѣстны и сочиненія Якоба, бывшаго одно время профессоромъ въ Харьковѣ. Въ его отвѣтѣ (1814 г.) на задачу Вольно-экономическаго общества о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда онъ рекомендовалъ въ небольшихъ имѣніяхъ обезземеленіе крестьянъ съ превращеніемъ ихъ въ свободныхъ работниковъ, въ другихъ же помѣстьяхъ совѣтовалъ раздавать земли на условіяхъ наслѣдственной аренды, предоставляя поденщикамъ и дѣтямъ крестьянъ наниматься, у кого они пожелаютъ. Читали декабристы и обширный трудъ на французскомъ языкѣ по политической экономіи русскаго академика Шторха (1815 г.), ко-

Бар. В. И. Штейнгель.

торый доказывалъ вредъ крѣпостного права во многихъ отношеніяхъ, допускалъ безземельное освобожденіе крестьянъ, но считалъ полезнымъ и освобожденіе ихъ со всею землею или частью ея на различныхъ условіяхъ съ помѣщиками, какъ это дозволялось закономъ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Осужденіе крѣпостного права члены тайныхъ обществъ находили также въ распространенныхъ среди нихъ сочиненіяхъ профессоровъ Куницына („Естественное право“) и Арсеньева („Начертаніе статистики Россійскаго государства“). Ненависть къ рабству возбуждали и распространенныя въ рукописяхъ произведенія Пушкина („Деревня“), Грибоѣдова („Горе отъ ума“), а также нѣкоторыя стихотворенія кн. Вяземскаго („Негодованіе“, „Петербургъ“, „Сибирякову“). Извѣстно было, наконецъ, нѣкоторымъ декабристамъ произведеніе Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ (1790 г.), уничтоженное правительствомъ при Екатеринѣ II, но уцѣлѣвшее въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ. Здѣсь они могли найти и описаніе страданій крѣпостного населенія Россіи, и указаніе на вредъ для государства крѣпостного права, и программу постепеннаго его ограниченія, и требованіе, чтобы при своемъ освобожденіи крестьянинъ получилъ въ собственность землю, и выраженіе увѣренности, что онъ самъ добьется свободы.

Н. И. Пущинъ.

При выработкѣ предположеній относительно освобожденія крестьянъ декабристы могли интересоваться мнѣніями по этому вопросу двухъ наиболѣе просвѣщенныхъ государственныхъ дѣятелей—Н. С. Мордвинова и М. М. Сперанскаго, которыхъ Сѣверное общество предполагало сдѣлать членами временнаго верховнаго правленія. Н. И. Тургеневу были хорошо извѣстны мнѣнія Мордвинова, и, кромѣ того, есть указаніе, что съ нимъ прямо совѣтовались на этотъ счетъ члены Сѣвернаго общества. Но Мордвиновъ умѣлъ соединять политическій либерализмъ съ упорною борьбою противъ стремленій ограничить крѣпостное право. Единственное ограниченіе его, которое онъ допускалъ въ своихъ офиціальныхъ запискахъ, было опредѣленіе закономъ величины личнаго выкупа на свободу, и то въ очень большомъ размѣрѣ. Нѣкоторые члены Сѣвернаго общества были знакомы и со Сперанскимъ; кромѣ того, Н. И. Тургеневу были извѣстны записка Сперанскаго о политическихъ преобразованіяхъ 1802 г. и его знаменитый проектъ 1809 г. Въ запискѣ 1802 г. Сперан-

скій предлагалъ раздѣлить уничтоженіе крѣпостного права на двѣ эпохи. въ первой опредѣленіемъ повинностей крестьянъ въ пользу помѣщика и учрежденіемъ „нѣкоторой расправы“ для разбора дѣлъ между ними и господиномъ, крестьяне должны были „изъ личной крѣпости помѣщика“ перейти „въ крѣпость землѣ“ и стать „только приписными“ (очевидно, Сперанскій предполагалъ при этомъ и воспрещеніе продажи людей безъ земли, о чемъ тогда шла рѣчь въ Государственномъ Совѣтѣ [1]); во вторую же эпоху, „которая не можетъ быть близка“ и должна быть подготовлена частными распоряженіями, „возвратится крестьянамъ древнее ихъ право свободнаго перехода отъ одного помѣщика къ другому, и тѣмъ самымъ совершится уже и конечное ихъ искупленіе“. Слѣдовательно, Сперанскій не предлагалъ здѣсь предоставленія крестьянамъ земли въ собственность, какъ это считалъ необходимымъ Радищевъ. Въ проектѣ 1809 г онъ также высказывается за постепенное уничтоженіе „гражданскаго рабства“ и за принятіе для этого „дѣйствительныхъ мѣръ“, которыя онъ и указываетъ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшительно порицаетъ въ этомъ проектѣ освобожденіе крестьянъ безъ земли.

Въ своихъ предположеніяхъ по крестьянскому вопросу, кромѣ указаній въ научныхъ и литературныхъ произведеніяхъ и мнѣній нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ государственныхъ дѣятелей, декабристы могли принимать во вниманіе и то, какъ освобожденіе крестьянъ совершалось на окраинахъ Россіи и въ Западной Европѣ. Имъ, конечно, было извѣстно, что въ герцогствѣ Варшавскомъ „рабство“, т.-е. крѣпостное право, было упразднено конституціею 1807 г., дарованною полякамъ Наполеономъ. Крѣпостное право въ Лифляндіи было сильно ограничено Положеніемъ 1804 г.; подверглось оно нѣкоторому ограниченію и въ Эстляндіи, но затѣмъ въ 1816—19 гг. были изданы законы объ освобожденіи крестьянъ безъ земли въ Остзейскомъ краѣ, и, благодаря установленію переходнаго періода, въ царствованіе Александра I еще не вполнѣ выяснился весь тотъ вредъ, который принесло здѣсь народу безземельное освобожденіе. „Благомыслящіе люди или, какъ называли ихъ, либералы того времени, — говоритъ въ своихъ запискахъ Якушкинъ, — болѣе всего желали уничтоженія крѣпостного состоянія и, при европейскомъ своемъ воззрѣніи на этотъ предметъ, были увѣрены, что человѣкъ, никому лично не принадлежащій, уже свободенъ, хотя и не имѣетъ никакой собственности. Ужасное положеніе пролетаріевъ въ Европѣ тогда еще не развилось въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ теперь (въ половинѣ XIX в.), и потому возникшіе вопросы по этому предмету уже впослѣдствіи — тогда не тревожили

[1]) Онъ предлагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ подушную подать переложить на землю и въ купчихъ крѣпостяхъ на имѣнія обозначать не число душъ, а количество земли. Но нужно было бы, кромѣ того, запретить и обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ.

[2]) Лишеніе помѣщиковъ права наказывать крѣпостныхъ безъ суда и отдавать въ солдаты по закону, а не по волѣ господина, и вообще управленіе населенными имѣніями не иначе, какъ по закону.

даже самыхъ образованныхъ и благонамѣренныхъ людей. Крѣпостное же состояніе у насъ обозначалось на каждомъ шагу отвратительными своими послѣдствіями“.

Хотя декабристы были дворянами, но вслѣдствіе молодости огромное большинство ихъ не имѣло еще возможности распоряжаться своими имѣніями. Даже Н. И. Тургеневъ былъ нѣсколько стѣсненъ крѣпостническими мнѣніями своей матери и только перевелъ крестьянъ родового симбирскаго имѣнія Тургеневыхъ съ барщины на оброкъ и упразднилъ въ немъ фабрику. Кромѣ того, онъ отпустилъ на волю своихъ слугъ. Декабристъ кн. Ѳ. П. Шаховской, помѣщикъ Нижегородской губ., для однихъ своихъ крестьянъ понизилъ оброкъ, для другихъ не только затратилъ большія деньги на улучшеніе ихъ хозяйства, но даже отдалъ имъ всю пахоту и нанималъ для своей собственной запашки земли на сторонѣ. Но это было столь необычно, что вызвало доносъ, доведенный до свѣдѣнія государя, о вольнодумныхъ сужденіяхъ Шаховского. Членъ Союза Благоденствія генералъ Пассекъ, помѣщикъ Смоленской губ., устроилъ въ своемъ имѣніи прекрасное училище по системѣ взаимнаго обученія и передалъ въ распоряженіе крестьянъ отдачу рекрутъ и всѣ мірскіе сборы; они имѣли свой судъ и расправу. На улучшеніе положенія своихъ крестьянъ онъ истратилъ десятки тысячъ рублей.

В. К. Кюхельбекеръ.

Якушкинъ, также смоленскій помѣщикъ, желалъ пойти далѣе и даровать своимъ крестьянамъ полную свободу. 29 іюня 1819 г. онъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву съ письмомъ, въ которомъ заявлялъ, что желаетъ отпустить на волю 120 душъ крестьянъ, доставшихся ему по наслѣдству въ Вяземскомъ у., „предоставляя имъ ихъ имущества, строеніе и землю, находящуюся подъ усадьбами, огородами и выгонами [1]), не требуя съ нихъ никакой за это платы“. Якушкинъ спрашивалъ, могутъ ли его крестьяне получить свободу на этомъ „положеніи“, быть причисленными къ свободнымъ хлѣбопашцамъ, и можетъ ли онъ затѣмъ заключать съ ними добровольныя условія относительно обрабатыванія своихъ полей. Въ письмѣ къ уѣздному предводителю дворянства Якушкинъ пояснилъ, что крестьяне могутъ заключать и съ другими помѣщиками добровольныя условія относительно найма земель, что долгъ казнѣ, сдѣланный для продовольствія крестьянъ, онъ принимаетъ на себя и обезпечиваетъ его уплату 400 дес. земли, имѣющейся въ его

[1]) Всего въ 3 деревняхъ 27 десятинъ.

сельцѣ Жуковѣ. Въ декабрѣ того же года новый министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубей просилъ смоленскаго губернскаго предводителя дворянства внушить Якушкину: 1) что, согласно закону о свободныхъ хлѣбопашцахъ 1803 г., для увольненія крестьянъ необходимо заключить съ ними условіе, изъ котораго было бы видно ихъ согласіе на освобожденіе; 2) что Якушкинъ отводитъ имъ въ собственность недостаточное количество земли, которое „вмѣсто того, чтобы обезпечить ихъ благосостояніе, можетъ дѣйствительно обратиться имъ въ тягость и разореніе“; 3) что указомъ 14 декабря 1807 г. увольненіе крестьянъ (въ свободные хлѣбопашцы) вовсе безъ земли воспрещено, и что если помѣщикъ не можетъ дать имъ соразмѣрнаго ихъ званію количества земли, то, по крайней мѣрѣ, необходимо, чтобы въ самомъ актѣ, заключенномъ между помѣщикомъ и крестьянами, было удостовѣрено, какими способами крестьяне могутъ немедленно пріобрѣсти количество земли, достаточное какъ для своего пропитанія, такъ и для исправнаго платежа податей и другихъ казенныхъ повинностей [1]). Попытка Якушкина заключить условіе съ крестьянами была неудачна; узнавъ, что помѣщикъ всѣ земли, кромѣ усадебныхъ и выгона, оставляетъ въ своей собственности, они сказали: „Ну, такъ, батюшка, оставайся все по-старому: мы ваши, а земля наша“. Въ мартѣ 1820 г. Якушкинъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и добился свиданія съ Кочубеемъ, но тотъ рѣшительно отказался отступить отъ правилъ закона 1803 года, считая это вреднымъ для крестьянъ. Впрочемъ, вскорѣ послѣ того Якушкинъ самъ призналъ свой взглядъ неправильнымъ. Онъ усердно занялся хозяйствомъ и часть полей сталъ обрабатывать наемными людьми. Онъ надѣялся, что при улучшеніи положенія его крестьянъ они скоро будутъ въ состояніи платить ему оброкъ, „часть котораго ежегодно учитывалась бы на покупку“ (т.-е. на выкупъ) „той земли, какою они пользовались, и что со временемъ они, совершенно освободясь, будутъ имѣть въ собственности нужную имъ землю“. Очень важно, что Якушкинъ понималъ большую пользу общиннаго по тогдашней терминологіи общественнаго) владѣнія землей [2]).

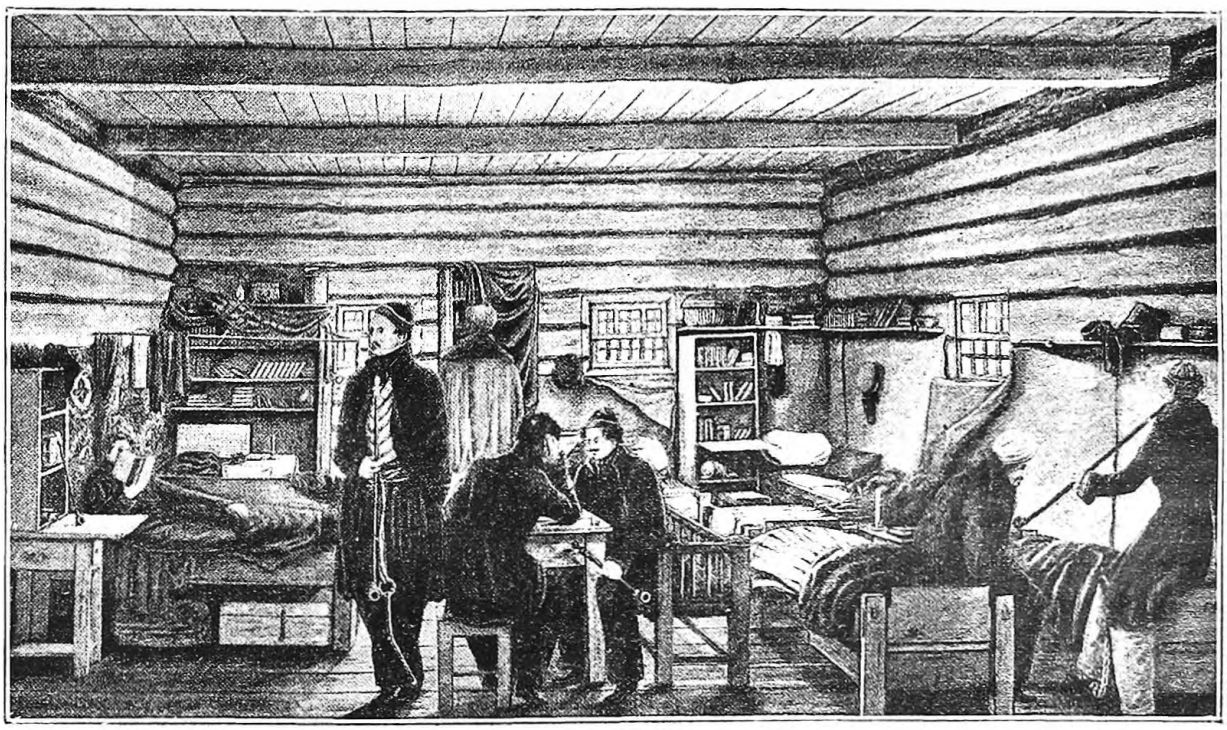
Но если декабристы ничего не успѣли сдѣлать для освобожденія своихъ собственныхъ крестьянъ, то они много поработали для пропаганды идеи о

---

[1]) Архивъ Мин. Внутр. Дѣлъ, дѣла о свободныхъ хлѣбопашцахъ, 1819 года, № 203. Якушкинъ, вѣроятно, пробовалъ пропагандировать свои взгляды, такъ какъ составилъ записку объ избранномъ имъ способѣ освобожденія въ вопросахъ и отвѣтахъ, съ приложеніемъ образца прошенія правительству. «Русск. Архивъ», 1865 г., стр. 137, 379, изд. 2-е, стр. 553—558.

[2]) Въ 1819 г. декабристъ Лунинъ составилъ духовное завѣщаніе, по которому его наслѣдникъ долженъ былъ въ теченіе пяти лѣтъ освободить его крестьянъ безъ земли; однако послѣ ссылки Лунина завѣщаніе это не было утверждено, какъ противорѣчащее законамъ. Въ письмѣ Н. Тургенева къ брату 1819 г. есть указаніе, что кн. С. П. Трубецкой, у котораго было 200 душъ въ Нижегородской губ., «хотѣлъ сдѣлать опытъ со своими крестьянами» (уничтоженія рабства), однако до сихъ поръ ему не удалось исполнить это намѣреніе.

необходимости уничтоженія крѣпостного права. Еще учредители Союза Спасенія, основаннаго въ 1816 г., задавались цѣлью склонить дворянство къ подачѣ государю просьбы объ освобожденіи крестьянъ, но очень скоро убѣдились, что добиться этого невозможно, и признали необходимымъ стремиться одновременно какъ къ введенію конституціоннаго строя, такъ и къ уничтоженію крѣпостного права. Быть-можетъ, эта неудача повела къ тому, что въ уставѣ Союза Благоденствія были опущены тѣ параграфы устава прусскаго Союза Добродѣтели, послужившаго для него образцомъ, гдѣ члены обязывались освободить отъ „подданническихъ отношеній“ своихъ крестьянъ и посредствомъ полюбовнаго соглашенія относительно работъ обратить ихъ услов-



Камера декабристовъ въ Читинскомъ острогѣ (рис. декабриста Рѣпина. 1829 г.).

ное владѣніе землею въ свободную собственность, по возможности совершенно достаточную для пропитанія трудолюбиваго семейства. Но членамъ Союза Благоденствія ставилось въ обязанность „истреблять“ продажу крѣпостныхъ въ рекруты и вообще отклонять отъ продажи ихъ поодиночкѣ, объясняя, что они не товаръ. Впрочемъ, изъ показаній многихъ членовъ общества видно, что оно прямо задавалось цѣлью уничтоженія крѣпостного права.

Членъ Союза Благоденствія, Александръ Ник. Муравьевъ, весною 1818 г. составилъ записку, въ которой выражалъ горячій протестъ противъ крѣпостного права, но не указывалъ практическихъ мѣръ для его уничтоженія. Она сдѣлалась извѣстною государю, но вызвала только грубое замѣ-

чаніе „Дуракъ! не въ свое дѣло вмѣшался!“ Напротивъ, весьма благосклонно отнесся государь къ запискѣ Н. И. Тургенева, написанной (въ концѣ 1819 г.) по желанію петербургскаго военнаго губернатора гр. Милорадовича и въ которой авторъ дѣлалъ многія полезныя предложенія для ограниченія крѣпостного права, но никакихъ практическихъ послѣдствій она не имѣла [1]). Въ 1820 г. Н. Тургеневъ принялъ участіе въ попыткѣ устроить общество съ цѣлью „изысканія способовъ къ улучшенію состоянія крестьянъ и къ постепенному освобожденію отъ рабства какъ ихъ, такъ и дворовыхъ людей, принадлежащихъ помѣщикамъ“, вступающимъ въ это общество. По вопросу объ опредѣленіи правъ и обязанностей крестьянъ Тургеневъ въ наброскѣ, составленномъ по этому поводу, предлагалъ предоставить помѣщикамъ и крестьянамъ право заключать „добровольное условіе на долгое время, даже Erbpacht“ (наслѣдственная аренда) съ тѣмъ, чтобы крестьянинъ могъ отказаться отъ контракта, а помѣщику этого не дозволялось. Тургеневъ указывалъ на необходимость рѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли „предоставить помѣщику полное право требовать, сколько онъ захочетъ отъ крестьянина“ въ вознагражденіе за отведенную ему землю, и полагалъ, что можно назначить maximum повинностей днями работы. Должно установить также „право перехода“ крестьянъ. „Домы и огороды должны быть собственностію крестьянъ“, по предложенію Якушкина (т.-е. безвозмездно). Отказавшись отъ „пажитей“ (пахотной и луговой земли), крестьянинъ можетъ жить въ своемъ домѣ, не имѣя никакого дѣла съ помѣщикомъ. Но въ случаѣ причиненнаго крестьяниномъ безпокойства, онъ „судомъ можетъ быть заставленъ продать свой домъ и удалиться“. Дворовыхъ можно отпустить на волю немедленно, испросивъ у правительства „нѣкоторыхъ установленій, по коимъ бы вольноотпущенные составляли особый классъ такъ, чтобы свобода не обращалась въ притѣсненіе“. Но Александръ I призналъ учрежденіе общества ненужнымъ и выразилъ желаніе, чтобы каждый изъ подписавшихъ заявленіе о немъ поработалъ отдѣльно и представилъ свой проектъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ [2]).

Послѣ подобныхъ неудачъ оставалось возложить надежду на то, что тайное общество, добившись политической свободы, уничтожитъ и крѣпостное право. Въ 1821 г. членъ Сѣвернаго общества Н. М. Муравьевъ принялся за составленіе проекта конституціи. Въ ней было сказано, что „крѣпостное состояніе и рабство отмѣняются“, но освобожденіе совершается безъ земли: „земли помѣщиковъ остаются за ними“; мало того: если крестьяне захотятъ оставить свое селеніе и переселиться въ другое мѣсто, то они должны возна-

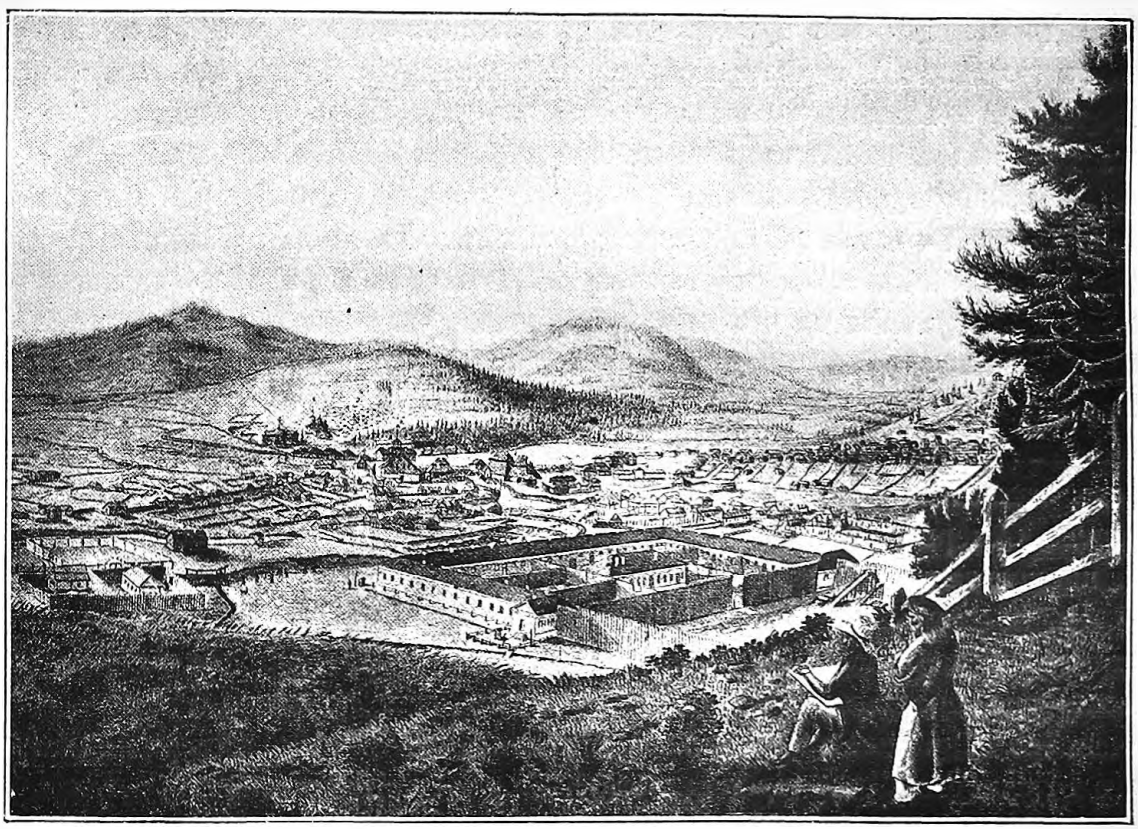
---

[1]) Точно такъ же не имѣло никакихъ послѣдствій и письмо (1823 г.) бар. Штейнгеля къ императору Александру I о прекращеніи продажи крѣпостныхъ безъ земли.

[2]) Въ началѣ 1825 г. Н. Тургеневъ и И. И. Пущинъ основали союзъ изъ членовъ тайнаго общества (декабристовъ) въ Петербургѣ и Москвѣ, имѣвшій цѣлью освобожденіе дворовыхъ людей и ставившій въ обязанность членамъ союза освобождать своихъ слугъ.

градить помѣщика за перерывъ въ полученіи доходовъ съ воздѣлываемой ими земли, что должно быть опредѣлено особымъ закономъ. На этотъ пунктъ проекта кто-то изъ членовъ тайнаго общества сдѣлалъ замѣчаніе, что „при срочныхъ свободныхъ условіяхъ“ такое постановленіе не нужно, и высказалъ мнѣніе, что переходы крестьянъ разорительны какъ для нихъ, такъ и для помѣщиковъ, и что „на первый случай должно освобожденіе такъ устроить“, чтобы ихъ не было.

Вѣроятно, Н. М. Муравьевъ узналъ о проектѣ Якушкина и основанныхъ на немъ предположеніяхъ Н. Тургенева для общества, задуманнаго въ 1820 г.



Петровскій заводъ, мѣсто заключенія декабристовъ.

Какъ бы то ни было, во второй редакціи проекта конституціи Муравьева мы находимъ слѣдующее постановленіе: „земли помѣщиковъ остаются за ними“, а дома крестьянъ съ огородами, земледѣльческими орудіями и принадлежащимъ крестьянамъ скотомъ признаются ихъ собственностью. Но и это предложеніе не удовлетворило нѣкоторыхъ членовъ Сѣвернаго общества, и на копіи второй редакціи конституціи Н. Муравьева, написанной рукою Рылѣева, сдѣлано рукою Н. И. Пущина замѣчаніе: „ежели огородъ, то земля“. Проектъ Муравьева былъ читанъ многими членами тайнаго общества, и, вѣроятно, ему приходилось слышать не мало замѣчаній. Поэтому въ изло-

женіи его по требованію слѣдственной комиссіи Муравьевъ дѣлаетъ еще шагъ въ пользу освобождаемыхъ крестьянъ: „Крѣпостное состояніе отмѣняется. Помѣщичьи крестьяне получаютъ въ свою собственность дворы, въ которыхъ они живутъ, скотъ и земледѣльческія орудія, въ оныхъ находящіяся и по двѣ десятины земли на каждый дворъ для осѣдлости ихъ. Земли же они обрабатываютъ по договорамъ обоюднымъ, которые они заключаютъ съ владѣльцами оныхъ. Они получаютъ право пріобрѣтать землю въ потомственное владѣніе". Двѣ десятины на дворъ крестьяне должны были, очевидно, получить безплатно. Если они желали обрабатывать въ свою пользу большее количество земли, то должны были арендовать ее у помѣщиковъ по свободнымъ договорамъ или пріобрѣтать въ „потомственное владѣніе". Подъ послѣднимъ выраженіемъ, быть-можетъ, слѣдуетъ разумѣть наслѣдственную аренду (Erbpacht), о которой упоминалось въ запискѣ Н. И. Тургенева для общества, предположеннаго въ 1820 г.

Декабристы, приходившіе въ соприкосновеніе съ крестьянами, должны были понимать, что ихъ не удовлетворитъ надѣлъ въ двѣ десятины на дворъ, и, вѣроятно, подъ вліяніемъ выкупа повинностей за землю въ разныхъ государствахъ Германіи, на что они могли найти указанія даже въ русскихъ переводахъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ конституцій, члены тайнаго общества пришли къ мысли о выкупѣ крѣпостныхъ крестьянъ съ землею, но не самими крестьянами, а казною. Вычисленіями по этому вопросу занимался Якушкинъ предъ самымъ арестомъ; если вѣрить показанію Завалишина, большинство членовъ Сѣвернаго общества также склонялось къ этому способу освобожденія крѣпостныхъ.

Въ Южномъ обществѣ были приняты мнѣнія Пестеля по крестьянскому вопросу. Въ первоначальномъ наброскѣ своей конституціи (на французскомъ языкѣ) онъ предлагалъ, чтобы помѣщичьи крестьяне при освобожденіи получали въ общинное владѣніе половину земель помѣщиковъ съ уплатою прежняго оброка. Въ „Государственномъ Завѣтѣ" Пестеля, содержащемъ краткую программу его плана преобразованій, сказано: „у нынѣшнихъ помѣщиковъ земля откупается оброкомъ или работою лѣтнею". Въ „Русской Правдѣ", незаконченномъ имъ подробномъ проектѣ реформъ, нѣтъ уже рѣчи о продолженіи барщины или уплаты оброка. Основной принципъ освобожденія крестьянъ состоялъ по „Русской Правдѣ" въ томъ, чтобы оно даровало имъ „лучшее положеніе противу прежняго, а не мнимую свободу", чтобы „положеніе крестьянъ, елико возможно, было улучшено и на твердыхъ началахъ и правилахъ положительнымъ образомъ основано". Для выработки такого постановленія верховное правленіе должно было возложить на дворянскія собранія обязанность представить свои проекты и затѣмъ изъ всѣхъ ихъ „выборъ сдѣлать, цѣлое составить и оное въ ходъ и дѣйствіе привести". Собственный планъ Пестеля въ „Русской Правдѣ", которая должна была служить нака-

зомъ временному верховному правленію, обнародованнымъ какъ приложеніе къ наказу сената, не былъ выработанъ окончательно. Сохранился, однако, набросокъ о „дѣлежѣ земель“, въ которомъ указаны мѣры лишь относительно имѣній въ 1.000 душъ и болѣе. Здѣсь Пестель предлагалъ или безвозмездное принудительное отчужденіе въ пользу крестьянъ половины помѣщичьихъ земель (если въ имѣніи болѣе 10 дес. на душу), или вознагражденіе дворянъ казною за отобранныя у нихъ земли, хотя и не всегда въ полной мѣрѣ, землею или деньгами. Вознагражденіе производилось не за всю отчуждаемую землю, если въ имѣніи было болѣе 5 и менѣе 10 дес. на душу; если же приходилось менѣе 5 дес. на душу, то выдавалось помѣщику полное вознагражденіе. Во всякомъ случаѣ Пестель стремился къ надѣленію крестьянъ значительнымъ количествомъ земли въ общинную собственность. Удѣльныхъ крестьянъ и арендныхъ со старостинскими (въ западной Россіи) слѣдовало объявить, какъ и государственныхъ, вольными „и никакого рода крѣпости болѣе не подлежащими“, при чемъ земли каждой волости должно было раздѣлить пополамъ, изъ которыхъ одну, подъ названіемъ общественной земли, отдать въ собственность волостному обществу, а другую оставить казенною. Земли, принадлежащія вольнымъ землевладѣльцамъ (вольнымъ крестьянамъ, малороссійскимъ казакамъ, панцырнымъ боярамъ, однодворцамъ, колонистамъ и др.), также дѣлятся на двѣ равныя части: одна должна сдѣлаться общественною собственностью (съ вознагражденіемъ вольнаго земледѣльца отъ казны деньгами или землею), другая—собственностью отдѣльныхъ лицъ. Общественной землей члены волости должны были пользоваться вездѣ на началахъ общиннаго землевладѣнія. Общественная земля въ каждой волости должна быть раздѣлена на участки такой величины, чтобы каждый изъ нихъ могъ доставлять средства къ жизни для одного тягла, т.-е., по опредѣленію Пестеля, мужа съ женою и тремя дѣтьми. Участки должны были раздаваться членамъ волостного общества въ пользованіе для обработки на одинъ годъ,

Кн. С. Г. Волконскій (рис. Изабе).

послѣ чего участокъ или переходитъ въ другія руки, или утверждается за тѣмъ же хозяиномъ. Каждый членъ волости, хотя бы онъ имѣлъ и собственную землю, можетъ требовать участковъ, сколько пожелаетъ, но, при невозможности удовлетворить всѣмъ требованіямъ, отдается предпочтеніе людямъ болѣе бѣднымъ. Участки переходятъ изъ рукъ въ руки только въ трехъ случаяхъ: если кто 1) самъ не хочетъ держать участка или пожелаетъ перемѣнить его на свободный; 2) если не можетъ пользоваться прежнимъ числомъ участковъ по причинѣ бо́льшаго числа требованій, и 3) когда лишенъ этого права по приговору суда или волости за преступленія. Дѣленіемъ земель на двѣ части: общественную и принадлежащую отдѣльнымъ лицамъ или казнѣ Пестель предполагалъ примирить взгляды противниковъ и защитниковъ частной собственности на землю. Въ „Русской Правдѣ“ уже чувствовалось вліяніе французскихъ предшественниковъ соціализма.

По планамъ Сѣвернаго общества манифестомъ сената должно было быть объявлено освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ. Однимъ изъ пунктовъ наброска этого манифеста, составленнаго кн. Трубецкимъ, требовалось: „уничтоженіе права собственности, распространяющейся на людей“. По объясненію Трубецкого, онъ не употребилъ выраженія „вольность для крестьянъ“, чтобы не вызвать возмущеній. Однако извѣстно, что при неудачѣ возстанія предполагалось отступить въ новгородскія военныя поселенія, а если бы и тамъ тайное общество понесло пораженіе, думали взволновать крестьянъ.

Послѣ ареста декабристы въ своихъ показаніяхъ и письмахъ къ императору Николаю неоднократно высказывали свои идеи относительно крѣпостного права и его уничтоженія. (По приказанію государя былъ составленъ даже сводъ ихъ пожеланій относительно преобразованій, въ которомъ, однако, не были приняты во вниманіе ни проектъ конституціи Н. Муравьева, ни „Русская Правда“ Пестеля). Кое-что изъ этихъ предложеній не могло не запасть въ душу императора Николая I, не даромъ онъ во все свое царствованіе стремился къ ограниченію крѣпостного права, хотя и очень мало сдѣлалъ въ этомъ отношеніи. Кромѣ того, идеи Пестеля были хорошо извѣстны П. Д. Киселеву, и онъ сталъ во главѣ прогрессивнаго движенія въ правительственныхъ сферахъ относительно крестьянскаго дѣла, явившись горячимъ противникомъ безземельнаго освобожденія и сторонникомъ общиннаго землевладѣнія. Нельзя не отмѣтить и того, что если Ростовцевъ сдѣлался при Александрѣ II сторонникомъ крестьянской реформы, то въ этомъ, быть-можетъ, также сказалось вліяніе воспоминаній о предположеніяхъ относительно освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ въ Сѣверномъ обществѣ, къ которому онъ нѣкогда принадлежалъ.

Во время ссылки декабристъ М. А. Фонъ-Визинъ составилъ въ 1842—3 годахъ двѣ замѣчательныхъ записки по крестьянскому вопросу, одну изъ которыхъ онъ прислалъ Киселеву, а Н. И. Тургеневъ много поработалъ для выясненія идей освобожденія при Николаѣ I и Александрѣ II въ трудахъ, изданныхъ за границей. По возвращеніи изъ ссылки нѣкоторымъ декабристамъ, какъ, наприм., А. Н. Муравьеву, Г. С. Батенькову, М. М. Нарышкину и бар. Е. А. Розену, удалось и лично послужить дѣлу осуществленія крестьянской реформы [1]).

В. Семевскій.

Домъ кн. Волконскаго въ Читѣ.

[1]) Портреты Фонъ-Визина, Розена и нѣкоторыхъ другихъ декабристовъ будутъ помѣщены въ послѣдующемъ текстѣ. Большинство изъ помѣщенныхъ портретовъ заимствовано изъ коллекціи М. М. Зензинова, «Декабристы. 86 портретовъ». Нѣкоторые изъ этихъ портретовъ были написаны акварелью декабристомъ Н. А. Бестужевымъ. (См. предисловіе къ изданію Зензинова).

Ред.

Секретные комитеты при Николаѣ I.

В. П. Алексѣева.

Разрѣшеніе въ той или иной формѣ вопроса о крѣпостномъ правѣ Николай I считалъ своей очередной задачей. Разговаривая однажды съ извѣстнымъ дѣятелемъ этого царствованія гр. Киселевымъ, онъ указалъ ему на стоявшіе на полкахъ кабинета картоны и сказалъ: „Здѣсь я со вступленія моего на престолъ собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства“. И это были не слова только. Къ веденію процесса противъ рабства Николай I приступилъ на второй же годъ своего царствованія, и разъ начатая работа не прекращалась все время. Сознаніе, что крѣпостное право есть „зло“, и убѣжденіе, что „нынѣшнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда“, очевидно, побудили Николая I заняться разрѣшеніемъ вопроса о крѣпостномъ правѣ. Но призракъ революціи, державшій императора съ момента вступленія на престолъ въ страхѣ, заставилъ его отказаться въ этомъ дѣлѣ отъ всякаго участія общества. Выработки мѣръ, направленныхъ къ отмѣнѣ крѣпостного права, могли происходить, по мнѣнію Николая I, только бюрократическимъ путемъ и храниться въ глубокой тайнѣ. Потому учреждавшіеся имъ съ этой цѣлью „секретные“ и „келейные“ комитеты состояли исключительно изъ высшихъ сановниковъ, довѣренныхъ императора, и, кромѣ нихъ, никто не посвящался въ предпринятое дѣло. Даже отъ такихъ лицъ, какъ министръ финансовъ, безъ участія котораго нельзя было обойтись при проведеніи практическихъ мѣръ по раскрѣпощенію крестьянъ, занятія комитетовъ держались до времени въ секретѣ, а относительно, напримѣръ, комитета 1839 г. велѣно было говорить, что онъ занятъ не крѣпостнымъ правомъ, а вопросомъ о „повинностяхъ въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ губерній“ [1]).

[1]) Семевскій, «Крестьянскій вопросъ», ч. I, стр. 21—22, 29. Сборникъ Русскаго Историч. общества, т. 74, стр. XVII—XXII и 339.

Начало занятіямъ крѣпостнымъ правомъ въ царствованіе Николая I положилъ секретный комитетъ 6 декабря 1826 года, на который въ числѣ другихъ дѣлъ (касающихся государственнаго управленія) была возложена также выработка мѣръ къ упраздненію крѣпостного права. Въ составъ комитета вошли: князь В. П. Кочубей (предсѣдатель), М. М. Сперанскій, кн. И. В. Васильчиковъ, гр. П. А. Толстой, И. И. Дибичъ, кн. А. Н. Голицынъ и Д. Н. Блудовъ, въ качествѣ дѣлопроизводителя. По порученію императора Сперанскій составилъ обширную записку о крѣпостномъ правѣ и внесъ ее въ комитетъ. Опредѣливъ сущность крѣпостного права, какъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, указавъ на искаженіе его временемъ въ смыслѣ личнаго закрѣпощенія крестьянъ помѣщику, Сперанскій предлагалъ рядомъ мѣръ вернуть крестьянъ къ первоначальному, такъ сказать, легальному ихъ положенію, т.-е. прикрѣпленію къ землѣ при личной свободѣ. Это онъ называлъ „преобразованіемъ крѣпостного права“ [1]). Самыя мѣры онъ раздѣлилъ на „основныя“ и „постепенныя“. Къ первымъ относятся: 1) запрещеніе продавать, закладывать, вообще отчуждать крестьянъ безъ земли; 2) признаніе недѣйствительными всѣхъ такого рода сдѣлокъ на землю, при которыхъ крестьянамъ грозитъ недостаточное обезпеченіе землей (продажа деревни съ малымъ количествомъ земли, продажа дворовъ съ недостаточнымъ количествомъ земли на дворъ и т. п.; 3) опредѣленіе всѣхъ повинностей и работъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ договоромъ, какъ единственно дѣйствительная мѣра къ прекращенію нынѣшнихъ злоупотребленій помѣщиковъ и неповиновенія крестьянъ. Но „преобразованіе крѣпостного права“ въ такомъ видѣ можетъ быть совершено, по мнѣнію Сперанскаго, лишь „въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ постепенно въ дѣйствіе приводимыми мѣрами“. Преобразованію быта казенныхъ крестьянъ должно быть отведено при этомъ

М. М. Сперанскій (портр. Брюллова).

[1]) О теоретическихъ взглядахъ Сперанскаго см. ст. «Противники крѣпостного права».

первое мѣсто въ ряду такихъ „постепенныхъ“ мѣръ. А затѣмъ слѣдуетъ перейти къ помѣщичьимъ крестьянамъ и привести ихъ въ измѣненное положеніе казенныхъ. Однако преобразованіе быта тѣхъ и другихъ крестьянъ возможно лишь послѣ преобразованія „земскаго управленія“ въ смыслѣ большей закономѣрности, и послѣдняя реформа, такимъ образомъ, неизбѣжно должна предшествовать первой. Впрочемъ, Сперанскій сознавалъ, что для осуществленія его плана потребуется много времени, въ продолженіе котораго нельзя оставлять положеніе крестьянъ безъ всякихъ улучшеній, и потому онъ предлагалъ въ видѣ палліатива измѣненіе существующаго порядка увольненія крестьянъ, именно—расширеніе его примѣненія отмѣной нѣкоторыхъ стѣсненій: обязанности помѣщиковъ платить подати за увольняемыхъ крестьянъ до новой ревизіи (при личномъ освобожденіи), запрещенія увольненія по духовнымъ завѣщаніямъ (съ землей), запрещенія увольнять цѣлыми деревнями при личной свободѣ и при наймѣ земли по договору и др.

А. Б. Куракинъ. (Ист. Мин. Вн. Д.).

Такимъ образомъ Сперанскій, подходя къ вопросу о крѣпостномъ правѣ издалека, на дѣлѣ заключалъ его въ строго опредѣленныя, тѣсныя рамки и намѣчалъ рѣшеніе его въ извѣстномъ ограниченномъ направленіи. Рѣчь должна итти въ комитетѣ, по мнѣнію автора записки, не объ отмѣнѣ крѣпостного права, а о „преобразованіи“ его. При этомъ „преобразованіе“ распадается на рядъ частныхъ мѣръ, которыя разсчитаны на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, проводятся постепенно и имѣютъ конечной цѣлью коррективъ къ существующему крѣпостному состоянію, возвращеніе его къ прежнимъ границамъ, т.-е. прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ. Ни дальше, ни больше. Подобная постановка вопроса скорѣе отвѣчала интересамъ помѣщиковъ, чѣмъ крестьянъ, и неудивительно, что записки Сперанскаго нашли себѣ весьма сочувственный пріемъ въ комитетѣ. Онъ отдалъ „полную справедливость достоинству сего труда“, и записка получила руководящее значеніе въ работахъ комитета. Онъ сталъ на точку зрѣнія Сперанскаго. Вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права здѣсь не ставился и не разрѣшался. Рѣчь все время шла только о „преобразованіи“ крѣпостного права. Въ соотвѣтствіи съ этимъ находилась и тактика комитета. Онъ, подобно Сперанскому, рѣшилъ въ „столь важномъ дѣлѣ“, какъ „преобразованіе“ крѣпостного права, дѣйство-

И. И. Дибичъ-Забалканскій (рис. Риссъ).

Николай I. (портр. Витберга).

П. Д. Киселевъ (Собр. Ровинскаго).

Гр. А. Х. Бенкендорфъ. (Ист. Мин. Вн. Д.).

Л. А. Перовскій. (Ист. М. В. Д.).

вать съ величайшей осторожностью и предусмотрительностью“ и, чтобы не попасть впросакъ, избралъ себѣ линію, такъ сказать, наименьшаго сопротивленія со стороны дворянскихъ интересовъ.

Въ частности мысль Сперанскаго, начать дѣло съ преобразованія быта казенныхъ крестьянъ, показалась особенно привлекательной комитету и обратила на себя его преимущественное вниманіе. Она давала возможность отложить улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ въ долгій ящикъ и свести разрѣшеніе вопроса о крѣпостномъ правѣ къ „образцу для частныхъ владѣльцевъ“, къ тому же лишь „благоразумнѣйшихъ“. И комитетъ съ жаромъ ухватился за эту мысль. Признавъ, что „нужно бы немедленно заняться изысканіемъ способовъ“ для практическаго осуществленія предложенія Сперанскаго, онъ быстро образовалъ особую для этого комиссію, подъ предсѣдательствомъ князя Куракина, разсмотрѣлъ представленный имъ проектъ устройства казенныхъ крестьянъ, одобрилъ его въ основныхъ чертахъ и вошелъ съ ходатайствомъ къ императору дать скорѣйшій ходъ проекту. Комитету чрезвычайно понравилась мысль Куракина о переселеніи крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній въ губерніи съ большимъ количествомъ пустыхъ казенныхъ земель и надѣленіи ихъ землей на правахъ наслѣдственной аренды. И онъ просилъ императора именно о томъ, чтобы „были безъ отлагательства приняты надлежащія мѣры для переселенія казенныхъ крестьянъ“.

Князь И. В. Васильчиковъ.
(Съ портрета, приложеннаго къ „Историческому обзору дѣятельности Комитета Министровъ“).

Впрочемъ, улучшеніе быта казенныхъ крестьянъ, начавшееся въ столь быстромъ темпѣ, дальше предложеній и ходатайствъ комитета на этотъ разъ не пошло.

Но центральными пунктами программы Сперанскаго были мѣры противъ продажи крестьянъ безъ земли и противъ увеличенія числа дворовыхъ людей. На необходимости этихъ мѣръ, между прочимъ, сильно настаивалъ императоръ, передавшій даже предсѣдателю комитета собственноручную записку о дворовыхъ, гдѣ предлагалъ отдѣленіе дворовыхъ отъ крестьянъ, запрещеніе перевода изъ крестьянъ въ дворовые и обложеніе послѣднихъ тройнымъ окладомъ. Какое же отношеніе встрѣтили въ комитетѣ эти главнѣйшія мѣры? Совсѣмъ иное, чѣмъ вопросъ объ улучшеніи быта казенныхъ крестьянъ. Здѣсь почувствовалась сила сопротивленія со стороны дворянскихъ интересовъ—эти мѣры затрогивали „священныя“ права собственниковъ на землю и на трудъ

крѣпостныхъ—и той рѣшительности и поспѣшности, съ какой комитетъ принялся за улучшеніе быта казенныхъ крестьянъ, мы уже не видимъ. Наоборотъ, замѣтны колебанія, комитетомъ овладѣли сомнѣнія, и въ рѣшительный моментъ, когда надо было приступить къ изданію соотвѣтствующаго закона, передъ комитетомъ даже всталъ вопросъ „о благовременности изданія сего закона“. Правда, благовременность была признана, но возникшіе въ средѣ комитета страхи и сомнѣнія все-таки сдѣлали свое дѣло.

Страхи и сомнѣнія появились съ самаго начала и преслѣдовали комитетъ все время его работъ. Продажу людей безъ земли онъ считалъ злоупотребленіемъ, которое „наиболѣе поражаетъ, какъ противное естественному чувству уваженія къ человѣчеству“, и пресѣченіе „противоестественнаго торга людьми“ находилъ необходимымъ и полезнымъ. Но, такъ какъ подобная мѣра „покажется стѣсненіемъ права собственности“, то „для предупрежденія лживыхъ толковъ и неосновательныхъ догадокъ о будущихъ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ“, по мнѣнію комитета, необходимо „дать чувствовать, сколь священно и неотъемлемо предъ правительствомъ и закономъ право сихъ послѣднихъ на собственность владѣемой ими земли“. Въ такомъ смыслѣ и рѣшено было формулировать законъ о воспрещеніи продажи крестьянъ безъ земли.

Графъ П. А. Толстой (портр. Дау).

Рядомъ съ запрещеніемъ продажи крестьянъ безъ земли въ программѣ Сперанскаго стояло измѣненіе порядка увольненія крестьянъ, какъ ближайшая мѣра, облегчающая крестьянамъ выходъ изъ крѣпостного состоянія. И комитетъ перешелъ къ ней. Принципіально онъ согласился, что законъ 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ недостаточенъ, оказался на практикѣ несостоятельнымъ и что необходимо въ дополненіе и развитіе его издать новый законъ. Но, такъ какъ широкое примѣненіе закона 1803 года грозитъ въ конечномъ итогѣ „передачею почти всѣхъ земель дворянскихъ въ руки крестьянъ“, то комитетъ рѣшилъ увольненіе крестьянъ построить „совсѣмъ на иныхъ правилахъ“. Именно, издать такой законъ, которымъ бы „облегчалось каждому крѣпостному крестьянину пріобрѣтеніе свободы безъ земли, равно какъ и съ землею, оставаясь въ состояніи хлѣбопашца или избирая другой родъ жизни“. Въ выборъ крестьянинномъ того или другого вида свободы и рода занятій законъ, по мысли комитета, не вмѣшивается, чтобы не стѣснять воли крестьянина. Равнымъ образомъ устраняется вмѣшательство закона и

при опредѣленіи условій увольненія крестьянина помѣщикомъ,—они всецѣло предоставляются „ихъ полной волѣ“. Словомъ,—ничего обязательнаго, безусловнаго и связаннаго силою закона. Такія начала увольненія крестьянъ, по убѣжденію комитета, „соотвѣтствуютъ духу нашего времени и могутъ безъ вреднаго потрясенія правъ собственности“ достигнуть благой цѣли закона 1803 года.

Далѣе слѣдовалъ вопросъ о дворовыхъ людяхъ. Комитетъ и въ этомъ случаѣ согласенъ былъ вмѣстѣ со Сперанскимъ на „рѣшительное отдѣленіе дворовыхъ людей отъ крестьянъ“ и присоединялся къ мысли Николая I, чтобы для уменьшенія количества дворовыхъ „на излишнее число была наложена чувствительная подать“. Однако, имѣя въ виду, что помѣщики „часто противъ воли своей имѣютъ множество слугъ“, опредѣлилъ обложить дворовыхъ двойнымъ, а не тройнымъ (предложеніе императора) окладомъ. Кромѣ того, комитетъ призналъ необходимымъ допустить запись помѣщиками дворовыхъ на фабрики и заводы въ неограниченномъ числѣ.

Внесенныя комитетомъ поправки въ проектированныя Сперанскимъ мѣры для „преобразованія“ крѣпостного права, несомнѣнно, въ достаточной степени обезвреживали ихъ,—въ одномъ случаѣ, какъ мы видѣли, комитетъ подтверждалъ неприкосновенность правъ помѣщика на землю, въ другомъ—допускалъ безземельное освобожденіе крестьянъ, въ третьемъ—оставлялъ подъ видомъ фабрично-заводскихъ рабочихъ лазейку для неограниченнаго количества дворовыхъ. Но комитету показалось, что даже въ такомъ видѣ новые законы недостаточно обезпечиваютъ интересы дворянства, и изданіе ихъ можетъ угрожать общественному спокойствію, въ особенности законъ о воспрещеніи продажи крестьянъ безъ земли. Именно, въ случаѣ изданія особаго указа о правахъ крестьянъ и отношеніяхъ ихъ къ помѣщикамъ, послѣдніе будутъ обижены излишнимъ вниманіемъ правительства къ крестьянамъ, а первые „легко могутъ возмечтать, что правительство ими только одними и занимается“. Поэтому, чтобы не возбуждать, „съ одной стороны, неудовольствій и ропота... а съ другой—ложныхъ надеждъ и дерзкихъ желаній, особенно же не поколебать правъ собственности, сего, такъ сказать, краеугольнаго камня всякаго политическаго порядка“, комитетъ предложилъ законы, касающіеся крестьянъ и дворовыхъ, издать не отдѣльно, а вмѣстѣ съ другими „благопріятными для иныхъ состояній, пріуроченными къ этому времени, т.-е. запрятать новыя мѣры подальше, смѣшать ихъ съ другими и сдѣлать благодаря этому незамѣтными. Подобнымъ пріемомъ комитетъ надѣялся даже, „ограничивая во многомъ власть помѣщиковъ, торжественно утвердить всѣ прочія права ихъ и воспользоваться симъ случаемъ для изъявленія дворянству новыхъ знаковъ вниманія правительства“.

Николай I одобрилъ мысль комитета, и въ результатѣ явился „дополнительный законъ о состояніяхъ“, ранѣе не предполагавшійся, который засло-

Сценка изъ помѣщичьяго быта.

(Изъ альбома Hampelu'a).

нилъ чисто крестьянскій вопросъ всесословнымъ, и крестьянскіе интересы потонули въ дворянскихъ правахъ и привилегіяхъ, торжественно подтвержденныхъ въ этомъ законѣ.

Согласно принятымъ комитетомъ основаніямъ въ пятой главѣ „дополнительнаго закона“, „о крестьянствѣ“, заключалось запрещеніе продавать крестьянъ безъ земли на свозъ, а также по купчимъ и закладнымъ. Увольненіе крестьянъ допускалось какъ съ землей, такъ и „лично безъ земли“, при чемъ помѣщикъ могъ съ увольняемаго взыскать и внести въ казну подати за все время, остающееся до новой ревизіи. Увольняемые въ теченіе года обязаны вступить „въ особый разрядъ вольноотпущенныхъ земледѣльцевъ“. Мѣщанскія и сельскія общества не обязаны надѣлять ихъ землей. Увольняемые получаютъ право передвиженія и владѣнія собственностью и заключенія договоровъ. Условія отпуска на волю опредѣляются добровольнымъ договоромъ помѣщика и крестьянина. Узаконенія о дворовыхъ были выдѣлены въ особый указъ, которымъ прежде всего они безусловно отдѣлялись отъ крестьянъ и записывались въ деревняхъ отдѣльно отъ крестьянъ, а у безпомѣстныхъ помѣщиковъ въ городахъ — „въ служебные цехи“ (при ближайшей ревизіи). Переходъ изъ дворовыхъ въ крестьяне дозволялся, обратно же лишь до новой ревизіи, послѣ которой запрещался безусловно (кромѣ фабрикъ и заводовъ). Увеличенный душевой окладъ съ дворовыхъ не прошелъ.

Кн. А. Н. Голицынъ (рис. К. Брюлловъ).

Въ отношеніи казенныхъ крестьянъ „дополнительный законъ“ ограничился обѣщаніемъ составить „соображенія объ устройствѣ сей части управленія“.

Николай I принималъ очень близкое и живое участіе въ работахъ комитета, внимательно прочитывая его журналы, бывалъ самъ на засѣданіяхъ и поощрялъ его. Но, когда дѣло дошло до изданія самаго закона, имъ овладѣло сомнѣніе и передъ нимъ тоже всталъ вопросъ о „благовременности“. И на засѣданіи Государственнаго Совѣта 26 апрѣля 1830 года, куда перешелъ „дополнительный законъ“ изъ комитета, Николай запросилъ членовъ Совѣта, можетъ ли законъ этотъ быть изданъ тотчасъ же. Большинство безъ колебанія высказалось за немедленное изданіе закона, находя, что онъ достаточно обезпечиваетъ неприкосновенность правъ и интересовъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ всѣ инстанціи пройдены были благополучно, оставалось только издать законъ. Но законъ не былъ изданъ. Нѣкоторое объясненіе этому находимъ въ меморіи Государственнаго Совѣта отъ 24 ноября 1830 года, гдѣ читаемъ слѣдующія строки: „Соображая обстоятельства по случаю свирѣпствующей въ государствѣ холеры и настоящее положеніе пмѣній и владѣльцевъ, Государственный Совѣтъ призналъ изданіе закона о непродажѣ крестьянъ безъ земли мѣрой неудобной и стѣснительной“.

Д. И. Блудовъ. (Ист. М. В. Д.).

Итакъ, четырехлѣтняя работа комитета окончилась ничѣмъ. Проектированныя Сперанскимъ мѣры въ цѣляхъ „преобразованія“ крѣпостного права, суживаясь и стираясь по мѣрѣ работъ комитета, не увидѣли свѣта даже въ томъ скромномъ и изуродованномъ видѣ, въ которомъ онѣ вышли изъ комитета [1])... Но вопросъ, разъ поставленный на очередь, не былъ снятъ. Черезъ нѣкоторое время онъ возбуждается вновь и отдается на разсмотрѣніе новыхъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ аналогичныхъ комитетовъ.

Мы остановились съ наибольшей подробностью на комитетѣ 6 декабря 1826 года потому, что онъ необыкновенно полно и опредѣленно намѣчаетъ то направленіе и тѣ предѣлы, которыхъ предполагало держаться правительство Николая I при рѣшеніи крестьянскаго вопроса и которыхъ, дѣйствительно, все время держалось. Для всѣхъ послѣдующихъ секретныхъ комитетовъ этотъ комитетъ служилъ образцомъ. Исторію этого образца они повторяютъ въ своей дѣятельности съ поразительной точностью. Та же по началу широкая

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго общества, томъ 74, стр.: 133, 151—153, 166—167, 171—175, 192, 199—202, 335—336, 345—352, 403, 425—426, 462; томъ 90, стр.: 359—367, 377—394, 404—413, 425, 429—436, 467—492, 515—520, 537—538.

постановка вопроса (не дальше, впрочемъ, „улучшенія крѣпостного состоянія“), а потомъ раздробленіе его на частныя мѣропріятія, то же постепенное ухудшеніе нервъ, начальныхъ проектовъ. Сначала теоретическое признаніе за крестьянами права на вниманіе къ своей участи, затѣмъ воспоминаніе о дворянскихъ интересахъ, страхи за общественное спокойствіе и суженіе практическихъ мѣръ, если не совершенное погребеніе вопроса. И тѣ же практическіе результаты, кромѣ одного-двухъ случаевъ, когда предположенія комитетовъ получили формулу указовъ.

Наибольшій интересъ изъ послѣдующихъ комитетовъ представляютъ комитеты 1839—1842 годовъ, 1840 и 1844 годовъ и 1846 года. Они добавляютъ нѣсколько яркихъ штриховъ къ только что нарисованной нами картинѣ дѣятельности правительства по крестьянскому вопросу.

П. А. Тучковъ (портр. Дау).

Комитетъ 1839 года, учрежденный послѣ неудачной попытки правительства въ 1835 году вернуться къ крестьянскому вопросу, занялся разсмотрѣніемъ вопроса, уже поднимавшагося въ комитетѣ 1826 года, объ увольненіи крестьянъ. На этотъ разъ руководящая роль въ комитетѣ принадлежала новому лицу—графу Киселеву [1]). Онъ вошелъ въ комитетъ съ запиской и готовымъ проектомъ. Киселевъ взглянулъ на свою задачу довольно широко. Изложилъ исторію закона 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ, коснулся его практическихъ результатовъ, наконецъ выработалъ рядъ мѣръ въ дополненіе и развитіе закона 1803 года. Въ своемъ проектѣ Киселевъ предлагалъ для увольняемыхъ помѣщиками крестьянъ установить опредѣленные надѣлы земли, за которую они обязаны отбывать опредѣленную закономъ работу въ пользу помѣщика или платить соотвѣтствующій оброкъ. Усадьбы и вся движимость обращаются въ собственность крестьянина. Повинности въ пользу помѣщика обезпечиваются круговой порукой сельскаго общества. За помѣщикомъ сохраняется вотчинная власть, но по мелкимъ дѣламъ въ предѣлахъ закона; крупныя же дѣла и уголовныя подлежатъ вѣдѣнію общихъ судебныхъ учрежденій. На злоупотребленія помѣщиковъ крестьяне могутъ жаловаться въ общія судебныя учрежденія. Уволенные на свободу крестьяне получали названіе „обязанныхъ“. Какъ бы для примиренія интересовъ обѣихъ сторонъ Киселевъ строилъ свой проектъ на принципѣ добровольнаго освобожденія кре-

[1]) Комитетъ состоялъ изъ гр. Орлова, гр. Киселева, Блудова, Тучкова, Танѣева, гр. Строганова, кн. Васильчикова (предсѣдатель) и Хомякова (секретарь).

стьянъ и обезпеченія ихъ землей. Единственное ограниченіе добровольности заключалось въ установленіи закономъ размѣровъ надѣла и повинностей.

Однако, несмотря на свою очевидную умѣренность и осторожность, проектъ Киселева возбудилъ въ комитетѣ страсти. Около него столкнулись интересы присутствовавшихъ дворянъ и отсутствовавшихъ крестьянъ. Въ защиту первыхъ—горячую и упорную — выступилъ Меншиковъ. Онъ находилъ проектъ Киселева нарушающимъ интересы дворянства и опаснымъ въ государственномъ отношеніи. Надѣлы, по его мнѣнію, велики, а повинности малы и обязанными оказываются не крестьяне, а помѣщики. Круговая же порука, т.-е. соединенныя дѣйствія крестьянъ цѣлыми общинами, поведетъ къ неповиновенію крестьянъ, отъ котораго „недалекъ переходъ къ явному мятежу“. Между тѣмъ въ интересахъ власти и спокойствія, „не соединять, а разобщать должно силы матеріальныя: divide et impera“. Положительныя желанія Меншикова сводились, по словамъ Киселева, къ тому, чтобы оставить помѣщикамъ „всѣ матеріальныя выгоды, удовольствовать крестьянъ неограниченной личной свободой“. Защитникомъ крестьянскихъ интересовъ выступилъ авторъ проекта.

Киселевъ, будучи убѣжденнымъ сторонникомъ, если не отмѣны теперь же крѣпостного права, то значительнаго смягченія его, горячо и настойчиво отстаивалъ свой проектъ. При этомъ его поддерживалъ императоръ, который говорилъ Киселеву: „мы оба имѣемъ тѣ же идеи, питаемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ“, и вполнѣ одобрилъ его проектъ. И, казалось, торжество крестьянскихъ интересовъ на этотъ разъ было обезпечено. Но это оказалось иллюзіей. Въ рѣшительный моментъ Киселевъ не получилъ поддержки именно съ той стороны, съ которой она ему была особенно необходима, т.-е. отъ Николая I. Подъ вліяніемъ жалобъ крѣпостниковъ на обязательность надѣленія крестьянъ землей и регламентацію повинностей въ проектѣ Киселева, императоръ выступилъ съ категорическимъ заявленіемъ черезъ предсѣдателя комитета, что въ его намѣренія никогда не входило и не входитъ теперь „дать когда-либо предполагаемому дополненію указа 1803 года силу обязательнаго закона“, и что собственное желаніе помѣщиковъ должно быть единственно руководящимъ началомъ при увольненіи крестьянъ. Киселевъ, собственно, и не предлагалъ обязательнаго по закону увольненія, но слова Николая I набросили на него тѣнь. Линія наименьшаго сопротивленія сейчасъ же дала себя знать, и проектъ покатился по наклонной плоскости. Киселевъ пошелъ на уступки. Изъ проекта исчезъ совершенно элементъ обязательности. Основаннымъ на доброй волѣ помѣщика оказалось не только увольненіе крестьянъ, но и надѣлы и повинности, а затѣмъ стерлись и другія черты проекта, сообщавшія ему извѣстную степень улучшенія быта крестьянъ. Насколько проектъ потерялъ въ комитетѣ, это лучше всего видно изъ признанія самого Киселева, что „положеніе сіе (т.-е. созданное

усиліями крѣпостниковъ) далеко отъ того, чтобы можно было назвать увольняемыхъ крестьянъ свободными". Но обезличеніе проекта на этомъ не остановилось. Съ приближеніемъ работъ комитета къ концу были выдвинуты опасенія за нарушеніе интересовъ помѣщиковъ одинаковымъ закономъ при разнообразіи мѣстныхъ условій за распространеніе ложныхъ слуховъ о видахъ правительства, и комитетъ въ виду этого рѣшилъ пока ограничиться изданіемъ пояснительнаго указа къ закону 1803 года съ подтвержденіемъ въ то же время полнаго права вотчинной собственности помѣщиковъ на землю.

Въ такомъ видѣ предположенія комитета поступили на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, гдѣ и были заслушаны 30 марта 1842 года. Хотя ни изъ чего не видно, чтобы Государственный Совѣтъ былъ настроенъ въ пользу отмѣны крѣпостного права или склоненъ былъ посягнуть на права помѣщиковъ, тѣмъ не менѣе, Николай I выступилъ здѣсь съ программной рѣчью, въ которой рѣзко и съ удареніемъ провелъ линію, отдѣляющую истинныя намѣренія правительства отъ мечтаній крестьянъ и опасеній помѣщиковъ. „Нѣтъ сомнѣнія,—сказалъ императоръ,—что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное, но прикасаться къ оному теперь было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ". Посягательство на право земельной собственности помѣщиковъ и на ихъ добрую волю въ крестьянскомъ вопросѣ Николай I при этомъ считалъ въ особенности недопустимымъ и торжественно подтвердилъ это своимъ царскимъ словомъ. Черезъ три дня послѣ засѣданія Государственнаго Совѣта, 2 апрѣля 1842 года былъ изданъ указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, въ которомъ проектъ Киселева, по словамъ Семевскаго, „принялъ еще болѣе скромный, еще болѣе безобидный для помѣщиковъ видъ".

Графъ А. И. Чернышевъ (съ портр. Дау).

Это былъ первый случай превращенія въ законъ предположеній секретнаго комитета Но, спохватившееся правительство вдогонку указу тотчасъ же разослало мѣстнымъ властямъ циркуляры, цѣлью которыхъ было предупрежденіе возможныхъ результатовъ указа 2 апрѣля. Циркуляры увѣряли населеніе, что въ указѣ нѣтъ ничего новаго и что не слѣдуетъ „подразумѣвать" „болѣе того, что выражено самыми словами указа".

Комитетамъ 1840 и 1844 года пришлось такъ же, какъ и комитету 1839 года, реализировать наслѣдіе перваго комитета—именно, вопросъ о со-

кращеніи числа дворовыхъ. Въ сущности комитетъ 1840 года не можетъ итти въ счетъ, такъ какъ, усомнившись самъ въ своевременности и пользѣ ограниченія числа дворовыхъ, онъ скоро разошелся „впредь до удобнаго времени“, не успѣвъ даже приступить къ дѣлу. Его задачу взялъ на себя слѣдующій комитетъ—1844 года, въ составъ котораго вошли: князь Васильчиковъ, князь Волконскій, Чернышевъ, Меншиковъ, графъ Левашевъ, Блудовъ, Бенкендорфъ, Киселевъ, Перовскій-Вронченко и баронъ Корфъ. На этотъ разъ комитетъ остался въ рамкахъ исключительно вопроса о договорахъ. Но завязавшіяся около него пренія обнаружили и въ такомъ въ сущности скромномъ вопросѣ исконную болячку дворянства: посягательство на права помѣщиковъ. Интересно, что при этомъ наиболѣе рѣшительнымъ защитникомъ дворянскихъ интересовъ оказался Николай I. Заявивъ, что „крѣпостное состояніе и въ частности положеніе дворовыхъ озадачивало“ его „съ самаго начала его царствованія“; признавая, что у многихъ помѣщиковъ наблюдается излишекъ прислуги, онъ, тѣмъ не менѣе, запрещеніе помѣщикамъ переводить крестьянъ во дворъ призналъ „рѣшительно на долгое время невозможнымъ“. Онъ видѣлъ въ подобномъ запрещеніи нарушеніе помѣщичьихъ „правъ, утвержденныхъ необходимостью и стариннымъ обычаемъ“. Послѣ такихъ заявленій императора вопросъ о дворовыхъ трудно было удержать на высотѣ требованій Сперанскаго, которыя повторилъ графъ Блудовъ, внесшій въ комитетъ докладъ о дворовыхъ. Предостереженія членовъ Бенкендорфа и Левашева, высказавшихся за болѣе рѣшительныя мѣры, во избѣжаніе могущаго при „излишней постепенности и осторожности“ произойти „взрыва“, не имѣли успѣха. Верхъ взяло противоположное мнѣніе въ пользу сокращенія числа дворовыхъ „чрезъ употребленіе мѣръ некрутыхъ, а постепенныхъ и, такъ сказать, невидимыхъ“, и 12 іюня 1844 года были изданы—указъ Сенату о предоставленіи помѣщикамъ права отпускать на волю дворовыхъ людей безъ земли по обоюднымъ договорамъ и высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ отпускѣ дворовыхъ изъ имѣній, заложенныхъ въ банкахъ, безъ ихъ согласія. Въ сравненіи съ предположеніями перваго комитета о дворовыхъ, гдѣ предлагалось запрещеніе перевода крестьянъ въ дворовые,—это было шагомъ назадъ.

Гр. В. В. Левашевъ.
(Изъ изд. Вел. Кн. Ник. Мих.).

Въ 1846 году правительство еще разъ вернулось къ крестьянскому вопросу въ болѣе общей и широкой формѣ. Неизвѣстно, по какимъ побужде-

ніямъ въ ноябрѣ 1845 года министръ внутреннихъ дѣлъ, крѣпостникъ Перовскій, представилъ императору записку „Объ уничтоженіи крѣпостного состоянія въ Россіи“, для разсмотрѣнія которой и былъ учрежденъ новый секретный комитетъ въ составѣ слѣдующихъ лицъ: наслѣдника престола, опять князя Васильчикова, шефа жандармовъ графа Орлова и автора записки. Перовскій вполнѣ убѣдительно и доказательно выясняетъ необходимость разрѣшенія поставленнаго имъ вопроса и правильно сводитъ его къ уравненію помѣщичьихъ крестьянъ въ правахъ съ казенными. Но отъ тезиса онъ переходитъ къ антитезису, и тогда появляется непониманіе народомъ „свободы“, „всеобщее возмущеніе“, „владычество черни“ и, какъ слѣдствіе этого—суженіе вопроса и отклоненіе его отъ правильнаго рѣшенія. Затѣмъ выступаютъ вопросы о землѣ, о правахъ помѣщиковъ на землю, подъ угломъ зрѣнія которыхъ и предлагаются практическія мѣры, уже частныя, притомъ въ „незамѣтномъ“ видѣ. Съ землей крестьянъ освободить нельзя, ибо это равносильно лишенію земли дворянъ, безъ земли же—значитъ создать пролетаріатъ. Единственный выходъ—въ полумѣрахъ: въ „дарованіи ограниченной свободы“, въ „ограниченіи крѣпостного права“ путемъ предварительныхъ мѣръ, въ числѣ которыхъ инвентари (регламентація повинностей) должны занять первое мѣсто. Далѣе идутъ частныя мѣры, уже проектировавшіяся первымъ комитетомъ (о продажѣ крестьянъ, о дворовыхъ). Комитетъ одобрилъ мысль Перовскаго о постепенности и незамѣтности реформъ и остановился на трехъ мѣрахъ: 1) опредѣленіи власти помѣщика, 2) огражденіи собственности крестьянина и 3) дарованіи крестьянамъ права жалобы на помѣщиковъ, подготовляющихъ переходъ крестьянъ въ свободное состояніе. Но тутъ же комитетъ поставилъ себѣ трудно преодолимое препятствіе, именно, онъ рѣшилъ, что „основаніемъ Россіи было и должно быть самодержавіе“, а „орудіе и опора самодержавной власти“—власть помѣщика. Слѣдовательно, ограничивать послѣднюю надо съ большой осторожностью. И вотъ оказалось, что опредѣленіе власти помѣщика не нуждается въ особомъ законѣ—это уже сдѣлано въ новомъ уголовномъ уложеніи; законъ о собственности крестьянъ „можетъ породить ропотъ“ и лучше предоставить сдѣлать это новому гражданскому уложенію; что же касается права жалобы, то „очередь сей мѣры еще не настала“. Такимъ образомъ предложеніе комитета по поводу записки Перовскаго

Бар. М. А. Корфъ. (Ком. Мин.).

свелось лишь къ предписанію II отдѣленію Канцеляріи Его Величества оградить движимое имущество крестьянъ при составленіи гражданскаго уложенія. Однако и оно осталось неосуществленнымъ, несмотря на резолюцію императора—„исполнить“.

Для полноты очерка о секретныхъ комитетахъ, упомянемъ еще о комитетѣ 1847 года, изъ котораго вышелъ законъ о безоброчныхъ крестьянахъ (отпуски на волю крестьянъ имѣній, продаваемыхъ съ аукціона), и комитетѣ 1848 года, при посредствѣ котораго былъ уничтоженъ законъ о безоброчныхъ крестьянахъ [1]).

Такова, въ общихъ чертахъ, исторія секретныхъ комитетовъ николаевскаго времени. Результатомъ ихъ дѣятельности были—указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, да два указа объ отпускѣ на волю дворовыхъ, т.-е. три законодательныхъ акта, которые притомъ почти остались на бумагѣ. Для 9 комитетовъ, работавшихъ въ продолженіе всего царствованія, нельзя сказать, чтобы это было много. Но, если принять во вниманіе лицъ, которымъ поручено было дѣло, и постановку крестьянскаго вопроса въ комитетахъ, то столь ничтожные результаты ихъ дѣятельности не покажутся неожиданными.

Строго говоря, графъ Киселевъ—единственный сторонникъ отмѣны крѣпостного права среди членовъ комитетовъ, но и тотъ оппортунистъ. Остальные члены или открытые крѣпостники (Чернышевъ, Орловъ, Меншиковъ), или сомнительные аболиціонисты (Васильчиковъ, Корфъ). Императоръ же, несмотря на всѣ свои увѣренія въ противномъ, на самомъ дѣлѣ былъ убѣжденнымъ охранителемъ неприкосновенности крѣпостного права. Въ соотвѣтствіи съ такими взглядами большинства членовъ комитета и крестьянскій вопросъ получилъ здѣсь своеобразную постановку — „постепенное улучшеніе крѣпостного состоянія крестьянъ безъ вреда для помѣщиковъ и безъ потрясенія внутренняго спокойствія“. Отсюда „добрая воля“ помѣщиковъ и „нечувствительность“ принимаемыхъ мѣръ, какъ основныя начала крестьянской реформы, и пустое мѣсто, какъ естественный результатъ „незамѣтныхъ, невидимыхъ“ и безвредныхъ для дворянъ мѣръ. Но нѣтъ худа безъ добра. Благодаря нерѣшительности и бездѣйствію секретныхъ комитетовъ, не произошло безземельнаго освобожденія крестьянъ, столь желательнаго дворянству, и имѣла возможность укрѣпиться въ правительственныхъ сферахъ мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землей.

В. Алексѣевъ.

---

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго общества, т. 98, стр.: 105—123, 270—271 (приложеніе Б). Семевскій, «Крестьянскій вопросъ», ч. II, стр.: 49—52, 54—55, 63, 69—70, 78, 102, 108, 113, 115, 118, 122—123, 128, 131—133, 135—144, 146, 155—156, 204—208.

Графъ П. Д. Киселевъ и реформа государственныхъ крестьянъ.

С. А. Князькова.

Обширный классъ земледѣльческаго населенія Россіи составляли государственные крестьяне. По восьмой ревизіи (1833 г.) государственныхъ крестьянъ насчитывалось 7.649.000 душъ мужского пола, т.-е. около $^1/_3$ всего сельскаго населенія имперіи. Свое названіе этотъ разрядъ крестьянъ получилъ при Петрѣ Великомъ въ отличіе отъ помѣщичьихъ крестьянъ и дворцовыхъ, считавшихся какъ бы частной собственностью государя. Главную массу государственныхъ крестьянъ составили тогда черносошные крестьяне русскаго сѣвера, нынѣшнихъ Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерній. Въ 1724 г., въ самый разгаръ новаго податного устройства имперіи, когда вводилась знаменитая подушная подать, Петръ распорядился зачислить въ государственные крестьяне однодворцевъ русскаго юга, ясашныхъ инородцевъ, пашенныхъ сибирскихъ крестьянъ, прежнихъ службъ служилыхъ людей „и другихъ имъ подобныхъ“, какъ гласилъ указъ. Это распоряженіе на полтора слишкомъ вѣка впередъ опредѣлило составъ разряда государственныхъ крестьянъ. Этотъ разрядъ сельскаго населенія Россіи сдѣлался съ тѣхъ поръ, по удачному выраженію біографа гр. П. Д. Киселева, „общимъ пріемникомъ всѣхъ сельскихъ жителей, по разнымъ случаямъ освобождавшихся отъ владѣльческой зависимости или пользовавшихся личной свободой въ областяхъ, постепенно присоединенныхъ къ имперіи“. Въ разрядъ государственныхъ

крестьянъ постепенно вошли крестьяне церковныхъ земель, отобранные при Екатеринѣ въ 1764 г. у монастырей, крестьяне, переходившіе по закону 1803 г. въ вольные хлѣбопашцы и по закону 1842 г.—въ „обязанные“.

Присоединеніе Прибалтійскаго края, польскихъ областей и Бессарабіи имѣло въ результатѣ включеніе въ разрядъ государственныхъ крестьянъ всѣхъ свободныхъ земледѣльцевъ этихъ областей—прибалтійскихъ „мужиковъ“, владѣвшихъ землей внѣ зависимости отъ бароновъ, польскихъ „старостинскихъ крестьянъ“, составлявшихъ земледѣльческое населеніе „староствъ“—государственныхъ имѣній польскаго королевства; сюда же были включены и молдавскіе „царане“, „мазылы“ и „рупшати“, составлявшіе свободное сельское населеніе Бессарабіи. Государственными крестьянами считались, наконецъ, и всѣ колонисты-иностранцы.

По закону государственные крестьяне считались людьми свободными, и Сводъ Законовъ императора Николая I такъ и именуетъ ихъ „свободнымъ сельскимъ сословіемъ“. Но эта „свобода“ государственныхъ крестьянъ и до изданія Свода Законовъ и долго послѣ была довольно относительная. Свободными государственные крестьяне назывались лишь въ противоположность несвободнымъ помѣщичьимъ крестьянамъ и на дѣлѣ считались такими же крѣпостными государства, какими помѣщичьи крестьяне являлись по отношенію къ своимъ господамъ. Государственные крестьяне обладали гражданскими правами—личными и имущественными, т.-е. могли относительно свободнѣе избирать себѣ родъ занятій и распоряжаться по своей волѣ своимъ имуществомъ, пользовались въ извѣстной долѣ самоуправленіемъ и даже частью имѣли свой судъ. Но въ каждый данный моментъ всѣ эти „свободы“ и „права“ могли быть совершенно уничтожены простымъ распоряженіемъ власти, перечислявшей тѣ или иныя поселенія государственныхъ крестьянъ въ крѣпость помѣщику. Въ эпоху расцвѣта крѣпостного права, во второй половинѣ XVIII вѣка, когда при Екатеринѣ II и при Павлѣ I происходила грандіозная раздача населенныхъ государственными крестьянами земель въ частныя руки, „свобода“ государственныхъ крестьянъ являлась особенно призрачной и висѣвшей на тонкомъ волоскѣ, грозившемъ каждую минуту оборваться и „свободную“ сегодня ту или иную группу государственныхъ крестьянъ ввергнуть въ ту пучину неволи и безправія, въ которой влачили свое существованіе помѣщичьи крестьяне. Въ XVIII в. именно государственные крестьяне и составляли тотъ фондъ, изъ котораго происходили пожалованія душами и деревнями тѣхъ, кого взыскивала за службу и особыя заслуги милость монарховъ. Государство, слѣдовательно, не только не ставило себѣ задачей охранять „права“ и „свободу“ государственныхъ крестьянъ, но смотрѣло на этотъ разрядъ сельскаго населенія какъ на принадлежащій казнѣ, находящійся въ ея полномъ распоряженіи. Въ 1801 г. при императорѣ Александрѣ I пожалованія частнымъ лицамъ населенныхъ имѣній прекратились, но вѣковой

взглядъ на государственныхъ крестьянъ, какъ на полную собственность казны тѣмъ самымъ не исчезъ, и правительство, не считаясь съ желаніями государственныхъ крестьянъ, десятками и сотнями тысячъ душъ перечисляло ихъ однимъ почеркомъ пера въ военные поселяне (при императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I) или въ удѣльные (при императорѣ Николаѣ I).

Со временъ императрицы Екатерины II, на основаніи изданнаго ею въ 1775 г. учрежденія о губерніяхъ, главное завѣдываніе государственными крестьянами было возложено на казенную палату—присутственное мѣсто, вѣдавшее финансовой частью губерніи. Эта приписка государственныхъ крестьянъ въ распоряженіе финансоваго вѣдомства вскрываетъ еще одну черту въ отношеніи правительства къ разряду государственныхъ крестьянъ: составляя своей массой, съ одной стороны, неисчерпаемый фондъ для пожалованій, государственные крестьяне въ то же время разсматриваются, какъ одна изъ доходныхъ казенныхъ статей, и сообразно съ такимъ взглядомъ все управленіе государственными крестьянами до самой реформы императора Николая I имѣло задачей только извлеченіе фискальныхъ выгодъ, и если приходилось правительству тѣхъ временъ обращать нѣкоторое вниманіе на поземельное устройство и сословное управленіе государственныхъ крестьянъ, то это дѣлалось лишь постольку, поскольку обѣщало гарантировать исправность казенныхъ поступленій. И такъ это повелось искони, съ самыхъ московскихъ временъ: только и исключительно въ интересахъ фиска правительство входило въ условія существованія государственныхъ крестьянъ. Самоуправленіе міровъ не регулировалось никакими законодательными нормами, строилось всецѣло на практикѣ и преданіи и потому тоже не могло гарантировать крестьянъ отъ произвола со стороны начальства, руководившагося въ своемъ отношеніи къ государственнымъ крестьянамъ исключительно узко и примитивно понимаемыми интересами фиска. Только при императорѣ Павлѣ I закономъ 7 августа 1797 г. установлено было раздѣленіе поселеній государственныхъ крестьянъ

Жнецы (карт. Венеціанова).

на волости и внесенъ извѣстный юридическій порядокъ въ основы ихъ внутренняго управленія. Этотъ порядокъ и явился опредѣляющимъ для быта государственныхъ крестьянъ до самыхъ реформъ императора Николая I.

По положенію императора Павла I селенія государственныхъ крестьянъ были раздѣлены на волости по такому расчету, чтобы въ каждой было не болѣе 3.000 душъ. Въ каждой волости учреждалось волостное правленіе, состоявшее изъ избранныхъ на волостномъ сходѣ волостного головы, выборнаго того селенія, въ которомъ волость находится, и писаря. Всѣ эти власти избирались на два года. Въ каждомъ селеніи мѣстный сходъ избиралъ своего сельскаго выборнаго и десятскихъ—по одному на каждые десять дворовъ. Положеніе намѣчало довольно подробно права и обязанности волостного правленія и лицъ, его составлявшихъ. Во главѣ управленія волостью ставился волостной голова, и выборные отдѣльныхъ селеній были ему подчинены. На волостного голову возлагалось, какъ главное его дѣло, взысканіе казенныхъ платежей и повинностей,—ему предоставлялось право суда и расправы въ маловажныхъ случаяхъ и спорахъ, а также опека надъ вдовами, сиротами, лѣнивыми и юродивыми. Но въ своихъ поступкахъ и въ собираемыхъ деньгахъ голова долженъ былъ давать ежегодно отчетъ волостному сходу. Согласіе волостного схода требовалось на продажу хлѣба изъ волостного хлѣбнаго магазина, учрежденіе котораго предусматривалось Положеніемъ. Въ какихъ случаяхъ вообще волостное правленіе должно было вмѣшиваться въ единоличныя распоряженія головы, въ Положеніи сказано, однако, не было, мало того—въ Положеніи сквозитъ довольно опредѣленное намѣреніе поставить голову выше схода, и крестьянамъ настоятельно рекомендуется, собравшись на сходъ, вести себя тихо и смирно, „что имъ приказано будетъ, внимать и въ точности исполнять подъ штрафомъ за неповиновеніе“. Съ другой стороны, очень подробно и обстоятельно были опредѣлены въ Положеніи полицейскія обязанности волостного и сельскаго начальства. Права, предоставленныя ему, были довольно широки и разнообразны. Предоставляя такое широкое право воздѣйствія сельской администраціи на своихъ односельчанъ, Положеніе, конечно, тѣмъ самымъ уменьшало обязательное значеніе схода для головъ и выборныхъ. Но эти сельскія власти, получивъ большую власть надъ своими односельчанами, въ свою очередь, оказывались вполнѣ во власти и распоряженіи агентовъ правительства. Въ хозяйственномъ отношеніи волость продолжала оставаться подчиненной казенной палатѣ и ея чиновникамъ. По полицейскимъ дѣламъ волостное начальство и вообще вся волость были подчинены нижнему земскому суду съ капитаномъ-исправникомъ во главѣ. Такъ какъ капитанъ-исправникъ выбирался на свою должность мѣстными дворянами изъ своей среды и, слѣдовательно, зависѣлъ во всемъ отъ дворянства, то онъ естественно всегда и во всемъ держалъ руку дворянъ, защищая и отстаивая ихъ интересы прежде всего. На обязанности нижняго земскаго суда лежало, между

прочимъ, взысканіе податныхъ недоимокъ съ государственныхъ крестьянъ и наблюденіе за исполненіемъ имъ такихъ повинностей, какъ, напримѣръ, содержаніе въ исправности почтовыхъ дорогъ, или подводная повинность. Повинности эти одинаково возлагались и на крѣпостныхъ крестьянъ, но помѣщики очень неохотно отпускали своихъ крестьянъ для исполненія этихъ повинностей, и часто по уговору съ тѣмъ или инымъ капитанъ-исправникомъ вся дорожная повинность какой-либо мѣстности падала на государственныхъ крестьянъ, которымъ негдѣ было искать защиты отъ произвола, такъ какъ

Мужики, акв. Кольмана (колл. П. П. Щукина).

въ уѣздахъ просто не было никакого особаго учрежденія или власти, которыя бы прямо завѣдывали дѣлами государственныхъ крестьянъ. Въ губернской казенной палатѣ прямо завѣдывало государственными крестьянами лишь одно только отдѣленіе, состоявшее изъ одного совѣтника, заваленнаго къ тому же и многочисленными другими дѣлами. Надъ казенной палатой стоялъ, правда, Департаментъ Государственныхъ Имуществъ въ Министерствѣ Финансовъ, но уже по самому своему состоянію въ Министерствѣ Финансовъ этотъ департаментъ долженъ былъ прежде всего и больше всего заботиться о поступленіи казенныхъ сборовъ и податей съ подвѣдомственныхъ ему го-

сударственныхъ крестьянъ. Да на другого рода заботы этотъ департаментъ просто и уполномоченъ не былъ. Въ результатѣ государственные крестьяне оказывались всецѣло отданными на мѣстахъ въ руки низшихъ мѣстныхъ властей, въ распоряженіе капитанъ-исправниковъ прежде всего. Хроника описываемаго времени полна случаевъ самаго дикаго произвола и злоупотребленій, какіе позволяли себѣ поставленные надъ государственными крестьянами начальники, не стѣснявшіеся присваивать себѣ доходныя казенныя статьи, употреблять подвѣдомственныхъ имъ государственныхъ крестьянъ на свои личныя работы, всячески эксплуатировать въ своихъ личныхъ выгодахъ ихъ платежныя и рабочія силы и т. д. и т. д.

Хозяйственное положеніе государственныхъ крестьянъ было тоже далеко не благополучно. Землей они были надѣлены чрезвычайно неравномѣрно. О земляхъ, находившихся во владѣніи государственныхъ крестьянъ, не было ни точныхъ извѣстій, ни плановъ. Были общества, въ которыхъ приходилось не болѣе $^1/_2$ десятины на душу, а въ другихъ приходилось по 20 и болѣе десятинъ на душу. Насчитывалось 63.000 душъ государственныхъ крестьянъ безземельныхъ! И вообще количество недостаточно надѣленныхъ землей во много разъ превосходило количество надѣленныхъ землей удовлетворительно. Крестьяне вынуждены были арендовать землю у помѣщиковъ въ то время, какъ пустовали сотни тысячъ десятинъ казенныхъ земель. Мало того, часты были случаи, когда государственные крестьяне оказывались вынужденными брать въ аренду казенныя земли, ранѣе заарендованныя какими-нибудь спекулянтами, и платить огромныя цѣны. Въ тѣхъ случаяхъ, когда начальство дѣлало распоряженіе о равномѣрномъ распредѣленіи земель, въ крестьянскихъ обществахъ часто происходило не улучшеніе экономической обезпеченности крестьянъ, а еще большее ухудшеніе. Дѣлалось это равномѣрное распредѣленіе обыкновенно кое-какъ, распредѣлители преслѣдовали при этомъ очень часто больше свои личныя выгоды, нежели выгоды крестьянскихъ обществъ. Въ этомъ отношеніи особенно достопримѣчательна была попытка правильнаго распредѣленія земель въ Псковской губерніи. Тамъ всѣ земли были распредѣлены между селеніями по числу душъ, и при этомъ къ дѣлу отнеслись самымъ формальнымъ бумажнымъ образомъ, когда у однихъ селеній отрѣзывались ближайшія къ нимъ угодья, необходимыя имъ, и отдавались другимъ селеніямъ, далеко отъ этихъ угодій расположеннымъ. При этомъ дѣленіи явно преслѣдовалась только одна бумажная правильность, по которой выходило, что земля распредѣлена между обществами правильно и на каждую душу приходится равное количество десятинъ, а что эти десятины оказывались разбросанными по огромному пространству, объ этомъ канцеляріи и палаты, производившія раздѣлы, просто не подумали.

Въ средѣ самихъ крестьянскихъ общинъ не было никакой твердой увѣренности въ своихъ гражданскихъ правахъ, которыя попирались всѣми, кому

то было не лѣнь. Мірскіе сходы, какъ будто избиравшіе свое начальство, обязанное даже отвѣтственностью и отчетностью въ своихъ поступкахъ передъ сходами, на самомъ дѣлѣ выбирали низшихъ агентовъ правительства, которые на дѣлѣ являлись болѣе отвѣтственными передъ капитанъ-исправникомъ и различными сборщиками казенныхъ повинностей, нежели передъ своими избирателями. Мірскіе сходы въ силу вещей должны были поступать такъ, какъ предуказывало начальство, проявлявшее свою волю или непосредственно, или черезъ своекорыстныхъ богатыхъ крестьянъ, дѣлившихся съ начальствомъ плодами эксплуатаціи доходныхъ статей общины. Эти вліятельные своимъ капиталомъ односельчане, которыхъ народъ мѣтко назвалъ міроѣдами, собственно говоря, и рѣшали всѣ дѣла общины, дѣйствуя на отдѣльныхъ членовъ схода силой своего капитала, угрозой пожаловаться начальству или просто подкупая мірянъ выставленіемъ соотвѣтственнаго количества ведеръ вина. Около водки и изъ-за водки шла такъ или иначе вся общественная жизнь крестьянскихъ міровъ, и откупная система, царившая тогда, наибольшее число своихъ кліэнтовъ находила именно среди государственныхъ крестьянъ. „Откупщики, покровительствуемые казною, — говоритъ біографъ гр. П. Д. Киселева,—устремлялись со своими кабаками преимущественно въ казенныя селенія, такъ какъ селенія помѣщичьи болѣе или менѣе успѣшно ограждались владѣльцами ихъ, а удѣльныя — ихъ управленіемъ. Въ 1837 г. въ 15 великорусскихъ губерніяхъ на 3.078.155 душъ государственныхъ крестьянъ было 4.387 кабаковъ, или одинъ на 701 душу, тогда какъ въ тѣхъ же губерніяхъ, въ помѣщичьихъ селеніяхъ на 4.882.501 душу было только 1.836 кабаковъ, или одинъ на 2.691 душу“.

Благословеніе при сговорѣ крестьянской свадьбы (оригъ. Акимова).

Отсутствіе всякой покровительственной власти, исключительная эксплуатація платежныхъ силъ государственныхъ крестьянъ, отсутствіе всякой заботы объ ихъ благѣ не только разстраивало экономическое благосостояніе государственныхъ крестьянъ, но и подрывало ихъ морально: пьянство и распущенность государственныхъ крестьянъ были притчеи во языцѣхъ даже среди вообще далекой отъ трезвеннаго образа жизни Россіи. Въ результатѣ, среди государственныхъ крестьянъ свили себѣ прочное гнѣздо нищета и голодъ со всѣми

своими спутниками—болѣзнями, лѣнью, общей распущенностью, невѣжествомъ. И все-таки руководящимъ мотивомъ всей этой безотрадной картины продолжало быть со стороны правительства стремленіе „высѣкать“ черезъ посредство капитанъ-исправниковъ съ обнищалаго народа елико возможно полностью всѣ казенные платежи, а со стороны самого народа все возрастало упорное „нежеланіе платить“, какъ отмѣчаютъ современныя донесенія, а на дѣлѣ, конечно, это была нищета, невозможность уплачивать. Въ біографіи гр. П. Д. Киселева, составленной его подчиненнымъ и сотрудникомъ по крестьянскому дѣлу, приводится поразительное для этой эпохи описаніе положенія государственныхъ крестьянъ Полтавской губерніи, сдѣланное предводителемъ дворянства названной губерніи Капнистомъ. Описывая положеніе государственныхъ крестьянъ, какъ казенныхъ плательщиковъ въ промежутокъ времени съ 1821 по 1838 годъ, Капнистъ говоритъ: „Движимость, скотъ, овцы, наконецъ, одежда и рубища поселянъ были продаваемы съ публичнаго торга на базарахъ и ярмаркахъ, сами же поселяне были подвергаемы жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Въ теченіе этого несчастнаго времени бѣдность поселянъ достигла до такой степени, что на девять хозяевъ считалась одна пара воловъ, а земли оставалось не болѣе $2^1/_2$ десятинъ на душу; въ продолженіе этого времени возникло и постепенно увеличилось число поселянъ совершенно безземельныхъ, которые составили впослѣдствіи большую тягость обществу, обязанному за нихъ уплатою податей. Поселяне здѣшняго края (Полтавской губерніи) боролись съ угнетавшими ихъ обстоятельствами, сохраняя нравственность, трудолюбіе и безкорыстіе своихъ предковъ, но когда всѣ вспомогательныя средства ихъ истощились, они вынуждены были крайностью сорвать съ женъ и дочерей своихъ служившіе имъ вмѣсто ожерельевъ серебряные рубли и имперіалы и отдать оные въ уплату податей и недоимокъ; тогда веселость народная, трудолюбіе и безкорыстіе, естественно, замѣнились унынiемъ, бездѣйствіемъ и другими пороками, имѣвшими самое пагубное вліяніе на нравственность народную. Если принять въ соображеніе совершенный произволъ въ распредѣленіи податей, отсутствіе всякаго порядка во взысканіи оныхъ и полную безотчетность во взысканныхъ суммахъ, тогда съ ясностью откроется степень безобразнаго положенія въ это время сихъ важнѣйшихъ установленій государственнаго хозяйства. Съ утвердительностью сказать можно, что въ то время каждый поселянинъ находился въ совершенной неизвѣстности, сколько онъ уплатилъ податей и сколько за нимъ числится недоимки. Всякій учетъ по этому предмету терялся въ хаосѣ безотчетности и безпорядка“. Цифры даютъ этой картинѣ горя и отчаянія свой холодный, но тѣмъ еще болѣе краснорѣчивый штрихъ: за время съ 1815 по 1831 г. сложено было съ полтавскихъ государственныхъ крестьянъ $16^1/_2$ милліоновъ рублей податей недоимки и все же къ 1839 г. недоимки числилось за ними болѣе $5^1/_2$ милліоновъ рублей! Вообще недоимка, тяготѣвшая надъ государ-

Дѣвушка съ васильками.

(Картина *Венецианова*).

ственными крестьянами Россіи, была огромна. За десятилѣтіе съ 1826 г. по 1836 г. съ казенныхъ крестьянъ было сложено 66.980.537 рублей ассигн. и все-таки въ 1836 г. разныхъ недоборовъ числилось за ними 63.636.286 рублей ассигн.

Положеніе дѣйствительно рисовалось отчаяннымъ, и жизнь властно заставляла правительство что-нибудь сдѣлать, такъ какъ нельзя было оставить $^1/_3$ земледѣльческаго населенія Россіи гибнуть въ отчаянной безпросвѣтной нищетѣ.

Мальчикъ, просящій милостыню (Л. М. Жемчужникова).

Императоръ Николай давно зналъ отчаянное положеніе той рубрики хозяйства своего государства, которая въ ежегодныхъ Высочайшихъ докладахъ министерства и губернаторовъ, несмотря на витіеватыя слова, вырисовывалась приводимыми цифрами въ безпощадно тревожномъ свѣтѣ.

Съ первыхъ дней своего царствованія Николай Павловичъ проявилъ большой интересъ къ крестьянскому вопросу вообще и очень много думалъ объ освобожденіи крѣпостныхъ. Но яркій и убѣжденный консерваторъ по натурѣ и воспитанію, онъ не рискнулъ сдѣлать открытый и рѣшительный шагъ къ освобожденію. Ему все казалось, что время не пришло, что надо чего-то ждать еще. Его точно страшило новшество, хотя онъ прекрасно чувствовалъ, что пойти на него надо. И рѣшительное слово въ этомъ вопросѣ онъ предоставилъ сказать своему преемнику [1]). Но, можетъ-быть, съ тѣмъ большимъ вниманіемъ сосредоточился онъ на той части крестьянскаго вопроса, гдѣ ему не надо было рѣзко ломать „нерушимыхъ устоевъ" государственности, однимъ изъ которыхъ считалось тогда крѣпостное право. Этой доступной для реформы частью являлся для императора Николая вопросъ о государственныхъ крестьянахъ.

[1]) См. ст. «Секретные комитеты».

Правой рукой государя въ дѣлѣ новаго устройства быта государственныхъ крестьянъ былъ графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ. Это былъ человѣкъ того поколѣнья, изъ котораго вышли декабристы. Со многими изъ нихъ Киселевъ былъ лично хорошо знакомъ и друженъ. Онъ хорошо зналъ Трубецкого, Волконскаго, Бурцева, Басаргина. Часто встрѣчался и много бесѣдовалъ съ Пестелемъ и всегда съ большой любовью и охотой вспоминалъ эти свои бесѣды. Дома, въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, онъ вращался въ томъ кругу общества, гдѣ почетными гостями были Н. М. Карамзинъ и И. И. Дмитріевъ, его сверстниками и товарищами были А. И. Тургеневъ и кн. П. А. Вяземскій. Вырасти, воспитать себя духовно пришлось Киселеву среди людей избранныхъ и просвѣщенныхъ, и это навсегда сообщило ему большую широту взглядовъ, любовь къ книгѣ, къ просвѣщенности вообще. Судьба предопредѣлила ему въ молодости пережить эпоху 12-го года, и онъ въ качествѣ кавалергардскаго офицера продѣлалъ всѣ кампаніи, завершившіяся походомъ 13-го и 14-го годовъ. За границей онъ внимательно присматривался къ тамошнимъ порядкамъ, и какъ всѣ тогдашніе лучшіе и просвѣщенные люди, умѣвшіе смотрѣть на все открытымъ непредубѣжденнымъ взглядомъ, П. Д. Киселевъ привезъ изъ заграничнаго похода то настроеніе гражданской скорби и тотъ подъемъ національнаго чувства, который людей, болѣе нежели онъ по натурѣ экспансивныхъ, привелъ 14 декабря на Сенатскую площадь. Киселевъ о дѣятельныхъ намѣреніяхъ декабристовъ ничего не зналъ, но идейно былъ съ ними согласенъ, особенно въ крестьянскомъ вопросѣ. Онъ былъ безусловнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ и этой своей главной мысли не скрывалъ никогда. Еще въ 1816 г. онъ подалъ императору Александру Павловичу записку объ освобожденіи крѣпостныхъ.

Принадлежа къ типу людей очень осторожныхъ и органически не склонныхъ къ дѣйствіямъ и поступкамъ радикальнымъ, Киселевъ и въ крестьянскомъ вопросѣ, какъ и во многомъ изъ своей богатой и содержательной административной дѣятельности, стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что радикальное рѣшеніе вопроса о крѣпостныхъ невозможно, что крутой и рѣзкій переломъ въ судьбѣ крѣпостныхъ просто опасенъ: первый порывъ вольности приведетъ къ буйству крестьянъ, а потеря правъ дворянства вызоветъ со стороны первенствующаго сословія негодованіе и недовольство правительствомъ. Киселевъ настаивалъ на постепенномъ освобожденіи крѣпостныхъ и намѣчалъ цѣлую программу такого освобожденія. Вдумчивость при сужденіи о дѣлахъ и осторожность при воплощеніи мысли въ дѣло никогда не станутъ условіемъ слабости и малодушія человѣка, какъ дѣятеля, если человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ во имя честно и опредѣленно сознанныхъ долгимъ трудомъ мысли выясненныхъ идей. Киселевъ былъ человѣкомъ съ очень опредѣленнымъ міросозерцаніемъ и очень стойкимъ, рѣшительнымъ и послѣдовательнымъ въ трудномъ дѣлѣ согласованія мысли и слова съ поступками. Жизнь сдѣлала изъ него бюро-

крата. Киселевъ вѣрилъ въ возможность успѣшнаго устройства простыхъ житейскихъ отношеній въ людскомъ обществѣ путемъ канцелярскихъ распоряженій. Въ этомъ онъ былъ сыномъ своего времени, которое еще вѣрило въ это. Но природный умъ, огромный житейскій тактъ и опытъ всегда заставляли его передъ тѣмъ, какъ браться за канцелярскія соображенія по тому или иному вопросу, обслѣдовать этотъ вопросъ въ его житейскомъ состояніи, увидѣть воочію, а не въ казенномъ описаніи дѣло, съ которымъ надо оперировать; ему надо было почувствовать данный фактъ, такъ сказать, въ его постоянномъ и обычномъ ежедневномъ проявленіи. Не довольствуясь доне-

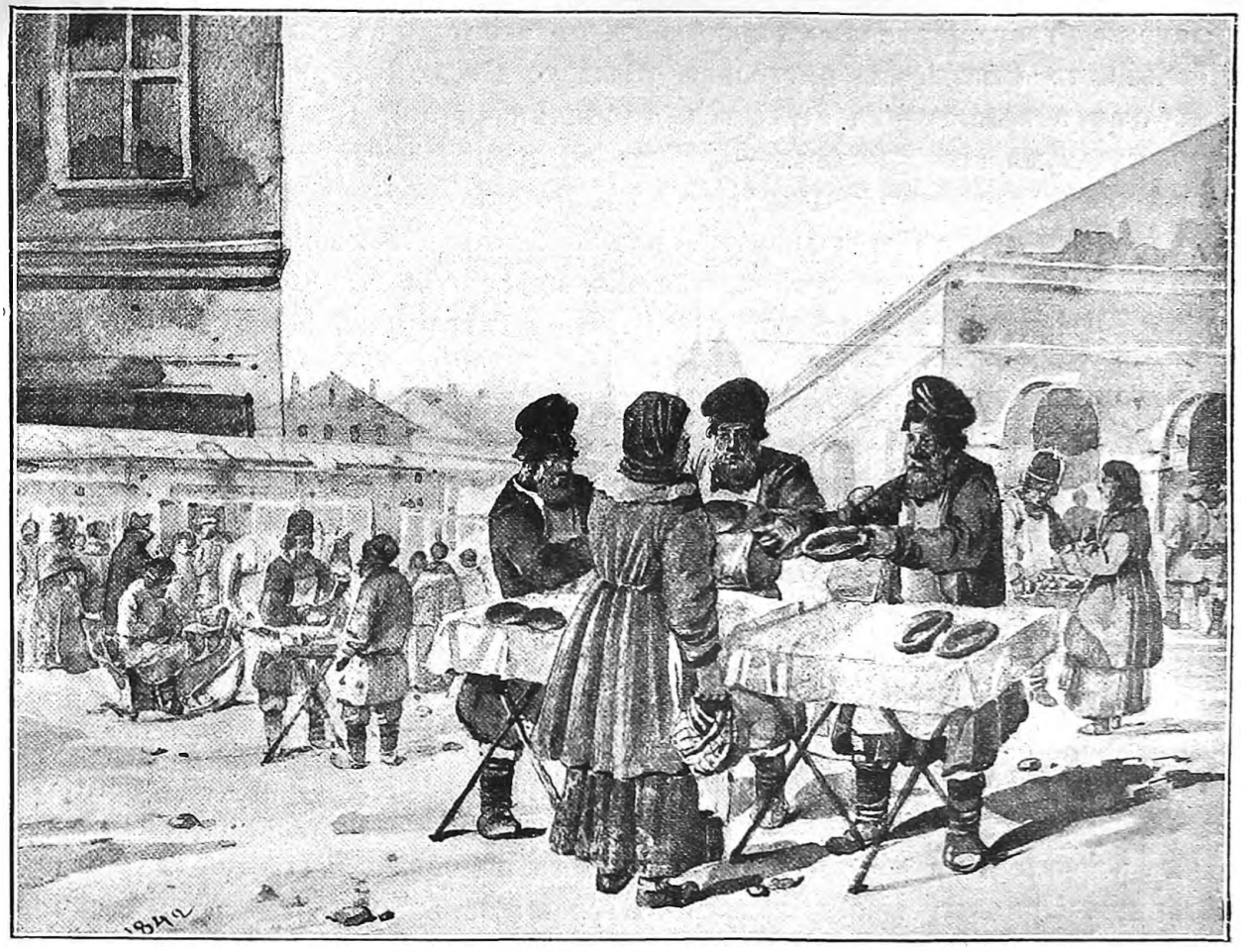
Пьяные (акв. Кольмана).

сеніями особо разсылаемыхъ имъ и очень осторожно и обыкновенно удачно выбранныхъ чиновниковъ, Киселевъ всегда самъ дѣлалъ послѣднее знакомство со всякимъ дѣломъ на мѣстѣ. Такъ онъ поступалъ, будучи пять лѣтъ временно управляющимъ Молдавіей и Валахіей послѣ мира съ Турціей въ 1829 г. Такимъ же онъ остался, когда императоръ Николай поручилъ ему дѣло устройства быта государственныхъ крестьянъ. Императоръ Николай Павловичъ зналъ, что онъ поручаетъ дѣло устройства быта государственныхъ крестьянъ человѣку, проникнутому идеей освобожденія крѣпостныхъ. Но такъ какъ онъ и самъ былъ сторонникомъ освобожденія, то освободительное стремленіе Киселева его не пугало, а, напротивъ, служило залогомъ, что поручаемое ему дѣло П. Д. Киселевъ выполнитъ въ предѣлахъ возможнаго какъ

можетъ лучше. Въ средѣ, окружавшей императора Николая, П. Д. Киселевъ былъ чуть ли не единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ императоръ могъ говорить о крестьянскомъ вопросѣ, не ожидая встрѣтить увертокъ и плохо скрытаго недовольства. „Мы оба съ тобой,— говоритъ императоръ Николай П. Д. Киселеву въ 1834 г.,—имѣемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ (объ освобожденіи крестьянъ), котораго мои министры не понимаютъ и который ихъ пугаетъ". „Я говорилъ со многими изъ моихъ сотрудниковъ,— сказалъ другой разъ императоръ, вспоминая начало царствованія,—и ни въ одномъ не нашелъ прямого сочувствія; даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые были совершенно противны. Несмотря на то, я учредилъ комитетъ изъ семи человѣкъ для разсмотрѣнія постановленій о крѣпостномъ правѣ. Я нашелъ противодѣйствіе". По своей привычкѣ переводить все на военный языкъ императоръ Николай Павловичъ именовалъ П. Д. Киселева въ шутку своимъ „начальникомъ штаба по крестьянской части". Киселевъ съ величайшей радостью принялъ порученіе государя. Хорошо подготовленный къ дѣлу прежними своими работами и долголѣтнимъ живымъ интересомъ къ крестьянскому вопросу, осторожный и вдумчивый, онъ рѣшилъ прежде всего возможно шире и глубже познакомиться на практикѣ съ бытомъ государственныхъ крестьянъ. По его иниціативѣ предпринята была детальная ревизія управленія государственными имуществами, вопросъ о которыхъ онъ связывалъ съ вопросомъ устройства быта государственныхъ крестьянъ. Для ревизіи были намѣчены четыре губерніи: Псковская, Московская, Тамбовская и Курская—характерныя для соотвѣтствующихъ полосъ Россіи. Когда ревизіи были закончены, П. Д. Киселевъ самъ провѣрилъ результаты работы ревизоровъ и въ теченіе лѣта 1836 г. объѣздилъ названныя губерніи, всюду близко присматриваясь къ жизни крестьянъ, входя во всѣ подробности условій ихъ существованія и состоянія. 17 мая 1837 г. П. Д. Киселевъ представилъ государю подробный докладъ, въ которомъ подводилъ итоги произведеннымъ ревизіямъ, провѣренные собственнымъ наблюденіемъ, и намѣчалъ программу того, что, по его мнѣнію, необходимо было сдѣлать для лучшаго устройства быта государственныхъ крестьянъ.

Положеніе государственныхъ крестьянъ было обрисовано П. Д. Киселевымъ въ его докладѣ самыми мрачными и безотрадными чертами—да жизнь и дѣйствительность ничего отраднаго тутъ и не давали. Въ основу предполагавшейся реформы, долженствовавшей улучшить бытъ государственныхъ крестьянъ, Киселевъ клалъ необходимость устройства правильной и справедливой администраціи государственныхъ имуществъ и управленія государственными крестьянами, основной задачей которой было бы попеченіе о государственныхъ крестьянахъ въ цѣляхъ устраненія всѣхъ недостатковъ и темныхъ сторонъ ихъ быта—малоземелья, притѣсненія постороннихъ властей, невѣжества, пьянства, нищеты, вообще—поднятіе ихъ благосостоянія и нравственнаго благополучія.

Только организовавъ самое устройство управленія государственными крестьянами, ему казалось возможнымъ приняться за улучшеніе ихъ податного и хозяйственнаго положеній. По создавшейся обстановкѣ это и дѣйствительно было такъ—надо было создать самый аппаратъ, при помощи котораго вопросъ о государственныхъ крестьянахъ, казалось, безнадежно вкрапленный въ хаосъ общаго неустройства, можно было выдѣлить и обособить, чтобы рѣшать его, поскольку то представится возможнымъ, внѣ связи съ общимъ положеніемъ



Сбитенщикъ, акв. Кольмана (колл. Щукина).

земледѣльческаго вопроса въ крѣпостной Россіи. Прежде всего Киселевъ предложилъ изъять завѣдываніе государственными имуществами и крестьянами изъ вѣдѣнія Министерства Финансовъ, образовавъ особое министерство для этого. Въ декабрѣ 1837 года было проведено черезъ Государственный Совѣтъ и утверждено государемъ учрежденіе Министерства Государственныхъ Имуществъ и наказъ новому министерству, при чемъ П. Д. Киселевъ былъ назначенъ министромъ новаго министерства. 30 апрѣля 1838 г. были утверждены учрежденіе объ управленіи государственныхъ имуществъ въ губер-

ніяхъ и сельскій, полицейскій и сельскій судебный уставы, которые должны были лечь въ основу новаго устройства быта государственныхъ крестьянъ.

Основной задачей новаго высшаго правительственнаго учрежденія—Министерства Государственныхъ Имуществъ—ставилось попеченіе о нуждахъ и бытѣ государственныхъ крестьянъ. Въ каждой губерніи учреждалась особая палата государственныхъ имуществъ, занимавшая равноправное со всѣми высшими губернскими учрежденіями мѣсто. Палатѣ государственныхъ имуществъ въ каждой губерніи были подчинены округа, которые, смотря по количеству государственныхъ крестьянъ, то совпадали съ уѣзднымъ дѣленіемъ губерніи, то охватывали нѣсколько уѣздовъ. Каждый округъ распадался на волости, а волости—на селенія. Во главѣ округа стоялъ окружный начальникъ съ двумя помощниками — однимъ по лѣсной части и однимъ по завѣдыванію государственными крестьянами. Волость составляли сельскія общества по расчету, чтобы количество ихъ обитателей по возможности не превышало 6.000 человѣкъ и чтобы селенія, входившія въ волость, отстояли не далѣе 40 верстъ отъ волостного центра. Палаты государственныхъ имуществъ и окружныя управленія являлись органами бюрократическими—состояли изъ назначенныхъ правительствомъ чиновниковъ. Управленіе волостью и селеніемъ сохраняло свое привычное выборное начало. Каждые три года долженъ былъ собираться волостной сходъ для избранія волостного правленія и членовъ волостного суда. Волостное правленіе составляли волостной голова и два засѣдателя—одинъ по полицейской части, другой по хозяйственной. Избирались члены волостного правленія на три года и за службу получали жалованье изъ волостныхъ суммъ. Писарь тоже избирался на волостномъ сходѣ, но онъ въ составъ правленія не входилъ и долженъ былъ вести только канцелярскую часть. Волостное правленіе созываетъ волостной сходъ, утверждаетъ тѣ приговоры сельскихъ сходовъ, которые по закону должны быть представлены на утвержденіе въ волость, наблюдаетъ вообще за дѣятельностью сельскихъ управленій и доноситъ о непорядкахъ и затрудненіяхъ окружному начальнику. Предѣлы власти волостного головы остались почти безъ измѣненія сравнительно съ Положеніемъ 1797 года, т.-е. были намѣчены очень широко: волостной голова, говорится въ законѣ, „обращаетъ вниманіе на всѣ предметы сельскаго устройства и управленія“.

Въ каждомъ большомъ селеніи учреждалось сельское общество, при чемъ, какъ общее правило, соблюдалось, чтобы не происходило дробленія одного селенія на нѣсколько обществъ: какъ бы ни велико было число душъ въ селеніи, все равно они составляли одно общество; но небольшія селенія или присоединялись къ сосѣднему крупному или включались всѣ въ одну группу, но такъ, чтобы разстояніе между ними было не болѣе 15 верстъ. Приблизительно соблюдалось, какъ общее правило, чтобы сельское общество заключало въ себѣ не менѣе 1.500 душъ плательщиковъ. Органомъ дѣйствія сельскаго

общества былъ сельскій сходъ и притомъ двоякаго состава: обыкновенный, когда собирались выборные отъ домохозяевъ, избиравшіеся на три года по одному отъ каждыхъ пяти дворовъ, и расширенный, когда собирались всѣ домохозяева. Этотъ послѣдній сходъ расширеннаго состава могъ собираться лишь въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, разъ въ три года для избранія сельскихъ властей, „выборныхъ“ на сельскій сходъ и „выборныхъ“ на сходъ волостной, которыхъ выбирали по одному съ каждыхъ 20 дворовъ; во-вторыхъ, сельскій сходъ расширеннаго состава собирался для передѣловъ общественныхъ полей и угодій. Обыкновенный сельскій сходъ собирался три раза въ годъ—въ январѣ, апрѣлѣ и сентябрѣ. Вѣдѣнію обыкновеннаго сельскаго схода подлежали дѣла по пріему новыхъ лицъ, желавшихъ вступить въ общество, и увольненіе уходившихъ или удаляемыхъ, раздѣлъ земель общества между его членами, опредѣленіе суммы денежнаго сбора на мірскіе расходы, раскладка податей, мѣры по взысканію недоимокъ, распредѣленіе отбыванія рекрутской повинности, дорожной, подводной, лѣсной расчисткѣ казенныхъ лѣсовъ, назначеніе опекуновъ къ малолѣтнимъ, контроль надъ дѣйствіями этихъ опекуновъ, выдача довѣренностей на хожденіе по дѣламъ общества и т. п.

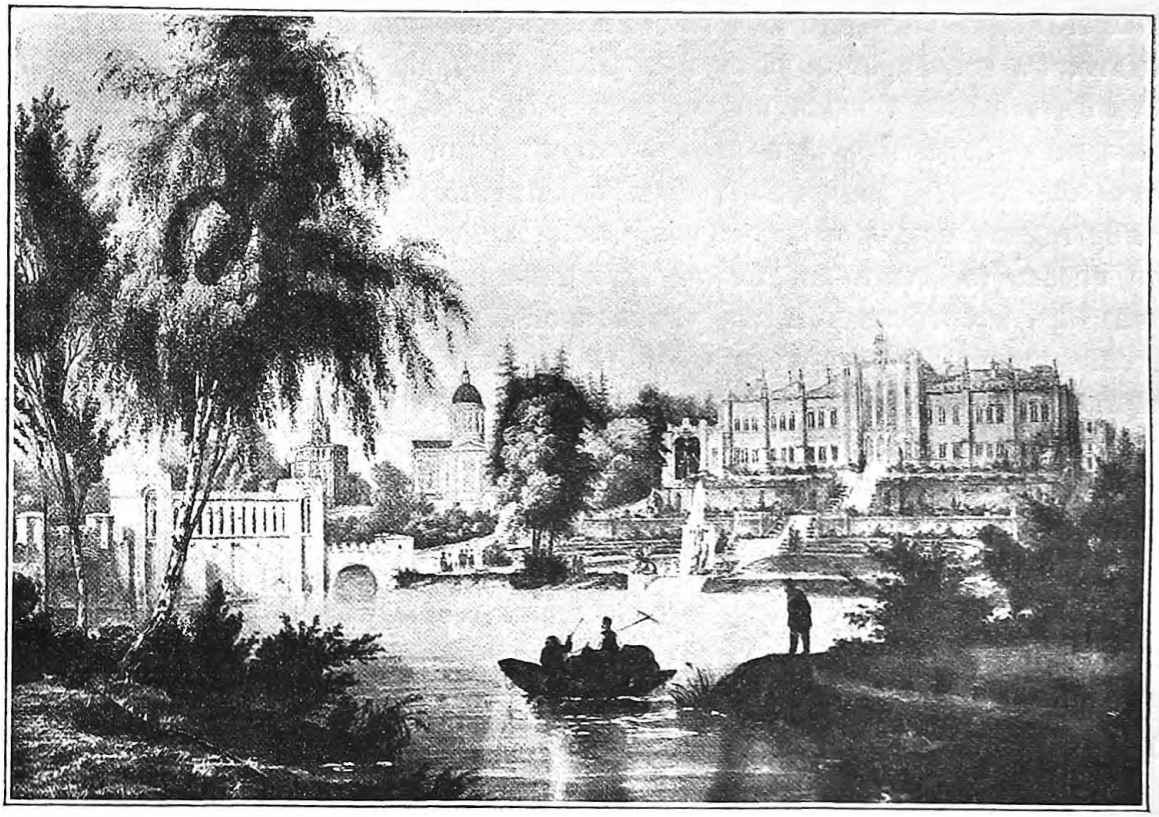
Во главѣ каждаго сельскаго общества становился сельскій старшина, избиравшійся на три года. Сельскій старшина предсѣдательствовалъ на сельскихъ сходахъ, являлся исполнителемъ постановленій схода и наблюдалъ за благоустройствомъ внутренней жизни общества. Въ обществахъ, въ которыхъ числилось не болѣе 100 дворовъ, въ помощь старшинѣ избирался одинъ староста, а если въ обществѣ насчитывалось болѣе 100 дворовъ, то съ каждой лишней сотни выбиралось по одному старостѣ. Затѣмъ сельскій сходъ выбиралъ еще смотрителя сельскаго запаснаго хлѣбнаго магазина, членовъ сельской расправы, полѣсовщиковъ къ общественнымъ и казеннымъ лѣснымъ угодьямъ, пожарныхъ старостъ къ казеннымъ лѣсамъ и сотскихъ. Сотскіе избирались по одному на каждые двѣсти дворовъ, и обязанностью ихъ было наблюдать за полицейской безопасностью въ предѣлахъ своей сотни. Въ этомъ отношеніи сотскіе составляли сельскую полицію и были непосредственно подчинены уѣзднымъ полицейскимъ властямъ—становому приставу и исправнику, а отъ сельскаго, волостного и окружного начальства были независимы. На каждые 10 или 20 дворовъ, смотря по величинѣ общества, назначались по очереди на одинъ мѣсяцъ десятскіе, обязанностью которыхъ было нести низшія вспомогательныя должности при сельскомъ начальствѣ и сотскихъ.

Затѣмъ для государственныхъ крестьянъ учреждался особый судъ, состоявшій изъ двухъ инстанцій—сельской и волостной, получившихъ названіе сельской расправы и волостной расправы. Сельскую расправу составляли—сельскій старшина, какъ ея предсѣдатель, и двое избранныхъ міромъ „добросовѣстныхъ“. Засѣдалъ этотъ судъ по субботамъ. Подвѣдомственны ему были

дѣла по мелкимъ проступкамъ и по незначительнымъ тяжбамъ. Сельская расправа могла приговаривать виновныхъ къ штрафу до 1 рубля, къ работѣ до шести дней и къ тѣлесному наказанію не свыше 20 ударовъ розгами. Недовольные приговоромъ сельской расправы могли жаловаться въ волостную расправу, гдѣ дѣла разбирались волостнымъ головой и двумя избранными волостью волостными добросовѣстными.

Таковы были администрація и судъ для государственныхъ крестьянъ, созданные по мысли и непосредственнымъ указаніямъ П. Д. Киселева. Это новое устройство создавало большія облегченія въ положеніи государственныхъ крестьянъ и дѣлало возможнымъ послѣдовательное и раціональное проведеніе дальнѣйшихъ улучшеній и прежде всего въ ихъ экономическомъ быту. Въ результатѣ созданія новыхъ учрежденій для государственныхъ крестьянъ огромная масса сельскаго населенія оказалась выдѣленной въ смыслѣ управленія и администраціи ея въ особую группу, при чемъ въ основу всего устройства полагалась мысль о развитіи благосостоянія государственныхъ крестьянъ. До того государственные крестьяне, причисленные по управленію къ вѣдомству Министерства Финансовъ, разсматривались какъ простая доходная статья казны, и только съ этой точки зрѣнія строилось все отношеніе власти къ этой группѣ земледѣльческаго населенія Россіи. Министерство Государственныхъ Имуществъ, въ вѣдѣніе котораго переходили теперь государственные крестьяне, естественно должно было оставить прежнюю точку зрѣнія на государственныхъ крестьянъ только какъ на доходную статью казны— новому министерству по самой задачѣ его предстояли прежде всего заботы объ улучшеніи быта и общаго положенія государственныхъ крестьянъ. За восемнадцатилѣтнее управленіе Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ П. Д. Киселевымъ было много сдѣлано для государственныхъ крестьянъ. Въ 1843 году графъ П. Д. Киселевъ въ первый разъ напечаталъ и опубликовалъ во всеобщее свѣдѣніе представленный имъ государю отчетъ по управленію Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. Этотъ отчетъ, какъ и отчеты за послѣдующіе годы, составленные чрезвычайно обстоятельно, очень наглядно и убѣдительно показываютъ, какъ шла самая работа новаго министерства по улучшенію быта подвѣдомственныхъ ему крестьянъ, такъ и результаты этой работы. Въ основу этой работы было положено земельное устройство государственныхъ крестьянъ. По плану Киселева была произведена точная перепись казенныхъ земель и исчислено количество государственныхъ крестьянъ. Изъ свободныхъ казенныхъ земель было отведено нуждавшимся государственнымъ крестьянамъ 2.444.790 десятинъ. Пятьсотъ тысячъ десятинъ было отведено для поселенія 56.000 душъ крестьянъ, не имѣвшихъ до того никакихъ земельныхъ надѣловъ. Кромѣ всего этого, сельскимъ обществамъ было предоставлено въ пользованіе болѣе двухъ милліоновъ десятинъ лѣса. Въ цѣляхъ дальнѣйшей борьбы съ малоземельемъ было организовано переселеніе кре-

стьянъ изъ мѣстностей заселенныхъ, гдѣ на душу приходилось менѣе пяти десятинъ, въ мѣста, гдѣ свободныхъ земель было много и населеніе было не такъ густо. Такъ было переселено графомъ П. Д. Киселевымъ около 170 тысячъ душъ крестьянъ и роздано имъ было около $2^1/_2$ милліоновъ десятинъ земли по расчету отъ 8 до 15 десятинъ на душу. Для развитія сельско-хозяйственнаго быта государственныхъ крестьянъ были устроены на мѣстахъ, въ большихъ селахъ и при окружныхъ управленіяхъ, особыя вспомогательныя кассы—мелкія кредитныя учрежденія, гдѣ крестьяне могли получать небольшія ссуды на свои хозяйственныя нужды на очень льготныхъ



Маронно, имѣніе Паниныхъ (проектъ реставраціи послѣ пожара 1812 г.).

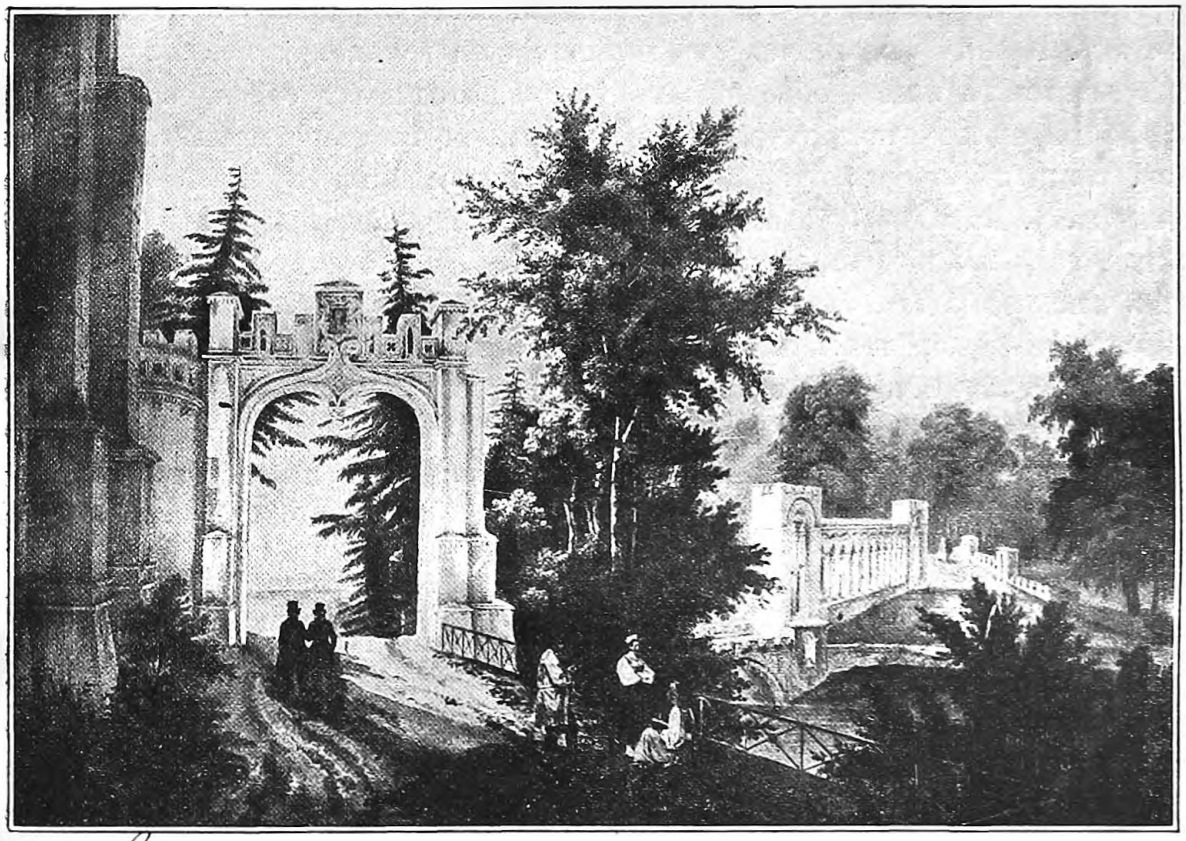
условіяхъ. Дѣло это очень пошло, и выдача ссудъ въ среднемъ достигала ежегодно суммы болѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ милліона рублей. При этихъ учрежденіяхъ мелкаго кредита были устроены особыя сельскія сберегательныя кассы, что тоже очень привилось и позволило государственнымъ крестьянамъ дѣлать сбереженія. Къ концу управленія графомъ Киселевымъ министерствомъ насчитывалось уже 515 такихъ сберегательныхъ кассъ. Въ обезпеченіе отъ неурожаевъ было организовано при Киселевѣ 3.262 сельскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазина и десять большихъ центральныхъ, изъ которыхъ довольно щедро и безъ большихъ формальностей раздавались въ трудныя для кре-

стьянъ минуты вспомоществованія зерномъ какъ на пропитаніе, такъ и на засѣвъ.

Въ цѣляхъ дальнѣйшаго обезпеченія хозяйственнаго быта крестьянъ, П. Д. Киселевъ провелъ большія и очень цѣлесообразныя реформы въ области податей и повинностей, лежавшихъ на государственныхъ крестьянахъ. Эти реформы въ первую голову коснулись той надбавки къ подушной подати, которую государственные крестьяне уплачивали со времени введенія подушной подати въ видѣ оброка за казенную землю. И подушная подать и оброкъ изстари исчислялись въ одинаковой суммѣ съ души по всему пространству Россіи, независимо отъ хозяйственныхъ условій, въ которыхъ приходилось податнымъ душамъ жить и дѣйствовать. П. Д. Киселевъ рѣшилъ „подати, съ государственныхъ крестьянъ собираемыя, привести въ соразмѣрность съ выгодами, какія получаются ими отъ земель и промысловъ“. Съ этой цѣлью была начата и къ 1855 году закончена въ 18 губерніяхъ подробная опись земель, занятыхъ государственными крестьянами, и установлены размѣры доходности этихъ земель, что и дало возможность переложить оброчную подать съ душъ на землю. Изъ повинностей, лежавшихъ на государственныхъ крестьянахъ, была упорядочена, въ смыслѣ облегченія отбыванія ея, самая тяжелая—рекрутская. До реформы Киселева отбываніе рекрутской повинности было устроено на основѣ очереди отбыванія ея, при чемъ въ очередные списки заносились крестьяне съ 15-лѣтняго возраста и числились въ нихъ до 35-лѣтняго, другими словами, двадцать лѣтъ надъ каждымъ крестьяниномъ тяготѣла угроза попасть при томъ или иномъ наборѣ въ солдаты. П. Д. Киселевымъ было установлено, что призывъ къ отбыванію воинской повинности постигаетъ каждаго крестьянина только на его двадцатилѣтнемъ возрастѣ, а самый наборъ происходитъ путемъ жеребьевки. Кто не попадаетъ при этомъ въ солдаты, тотъ навсегда освобождается отъ активной военной службы.

Цѣлый рядъ мѣръ, намѣченныхъ П. Д. Киселевымъ, имѣлъ въ виду облегченіе крестьянъ отъ тѣхъ тягостей, которыя создавались вѣковыми врагами сельской Россіи — пожарами и эпидеміями, свивавшими себѣ прочное гнѣздо среди отчаянныхъ антисанитарныхъ условій жизни русскихъ крестьянъ. Окружному и сельскому начальству строжайше предписывалось принимать мѣры противъ огненнаго бѣдствія. Въ министерствѣ вырабатывались планы крестьянскихъ построекъ, возможно болѣе гарантированныхъ отъ огня. При округахъ были учреждены должности особыхъ инженеровъ, которые должны были пропагандировать среди крестьянъ огнестойкія постройки и рекомендовать постройку каменныхъ избъ, устройство глинобитныхъ крышъ, посадку деревьевъ между отдѣльными избами и т. п. Какъ ни туго все это прививалось въ крестьянскомъ быту, но кое-что все же дѣлалось, и за время управленія министерствомъ графа Киселева 13.368 селеній были перестроены

послѣ пожаровъ на основѣ новыхъ раціональныхъ плановъ. 600 казенныхъ кирпичныхъ заводовъ, разсѣянныхъ во всей Россіи, доставляли на льготныхъ условіяхъ дешевый кирпичъ, и дѣло перестройки деревянной сельской Россіи въ каменную понемногу налаживалось. Въ 1853 г. министерствомъ было организовано взаимное страхованіе, оборотъ котораго сразу сталъ очень крупнымъ: въ среднемъ, выдавалось въ годъ около 600 тысячъ рублей. Бичомъ тогдашней русской деревни была оспа. По иниціативѣ П. Д. Киселева организовалось очень широко оспопрививаніе, и къ концу его управленія мини-



Мароппо (проектъ, изъ архива гр. С. В. Паппиой).

стерствомъ $^{9}/_{10}$ всего количества рождаемыхъ ежегодно младенцевъ получали прививку оспы. Организація медицинской помощи выразилась въ устройствѣ особыхъ врачебныхъ пунктовъ; было устроено обученіе крестьянокъ акушерскому искусству и учреждено особое училище для фельдшеровъ изъ крестьянъ. Сознавая, что лучшимъ средствомъ для поднятія нравственнаго уровня крестьянъ является просвѣщеніе и школа, Киселевъ приложилъ много усилій къ тому, чтобы завести училища, и по отчетамъ его министерства видно, что эти усилія П. Д. Киселева привели къ очень крупнымъ результатамъ. Онъ принялъ въ свое завѣдываніе государственныхъ крестьянъ, когда въ нихъ се-

леніяхъ насчитывалось всего 60 училищъ съ 1.800 учащихся, а когда оставилъ управленіе министерствомъ, то училищъ насчитывалось 2.551 съ 110.994 учащихся, изъ которыхъ 18.459 были дѣвочки. Это очень почтенный результатъ для 18 лѣтъ дѣятельности, когда отъ казны не было потребовано ни одной копейки какъ на открытіе, такъ и на содержаніе этихъ училищъ; средства на это нашлись въ самомъ министерствѣ. Изъ другихъ мѣръ въ области народной нравственности слѣдуетъ отмѣтить упорно проводимое Киселевымъ сокращеніе кабаковъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ и постройка церквей, при чемъ причту вмѣнялось въ обязанность преподаваніе грамоты крестьянамъ и руководство первой медицинской помощью въ несчастныхъ случаяхъ. Причту выдавались отъ министерства вспомоществованія на заведеніе опытныхъ полей, образцовыхъ ульевъ, плодовыхъ садовъ и т. п.

Въ результатѣ такъ устроеннаго управленія государственными крестьянами, когда въ первую очередь были выдвинуты и въ теченіе 18 лѣтъ управленія П. Д. Киселевымъ достаточно раціонально, поскольку то было въ его силахъ, разрѣшались вопросы благосостоянія крестьянъ, оно значительно и очень замѣтно поднялось. Эта загнанная, забитая и засѣченная, по выраженію современника, часть земледѣльцевъ Россіи, надъ которой до Киселева былъ господиномъ и бариномъ всякій человѣкъ въ мундирѣ и съ кокардой на головномъ уборѣ, замѣтно оправилась и поправилась. Это и выразилось очень отчетливо въ возрастаніи цифры поступавшихъ съ государственныхъ крестьянъ налоговъ и уменьшеніи ихъ недоимокъ, при чемъ самое количество сборовъ за все это время повышено не было.

За 19 лѣтъ передъ открытіемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ съ государственныхъ крестьянъ должно было поступить подати 424 милліона рублей ассигн., а поступило въ дѣйствительности 391 милліонъ, такъ что недоимка равнялась 33 милліонамъ. А въ 19 лѣтъ со времени учрежденія министерства и произведенныхъ Киселевымъ реформъ должно было поступить 523 милліона рублей, поступило же 506 милліоновъ, такъ что недоимка составила всего 17 милліоновъ рублей, т.-е. сократилась болѣе, чѣмъ наполовину. Какъ ни судить о реформѣ Киселева, такой результатъ все же говоритъ за успѣшность его дѣла и непререкаемо свидѣтельствуетъ о его полезности для государства и цѣлесообразности самихъ пріемовъ реформы.

Сторонникъ постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ, Киселевъ смотрѣлъ на свое дѣло, какъ на подготовительную ступень къ великому дѣлу освобожденія рабовъ. Государственные крестьяне, устроенные по его плану, казались ему тѣмъ резервуаромъ, куда должна была вобраться масса освобожденныхъ крѣпостныхъ. Самъ онъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы всячески расширять составъ группы государственныхъ крестьянъ путемъ включенія въ нее тѣхъ разрядовъ несвободнаго населенія Россіи, которые по условіямъ времени могли выйти изъ неволи. Въ 1841 г. по иниціативѣ П. Д. Киселева были

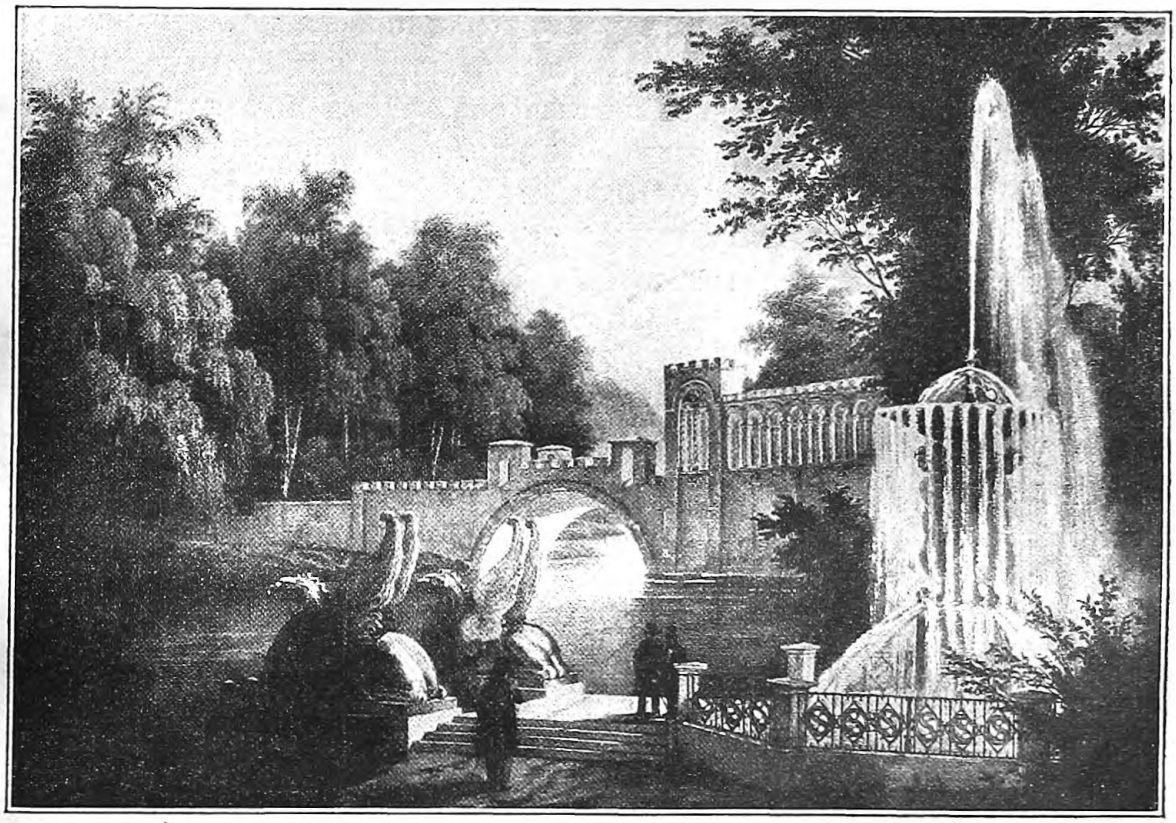
выкуплены и перечислены въ разрядъ государственныхъ крестьянъ крѣпостные однодворцы въ количествѣ 7.886 душъ. Сѣверные крестьяне половники были поселены въ количествѣ 2.715 душъ на казенныхъ земляхъ и сдѣлались тоже государственными крестьянами. Затѣмъ П. Д. Киселевъ просто организовалъ широкую покупку въ казну помѣщичьихъ имѣній, продававшихся за долги владѣльцевъ, и успѣлъ скупить 178 имѣній съ 54.349 душами крестьянъ. Такъ какъ удѣльные крестьяне разсматривались, какъ крѣпостные императорской фамиліи, то П. Д. Киселевъ настоялъ передъ императоромъ на прекращеніи часто практиковавшагося обмѣна казенныхъ имѣній на удѣльныя. Всѣми этими мѣрами П. Д. Киселевъ хотѣлъ провести и укрѣпить въ практикѣ государственной жизни взглядъ на государственныхъ крестьянъ, какъ на свободныхъ сельскихъ обывателей, живущихъ на казенной землѣ, а не крѣпостныхъ казны. При Киселевѣ въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, правда, подъ большимъ секретомъ, обсуждался даже вопросъ объ организаціи выкупа государственными крестьянами занятыхъ ими казенныхъ земель. Настойчиво проводя въ жизнь отдѣльными своими распоряженіями взглядъ на государственныхъ крестьянъ, какъ на свободныхъ сельскихъ обывателей, Киселевъ предполагалъ утвердить этотъ взглядъ въ жизни путемъ изданія особой жалованной грамоты государственнымъ крестьянамъ, которая опредѣлила бы права свободныхъ сельскихъ обывателей, въ родѣ того, какъ екатерининскія жалованныя грамоты 1785 г. опредѣляли права дворянъ и горожанъ. Такая грамота была имъ даже подготовлена, но слухъ объ этой мѣрѣ П. Д. Киселева переполошилъ крѣпостническое дворянство. Отовсюду посыпались протесты дворянъ и опасенія, что такая грамота произведетъ слишкомъ опасное впечатлѣніе на крѣпостныхъ, и изданіе грамоты не осуществилось. Это была крупная побѣда крѣпостниковъ надъ освободительными стремленіями графа П. Д. Киселева.

Около его дѣла вообще шла скрытая, но очень энергичная и упорная борьба. За Киселевымъ, за каждымъ его шагомъ въ дѣлѣ устройства быта государственныхъ крестьянъ дѣятельно слѣдили всѣ тѣ, кто въ существованіи крѣпостного права видѣлъ одинъ изъ устоевъ государства. Эти люди каждый шагъ Киселева встрѣчали яростными нападками. Особенно подвергались нападкамъ мѣры Киселева по распространенію народнаго образованія и его стремленія поднять благосостояніе и развить чувство законности среди государственныхъ крестьянъ. „Учить крестьянъ,—говорили враги Киселева,—это значитъ увеличивать число составителей фальшивыхъ паспортовъ и дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій“. Другіе говорили, что управленіе государственныхъ имуществъ несовмѣстно съ монархическимъ правленіемъ, потому что въ немъ есть республиканскія начала, а именно, общественное устройство и мірскіе суды! Противъ Киселева вопили помѣщики, утверждая, что новое управленіе казенными крестьянами стѣсняетъ ихъ собственное владѣніе крѣпостными и дѣлаетъ

ихъ положеніе по отношенію къ крѣпостнымъ невыносимымъ. Шутники утверждали, что Киселеву помѣщики готовятъ монументъ особаго рода: изъ дерева и пеньки. Когда появился отчетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, гдѣ цифры просто и непосредственно свидѣтельствовали о достигнутыхъ успѣхахъ новаго устройства государственныхъ крестьянъ, то появились злостные и клеветническіе навѣты, что цифры подтасованы, что Киселевъ, конечно, мастеръ своего дѣла, но „лучше сказать, мастеръ обдѣлывать свои дѣла“. Откупщики жаловались на Киселева, что онъ запрещеніемъ открывать кабаки въ селеніяхъ казенныхъ крестьянъ подрываетъ продажу вина, а, слѣдовательно, сокращаетъ государственные доходы. На засѣданіи Государственнаго Совѣта Киселеву былъ брошенъ упрекъ, что ростъ доходовъ отъ государственныхъ имуществъ несоразмѣренъ сравнительно съ тѣмъ, что стоитъ по новымъ штатамъ ихъ администрація. За этимъ упрекомъ крылось осужденіе всей системы графа Киселева. „Я принялъ государственныхъ крестьянъ не съ тѣмъ, чтобы выслужится внезапнымъ возвышеніемъ съ нихъ доходовъ,—отвѣтилъ на этотъ упрекъ П. Д. Киселевъ,—а съ тѣмъ, чтобы сначала исправить ихъ состояніе, и думаю, что такимъ образомъ болѣе усердствую моему отечеству, нежели тѣ, которые во всѣхъ своихъ начинаніяхъ имѣютъ всегда въ виду одну только личную свою пользу“... Другой разъ на подобный же упрекъ въ Государственномъ Совѣтѣ, когда ему сказали, что, соблюдая интересы государственныхъ крестьянъ, онъ не соблюдаетъ интересовъ казны и помѣщиковъ, Киселевъ горячо возразилъ: „Я знаю, что нынче общее мнѣніе всегда и вездѣ направлено въ пользу помѣщиковъ и частныхъ лицъ; но я давно уже обрекъ себя на жертву и не перестану защищать права казны и исполнять мою обязанность, какъ я ее разумѣю“.

Со стороны болѣе прогрессивной части общества Киселеву пришлось выслушивать упреки другого рода. Его обвиняли въ томъ, что онъ далъ слишкомъ широкую и неопредѣленную власть окружнымъ начальникамъ и подвергъ слишкомъ ужъ мелочной регламентаціи общественную сторону быта государственныхъ крестьянъ. Киселевъ соглашался въ допущенныхъ имъ ошибкахъ и очень думалъ объ устраненіи этихъ недостатковъ своего дѣла. Но эти недостатки лежали не въ основѣ его реформъ и даже не въ ея пріемахъ, а въ самомъ духѣ времени. Предпринятая и проведенная по обстоятельствамъ эпохи чисто бюрократическимъ путемъ реформа Киселева и не могла заключать въ себѣ элементовъ широкой общественной инициативы. Сдѣланная чиновниками, она естественно предоставила много власти чиновникамъ, а проведенная канцелярскимъ путемъ не могла не заключать въ деталяхъ всего устройства утомительной и подчасъ ненужной регламентаціи, душившей въ корнѣ проявленіе общественной инициативы самихъ крестьянъ въ ихъ волостномъ и сельскомъ самоуправленіи. Но обвинять въ этомъ надо не Киселева—это былъ естественный результатъ, обусловленный всѣмъ духомъ,

всею сущностью тогдашняго режима. Естественно сложившійся бюрократизмъ устройства управленія государственными крестьянами Киселевъ думалъ парализовать детальнѣйшей разработкой своихъ положеній и уставовъ, легшихъ въ основу новаго устройства быта государственныхъ крестьянъ. Учрежденіе объ управленіи государственными имуществами въ губерніяхъ вмѣстѣ съ сельскими, полицейскими и судебными уставами заключаетъ въ себѣ болѣе 4.000 статей! А всѣ законы о государственныхъ крестьянахъ составляютъ очень увѣсистый томъ, къ которому потомъ прибавилось море разныхъ разъясненій, толкованій, циркуляровъ и т. п. канцелярской стряпни. Но эта де-



Маропно (проектъ).

тальность разработки, если до извѣстной степени и парализовала примитивный грубый произволъ на манеръ прежняго капитанъ-исправничьяго, то, съ другой стороны, связывала инициативу самихъ чиновниковъ и создавала обширное поле для всякаго крючкотворства, когда буквой правила душили, хотя и не обозначенную въ правилѣ, но выдвигавшуюся жизнью живую потребность. Эти непригляднын стороны Киселевской реформы не замедлили сказаться въ первые годы существованія новаго управленія государственными крестьянами. Окружные начальники въ нѣкоторыхъ губерніяхъ частью оказались не на высотѣ предоставленной имъ власти и допустили въ своей дѣятельности то, что

въ практикѣ русской администраціи мягко называется злоупотребленіемъ,—а попросту въ новое дѣло внесли старые вкусы къ взяточничеству и произволу. Другіе переусердствовали въ своей исполнительности и, слѣпо слѣдуя казеннымъ циркулярамъ, по-казенному же, предписаніями, старались вводить такія новыя культуры, какъ культура картофеля, не пытаясь ни разъяснить крестьянамъ полезности новаго растенія, ни убѣдить ихъ на опытѣ въ его важномъ питательномъ свойствѣ. На протесты крестьянъ противъ бездушно навязываемаго имъ нововведенія такіе начальники отвѣтили приглашеніемъ военной силы съ ея неизбѣжными атрибутами—постоемъ, розгами подъ барабанный бой и даже залпами. Это были знаменитые картофельные бунты, которые могли бы и не быть при другомъ обращеніи съ крестьянами и причинившіе много горя самому Киселеву, сильно затруднившіе его дальнѣйшую дѣятельность, потому что крѣпостническая оппозиція дѣятельности Киселева не преминула воспользоваться этими бунтами, какъ иллюстраціей общей непригодности всего предпринятаго Киселевымъ дѣла и негодности его администраціи въ частности. Не на высотѣ оказалось окружное начальство государственныхъ крестьянъ въ голодовку 1839—40 годовъ. И тутъ враги того дѣла, которое проводилъ въ жизнь Киселевъ, закрывая глаза на то, что новое устройство еще только еле-еле осуществлялось, не замедлили приписать все исконное неустройство продовольственнаго дѣла въ Россіи не старинѣ, которую упразднилъ Киселевъ, а той новизнѣ, какую онъ вводилъ, и заговорили даже о томъ, что государственныхъ крестьянъ надо не освобождать въ стилѣ графа Киселева, а, напротивъ, изъ ихъ селеній создать своего рода феоды и лены, которые и раздать на особыхъ условіяхъ выдающимся дворянамъ,—тогда де будетъ кому заботиться о голодающихъ, и ссылались при этомъ, въ доказательство правильности своей мысли, на то, что помѣщичьи крестьяне всегда меньше страдаютъ отъ неурожаевъ, такъ какъ баринъ, конечно, всегда выручитъ и поддержитъ своихъ рабовъ по чувству самаго простого расчета, дорожа здоровымъ и сильнымъ работникомъ.

Итакъ, на дѣло Киселева было много нападокъ и справедливыхъ и несправедливыхъ, но само дѣло по существу своему было таково, что нападокъ несправедливыхъ было больше. Устройство быта государственныхъ крестьянъ по самому существу своему, независимо отъ несовершенства деталей, принадлежало къ тому типу прогрессивныхъ дѣлъ, которыя, разъ осуществившись въ жизни, коренному повороту назадъ не подлежатъ; ихъ можно, руководясь злостными или недобросовѣстными побужденіями, испортить, но погубить невозможно.

Въ этомъ смыслѣ проведенная Киселевымъ реформа быта государственныхъ крестьянъ является предтечей великаго дѣла 19 февраля 1861 г., а самъ онъ по справедливости можетъ быть названъ однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ освобожденія крестьянъ. Упраздненіе крѣпостного права за-

Голова мальчика.

(Картина *Венецианова*).

стало Киселева уже слишкомъ престарѣлымъ и отвлеченнымъ совсѣмъ въ другую сферу государственной дѣятельности—съ 1856 года онъ былъ посломъ въ Парижѣ и былъ занятъ труднымъ дѣломъ дипломатической ликвидаціи Севастопольской страды. Но изъ Парижа онъ съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за перипетіями великаго дѣла, просилъ точно сообщать ему обо всемъ, сочувственно откликался на всѣ вопросы, съ которыми обращались къ нему, какъ къ знатоку крестьянскаго вопроса, дѣятели реформы, и своей живой вѣрой въ успѣхъ и высшую справедливость „святого дѣла“, какъ онъ именовалъ освобожденіе крѣпостныхъ, онъ не мало поддерживалъ бодрость въ работникахъ по дѣлу освобожденія, когда имъ случалось падать духомъ. Письма П. Д. Киселева къ Н. А. Милютину, который, кстати сказать, приходился ему племянникомъ, дышатъ вѣрой въ святость дѣла освобожденія и, можно думать, что своимъ энтузіазмомъ въ дѣлѣ освобожденія крѣпостныхъ племянникъ былъ не мало обязанъ дядѣ. По мысли Киселева, великій князь Константинъ Николаевичъ призвалъ въ редакціонныя комиссіи лицъ, хорошо знакомыхъ съ крестьянскимъ вопросомъ на мѣстахъ, а вообще очень многіе изъ дѣятелей реформы прошли въ предшествовавшіе годы хорошую школу на службѣ въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, подъ руководствомъ П. Д. Киселева изучивъ крестьянскій вопросъ. И не даромъ одинъ изъ энергичнѣйшихъ дѣятелей реформы, человѣкъ неслужащій и независимый, Ю. Ѳ. Самаринъ сказалъ о П. Д. Киселевѣ: „Въ убѣжденіяхъ всей Россіи имя графа Киселева связано съ идеей, которой мы служимъ!“

С. Князьковъ.

сячъ десятинъ, а за все время до 60 гг. XIX вѣка—около 800 тысячъ десятинъ. Само собой разумѣется, что не этими мизерными прикупками можно было расширить площадь крестьянскаго землепользованія. Естественнымъ образомъ вниманіе Департамента Удѣловъ направилось на свободныя казенныя земли, изъ которыхъ въ то время казенные крестьяне надѣлялись по нормѣ въ 15 десятинъ на душу. Управляющіе удѣльными имѣніями не разъ представляли о необходимости уравнять удѣльныхъ крестьянъ въ правахъ на надѣлъ изъ казенныхъ земель, но являлся вопросъ, какъ законнымъ путемъ обосновать эти права на казенныя земли: вѣдь удѣльные крестьяне были выдѣлены изъ государственныхъ, поставлены въ положеніе крестьянъ частновладѣльческихъ. На этомъ основаніи и губернаторы отказывали надѣлять удѣльныхъ крестьянъ изъ казенныхъ земель, и Сенатъ отказалъ Удѣлу, ссылаясь при этомъ на точный смыслъ Учрежденія объ Императорской фамиліи, какъ на законъ. Но тутъ-то и пригодилось своеобразное толкованіе правъ верховной власти издавать законы и отмѣнять ихъ изданіемъ новыхъ, а также признаніе за ней правъ на всю государственную территорію. Поэтому сначала въ отдѣльномъ случаѣ, при межеваніи въ 1800—1801 гг. въ многоземельныхъ Саратовской, Симбирской и Оренбургской губерніяхъ, удѣльные крестьяне получили дополнительные надѣлы изъ казенныхъ земель, а потомъ въ 1808 году было утверждено и общее Положеніе Департамента Удѣловъ, по § 137 котораго удѣльные крестьяне уравнивались съ казенными въ правахъ по надѣленію землею. Въ этомъ § для доказательства правъ удѣльныхъ крестьянъ на казенныя земли приводится весьма любопытный, но весьма неосновательный мотивъ: удѣльные крестьяне платятъ тѣ же повинности, что и казенные, а потому и надѣлы должны получить наравнѣ съ ними. Но какъ бы то ни было основаніе было найдено, и расширеніе площади удѣльныхъ земель на счетъ казенныхъ пошло быстро. Такъ, въ Архангельской губ. изъ казенныхъ лѣсовъ было отведено удѣльнымъ крестьянамъ 1.200.000 десятинъ; такъ, во время генеральнаго межеванія (1824—1843 гг.) изъ казенныхъ земель получили надѣлы удѣльные крестьяне Вятской и Пермской губ.; въ 30 гг. по Высочайшему повелѣнію оренбургская казенная палата отвела для удѣльныхъ крестьянъ 100 тысячъ десятинъ въ Бузулукскомъ уѣздѣ. Въ общемъ при генеральномъ размежеваніи за 100 лѣтъ своего существованія (1797—1897 гг.) Департаментъ Удѣловъ успѣлъ охватить изъ казенныхъ земель 2.755.000 десятинъ. Въ 30-хъ же годахъ Департаментъ Удѣловъ затѣялъ обмѣнъ съ казной удѣльныхъ имѣній въ цѣляхъ сосредоточить ихъ въ одномъ районѣ, и при этомъ обмѣнѣ опять-таки очень удачно для удѣловъ въ казну были переданы малоземельныя имѣнья, а отъ казны были получены многоземельныя въ черноземныхъ мѣстахъ Симбирской губерніи, всего отъ этого „обмѣна“ Департаментъ Удѣловъ получилъ свыше милліона десятинъ.

Кружевница.

(Картина *Тропинина*).

Распредѣленіе земель между крестьянами. Земля отводилась удѣльнымъ вѣдомствомъ къ цѣлому селенію, а мѣстное начальство должно было смотрѣть, чтобы вся отведенная земля была разобрана и чтобы подросшіе работники брали себѣ новый участокъ, но мѣстное начальство не имѣло дѣла съ отдѣльными домохозяевами и не интересовалось, кто именно и сколько беретъ земли; разверстка ея между крестьянами была предоставлена имъ самимъ и въ правилахъ было предписано: „о пріемѣ земли лично по тягламъ никакого принужденія не чинить".

Этимъ крестьянскому міру предоставлена была большая самостоятельность, и онъ могъ самобытно складываться въ дѣлѣ распредѣленія земли и угодій. Извѣстны двѣ формы крестьянскаго землепользованія: одна изъ нихъ дѣйствовала въ центрѣ, другая — на окраинахъ. Въ центрѣ давно уже начало чувствоваться утѣсненіе въ землѣ: всѣ удобныя мѣста были уже разработаны, и увеличивавшееся населеніе должно было ютиться на вполнѣ ограниченномъ участкѣ; поэтому здѣсь еще въ XVI в. установилось общинное землевладѣніе съ передѣлами земель. Этотъ передѣлъ земли въ теченіе XVI, XVII и XVIII вв. производился по тягламъ, т.-е. по рабочей силѣ семьи, при чемъ въ тягло входило обыкновенно двѣ души. Пока государство собирало подати съ земли, такой порядокъ болѣе или менѣе обезпечивалъ равномѣрность податной тяготы, но въ XVIII в. вводится новая система сбора податей — подушная, при которой платежной единицей является уже не земля съ рабочей силой, вложенной въ нее, а ревизская душа. Фактически, конечно, не всякая такая душа являлась платежеспособной, и подати продолжали раскладываться попрежнему: міръ всю сумму повинностей, падающихъ на него по числу ревизскихъ душъ, дѣлилъ по тягламъ и по тягламъ же разверстывалъ землю. Но теперь эта система разверстки оказывалась далеко неудовлетворительной: та семья, гдѣ были взрослые работники, получая больше земли, имѣла возможность легче выплатить повинности, наоборотъ — семья, гдѣ большинство было малолѣтнихъ,

Ворота въ деревнѣ Студенихи, близъ Липецка (рис. Львова).

должна была съ небольшого участка и прокормить свои, пока не рабочіе элементы, и выплатить подати. На это-то несоотвѣтствіе между числомъ ревизскихъ душъ, записанныхъ въ семьѣ, и между источниками средствъ пропитанія и жаловались крестьяне въ дворцовую контору еще съ половины XVIII в. и просили разрѣшенія передѣлить землю не по тягламъ, а по числу ревизскихъ душъ. Дворцовая контора согласилась съ доводами крестьянъ и приказала произвести подушную разверстку земель. Въ теченіе XVIII в. такая разверстка среди крестьянъ центральныхъ мѣстностей дѣлается настолько обычной, что, когда въ 1812 г. Д. У. предписалъ всѣмъ удѣльнымъ крестьянамъ произвести уравнительный передѣлъ земель по душамъ происходившей тогда 6-й ревизіи, то это предписаніе встрѣтило подготовленную почву, и переверстка земли безо всякихъ осложненій быстро прошла въ центральныхъ губерніяхъ. Здѣсь Д. У. своимъ предписаніемъ лишь фиксировалъ то, что давно проявилось въ практикѣ крестьянскаго міра. Нѣсколько иную роль пришлось проводить Д. У. въ окраинныхъ губерніяхъ—поморскихъ (Архангельской и Вологодской) и восточныхъ (Пермской, Саратовской). Здѣсь среди крестьянъ дѣйствовало наслѣдственное землепользованіе: свои участки они передавали по завѣщанію, кому хотѣли, могли закладывать и продавать. Основаніемъ такого права на свободное распоряженіе участкомъ было сознаніе труда, затраченнаго на приведеніе участка въ годный для обработки видъ.

Поэтому, и при переписи населенія земля записывалась здѣсь не за цѣлымъ обществомъ, а за отдѣльными владѣльцами: „пашенныя и сѣнокосныя земли и угодья во владѣніи состоятъ по писцовымъ книгамъ и по крѣпостямъ“, какъ заявляли крестьяне. Такой порядокъ землепользованія создавалъ крайнюю неравномѣрность распредѣленія земли между отдѣльными домохозяевами, а кромѣ того, велъ къ тому, что отдѣльные участки ускользали изъ рукъ крестьянъ и переходили на правахъ собственности къ постороннимъ лицамъ: приказнымъ людямъ, горговымъ и церковнослужителямъ. Эти посторонніе элементы. такъ называемые, „деревенскіе владѣльцы“, какъ заноза въ организмѣ, болѣзненно нарушали тяглую жизнь крестьянскаго общества своей неисправностью въ уплатѣ податей и отказомъ участвовать въ отправленіи рекрутской, дорожной и другихъ натуральныхъ повинностей. Они отказывались подчиняться распоряженіямъ крестьянскаго міра, заявляя, что они „постороннихъ командъ люди“, и на этомъ же основаніи ихъ почти невозможно было поставить на судъ дворцоваго вѣдомства: „всегда отговариваются,—жалуются крестьяне,—и по тѣмъ землямъ подъ дворцовый судъ не идутъ“. Съ деревенскими владѣльцами крестьяне начали борьбу еще въ первой половинѣ XVIII в., и дворцовое вѣдомство дѣятельно поддерживало крестьянъ; такъ, еще въ 1745 г. было издано главной дворцовой канцеляріей постановленіе „отобрать и раздѣлить дворцовымъ крестьянамъ“ дворцовыя земли, состоящія за монастырями, попами, посадскими и другими посторонними вла-

дѣльцами, а въ дальнѣйшемъ дворцовая канцелярія ссылалась на постановленіе межевой инструкціи 1754 г., по которой всѣмъ указаннымъ лицамъ „недвижимыхъ имѣній за собой имѣть не велѣно“. Въ 1766 г. и самимъ дворцовымъ крестьянамъ было запрещено продавать и закладывать свои земли. Борьба съ посторонними владѣльцами была сравнительно не трудна, такъ какъ противъ нихъ стоялъ весь крестьянскій міръ; совсѣмъ другое дѣло, когда внутри самого этого міра завязалась борьба противъ неравномѣрности землевладѣнія—здѣсь она приняла ожесточенный характеръ.

Пряха (Венеціанова).

И здѣсь, въ сферѣ неуравнительнаго наслѣдственнаго землевладѣнія, броженіе среди крестьянъ вызвала, вѣроятно, подушная подать: она должна была порождать мысль, что разъ всякая душа облагается одинаковымъ сборомъ, то тѣмъ самымъ она должна имѣть и равныя средства для уплаты этого сбора. На сѣверѣ, послѣ введенія подушной подати, она раскладывалась „по обжамъ“ — земельная единица около 18 десятинъ въ трехъ поляхъ, — но вслѣдствіе отсутствія точнаго измѣренія фактически оказывалось, что платежные участки не одинаковы между собою и, кромѣ того, далеко не равномѣрны по качеству земли, такъ что „есть между крестьянами великое неуравненіе, — жаловались, напримѣръ, въ 1739 г. крестьяне вятскихъ дворцовыхъ волостей: — инымъ обида и отягощеніе, а другимъ облегченіе, а на обжу придетъ у одного крестьянина хлѣба и сѣна столько, а другого придетъ на таковую жъ обжу въ половину или въ четвертую часть“. Поэтому на первыхъ порахъ крестьяне просили только „пашенныя и другія земли размѣрить“, „чтобы между крестьяны въ платежахъ доходовъ было уравненіе“. Въ этой просьбѣ нѣтъ еще ни слова о передѣлѣ земель по душамъ, а только стремленіе къ передѣлу податей. Въ 1741 г. дворцовая канцелярія приказала исполнить просьбу крестьянъ объ измѣреніи земель и разложить подати, „смотря по пашнѣ и по угодьямъ“. Въ источникахъ не видно протеста среди крестьянъ противъ этой мѣры: ее считали, очевидно, справедливой, но она была первымъ шагомъ къ настоя-

щему передѣлу уже не только податей, но и земель. Заявленія о раздѣлѣ земель начались среди крестьянъ отдѣльныхъ мѣстностей въ 60-хъ годахъ XVIII в.: „состоящую въ деревняхъ по писцовой книгѣ пашенную и сѣнокосную землю раздѣлить по душамъ всѣмъ, кому что надлежитъ, безобидно", просили крестьяне. По справкамъ, наведеннымъ дворцовой канцеляріей, оказалось, что за передѣлъ земель стоитъ меньшинство въ крестьянскомъ обществѣ. Большинство энергично протестовало противъ подобной мѣры не только въ прошеніяхъ на имя дворцовой канцеляріи, но даже въ наказахъ депутатамъ въ Екатерининскую законодательную комиссію 1767 г.: одни отстаивали, слѣдовательно, право собственности на ту землю, въ которую былъ вложенъ трудъ, другіе — свое право на землю, какъ на средство приложенія труда, короче — началась борьба между правомъ труда и правомъ на трудъ. Дворцовая канцелярія предписала было произвести въ отдѣльныхъ волостяхъ передѣлы земель, но этимъ передѣламъ воспротивилась даже мѣстная администрація, напр., архангельскій губернаторъ считалъ полезнымъ для поддержанія энергіи работящихъ семей снабжать ихъ излишкомъ земли. Вслѣдствіе усиленной борьбы среди крестьянъ изъ-за передѣловъ и вслѣдствіе колебаній самой администраціи, передѣлы земель, какъ общая мѣра, задержались на сѣверѣ до конца XVIII в. Въ 1795 г. (во время производства 5-й ревизіи) вологодская казенная палата сдѣлала общее распоряженіе о передѣлѣ земель среди дворцовыхъ крестьянъ Вологодской губ., но изъ этого передѣла были исключены земли по купчимъ крѣпостямъ и расчищенныя въ недавнее время настоящими владѣльцами.

Но издавъ такое распоряженіе по Вологодской губ., администрація, очевидно, еще не рѣшила для себя вопроса, будетъ ли она поддерживать общинное землевладѣніе съ передѣлами или наслѣдственное неуравнительное.

Колебанія сказались въ томъ, что въ 1798 г. было издано постановленіе о пріостановкѣ передѣловъ, и въ 1799 г. — о ихъ продолженіи; дальше удѣльное вѣдомство рѣшило плыть по теченію крестьянскаго міра: въ 1800 и 1801 гг. оно поручило чиновникамъ приводить въ исполненіе состоявшіеся мірскіе приговоры о передѣлѣ земель, а тамъ, гдѣ приговоровъ еще не было, дожидаться ихъ. Только тогда, когда теченіе въ сторону передѣла земель среди крестьянъ окончательно выяснилось, Д. У. взялъ твердый курсъ и, какъ уже упоминалось, въ 1812 г. издалъ общее постановленіе о раздѣлѣ земель по душамъ шестой ревизіи.

Это общее постановленіе ускорило процессъ перехода къ уравнительному землепользованію, и тамъ, гдѣ онъ шелъ вяло, такъ, напр., послѣ постановленія 1812 г. приступили къ передѣламъ въ Архангельской губ., еще позже (въ 30-хъ годахъ) передѣлы совершались въ Пермской губ., въ 40-хъ годахъ— въ Уфимской и Оренбургской и въ 50-хъ годахъ на земляхъ, арендованныхъ крестьянами у башкиръ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ увеличенія населенія и

Ярмарка въ серединѣ XIX в.

(Изъ колл. *П. И. Щукина*).

сокращенія площади свободныхъ земель право на трудъ одержало среди крестьянскаго міра побѣду надъ правомъ труда А когда уравненіе земель въ предѣлахъ одного селенія стало обычнымъ для крестьянъ дѣломъ, идея справедливаго распредѣленія земельнаго капитала выросла больше, и вниманіе крестьянскаго міра отъ узкихъ границъ собственнаго поселка перешло на бо-

Крестьянская дѣвушка съ теленкомъ (Венеціанова).

лѣе широкіе горизонты земель цѣлой волости. Эти горизонты открывались тѣмъ легче, что удѣльные крестьяне принадлежали одному владѣльцу, и при межеваніи еще въ XVIII в. всѣ селенія одной волости были отграничены одной окружной полосой; не было, слѣдовательно, формальныхъ препятствій, въ видѣ правъ частной собственности разныхъ владѣльцевъ, къ тому, чтобы распространить передѣлъ земель на передѣлы цѣлой волости. Стремленіе къ такому „междуселенному“ передѣлу среди крестьянъ развивалось съ 80-хъ годовъ XVIII в., параллельно съ ростомъ потребности въ передѣлахъ внутри селенія.

И опять-таки этотъ процессъ распространялся отъ центра къ периферіямъ. послѣ 4-й ревизіи (1782 г.) такой передѣлъ совершился между 15 селеніями Коломенской волости, Московскаго уѣзда; въ 1811 г. такой передѣлъ имѣлъ мѣсто въ Смоленской губ., и въ то же время управляющіе смоленскимъ и московскимъ имѣніями просили, въ виду желанія крестьянъ, сдѣлать общее распоряженіе о передѣлѣ земель по волостямъ. Администрація дворцовыхъ крестьянъ еще въ XVIII в. при межеваніи указывала на желательность уравненія земель по волостямъ, но для того предлагала переселять крестьянъ изъ одного селенія въ другое, но эта мѣра, которая при осуществленіи ломала бы крестьянское хозяйство, не имѣла распространенія: самобытное развитіе крестьянскаго міра подсказало администраціи другой путь, и въ 1812 г. Д. У. пошелъ по нему, издавъ циркуляръ объ уравненіи земель между селеніями одного „приказа“, въ составъ котораго входило нѣсколько поселковъ съ населеніемъ не менѣе 3.000 душъ. Что распоряженіе Д. У. и на этотъ разъ лишь подводило итогъ тому, что совершалось въ крестьянскомъ мірѣ, доказываетъ быстрое распространеніе поравненія земель между селеніями, такъ что въ 1849 г. одинъ изъ управляющихъ удѣльнымъ имѣньемъ (архангельскимъ) свидѣтельствовалъ: „Элементъ уравненія и общаго владѣнія до такой степени развитъ въ народномъ характерѣ, что крестьяне желали бы даже поравнять между собою приказы“, т.-е. перешагнуть еще дальше той границы, которая была очерчена Д. У.

Самоуправленіе крестьянъ. „Міръ—великое дѣло“, говорили удѣльные крестьяне. Въ отношеніи передѣловъ земли крестьянскій міръ былъ предоставленъ самому себѣ, и отъ его свободнаго самоопредѣленія интересы крестьянъ, какъ видно, не пострадали. Но передѣлъ земель — только одна изъ сторонъ дѣятельности крестьянскаго міра; какъ же проявились остальныя стороны его дѣятельности—судъ и расправа надъ членами общества, назначеніе и сборъ повинностей, внѣшній распорядокъ жизни? Удѣльное вѣдомство какъ будто и здѣсь признавало самостоятельность крестьянскаго міра: „всякое участіе до внутренности тѣхъ сельскихъ дѣлъ экспедиціямъ удѣльнымъ (такъ назывались областныя удѣльныя управленія) наистрожайше воспрещается“. Ко „внутренностямъ“ было отнесено избраніе должностныхъ лицъ, раскладка и собираніе податей, отбываніе повинностей, а впослѣдствіи и судъ по гражданскимъ дѣламъ, т.-е. намѣченъ былъ кругъ дѣлъ, издавна привычныхъ крестьянскому міру. Но Д. У. съ самаго начала ввелъ непривычную единицу для крестьянскаго самоуправленія—приказъ. Приказъ долженъ былъ составиться изъ ряда селеній съ населеніемъ не свыше 3.000 человѣкъ, и намѣтить эти приказы было поручено чиновникамъ. При образованіи приказовъ привычныя для крестьянъ единицы—волости—были раздроблены, и къ участію въ самоуправленіи были призваны лица, которыя до сихъ поръ не имѣли общихъ дѣлъ. Такимъ образомъ „внутренности“ были вложены въ организмъ

не живой, а составленный искусственно по предписанію начальства. И голову къ этому организму начальство придѣлало собственную, сдѣлавъ выборныхъ властей отвѣтственными не передъ сходомъ, а передъ удѣльной экспедиціей. Самый составъ схода былъ введенъ тоже искусственный: вмѣсто участія на немъ всѣхъ тяглыхъ крестьянъ каждое селеніе должно было посылать отъ себя повѣренныхъ. Эта мѣра была придумана, правда, „въ облегченіе поселянъ“, но вмѣсто облегченія она вызвала полное отсутствіе интереса къ сходамъ, и выборъ повѣренныхъ сдѣлался новымъ видомъ наказанія, которое общество накладывало на провинившихся передъ міромъ. Въ результатѣ управленіе крестьянами было отдано цѣлой кучкѣ чиновниковъ, одни изъ которыхъ были назначены Департаментомъ, другіе были „выбраны“. А такъ какъ къ тому же требовалось всѣ дѣла въ приказѣ вести письменно, и писарей пришлось брать съ воли, то мало-по-малу приказныя выборныя власти, въ большинствѣ безграмотныя, оказались въ полной зависимости отъ писарей.

При такихъ условіяхъ было бы удивительно, если бы приказная администрація не злоупотребляла своей властью. Уже въ 1803 г., т.-е. лѣтъ черезъ 5 практики новыхъ учрежденій, министръ удѣловъ, по поводу безпорядковъ въ смоленскомъ имѣньи, писалъ во Всеподданнѣйшемъ докладѣ: „Безпорядки начались тому уже около двухъ лѣтъ, но до Департамента свѣдѣнія объ этомъ не доходили; жалобы были не допускаемы или крестьяне терпѣливо сносили притѣсненія“. Одинъ изъ крестьянъ пробовалъ, правда, и жаловаться, но, какъ онъ самъ указываетъ, „вмѣсто удовлетворенія претерпѣлъ только жестокіе побои и увѣчье и былъ закованъ, какъ преступникъ, въ желѣзы и содержался два мѣсяца въ тюрьмѣ“.

Для разслѣдованія злоупотребленій были посланы во всѣ имѣнія ревизоры, и они нашли, вмѣсто крестьянскаго самоуправленія, лишь самоуправство чиновниковъ, безъ помѣхи обиравшихъ населеніе. Одинъ изъ ревизоровъ былъ недалекъ отъ истины, когда указывалъ, что зло происходитъ отъ отсутствія среди крестьянъ интереса къ приказному самоуправленію. Но вмѣсто того, чтобы создать этотъ интересъ предоставленіемъ крестьянскому міру свободы въ организаціи управленія, его сдѣлали еще болѣе бюрократическимъ: сократили число лицъ, участвующихъ въ сходѣ, выборнаго голову сдѣлали безсрочнымъ, самые выборы—многостепенными и писаря стали назначать не по выбору крестьянъ, а черезъ удѣльную контору. Теперь безсрочный голова сталъ совсѣмъ не отвѣтственъ передъ міромъ и получилъ полную возможность творить, что пожелаетъ, и если раньше крестьяне жаловались на всѣхъ приказныхъ властей, то теперь жалобы стали попадаться, главнымъ образомъ, на голову: „употребляетъ крестьянъ для помѣщичьихъ работъ безденежно или за малую плату, отдаетъ общественную землю внаемъ для своихъ выгодъ, отдаетъ крестьянъ по пристрастію въ рекруты, изнуряетъ ихъ побоями, излишними поборами и взятками“. Д. У. боролся съ злоупотребленіями: когда

администрація проворовывалась, взыскивалъ растраты съ общества „въ наказаніе за неосторожность въ избраніи неблагонадежныхъ крестьянъ“, а виновнаго наказывалъ сдачей въ рекруты и ссылкой на поселеніе. Для характеристики тогдашняго бюрократическаго строя небезынтересно указать, что министръ удѣловъ часто испрашивалъ у государя позволенія наказать виновныхъ безъ суда и мотивировалъ свою просьбу тѣмъ, что „судъ, сопровождаемый своими формами, отдалитъ на долгое время заслуженное наказаніе, тогда какъ въ примѣръ прочимъ необходимо строгое и безотлагательное возмездіе“. Потомъ эта мѣра наказанія безъ суда была сдѣлана постоянной, но и она мало помогла, и Д. У. до самой крестьянской реформы продолжалъ бороться съ злоупотребленіями имъ же самимъ сочиненной администраціи. Количество злоупотребленій не уменьшалось: въ 1846 г. крупныя злоупотребленія были обнаружены въ шести конторахъ, въ 1850 г.—въ восьми, въ 1856 г.—тоже въ восьми, но это лишь случаи открытыхъ злоупотребленій, а сколько ихъ сносило неистощимое долготерпѣніе русскаго крестьянина!

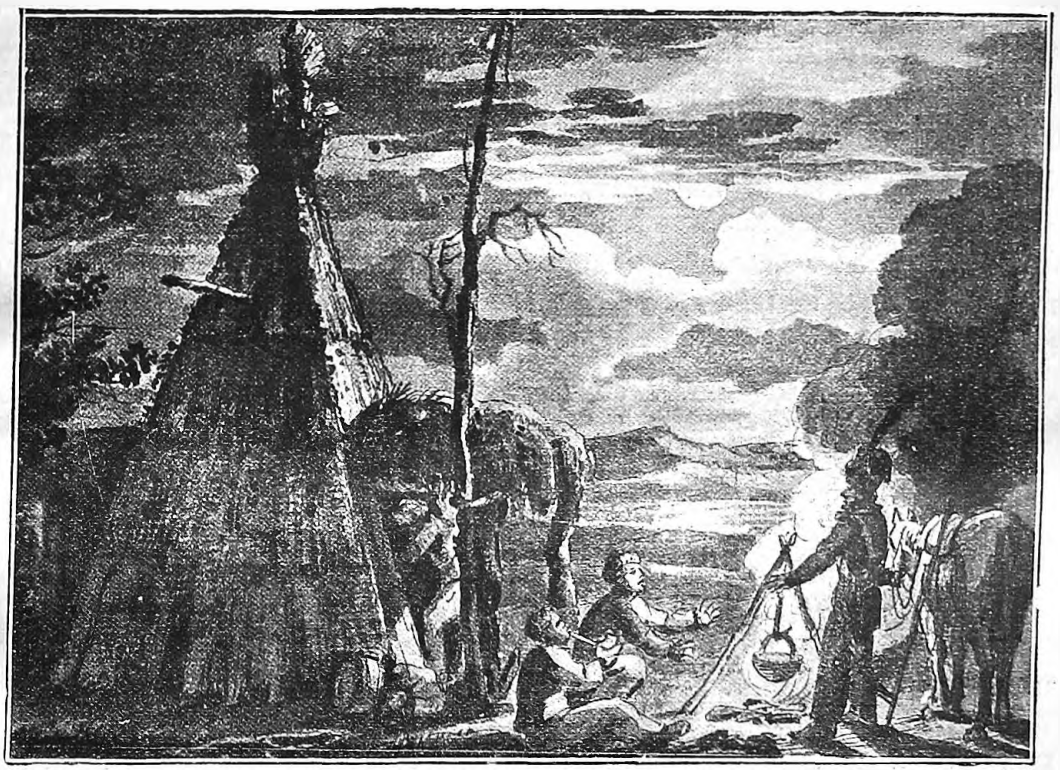
Впрочемъ, и онъ не всегда выдерживалъ: въ 20 годахъ въ Вятской и Смоленской губ. изъ-за злоупотребленій администраціи происходили крестьянскіе „безпорядки“.

Такимъ образомъ крестьянское самоуправленіе по всѣмъ дѣламъ, кромѣ передѣла земель, совершенно засорялось систематическимъ вмѣшательствомъ въ него бюрократическаго элемента. Такая опека начальства была въ духѣ времени. Еще въ XVIII в. дворянство тужило, что дворцовые крестьяне остаются безъ благодѣтельнаго помѣщичьяго присмотра, и предлагало поэтому отдать ихъ въ аренду дворянамъ. Теперь вотъ и стали создавать попечителей надъ крестьянами, только въ этой роли оказался не дворянинъ-помѣщикъ, а дворянинъ-чиновникъ. Правительство было твердо убѣждено, что „крестьяне не понимаютъ собственной пользы и не въ состояніи оцѣнить мѣръ, клонящихся къ ихъ благосостоянію; посему-то и нужна рука попечительная, которая бы вела ихъ къ предназначенной цѣли съ вѣрнымъ пониманіемъ мѣстныхъ способовъ и потребностей“.

Мѣропріятія для улучшенія крестьянскаго хозяйства. Одинъ изъ способовъ къ улучшенію крестьянскаго хозяйства—заведеніе образцовыхъ показательныхъ усадебъ—оказался довольно нелегкимъ. Первый опытъ былъ предпринятъ еще въ 1802 г.; тогда въ Смоленской губ. было учреждено „образцовое“ хозяйство съ большими затѣями и съ большими штатами, но забыли снабдить это хозяйство лошадьми, почему оно и не пошло, и министръ удѣловъ съ горечью долженъ былъ сознаться, что оно „дѣлаетъ крестьянамъ большое отъ этого заведенія отвращеніе“. Послѣ этой неудачи заботы начальства прекратились до 30-хъ годовъ, когда въ эпоху Николая вновь особенно увѣровали въ силу и благодѣтельность начальственнаго промысла. Цѣлью вновь учреждаемыхъ образцовыхъ усадебъ было показать, что „при наукѣ, умѣніи и трудо-

любіи пески и болота обращаются въ пашни и луга". Образцовыя хозяйства должны были вести воспитанники вновь открытаго въ 1833 г. земледѣльческаго училища.

Окончившимъ воспитанникамъ отводили землю, строили всѣ необходимыя зданія и водворяли ихъ на хозяйство съ Евангеліемъ, учебниками, сѣменами, съ необходимыми средствами для покупки скота, а еще больше снабжали ихъ всевозможными предписаніями, при чемъ было опредѣлено даже, какую они должны себѣ пищу готовить и изъ чего квасъ дѣлать. Хозяинъ образцовой усадьбы не имѣлъ права самовольно отлучиться съ нея, а каждый разъ,



„На степи курень, гдѣ перемена почтовыхъ лошадей" (рис. Львова).

въ случаѣ надобности, долженъ былъ просить отпускъ у надлежащаго начальства, въ томъ числѣ и у министра, если отпускъ нуженъ былъ больше недѣли. Если бы такой воспитанникъ захотѣлъ жениться, мѣстное начальство должно было само отыскать ему невѣсту и сообщить министру подробныя свѣдѣнія о ея поведеніи и усердіи къ хозяйству. Предусмотрительность начальства шла и дальше: въ 1846 г. въ Алатырѣ по типу закрытыхъ учебныхъ заведеній была учреждена школа для деревенскихъ дѣвицъ, и одной изъ цѣлей ей было поставлено готовить невѣстъ для хозяевъ образцовыхъ усадебъ.

Этимъ усадьбамъ хотѣли придать роль какого-то сельско-хозяйственнаго ордена: хозяевъ заставляли жить по четыре вмѣстѣ, и имъ внушалось, что

„надлежитъ больше заботиться не о частной жизни и собственномъ имуществѣ каждаго воспитанника, а о хорошей обработкѣ общаго ихъ усадебнаго участка".

За введеніе усадебъ принялись горячо, и въ 1851 г. ихъ насчитывалось до 250. Управляющіе съ мѣста, въ тонъ высшему начальству, давали блестящіе отзывы о дѣятельности усадебъ и о ихъ культурномъ значеніи, но оказалось, что воспитанники жили, главнымъ образомъ, ремеслами, которымъ ихъ обучили въ училищѣ, а образцовыя усадьбы если и процвѣтали по мѣстамъ, то благодаря лишь тому, что управляющіе сгоняли крестьянъ и заставляли безплатно работать въ усадьбахъ. Въ 50-хъ годахъ, когда у начальства прошелъ первый пылъ сельско-хозяйственныхъ увлеченій, тѣ же управляющіе стали доносить, что „ни одинъ крестьянинъ не перенялъ что-либо изъ тѣхъ пріемовъ, которые бывшіе воспитанники должны были примѣнять въ своемъ хозяйствѣ". Послѣ подобныхъ отзывовъ послали изъ центра на мѣста ревизоровъ, и они донесли о плачевномъ состояніи образцовыхъ усадебъ, при чемъ одинъ изъ нихъ далъ такое заключеніе: „По моему убѣжденію, образцовыя усадьбы въ такомъ видѣ, какъ онѣ находятся нынѣ, должны быть вездѣ упразднены, безполезность ихъ доказана 14-лѣтнимъ опытомъ".

Кромѣ этихъ мѣръ, для улучшенія крестьянскаго хозяйства начальство предприняло мѣры для улучшенія крестьянскаго скотоводства, для улучшенія сѣмянъ, мѣры по введенію травосѣянія и древонасажденія, мѣры о распространеніи улучшенныхъ орудій — во всѣхъ этихъ областяхъ было затрачено много энергіи, было израсходовано свыше милліона рублей крестьянскихъ денегъ, кромѣ массы работы натурой, а пользы было развѣ лишь нѣкоторое улучшеніе сѣмянъ ржи да введеніе культуры картофеля, при чемъ послѣднее вызвало въ Вятской и Владимирской губ. такъ называемые картофельные бунты.

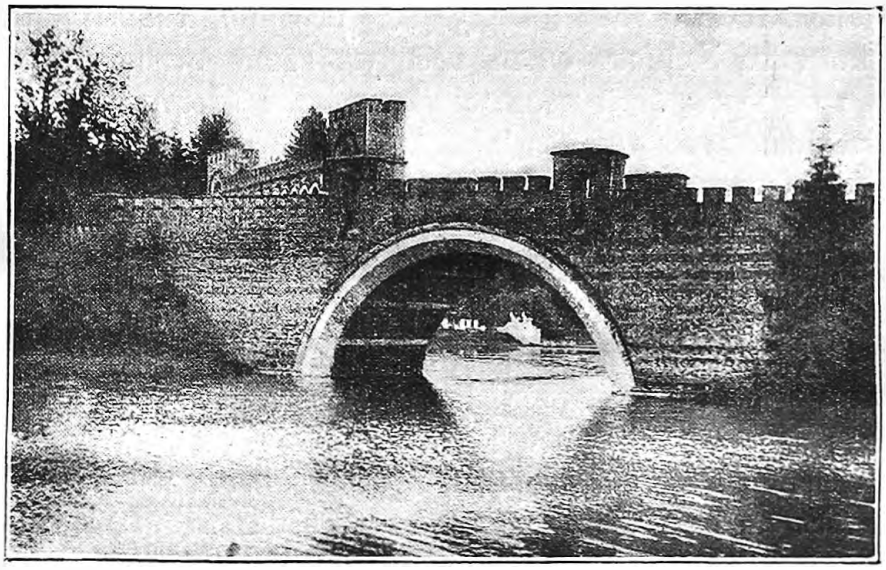
Каинова печать бюрократическаго творчества лежитъ на всѣхъ мѣропріятіяхъ Департамента Удѣловъ для улучшенія крестьянскаго „сельско-хозяйственнаго промысла".

Медицинская помощь и обученіе грамотѣ. Не погибли среди удѣльныхъ крестьянъ другія мѣропріятія Департамента Удѣловъ—не такія затѣйливыя и менѣе регламентированныя: мѣры по обезпеченію медицинской помощи и обученію грамотѣ. Систематическія мѣропріятія по этимъ двумъ отраслямъ относятся къ концу 20-хъ годовъ. Въ области охраненія здоровья удѣльныхъ крестьянъ на первыхъ порахъ занялись подготовкой оспопрививателей изъ крестьянскихъ мальчиковъ, а послѣ холеры 30-хъ годовъ появляются при удѣльныхъ конторахъ и врачи. При конторахъ же были заведены аптеки, а въ отдѣльныхъ пунктахъ, гдѣ удѣльныя имѣнія были особенно сосредоточены, появились и удѣльныя больницы. На обязанности врачей лежала

подготовка фельдшеровъ и повивальныхъ бабокъ, общее число низшаго медицинскаго персонала къ 60-мъ годамъ было около 300.

Училища было предположено завести въ каждомъ приказѣ, а для подготовки учителей были открыты два главныхъ въ Москвѣ и въ Царскомъ Селѣ, при чемъ учениковъ для главныхъ училищъ должны были набрать управляющіе и передъ отправкой снабдить ихъ свидѣтельствомъ, что мальчикъ „не тупого понятія“.

На содержаніе учителей и учениковъ при училищахъ крестьяне должны были производить особые сборы. Обучали въ школахъ лишь грамотѣ да начаткамъ вѣры и счета, и обучали не важно, какъ о томъ свидѣтельствовалъ въ 1858 г. предсѣдатель Департамента Удѣловъ послѣ объѣзда имѣній; осо-



Марѣино. Гранитный мостъ (въ теперешнемъ его видѣ).

бенно плохи были школы, гдѣ учителями были священники. Но какъ бы то ни было, число школъ къ 60-мъ годамъ замѣтно выросло: въ 1863 г. казенныхъ школъ было 376 съ 11.394 учащимися. Что среди крестьянъ была извѣстная потребность грамоты, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что, кромѣ казенныхъ школъ, разными случайными грамотеями содержались частныя: въ 1863 г. ихъ было 1.885 съ 26.000 учащихся.

Въ крупныхъ помѣщичьихъ вотчинахъ (напр., Шереметева, Голицына) такія учрежденія, какъ больницы и школы, содержались на счетъ самого помѣщика; не то въ удѣльныхъ имѣніяхъ: здѣсь расходы на всѣ мѣропріятія крайне изобрѣтательнаго начальства покрывались изъ крестьянскихъ средствъ, изъ такъ называемыхъ крестьянскихъ капиталовъ. Они образовались въ удѣльныхъ имѣніяхъ изъ сборовъ и платежей сверхъ оброковъ и податей, отъ продажи излишковъ продовольственнаго хлѣба, изъ штрафныхъ денегъ

съ крестьянъ и изъ денегъ, вырученныхъ при продажѣ рекрутъ. Такихъ капиталовъ ко времени реформы у удѣльныхъ крестьянъ числилось свыше $2^1/_2$ милліоновъ руб., ими-то и распоряжалось удѣльное вѣдомство при своихъ заботахъ о „благѣ“ крестьянъ, и потому, быть-можетъ, оно было такъ дѣятельно въ проявленіи этихъ заботъ.

Личныя и имущественныя права крестьянъ. Если, такимъ образомъ, вся жизнь крестьянина была поставлена подъ опеку начальства, то, само собой разумѣется, очень немного оставалось на долю его личныхъ и имущественныхъ правъ.

Прежде всего онъ былъ лишенъ права свободно передвигаться: по Учрежденію объ Императорской фамиліи 1797 г., крестьянамъ безъ разрѣшенія начальства было запрещено отлучаться съ мѣста жительства даже „на самомалѣйшее время“. Фактически, конечно, нельзя было выполнить этого предписанія, но оно задавало тонъ цѣлому ряду ограничительныхъ распоряженій. Такъ, Департаментъ Удѣловъ очень несочувственно относился къ отхожимъ промысламъ крестьянъ: „сей промыселъ, отвлекая крестьянъ отъ домашняго хозяйства, не приноситъ имъ существенныхъ выгодъ, и они, какъ извѣстно, возвращаются въ свои дома съ разными заразительными болѣзнями и безъ денегъ“. Поэтому, напр., было запрещено отпускать въ бурлаки крестьянъ-одиночекъ, съ уходомъ которыхъ на землѣ не оставалось работника. Съ благой цѣлью — оградить крестьянъ отъ эксплуатаціи предпринимателей — было предписано при наймѣ на работы заключать съ хозяиномъ письменный договоръ и представлять его на утвержденіе Департамента Удѣловъ, но эта мѣра лишь создавала для крестьянъ лишнее затрудненіе въ отысканіи работы. Кромѣ того, Департаментъ Удѣловъ, оберегая нравственность крестьянъ, разрѣшалъ имъ наниматься не на всякія должности; такъ нельзя было занимать мѣсто сидѣльца въ питейныхъ домахъ, и даже на паспортахъ крестьянъ дѣлались надписи объ этомъ. Изъ отхожихъ занятій крестьянъ покровительствомъ начальства пользовалась лишь торговля, для чего въ живыхъ торговыхъ центрахъ держались особые агенты, чтобы оберегать удѣльныхъ крестьянъ отъ притѣсненій общей администраціи. Но начальство сердилось, когда торговые крестьяне просили позволенія записаться въ купечество или мѣщанство, поэтому для выхода изъ крестьянъ былъ назначенъ большой выкупъ: 5.000 р. съ души при выходѣ въ купцы и 2.000 руб. въ мѣщане.

Стѣсняло крестьянскую торговлю и то, что требовалось разрѣшеніе начальства при займѣ денегъ; безъ этого разрѣшенія заемные документы крестьянъ не принимались къ свидѣтельствованію. Не мало боролось удѣльное вѣдомство съ крестьянскими переселеніями, которыя шли изъ малоземельныхъ центральныхъ губерній въ привольныя мѣста на окраинахъ: крестьянъ наказывали штрафами, заключеніемъ и даже выселеніями обратно, такъ были выселены 1.000 самовольныхъ поселенцевъ изъ Вятской губ., но самъ же Департаментъ Удѣловъ признавался, что, „несмотря на всѣ таковыя мѣры,

Шохинъ. Брачная вечеринка нач. XIX в. (Изъ коллекцій П. И. Щукина).

съ крестьянъ и изъ денегъ, вырученныхъ при продажѣ рекрутъ. Такихъ капиталовъ ко времени реформы у удѣльныхъ крестьянъ числилось свыше $2^1/_2$ милліоновъ руб., ими-то и распоряжалось удѣльное вѣдомство при своихъ заботахъ о „благѣ“ крестьянъ, и потому, быть-можетъ, оно было такъ дѣятельно въ проявленіи этихъ заботъ.

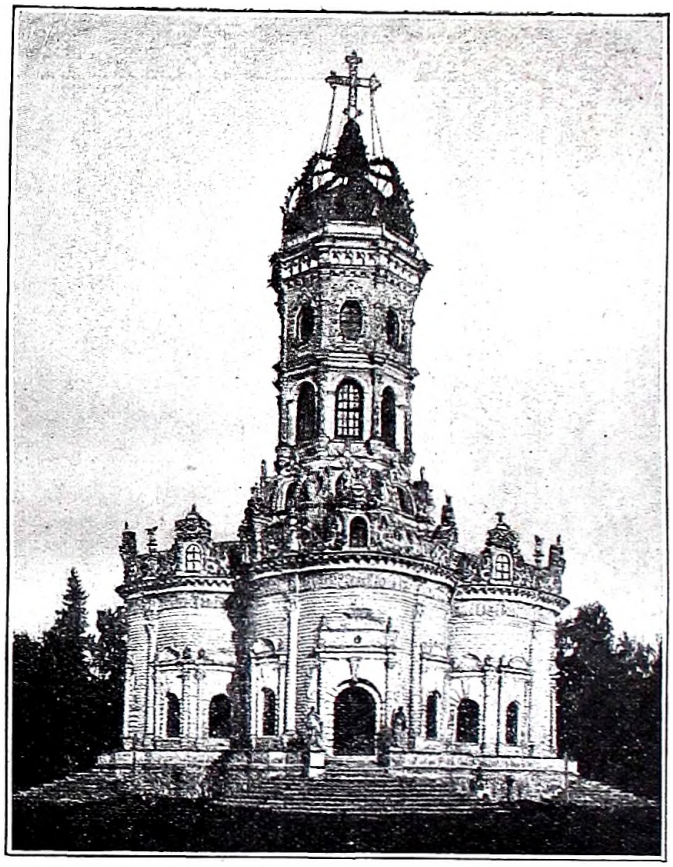
Личныя и имущественныя права крестьянъ. Если, такимъ образомъ, вся жизнь крестьянина была поставлена подъ опеку начальства, то, само собой разумѣется, очень немного оставалось на долю его личныхъ и имущественныхъ правъ.

Прежде всего онъ былъ лишенъ права свободно передвигаться: по Учрежденію объ Императорской фамиліи 1797 г., крестьянамъ безъ разрѣшенія начальства было запрещено отлучаться съ мѣста жительства даже „на самомалѣйшее время“. Фактически, конечно, нельзя было выполнить этого предписанія, но оно задавало тонъ цѣлому ряду ограничительныхъ распоряженій. Такъ, Департаментъ Удѣловъ очень несочувственно относился къ отхожимъ промысламъ крестьянъ: „сей промыселъ, отвлекая крестьянъ отъ домашняго хозяйства, не приноситъ имъ существенныхъ выгодъ, и они, какъ извѣстно, возвращаются въ свои дома съ разными заразительными болѣзнями и безъ денегъ“. Поэтому, напр., было запрещено отпускать въ бурлаки крестьянъ-одиночекъ, съ уходомъ которыхъ на землѣ не оставалось работника. Съ благой цѣлью — оградить крестьянъ отъ эксплуатаціи предпринимателей— было предписано при наймѣ на работы заключать съ хозяиномъ письменный договоръ и представлять его на утвержденіе Департамента Удѣловъ, но эта мѣра лишь создавала для крестьянъ лишнее затрудненіе въ отысканіи работы. Кромѣ того, Департаментъ Удѣловъ, оберегая нравственность крестьянъ, разрѣшалъ имъ наниматься не на всякія должности; такъ нельзя было занимать мѣсто сидѣльца въ питейныхъ домахъ, и даже на паспортахъ крестьянъ дѣлались надписи объ этомъ. Изъ отхожихъ занятій крестьянъ покровительствомъ начальства пользовалась лишь торговля, для чего въ живыхъ торговыхъ центрахъ держались особые агенты, чтобы оберегать удѣльныхъ крестьянъ отъ притѣсненій общей администраціи. Но начальство сердилось, когда торговые крестьяне просили позволенія записаться въ купечество или мѣщанство, поэтому для выхода изъ крестьянъ былъ назначенъ большой выкупъ: 5.000 р. съ души при выходѣ въ купцы и 2.000 руб. въ мѣщане.

Стѣсняло крестьянскую торговлю и то, что требовалось разрѣшеніе начальства при займѣ денегъ; безъ этого разрѣшенія заемные документы крестьянъ не принимались къ свидѣтельствованію. Не мало боролось удѣльное вѣдомство съ крестьянскими переселеніями, которыя шли изъ малоземельныхъ центральныхъ губерній въ привольныя мѣста на окраинахъ: крестьянъ наказывали штрафами, заключеніемъ и даже выселеніями обратно, такъ были выселены 1.000 самовольныхъ поселенцевъ изъ Вятской губ., но самъ же Департаментъ Удѣловъ признавался, что, „несмотря на всѣ таковыя мѣры,

Шохинъ. Брачная вечеринка нач. XIX в. (Изъ коллекціи П. И. Щукина).

самовольныя переселенія нерѣдко встрѣчаются". Съ такимъ же успѣхомъ боролось начальство и съ семейными раздѣлами. Наконецъ личныя права крестьянъ были стѣснены ограниченіями при выдачѣ замужъ женщинъ. Приказному начальству было поручено слѣдить за поведеніемъ крестьянъ и наказывать виновныхъ: „за неисполненіе правилъ вѣры, за буйство, пьянство, ябедничество, мотовство, лѣность, неповиновеніе старшинамъ и старшимъ наказывать виновныхъ, съ утвержденія управляющаго, публично на мірскомъ сходѣ розгами или отдачей въ смирительный домъ; при первой подобной винѣ годный отдается въ рекруты, а негодный ссылается на поселеніе".

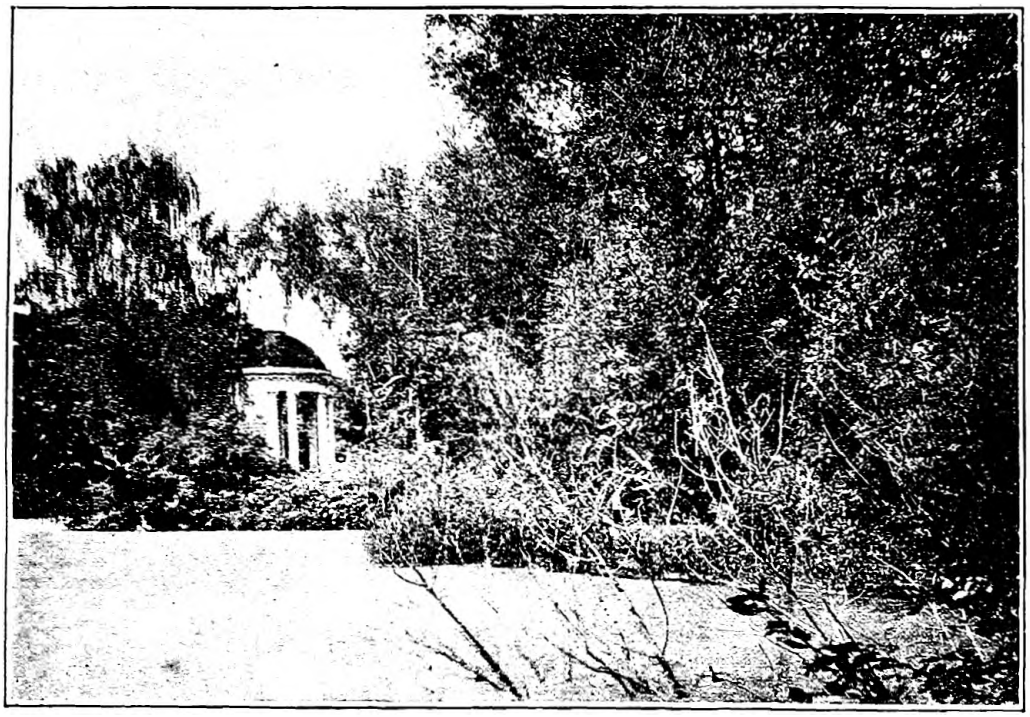


Церковь въ Дубровицахъ Под. у., Моск. губ. (имѣн. кн. Голицына).

Имущественныя права удѣльныхъ крестьянъ были тоже ограничены. Движимымъ имуществомъ они пользовались подъ контролемъ начальства, а недвижимое могли пріобрѣтать лишь на имя Департамента Удѣловъ. Ко времени освобожденія у удѣльныхъ крестьянъ числилось свыше 75.000 десятинъ такой купленной земли. Хотя эта земля считалась собственностью крестьянъ, но ее нельзя было продать въ постороннія руки, а только своимъ же удѣльнымъ крестьянамъ. Если среди нихъ покупателей не находилось, земля пріобрѣталась Департаментомъ Во всѣхъ этихъ ограниченіяхъ крестьянскихъ правъ у Департамента Удѣловъ сказалась точка зрѣнія на удѣльныхъ крестьянъ, какъ на помѣщичьихъ: „удѣльныя имѣнья,—доказывалъ Департаментъ въ 1826 году,—находятся въ томъ же отношеніи къ Императорской фамиліи, какъ помѣщичьи — къ помѣщикамъ". Сами крестьяне, наоборотъ, продолжали считать себя казенными, и управляющіе не разъ горько жаловались на „закоренѣлое въ крестьянахъ упрямство и мысль, что они собою и своей собственностью располагать могутъ, какъ хотятъ". Въ отношеніи суда крестьяне были подчинены судамъ удѣльной администраціи, а въ дѣлахъ съ посторонними, хотя ихъ дѣло и разбиралось въ общихъ судахъ, крестьяне не могли выступать лично, а лишь черезъ удѣльнаго стряпчаго

По этому поводу министръ удѣловъ предписывалъ „внушить поселянамъ, что они не имѣютъ никакой нужды ходить сами по судамъ и терять на сіе время, нужное для работъ и хозяйства, но во всякомъ случаѣ, гдѣ только что коснуться до суда можетъ, будутъ сохраняемы и защищаемы начальствомъ“.

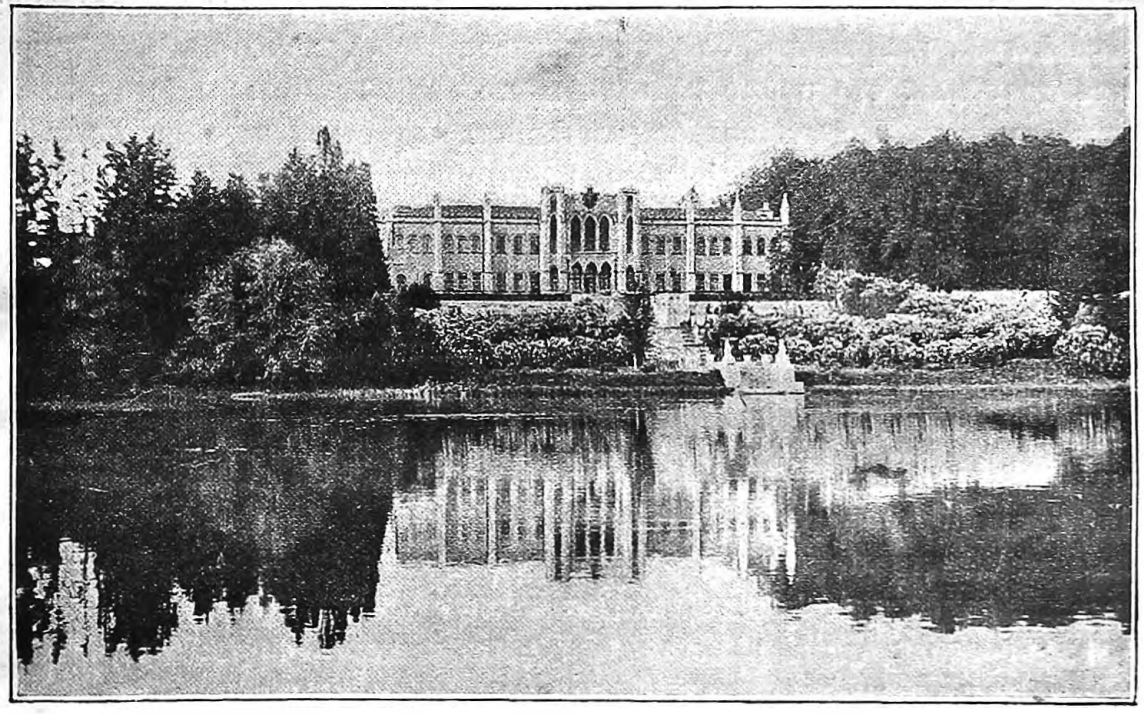
Повинности удѣльныхъ крестьянъ. Тотъ же министръ удѣловъ, которому принадлежатъ только что приведенныя трогательныя слова, графъ Гурьевъ, въ слѣдующемъ (1809) году торжественно констатировалъ, что удѣльные кре-



Ротонда въ Быковѣ. Имѣніе, бывш. Воронцова-Дашкова, теперь Ильинской. (Близъ Москвы).

стьяне вполнѣ изолированы „отъ вліянія на нихъ посторонняго начальства“. Но—увы!—такая дѣятельность оказывалась совсѣмъ не безкорыстной: за заботы начальства министръ считалъ справедливымъ требовать отъ крестьянъ увеличенія оброковъ. Онъ писалъ: „имъ ничего не остается, кромѣ какъ обратить себя къ промысламъ и хозяйству; слѣдственно, самая справедливость требуетъ, чтобы они вновь часть своихъ избытковъ удѣляли въ доходъ Удѣловъ“. До учрежденія Удѣловъ съ крестьянъ собиралась подушная подать въ 1 руб. и оброкъ 3 руб. съ души. Рубль 80 гг. XVIII вѣка приблизительно равнялся двумъ нашимъ, и крестьяне тогда платили, слѣдовательно, на наши деньги всего 8 руб. съ души. Но затѣмъ курсъ рубля началъ падать, и крестьяне стали поэтому платить меньше. Вотъ въ 1810 году и былъ введенъ новый размѣръ оброка отъ 5 руб. 50 коп. до 8 руб. съ души, кромѣ подуш-

ныхъ. Такъ какъ министръ хотѣлъ дѣйствовать по справедливости, то онъ и управляющимъ предписалъ склонять крестьянъ къ добровольному согласію на увеличеніе оброка; крестьяне „склонялись“, но въ Вятской, напримѣръ, губ. заподозрѣли, что управляющій затѣялъ повышеніе оброка въ своихъ интересахъ, и пришлось прибѣгнуть къ убѣжденію ихъ военной силой. Въ результатѣ увеличеніе оброковъ прошло вездѣ и увеличило доходы Удѣловъ въ общемъ на 33%. Затѣмъ къ 30-мъ гг. прошло еще нѣсколько увеличеній, такъ что крестьяне стали платить, кромѣ подушныхъ, которыя также были увеличены, отъ 6 до 9 р. 50 к. съ души. Въ 30-хъ гг. подушный сборъ былъ



Марѣино, им. Паниныхъ. Видъ на дворецъ съ озера.

замѣненъ поземельнымъ. Новую систему сбора хотѣли построить такъ, чтобы платежи соотвѣтствовали доходности крестьянскаго хозяйства, но такъ какъ при этомъ рѣшили не понижать существующихъ повинностей, то фактически оказалось, что она имѣла цѣлью лишь повысить платежи въ многоземельныхъ губерніяхъ. Для этого назначался нормальный участокъ, излишки сверхъ него отрѣзывались и сдавались крестьянамъ за особую плату. Было принято, что нормальный участокъ на двѣ души долженъ былъ давать 75 р. дохода, изъ котораго $^2/_5$, т.-е. 30 руб., шли бы въ пользу Удѣла. Величина участка опредѣлялась подсчетомъ, какой средній урожай ржи давала десятина и почемъ она здѣсь продавалась. При опредѣленіи нормальнаго участка надѣлы удѣльныхъ крестьянъ въ многоземельныхъ губерніяхъ потеряли значительныя

сокращенія: на 28% въ Саратовской, на 30%—въ Пермской и на 31%—въ Оренбургской. По саратовскому имѣнію изъ 125.000 десятинъ отрѣзки въ запасные участки достигли 65.000 десятинъ, а въ подгородныхъ имѣніяхъ, гдѣ доходность усадьбы и огородовъ была оцѣнена страшно высоко, чуть не весь надѣлъ подвергнулся отрѣзкѣ, напримѣръ, въ подмосковной деревнѣ Нагаткинѣ: изъ 120 десятинъ „излишней" оказалось 113 десятинъ, въ другой деревнѣ—Новинкахъ—изъ 111 десятинъ—87 десят. Фактически, конечно, отрѣзки зачастую даже и не производились, такъ какъ крестьяне за недостаткомъ земли все равно брали за себя и ту часть своего надѣла, которая по измышленію попечительнаго начальства оказалась излишней. Но количество податей, падающихъ на душу, дѣйствительно увеличилось въ значительной степени; въ Пермской губ., напримѣръ, онѣ стали вдвое выше, и одинъ изъ управляющихъ доносилъ, что новые платежи настолько значительны, что малѣйшій неурожай можетъ вызвать полное разстройство крестьянскаго хозяйства. Само собой разумѣется, что введеніе поземельнаго сбора сопровождалось крестьянскими безпорядками (въ вятскомъ и саратовскомъ имѣніяхъ), усмирявшимися военной силой, но это не помѣшало Государственному Совѣту въ 1831 году заявить, что „положенная подать по количеству и качеству земли основана на совершенной справедливости". Въ дальнѣйшемъ эта чиновная „справедливость" оказалась совсѣмъ въ неудобномъ положеніи. Дѣло въ томъ, что съ приращеніемъ числа душъ участки становились все меньше, и поземельный сборъ долженъ былъ бы уменьшаться. Чтобы избѣжать его пониженія, нужно было произвести новую оцѣнку земли, и такъ произвести, чтобы крестьянину и съ меньшаго участка приходилось бы платить столько же, сколько и раньше. А такъ какъ въ основу исчисленія доходности была положена средняя цѣна ржи, то при каждой такой переоцѣнкѣ она все дальше и дальше уходила отъ дѣйствительности и, наконецъ, достигла такой нелѣпой величины, что даже управляющіе смущались. Одинъ изъ нихъ для отдѣльнаго имѣнья подсчиталъ, что если бы руководствоваться дѣйствительной цѣной ржи, то крестьянамъ слѣдовало бы платить всего 15.000 руб., а не 23.000 руб., какъ они платили. Поэтому управляющіе вновь предлагали бросить всѣ эти исчисленія доходности и просто вернуться къ повышенному подушному обложенію. Тогда министръ удѣловъ въ защиту „справедливой" системы высказалъ любопытную экономическую теорію, что степень доходности хозяйства прямо пропорціональна степени нужды: онъ указывалъ, что благодаря введенію поземельнаго сбора нужда заставила крестьянъ заняться ремеслами и, такимъ образомъ, повысила доходность ихъ хозяйства.

На этомъ основаніи въ 1859 году при новой переоцѣнкѣ предполагалось значительное повышеніе платежей, рубля на четыре съ лишнимъ съ души, такъ что даже самъ Департаментъ Удѣловъ рѣшилъ вводить новые оклады не сразу, а постепенно, но въ это время подоспѣла крестьянская реформа, и

новое проявленіе начальственной справедливости сдѣлалось несвоевременнымъ.

Передъ реформой удѣльные крестьяне платили поземельнаго сбора отъ 10 руб. 80 коп. асс. до 17 руб. 57 коп. асс. съ души, но, кромѣ этихъ сборовъ въ пользу Удѣла, съ нихъ собирались еще повинности казенныя, земскія и мірскія. Казенная подушная подать была одинакова съ каждой души— 3 р. 30 к. асс., земскіе сборы въ концѣ 30-хъ гг. въ разныхъ губерніяхъ колебались отъ 75 коп. асс. до 3 руб. асс. съ души, мірскіе сборы въ среднемъ составляли около 4 руб. асс. съ души. Въ общемъ можно сказать, что въ 50-хъ гг. удѣльный крестьянинъ выплачивалъ около 20 руб. асс. съ души разныхъ денежныхъ повинностей. Кромѣ денежныхъ повинностей, удѣльные крестьяне, наравнѣ съ другими, отправляли еще натуральныя: рекрутскую, дорожную, подводную, постойную, а съ конца 20-хъ гг. къ нимъ прибавилась еще тяжелая повинность по обработкѣ „общественной запашки“, хлѣбъ съ которой долженъ былъ итти на продовольствія крестьянъ въ случаѣ неурожая. Раньше продовольственный запасъ съ крестьянъ собирали зерномъ, но эти сборы сильно запускались въ неурожайные годы, такъ что хлѣбная наличность въ магазинахъ никогда не гарантировала возможности прокормить крестьянъ при новомъ неурожаѣ. Въ 1827 году поэтому и была учреждена общественная запашка, для чего крестьянской пахотной земли въ каждомъ клину отрѣзалось отъ $^1/_{32}$ до $^1/_{16}$ части десятины на душу, и такой участокъ крестьяне должны были обработать натурой. Въ среднемъ во всѣхъ имѣньяхъ площадь общественной запашки колебалась около 100.000 десятинъ. Такъ какъ въ первые годы урожаи съ нея не превышали крестьянскіе, то Департаментъ Удѣловъ постарался заинтересовать въ лучшей обработкѣ мѣстное начальство, для чего были опредѣлены нормы урожая, и излишекъ сверхъ нормы распредѣлялся между цѣлымъ рядомъ чиновниковъ, обязанныхъ вести дѣла по общественнымъ запашкамъ. Понятно, что всѣ эти лица стали стараться вовсю: высшій урожай по нормѣ 1834 года былъ опредѣленъ для озимаго хлѣба самъ-пять, ярового—самъ-$4^1/_2$, а его довели до самъ-8—9. Такой урожай раза въ два, а иной разъ въ 3—4 раза превышалъ урожай крестьянскихъ полей, а достигался онъ очень просто: крестьянъ заставляли усиленно удобрять своимъ навозомъ общественную запашку и усиленно сгоняли для работы на ней. При этихъ условіяхъ вознагражденія отдѣльныхъ чиновниковъ достигали солидной суммы: въ 1834 году управляющій саратовской конторой получилъ свыше 3.000 руб. серебр., а управляющій костромской конторой въ 1836 году получилъ свыше пяти тысячъ, а въ 1837 году— около 7 тысячъ руб. серебр. Такимъ образомъ общественная запашка сразу потеряла свой характеръ вспомогательнаго для крестьянъ учрежденія и превратилась въ лишній источникъ доходовъ для мѣстнаго и центральнаго начальства; съ нея отчислялось 10% даже въ доходъ Удѣловъ.

Съ 1829 года по 1861 годъ отъ продажи хлѣба съ общественной запашки было выручено 14 милліоновъ руб. серебр., и изъ нихъ свыше 6 милліоновъ пошло на вознагражденіе по надзору за запашкой, 5 милліоновъ въ уплату повинностей за крестьянъ, около $1^1/_2$ милліона въ доходъ Удѣловъ, остальное было истрачено на указанныя выше „мѣропріятія“ къ поднятію сельскаго хозяйства, которыя, къ слову сказать, ложились на крестьянъ новой натуральной повинностью, и всего 100.000 руб. пошло на образованіе капитала для выдачи пособій крестьянамъ. Несмотря на громадные доходы съ общественной запашки, ничего не отчислялось въ продовольственный капиталъ, а хлѣбная наличность была по нормѣ утверждена всего въ $1^1/_2$ четверти на душу. При такихъ условіяхъ, въ случаѣ повторныхъ неурожаевъ, удѣльнымъ крестьянамъ не приходилось особенно сытно питаться, но на этотъ счетъ были приняты особыя мѣры: въ 1822 году одинъ могилевскій аптекарь „изобрѣлъ“ способъ приготовленія хлѣба изъ мха и муки; изъ 60 фунтовъ муки и 27 фунтовъ мха получалось 160 фунтовъ хлѣба, такъ по Высочайшему повелѣнію объ этомъ изобрѣтеніи приказано было объявить всѣмъ удѣльнымъ крестьянамъ.

Работа на общественной запашкѣ ложилась огромной тяжестью на крестьянъ; въ Самарской, напр., губ. эта повинность при переводѣ ея на деньги составила бы 3—5 руб. на работника, поэтому со стороны крестьянъ рѣзко проявлялось недовольство запашками: были волненія, отказы отъ работъ и многочисленныя ходатайства объ ея отмѣнѣ. Въ концѣ 50-хъ годовъ само удѣльное вѣдомство признало запашки обременительными и несогласными съ новыми вѣяніями, почему въ 1861 г. ихъ и отмѣнили. За отсутствіемъ надежныхъ данныхъ нельзя дать характеристики экономическаго положенія удѣльныхъ крестьянъ передъ реформой, но можно думать, что усовершенствованная система сбора повинностей, злоупотребленія администраціи и тяжелое бремя всякихъ „мѣропріятій“—не мало разстраивали крестьянское хозяйство. Можно только сказать, что положеніе удѣльныхъ крестьянъ было все же лучше положенія помѣщичьихъ крѣпостныхъ: было больше земли, меньше повинностей, не было барщины и дворовыхъ людей, наконецъ, личныя и имущественныя права, хотя въ ограниченномъ видѣ, но все же признавались за удѣльнымъ крестьяниномъ. Поэтому въ удѣльныхъ имѣніяхъ не видно и такихъ затяжныхъ крестьянскихъ безпорядковъ, какіе происходили въ помѣщичьихъ: всѣ волненія удѣльныхъ крестьянъ до реформы носили мѣстный характеръ и вспыхивали по отдѣльнымъ поводамъ—либо при перемѣнѣ податного обложенія, либо отъ черезчуръ неумѣренныхъ злоупотребленій администраціи.

В. Боголюбовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

	Стр
Помѣщичьи крестьяне въ Великороссіи XVIII в. В. И. Пичета.	1
Крестьянскія волненія до XIX в. Н. Н. Ѳирсовъ.	25
Законодательство о крестьянахъ при императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I. И. М. Катаевъ	70
Военныя поселенія. А. С. Лыкошинъ.	86
Противники крѣпостного права въ началѣ XIX в. В. И. Пичета.	107
Крѣпостники въ первой четверти XIX в. М. В. Довнаръ-Запольскій	124
Масонство и крѣпостное право. Н. П. Сидоровъ	157
Декабристы и крестьянскій вопросъ. В. И. Семевскій	176
Секретные комитеты при Николаѣ I. В. П. Алексѣевъ	194
Графъ П. Д. Киселевъ и реформа государственныхъ крестьянъ. С. А. Князьковъ .	209
Удѣльные крестьяне. В. А. Боголюбовъ	234

РИСУНКИ, ПОМѢЩЕННЫЕ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ ВО II ТОМѢ.

Продажа крѣпостныхъ на Нижегородской ярмаркѣ. Картина акад. К. В. Лебедева.
Домъ въ Маринѣ (имѣніе гр. Паниной).
Марино (имѣніе гр. Паниной).
Судъ Пугачева. Картина Перова.
Александръ I. (Съ портрета Сентъ-Обена).
Военныя поселенія. (Изъ колл. П. И. Щукина).
Военная дисциплина александровской эпохи.
Чугуевскія военныя поселенія. (Изъ колл. П. И. Щукина).
Фельдъегерь. } Картины Орловскаго.
Щеголь въ дрожкахъ. }
Болѣзнь Фидельки. } Картины Ѳедотова.
Смерть Фидельки. }
Никольское, усадьба Н. А. Львова. (Рис. Воробьева).
Привозъ крѣпостными запасовъ изъ деревни. Картина Зайцева.
Сценка изъ помѣщичьяго быта. (Изъ альбома Hampeln'a).
Пряха. Картина Тропинина.
Дѣвушка съ васильками. Картина Венеціанова.
Голова мальчика. Картина Венеціанова.
Кружевница. Картина Тропинина.
Ярмарка въ серединѣ XIX в. (Изъ колл. П. И. Щукина).
Брачная вечеринка нач. XIX в. (Изъ колл. П. И. Щукина).